Юн Ха Ли

СТРАТАГЕМА ВОРОНА

«Содержит межзвездные битвы, политику, интриги и таинственные технологии... Читатели насладятся этой блестяще придуманной историей».

Publishers Weekly

fanzon

Стратагема ворона
Юн Ха Ли

Аннотация
Юн Ха Ли. Стратагема ворона
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Благодарности

Аннотация

Шуос Джедао освободился. Давно умерший генерал, сохраненный с помощью экзотических технологий в качестве оружия, захватил тело одаренного молодого капитана Кел Черис.

Теперь флот генерала Кел Кируев, мчащийся к Отсеченной марке, чтобы остановить вторжение враждебной цивилизации, попал под власть Джедао. Только подполковник Кел Брезан способен стряхнуть с себя влияние гения и психопата Джедао.

Генерал-изменник, похоже, намерен защищать Гекзархат, но может ли Кируев – или Брезан – доверять ему? И как доверять своему командованию, если собственные правители с легкостью уничтожат весь флот, чтобы убить одного человека?

Юн Ха Ли
Стратагема ворона

Yoon Ha Lee
Raven Stratagem
Machineries of Empire. Book 2

© Н. Осояну, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Генерал Кел Кируев, под командованием которой служил подполковник Кел Брезан, только что получила задание разобраться с вторжением Хафн. Брезан предчувствовал наступление хаоса, но недооценил масштаб. Генералу Кируев пришлось поднять свой рой по тревоге после того, как восемнадцать дней назад Хафн убили генерала Кела Чренку. По опыту Брезана, убийства никогда не делали ситуацию менее хаотичной.

Брезан был одним из офицеров в штабе Кируев. Это был лучший пост, на который Брезан когда-либо надеялся, учитывая двусмысленные отметки в личном деле. Рой Кируев был огромен, в соответствии с угрозой, которую ожидало командование Кела. Брезана впечатлило, что они так быстро собрали столько людей. Кируев получила в свое распоряжение один из шести пепломотов гекзархата, самый большой и мощный военный корабль, и назначила его командным мотом: «Иерархия пиршеств». Также рой включал сто девятнадцать знамемотов и сорок восемь разведмотов. Командование Кел сообщило им, что Хафн

выдвинулись на Отсеченную марку — район космоса, где, по воспоминаниям Брезана, всегда было тихо, и потому он оказался куда хуже готов к вторжению, чем кому бы то ни было хотелось. И вот теперь они здесь, ждут непонятно чего в точке перехода, потому что безгранично мудрое Командование Кел решило добавить одного капитана с секретными приказами, и это показалось им достаточно важным, чтобы задержать рой генерала Кируев.

Брезан провел последние семьдесят три минуты, изучая личное дело проклятого курьера и с трудом сдерживаясь, чтобы не пнуть терминал. Ему было все равно, насколько эта женщина хороша в календарной войне. Если в ближайшие двенадцать минут от ее транспорта не будет вестей, он собирался рекомендовать генералу отправиться в путь, а Командование Кел пусть пойдет и повесится. Хафн уже превратили населенные пункты на восьми планетах в кристаллизованные руины. Вступить с ними в бой как можно скорее — вот главный приоритет.

Капитан Кел Черис. Ранние записи в её досье свидетельствовали, что она компетентна по меркам пехотных офицеров, если не считать одной странности: её способностей к математике.

Нирай, фракция, в которой состояло большинство ученых и инженеров гекзархата, пыталась завербовать ее на этом основании. Однако она всей душой стремилась вступить в ряды Кел — Брезан кое-что в этом смыслил, — и, как гласил один анекдот, Кел никогда не отказывали добровольцам.

Что ещё интереснее, Черис была из народности мвеннин, меньшинства, про которое никто даже не слышал. Конечно, в межзвездном государстве, содержащем бесчисленные системы, удивляться такому не стоило, но мвеннин вообще вели себя тихо и избегали службы во фракциях. Брезан не сомневался, что их существование терпят только потому, что их численность ничтожна даже в той единственной системе, где они обосновались, и ещё потому, что при наличии еретиков и чужаков, которые вполне могли оказаться еретиками, у гекзархата и так хватало хлопот. И все же, учитывая происхождение, Черис добилась немалых успехов.

Брезан не смог сдержать горечи, когда подумал об этом. Он происходил из благородной семьи Кел, его старшая сестра служит не где-нибудь, а в штабе генерала Инессер, но ему самому далеко не продвинуться, и он об этом знал. Некоторые

солдаты пренебрежительно отзывались о том, что он — женоформа, когда думали, что Брезан не слышит. Но его коллеги-офицеры вели себя вежливо, и прочее его не заботило. Уж скорее продвижению по службе препятствовали заметки в личном деле по поводу импульсивности и нестандартного мышления.

Черис тоже не смогла остаться в стороне от неприятностей, несмотря на то, что ее послужной список до некоторого момента выглядел хорошо. Она недавно участвовала в осаде Крепости Рассыпанных Игл, захваченной еретиками в сговоре с Хафн. Брезан подозревал, что в записях упущено что-то важное, но большинство соответствующих сегментов были засекречены. Даже прямые запросы генерала Кируев остались без ответа.

И более того, Командование Кел отправило в Крепость Рассыпанных Игл немертвого генерала Шуос Джедао. Никто не отрицал тактического гения Джедао, но он также был сумасшедшим и однажды погубил две армии у крепости Адское Веретено, одна из них была его собственной. Рой Кел, посланный разобраться с еретиками в Крепости Рассыпанных Игл, был уничтожен, вероятно, самим Джедао. Предположительно, теперь он умер по-настоящему, но кто знает, насколько это

правда. В конце концов, последние несколько веков Командование Кел таинственным образом его оживляло в крайних случаях.

Черис впуталась в эту катастрофу, и так себя проявила, что Командование Кел сочло её чрезвычайно полезной для генерала Кируев. Но никто не удосужился сообщить, в каком смысле. Брезан предпочел бы, чтобы они прислали партию запасных ботинок. Пусть в космосе и не помаршируешь, обувь все равно полезнее.

Брезан оглядел командный центр пепломота: терминалы слабо светятся, офицеры изнывают от нетерпения, сервиторы — жукоформы и дельтаформы — занимаются техническим обслуживанием. Генерал Кируев была темнокожей женщиной с броской седой прядью в волосах и уродующими одну сторону лица бледными шрамами, от которых она не удосужилась избавиться. В отличие от остальных, она выглядела невозмутимой. А вот коммандер мота, Кел Джанайя, все время бросала взгляды на терминал, хотя внутренние часы её аугмента должны были быть синхронизированы с сетью корабля.

Еще семь минут. Разве они не должны были уже получить весточку от транспорта? Брезан удержался от того, чтобы послать запрос дежурному

по связи — его бы за такое не поблагодарили.

Впрочем, всё как всегда. Ни для кого не секрет, что Командование Кел, будучи коллективным разумом, часто принимало сомнительные решения. Несколько столетий злоупотребления композитной технологией — и вот вам результат. Брезан демонстрировал средние успехи как часть композита — это была одна из причин, по которой он рассчитывал на скучный кабинетный пост где-нибудь на планете, а не на борту пепломота, — но он признавал, что чувство абсолютной уверенности, принадлежности к чему-то громадному, было захватывающим. Ну, по крайней мере, хуже уже не будет.

Но оказалось, что в этом смысле подполковник просчитался.

— Сэр, игломот запрашивает разрешение на посадку, — доложили генералу. — В транспортном средстве находится капитан Кел Черис.

Да кто такая этот капитан, что ей выделили игломот? Брезан никогда не видел этот тип кораблей собственными глазами, хотя в шпионских сериалах они появлялись регулярно. Дежурный по сканированию вывел картинку на центральный дисплей. Если верить масштабу, в игломоте могли поместиться полтора человека.

— Ещё не поздно, — проговорила Кируев с невозмутимостью, которой Брезан, к сожалению, не обладал. — Подполковник Брезан, займитесь приготовлениями.

— Сэр, — ответил Брезан. Он загрузил инструкции в сеть мота, чтобы их передали капитану. Как того требовал статус курьера, ей выделили одну из лучших гостевых комнат, а не поселили в казармах пехоты.

И в этот момент они получили сообщение о том, что рой Хафн замечен на пути к Крепости Вертящихся Монет. Подобно Крепости Рассыпанных Игл, она была одной из узловых крепостей гекзархата, чьей целью было поддержание календарной стабильности во всем пространстве, что ему принадлежало. Если все не будут придерживаться высокого календаря и связанных с ним систем поведения, экзотические технологии гекзархата — в особенности мот-двигатели, позволяющие быстро перемещаться между звездными системами, — перестанут функционировать. Узловые крепости были спроектированы так, чтобы усиливать эффект календарных обрядов.

Хафн, не будучи глупцами, сосредоточили усилия на крепостях. Но проблема была не в этом. Проблема заключалась в том, что Хафн проде-

монстрировали: их собственные экзотические технологии функционировали в пространстве гекзархата, где господствовал высокий календарь. Они каким-то образом делали то, что считалось невозможным. Тем не менее у генерала был приказ защищать узловые крепости любой ценой. Кто знает, что устроят Хафн, если значимые календарные точки перейдут под их контроль?

— Разведмот-19 говорит, сканирование зафиксировало «призраков», — объяснял дежурный по связи, и в этот самый момент кто-то вошел в командный центр.

Брезан вздрогнул, главным образом потому, что внимательно изучил личное дело Черис. Хотя он ожидал, что она явится в командный центр, новоприбывшая двигалась как-то не так. Медицинские записи и кинестетические данные говорили о том, что у Черис должен быть стандартный язык тела, который внедряли всем пехотинцам в Академии Кел. Но эта женщина двигалась с непринужденной ловкостью убийцы. Брезан открыл рот, чтобы рявкнуть на неё, но суровый выговор застрял у него в горле.

Капитан Кел Черис была невысокого роста, с бледно-желтой кожей, овальным лицом и черны-

ми волосами, подстриженными по уставу. Это его не удивило. Это хотя бы соответствовало досье.

Помимо резких отличий в языке тела, он заметил её униформу. Черный с золотом, цвета Кел, как и почти у всех присутствующих в командном центре — только вот её эмблемой должен был быть капитанский коготь. Но вместо него Брезан увидел генеральские крылья. А под крыльями — глаз, знак фракции Шуос. Не говоря уже о перчатках, черных, как положено Кел, но без пальцев.

Брезан замер. Он знал, что означают знаки различия и перчатки без пальцев. Иногда членов фракции Шуос, чьей специализацией были информационные операции, откомандировывали на службу под командованием Кел. Они носили глаз девятихвостого лиса, демонстрируя свою изначальную фракционную принадлежность. Но вот уже четыре столетия генералы Шуос не служили среди Кел.

По крайней мере, живые генералы.

Генерал Кируев поднялась со своего места.

— В высшей степени дурацкая шутка, птенец, — сказала она своим мягким голосом. Тем не менее люди вздрогнули от обращения «птенец»: так Кел называли только кадетов, во всяком случае,

публично. — Исправьте знак отличия и снимите перчатки. Немедленно.

При жизни генерал Шуос Джедао был одним из лучших офицеров Кел. Затем случилась катастрофа у Адского Веретена. Брезан считал доказательством психоза Командования Кел тот факт, что они отреагировали на полное безумие Джедао следующим образом: засунули его в машину бессмертия, восстановили разум, а затем добавили его в Арсенал Кел на том основании, что Джедао страшнее всей фракции, вместе взятой — так почему бы этим не воспользоваться?

Перчатки, которые Джедао носил при жизни, вышли из моды в гекзархате добрых четыреста лет назад, и не без причины.

— Да ладно вам, — сказала Черис, растягивая слова.

Ужасное подозрение закралось в душу Брезана. Конечно, гекзархат был домом для ошеломляющего количества низких языков в дополнение к высокому языку, но Брезан взял за правило узнавать происхождение людей, даже когда это происхождение было столь же безнадежно неясным, как в случае народности мвеннин. Он послушал образцы мвеннинских поэтических песнопений — хотя не любил поэзию даже на

одном из своих родных языков, — и она звучала как быстрый поток шипящих звуков. Возможно, у мвеннин было несколько языков, но Брезан сомневался, что хоть один из них звучал как родной протяжный говор Джедао, который он помнил по архивным видео, просмотренным в Академии.

— Доктрина, — сказала Кируев, — выведите ее из командного центра и заприте. Я разберусь с ней позже. Если Командование Кел намеренно подсунуло нам головоломку, пусть подождут, пока обстановка не сделается менее суматошной.

Офицер по доктрине встал.

Черис на него даже не посмотрела.

— Генерал Кируев, — сказала она, — мне кажется, вы служите в вашем теперешнем звании уже пятнадцать лет.

Подозрения Брезана усилились.

Мускулы на челюсти Кируев напряглись.

— Совершенно верно.

— Меня зовут Шуос Джедао. Я занимаю должность генерала триста лет с небольшим.

— Это невозможно, — сказала Кируев через секунду.

«Прекратите его слушать», — мысленно взмолился Брезан.

— О, не искушайте меня отпустить келскую

шутку, — сказал Джедао — или Черис, или кем там был этот проклятый чужак, — выбор-то богатый. Почему бы вам не устроить мне испытание? — Углы рта Черис приподнялись. Брезан видел такую же улыбку на изображениях совершенно другого лица, которым было четыреста лет.

Одна из проблем Брезана заключалась в том, что, несмотря на свою компетентность, по стандартам фракции Кел он был маргиналом. Брезан обладал слабым формационным инстинктом. Процесс внедрения этого инстинкта не был полностью предсказуемым, и время от времени кадеты вылетали из Академии Кел, потому что не могли принимать участие в формациях. На протяжении всей учебы Брезан ждал, что его вот-вот исключат. Формационный инстинкт — эмоциональная потребность в поддержании иерархии — делал дисциплину Кел возможной и позволял использовать формации, чтобы направлять календарные эффекты в бою, от силовых щитов до кинетических копий. Кел без формационного инстинкта — это попросту никакой не Кел.

Но в кои-то веки его изъян превратился в благо. Он потянулся к табельному оружию.

Враг оказался проворнее. Брезан осознал не всё: раздался звук выстрела. Края поля зрения затуманились. По руке от запястья до плеча прошла внезапная ударная волна. Пуля звонко ударилась о затвор пистолета Брезана и отрикошетила; сам пистолет вылетел из его руки. Все в командном центре пригнулись.

Рука Брезана тряслась, не переставая.

— Вот дерьмо, — с чувством произнес Брезан. В ушах у него звенело. — Я запомнил профиль капитана Черис, и она даже близко не наделена такой меткостью.

— Склонность к перегибам — что-то вроде моего личного изъяна, — сказал Джедао, нисколько не скромничая.

Все Кел в командном центре наблюдали за ними. Генерал Кируев наблюдала за ними. В её глазах виднелась ужасная тоска.

Брезан был Кел в четвертом поколении. Он знал, как выглядят Кел, когда формационный инстинкт бьет их по шее. Надо было держать рот на замке…

— Генерал Джедао, — сказала Кируев, — каковы ваши приказы, сэр?

Оставался открытым вопрос, кто был худшим хозяином: Шуос Джедао, архипредатель и массо-

вый убийца, или Командование Кел. Но Брезан знал, куда указывает стрелка на компасе его служебного долга. Он выронил бесполезный пистолет и потянулся за боевым ножом.

Он оказался не одинок. Офицер по доктрине был из фракции Рахал, но он действовал ещё медленнее Брезана. Вскоре каждый Кел в командном центре держал на прицеле одного из них. С этими людьми Брезан служил годами. Теперь он угрожал их новому командиру. Единственная причина, по которой его и офицера по доктрине не изрешетили выстрелами, заключалась в том, что с подобной ситуацией никто никогда не сталкивался.

До чего ужасная смерть. Ну, по крайней мере, рядом нет его невыносимой сестры Миузан, всегда готовой поиздеваться над братом. Брезан выронил нож.

— Стойте, — сказал Джедао, прежде чем кто-то успел передумать и выстрелить. Взгляд у него был задумчивый.

Брезан знал это выражение лица: «Что же ты такое?» Так выглядели люди, которые пытались по его коротко остриженным волосам понять, мужчина он или всё-таки женщина, предпочитающая мужской стиль. Обычно Брезан стискивал

зубы. Но в этой ситуации он ощутил мелочную радость от того, что сумел запутать Джедао, пусть и в столь незначительном вопросе.

— Как тебя зовут, солдат?

Не было смысла молчать — прочие Кел рассказали бы про него всё.

— Подполковник Кел Брезан. — Он испытал мелочное удовлетворение от того, как задёргались прочие Кел, когда не прозвучало обращение «сэр». — Штабной офицер, личный состав, приписан к генералу Кел Кируев из роя «Лебединый узел». Если собираетесь меня пристрелить, валяйте. Я не буду служить вам.

Брезан услышал внутренний шепот, убеждающий его довериться мнению генерала Кируев, служить новому командиру формирования так, как должны служить Кел. Ну что за ерунда! Он с легкостью избавился от сомнений. Его истинная преданность принадлежала Командованию Кел, а не какому-то немертвому выскочке-генералу из фракции Шуос, который вселился в капитана из фракции Кел.

— Ты, вероятно, падающий ястреб, — оскорбительным тоном сказал Джедао. Он был совершенно спокоен, но, учитывая, как развивалась ситуация, у него не было причин волноваться. —

Трудно сказать наверняка. Как бы там ни было, есть люди вроде тебя… — Он перевел взгляд на офицера по доктрине, — и прикомандированный персонал, у которого нет формационного инстинкта. Я не смогу на них положиться.

Брезан стиснул зубы. Только на борту «Иерархии пиршеств» было восемьдесят два члена фракции Нирай, в остальной части роя — ещё больше, не говоря уже о представителях Шуос, Рахал и паре человек из фракции Видона. Если Джедао собирается…

— Я не намерен их убивать, — заявил немертвый генерал, — но и взять с собой не могу. Мне нужен список людей, которых придется отпустить. Полагаю, у нас достаточно транспорта для такого дела. На кораблях отключить всё, кроме минимального жизнеобеспечения и навигации. Это не даст мне много времени, но в таком вопросе всякая мелочь пригодится.

Брезан мог драться, но стоит пошевелить хоть мышцей, и он труп. Если по какой-то непонятной причине Джедао намеревался пощадить тех, кого он не мог контролировать благодаря формационному инстинкту, был шанс связаться с Командованием Кел. Даже если Командование Кел несёт изначальную ответственность за этот

бардак — или, что более вероятно, Джедао каким-то образом их обыграл.

Генерал Кируев и начальник штаба спокойно обсуждали логистические варианты, которые можно было предложить Джедао.

В сердце Брезана разверзлись дыры.

— Хорошо, — сказал Джедао. — Полагаю, лучше отослать подполковника Брезана, пока он тут от скуки не умер. — И немертвый генерал махнул рукой двум младшим офицерам.

Брезан не сопротивлялся, но сказал с горечью:

— Поздравляю, Джедао. Ты угнал целый гребаный рой. Что собираешься делать?

Он успел заметить ослепительную улыбку Джедао, прежде чем солдаты его развернули.

— Буду сражаться с Хафн, разумеется, — крикнул ему вслед Джедао. — О, и передай Командованию Кел мой горячий привет!

«Я тебя убью, даже если для этого мне придется проползти через вакуум голым», — подумал Брезан, когда его выводили из командного центра.

Интуиция подсказывала, что воплотить задуманное в жизнь будет очень непросто.

Глава вторая

Когда Неште Кируев было одиннадцать лет, одна из её матерей убила её отца.

До того момента день был прекрасный. Кируев придумала, как ловить пчёл пальцами. Их, конечно, можно было раздавить, но ей требовалось другое. Хитрость заключалась в том, чтобы тихонько поднести руку сзади и аккуратным, но решительным движением сжать насекомое большим и указательным пальцем. Пчелы редко обижались, если их отпускали на волю осторожно. Она хотела рассказать матерям об этом трюке. Отец бы не заинтересовался; он терпеть не мог жуков.

Кируев пришла домой раньше обычного, чтобы похвастаться. Войдя в дом, она услышала, как мать Экесра и отец ссорятся в общей комнате. Мать Аллу, которая ненавидела, когда кричал кто-то другой, а не она сама, сгорбилась в своем любимом кресле и отвернулась.

Ее отец, Ктеро, был учителем, а мать Аллу работала в бригаде техобслуживания экоскрубберов. А вот полным именем матери Экесры было Видо-

на Экесра, и она перепрограммировала еретиков. Фракция Видона занималась тем, что воспитывала еретиков, вынуждая их жить в соответствии с календарными нормами гекзархата, чтобы каждый мог полагаться на соответствующие экзотические технологии.

Мать Аллу заговорила первой, не глядя на девочку.

— Иди в свою комнату, Кируев. — Ее голос звучал приглушенно. — Ты у нас изобретательный ребенок. Уверена, что ты сможешь развлечь себя до сна. Я пришлю сервитора с ужином.

Это встревожило Кируев. Мать Аллу часто говорила о том, как важно садиться за стол вместе, а не опаздывать, к примеру, из-за того, что разбирал старый игровой контроллер. Но сейчас было неподходящее время, чтобы поддразнивать ее, поэтому Кируев послушно побрела в свою комнату.

— Нет, — заявила мать Экесра, когда девочка почти дошла до коридора. — Она заслуживает знать, что ее отец — еретик.

Кируев остановилась так внезапно, что чуть не упала. На тему ереси не шутят. Все это знали. Неужели мать Экесра пытается её рассмешить? Про Видона говорили, что у них нет чувства юмора —

это была неправда, и всё же обвинение в ереси…

— Оставь ребенка в покое, — сказал отец Кируев. У него был тихий голос, но люди обычно слушали, когда он говорил.

Мать Экесра была не в настроении слушать.

— Если ты не хотел её в это впутывать, — проговорила она *непогрешимо логичным* тоном, которого Кируев в особенности страшилась, — не надо было якшаться с календарными девиантами или «реконструкторами», или как там они себя называют. О чём ты думал?!

— По крайней мере, я *думал*, — парировал отец Кируев. — Чего нельзя сказать о некоторых членах этой семьи.

Кируев, превозмогая себя, поплелась в коридор. Этот спор, понятное дело, закончится плохо. Надо было ей остаться снаружи…

— Не начинай! — рявкнула мать Экесра и, схватив Кируев за руку, вынудила её развернуться лицом к отцу. — Посмотри на неё, Ктеро. — Её голос сделался ровным, убийственным. — Это наша дочь. Ты подверг её влиянию ереси! Ты её заразил. На ежемесячных брифингах по Доктрине ты хоть что-то слушал?!

— Хватит тянуть, Экесра, — сказал отец Кируев. — Если собираешься сдать меня властям,

просто покончим с этим.

— У меня идея получше, — ответила мать Экесра.

Кируев не расслышала, что она сказала дальше, потому что наконец заметила: несмотря на механический голос матери Экесры, по ее щекам текли слезы. Это смутило Кируев, хотя она не могла сказать почему.

— ...в порядке суммарного судопроизводства[1], — говорила мать Экесра. Что бы это ни значило.

Мать Аллу подняла голову, но ничего не сказала. Она только терла глаза.

— Ребенка-то пожалей, — наконец проговорил отец Кируев. — Ей всего одиннадцать.

Глаза матери Экесры сверкнули такой ненавистью, что Кируев захотелось съежиться и закатиться под стул.

— Тогда она достаточно взрослая, чтобы понять, что ересь — это реальная угроза с реальными последствиями. Не совершай новых ошибок, Ктеро. Я никогда тебя не прощу.

---

[1] Примечания: 1

Суммарное судопроизводство — упрощенное, ускоренное судопроизводство без суда присяжных и некоторых процедур. В странах англо-американской правовой системы применяется в случае достаточно простых правонарушений, которые не требуют долгого разбирательства. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Я бы сказал, поздновато для этого. — Лицо Ктеро сделалось каменным. — Знай, она этого не забудет.

— В том-то и дело, — сказала мать Экесра все тем же убийственным тоном. — Было слишком поздно спасать тебя, когда тебе пришло в голову изучать устаревшие календари. Но еще не поздно остановить Кируев, чтобы она не кончила, как ты.

«Я не хочу, чтобы меня спасали, я хочу, чтобы все перестали ругаться», — подумала Кируев, но ей и в голову не пришло возражать матери.

Отец Кируев даже не вздрогнул, когда мать Экесра положила руки ему на плечи. Сначала ничего не происходило. Кируев посмела надеяться, что примирение все-таки возможно.

Потом они услышали скрип шестеренок.

Сводящий с ума звук шел отовсюду и ниоткуда — лязг и грохот с несообразными ритмами, обрывающиеся на середине последовательности, сбивающий с толку хрустальный перезвон, распадающийся в шум помех. По мере того как шум усиливался, фигура отца Кируев выцветала. Сперва его очертания приобрели цвет тусклого серебра, а плоть расплющилась в полупрозрачный лист, сквозь который виднелись

беспорядочные диаграммы и ворох цифр, кости и кровеносные сосуды, превратившиеся в сухие узоры. Прикосновение смерти — то, чем владели только Видона.

Мать Экесра разжала хватку. Трупная бумага — всё, что осталось от её мужа, — с ужасным шелестом опустилась на пол. Но это был не конец; Экесра была адептом аккуратности. Она опустилась на колени, подняла лист и начала складывать. Складывание бумаги было особым искусством во фракции Видона. Кроме того, это было одно из немногих искусств, которое фракция Андан, гордившаяся своим доминированием в культуре гекзархата, презирала.

Когда мать Экесра закончила складывать двух сплетающихся друг с другом лебедей — замечательная работа, достойная восхищения, если не знать, откуда взялась бумага, — она положила ужасную штуковину на пол, бросилась в объятия матери Аллу и разрыдалась.

Кируев простояла там почти час, безуспешно стараясь не смотреть на лебедей даже краем глаза. У нее вспотели руки. Она предпочла бы спрятаться в своей комнате, но это было бы неправильно. Поэтому она осталась.

В те ужасные минуты (их было семьдесят

восемь, она помнила) Кируев пообещала, что никогда не заставит так плакать ни одну из своих матерей. И все же мысль о том, чтобы присоединиться к фракции Видона, даже чтобы доказать свою преданность гекзархату, была невыносима. В течение многих лет ее сны были наполнены сложенными бумажными фигурами, которые сминались и превращались в мокрые, массивные подобия человеческих сердец или сдирали с себя слои до тех пор, пока не оставалось ничего, кроме путаных рядов запрещенных чисел.

И потому Кируев с готовностью вступила в ряды Кел, потому что там всегда найдется тот, кто скажет ей, как действовать и в чем правда. К сожалению, у нее обнаружились значительные способности к военному делу и умение творчески интерпретировать приказы именно в те моменты, когда это требовалось. Она не учла, что будет делать, если ее слишком сильно повысят.

Но против выслуги в 341 год не попрешь.

Кируев сидела в своей каюте, прислонившись к стене и пытаясь сосредоточиться на коробках с приборами. Поле зрения то расплывалось, то вновь делалось четким. Всё чёрное стало серым, цвета потеряли насыщенность. Если повезет, следующим откажет слух. Ее лихорадило, ко-

сти словно горели. Всё ожидаемо, но ужасно неудобно.

Расспросив всех о пепломоте, рое и первоначальном задании роя и заставив Кируев передать его последние приказы всем остальным, Джедао удалился в генеральскую каюту. Это вызвало некоторое замешательство, но ничего не поделаешь — Джедао теперь был старшим офицером. Кируев не возражала. Сервиторы, как обычно, за короткое время выполнили отличную работу. Однако коммандер Джанайя, которая ценила роскошь и ненавидела беспорядок, выглядела слегка раздраженной.

До встречи за офицерским столом оставалось пять часов и шестьдесят одна минута. Сразу же после трапезы Джедао назначил совещание штаба. У Кируев было время, чтобы придумать способ убить своего генерала, не прибегая к оговорке Врэ Талы. С оговоркой было бы надёжнее, но генерал считала, что справится и без неё. Она не стремилась к самоубийству.

Не будь Кируев Кел, она бы действовала напрямую и выстрелила Джедао в спину. Но, не будь она Кел, Джедао не сумел бы так легко захватить власть. Вероятно, Командование Кел понятия не имело, что Джедао разгуливает на свободе в

теле капитана Черис, иначе они бы в ответ на предыдущие запросы Кируев выслали предупреждение.

Как бы то ни было, формационный инстинкт не давал ей возможности просто застрелить негодяя. Даже размышляя об этом, она испытывала мучения, хоть Джедао и не было рядом. Кируев — генерал, ближе всего по званию. Только у неё был шанс справиться с формационным инстинктом. Его действие усиливалось с течением времени. Если она и впрямь собирается провернуть это дело, то должна совершить попытку как можно скорее.

Кируев всегда нравилось возиться с машинами — занятие, которое ее родители скорее терпели, чем поощряли. Когда она была в увольнительной, то рыскала по маленьким магазинчикам в поисках устройств, которые больше не работали, чтобы их отремонтировать. Некоторые из ее проектов удавались лучше других, и, кроме того, она вечно недоумевала, что делать со штуковинами, которые получалось исправить. В настоящее время ее коллекция включала пугающее количество предметов в различных стадиях разборки. Джанайя как-то заметила, что сервиторы пугают своих малышей: дескать, вот

куда попадают те, кто плохо себя ведёт.

Важным моментом было то, что у нее имелся доступ к компонентам без необходимости обращаться в инженерный отдел. Она все равно подумывала об этом, поскольку сомнительное военное оборудование было на две головы выше сомнительного оборудования, которое она покупала у лавочников, обрадованных, что им платят за блестящий хлам. И все же она не могла рисковать вызвать подозрения у какого-нибудь солдата из инженерного отдела, который донесет на нее Джедао.

Кируев собралась с духом, жалея, что чувствует себя так ужасно, и собрала необходимые компоненты. Чем меньше, тем лучше. Потребовалось немыслимо много времени, чтобы разложить все на верстаке, потому что она продолжала ронять вещи. Один раз катушка упала на пол, и генералу потребовалось три попытки, чтобы поднять штуковину, — все это время Кируев была уверена, что сломает ее, хотя катушка была сделана из очень прочного сплава.

С инструментами было еще хуже. Она кое-как убедила мозг-предатель, что просто перекладывает свои безделушки с места на место. Самообман насчет инструментов был сложнее.

Надо было закончить всё до трапезы офицеров и, что ещё хуже, успеть прийти в себя. Она сомневалась, что Джедао ничего не заподозрит. Но альтернатива — ничего не делать. Долг перед роем не позволял ей так поступить. Если бы только Брезан… но этот шанс упущен.

Кируев напомнила себе, что если она пережила ту биологическую атаку во время кампании Хьон-Му, когда ей привиделось, что из ее глаз лезут черви, то незначительная физическая реакция не должна ее замедлить. Дело даже не в физических эффектах. Дело в постоянном осознании того, что она предает своего начальника.

Ладонь болела. Кируев обнаружила, что колет себя отверткой, и остановилась. На мгновение подумала, не снять ли оружие, чтобы формационный инстинкт не заставил ее покончить с собой, вместо того чтобы привести в действие свой план, но это бы не помогло. Зато вызвало бы подозрения за офицерским столом. На перчатке осталась маленькая дырочка, которая заросла, пока Кируев в задумчивости таращилась на ладонь.

Оказалось, что лучше всего разбить задачу сборки на мельчайшие подзадачи, чтобы не думать о конечном результате. (Она старалась не думать,

от кого научилась этому.) Пришлось нацарапать на уголке верстака несколько промежуточных вычислений для правильных числовых резонансов, что осложнялось склонностью верстака заживлять любые повреждения через несколько минут. По крайней мере, она избавится от непосредственных улик. Нетрудно было прочитать отметки о формулах в памяти устройства — она сама смогла бы это сделать с помощью правильного сканера, — но для начала стоило знать, что искать и где.

Заболело в груди, и Кируев остановилась. Ладонь ныла от того, что она слишком сильно сжимала отвертку. Она поднесла инструмент острой частью к нижнему веку. Не потребуется много сил, чтобы вонзить его в глаз.

Как ни крути, она совершает измену. Не было никакой возможности сохранить верность и Командованию Кел, и ее генералу. Она повернула отвертку так, чтобы…

«Я должна его убить», — в отчаянии подумала Кируев. Она не могла оставить рой в руках безумца — только не сейчас, когда он нужен для защиты гекзархата от Хафн. Кируев заставила себя опустить отвертку. Потом с грохотом уронила инструмент и, тяжело дыша, обхватила голо-

ву руками. Она должна собрать дрона-убийцу, несмотря ни на что.

В итоге дрон получился не лучшим из её творений. Он выглядел каким-то хилым тараканом. Она соорудила модуль-игольник, используя вместо предпочтительной полупервичной микросхемы детали музыкальной шкатулки — ну кто бы мог подумать! Но тут уж ничего не поделаешь.

Следующим шагом было программирование дрона на распознавание цели. Лучше было бы запустить его вручную, но будь у нее такая возможность, она бы смогла просто выстрелить Джедао в спину. У дрона была базовая оптическая система. Она позаимствовала из сети корабля самую простую программу распознавания образов, какую только смогла загрузить в его процессор, и скормила ей видео из досье капитана Черис. Во время загрузки данных в дрон ей пришлось испытать несколько ужасных моментов, когда отказало зрение. К счастью, процесс не требовал большого вмешательства с ее стороны. К тому времени как всё было сделано, Кируев вся взмокла от пота, но ее зрение в основном вернулось.

Неудивительно, что фракция Шуос так и не внедрила свой вариант формационного инстинк-

та. Утратив возможность убивать собственных гекзархов — как известно, это было исторически популярным времяпрепровождением у Шуос, — они бы начали на стены лезть.

Кируев стиснула зубы и сунула дрона в сапог. Если повезет, он не прострелит ей ступню случайно. До трапезы оставалось всего сорок девять минут. Неужели это заняло так много времени? Но она знала ответ на свой вопрос. Четырнадцать из оставшихся минут генерал потратила на душ, но ничуть не расслабилась, и двадцать девять минут собирала вещи. Полки выглядели как зона боевых действий, но это было нормально.

Ее левый сапог казался непропорционально тяжелым всю дорогу до столовой, хотя она знала массу дрона, включая немыслимое количество знаков после запятой. Она пришла на шесть минут раньше, не больше и не меньше. Но, как выяснилось, генерал Джедао опередил её на шестнадцать секунд, и это не прибавило Кируев воодушевления. Коммандер Джанайя появилась через две минуты, но она всегда была немного медлительной.

— Рад видеть вас, генерал, — сказал Джедао, как будто нормальные рабочие отношения были возможны для них. — Ну что, пойдем?

Джедао занял свое место во главе офицерского стола. Кируев села справа от него, Джанайя — слева, Стсан — за другим концом стола. Старшие офицеры штаба после минутного колебания заняли свои места.

Сервиторы разносили еду на подносах. Джанайя не обращала на них никакого внимания, вместо этого украдкой бросая взгляды на чашу, которую Джедао принес к офицерскому столу, несмотря на то, что ему предоставили другую, в соответствии с современной традицией. Тот факт, что Джедао помнил традицию, был важнее самой чаши — простой металлической штуковины. Кируев с болезненным любопытством спросила себя, принадлежала ли чаша капитану Черис.

Джедао кивнул сервитору, который принес ему палочки и ложку. Любопытно, Кируев никогда раньше не видела, чтобы офицер так делал. Или кто-то еще, если уж на то пошло. Сервитор, птицеформа с дополнительными конечностями, издал осторожный вопросительный звук. Он, вероятно, знал о крепости Адское Веретено столько же, сколько и любой из людей, хотя Кируев никогда раньше не приходило в голову задуматься, насколько разумным машинам есть дело до истории. Джедао в ответ вскинул бровь. Сервитор

задумчиво чирикнул и продолжил работу.

— Ладно, — сказал Джедао голосом, который был отчетливо слышен, хоть и звучал не слишком громко, — на борту игломота это не имело значения, но я был бы весьма признателен, если бы кто-то сказал мне, существуют ли какие-то чрезвычайно важные правила для поедания вот этого всего. Особенно завернутых в водоросли штуковин. Их можно брать пальцами, или как?

Джанайя от неожиданности рассмеялась.

— Мы не Андан, сэр. Вся суть в том, чтобы не уронить еду, пока несёте её ко рту.

— «Завёрнутые в водоросли штуковины» — это в основном овощи и рыба, — вынуждена была добавить Кируев. — До той поры, пока сервиторам не захочется экспериментировать.

— Рад это слышать, — сказал Джедао. — По крайней мере, никакие творческие эксперименты не могут изменить палочки для еды. Их-то я узнаю. — Он взял кувшин с водой, наполнил чашу и сделал глоток. Все Кел внимательно наблюдали за ним. Он должен был это осознавать, но выражение его лица было безмятежным.

Кируев так и подмывало выудить дрона из сапога и во всем признаться. Джедао, однако, передавал чашу ей. Чаша в ее руке казалась

обычным предметом, а вода была той же чистой, сладкой водой, которую она привыкла пить. В справедливом мире жидкость сожгла бы ей горло… «Прекрати!» — велела генерал самой себе. И оцепеневшими пальцами передала чашу сидящему справа.

Джанайя упорно пыталась завязать светскую беседу.

— Не думаю, что в ваше время военная еда была лучше.

Губы Джедао дрогнули.

— Вы начали службу на моте, не так ли, коммандер?

— Это верно, сэр, — ответила Джанайя. — Мне повезло. Я, собственно, и не люблю топтать грязь. Цветы весьма милы, но для их выращивания не требуются целые планеты.

Кируев не могла винить Джанайю. Все Кел в офицерской столовой были в ужасе. Мало кто говорил, почти все взгляды были прикованы к столу, за которым сидел Джедао. Джанайя не хуже других знала, какую угрозу представляет собой немертвый генерал. Она делала все возможное, притворяясь, что ничего необычного не происходит, чтобы люди не запаниковали. Кируев следовало бы сделать то же самое, как бы

она ни была взволнована.

— Я ел ужасные вещи, когда начинал в пехоте, — сказал Джедао. — Когда я был лейтенантом, мы однажды застряли в тылу врага. В конце концов мне пришлось застрелить двух человек, которые подрались из-за того, кому есть личинок.

— Насколько мне известно, личинок у нас нет, — сказала Стсан, — но некоторым сервиторам нравится охотиться. Капитан-инженер Миуго рассказывал, что иногда они оставляют свою добычу у его двери, как кошки. К счастью, у Миуго крепкий желудок.

— Укажите мне его, — попросил Джедао.

— Вон тот щёголь, — сказала Джанайя, размахивая ложкой. — С волосами, заплетенными в косы.

— А-а, я вижу его.

Джедао повернулся к остальным сидящим за столом и предложил им представиться поподробнее. Он узнал, что у подполковника Наджада из отдела материально-технического обеспечения трое детей, и то ли счел действительно интересным, что средний ребенок был исследователем в области сравнительной лингвистики, то ли очень хорошо притворялся. Исполняющий обя-

занности главы разведки, майор Лю, был втянут в дружеские дебаты о каком-то открывающем гамбите в непонятной шуосской настольной игре. Только ответственная за боевые операции оставалась необщительной, но Джедао это скорее удивило, чем обидело.

Кируев, со своей стороны, удивлялась, каким образом уроки истории, в которых так подробно рассказывалось о тактике, позволившей выиграть битву при Свечной Арке, могли не упомянуть о том, насколько Джедао болтлив, не говоря уже о поразительно грязных анданских шутках, которые он знал. Поразмыслив, Кируев поняла, что имеет лишь смутное представление о том, как «черная колыбель» обеспечивает бессмертие. Ходили слухи, что это устройство больше похоже на тюрьму, чем на что-либо другое. Может быть, Джедао спустя столетия изголодался по разговорам.

Во время трапезы в офицерской столовой стало еще более напряженно. Кел всё ждали, когда прояснится вопрос с тем, как именно Джедао собирается их убить. «Буду сражаться с Хафн», — сказал Джедао. Насколько он серьезен? Даже если у него благие намерения, что маловероятно, он должен знать, что Командование Кел вряд ли

позволит ему беспрепятственно разгуливать на свободе.

Джедао съел лишь половину риса в своей тарелке. Он положил палочки и сказал:

— Что ж, можем перейти к совещанию. Полагаю, вы все знаете, что делать.

Он осушил свою чашу, встал, прицепил её к поясу и кивнул офицерам за столом, прежде чем выйти из столовой.

Кел молча смотрели ему вслед.

— Коммандер, — вежливо обратилась Кируев к Джанайе, прежде чем выйти из столовой вместе со штабными офицерами. Пришлось признаться самой себе, что она понятия не имеет, какую участь Джедао ей приготовил. От ее внимания не ускользнуло, что Джедао мало интересовался ее личной историей, хотя других признаков неприязни не было, да и Кируев не любила говорить о ее семье. Но даже в этом случае ее мучило желание быть полезной своему начальнику.

Она не могла позволить себе думать о том, что будет делать дальше. Зрение снова начало подводить. И левую ногу свело судорогой. Она стиснула зубы и пошла дальше.

Назначенный конференц-зал находился недалеко от офицерской столовой. Кируев догнала

Джедао главным образом потому, что тот то и дело останавливался полюбоваться картинами на стенах: пепельные ястребы, поднимающиеся из разрушенных городов, пепельные ястребы, гнездящиеся на невероятных шпилях, пепельные ястребы, рассекающие грозовые тучи. Кируев уже много лет воспринимала келский декор как нечто само собой разумеющееся, но теперь, взглянув на него по-новому, признала, что он скорее безвкусный, со всеми этими вышитыми золотом завитушками и янтарными бусинами. Если уж на то пошло, она понятия не имела, как Кел украшали свои моты при жизни Джедао, но, учитывая, сколько раз его якобы оживляли, не могли же гобелены вызвать такое потрясение?

— Я должен перестать таращиться, или опоздаю на чертову встречу, которую сам и назначил, — сказал Джедао Кируев, когда она пристроилась на полшага позади него. — Вы знали, что я носил часы? Я не видел их уже пару столетий. Вы, наверное, понятия не имеете, о чём я…

Он ступил на опасную территорию.

— Видела парочку, — сказала Кируев. — В антикварных лавках, с вынутыми потрохами, чтобы они не сумели сделать с календарем ничего еретического.

Джедао фыркнул.

— И почему я не удивлен.

Дверь конференц-зала открылась при приближении Джедао. Непонятно почему, но Кируев удивилась, что дальняя стена все еще изображает последнюю из её настроек — нарисованное чернилами дерево гингко. Оригинал приписывали генералу Андан Чжэ Наво, хотя можно было только гадать, действительно ли та его написала.

Джедао сел за стол, сделанный из черного камня с тусклыми золотыми завитками, похожими на призрачные отпечатки пальцев. Он достал из ниоткуда колоду карт джен-цзай и тасовал их с легкостью, выработанной долгой практикой. Потом он заметил, что Стсан смотрит ему на руки, хищно улыбнулся ей и положил карты на стол.

Кируев сказала себе, что это будет обычное совещание — какая жалость, что она не умеет лгать самой себе! — и села справа от Джедао. Остальные главы подразделений заняли свои места в мрачном молчании. У майора Лю был такой вид, как будто он жалел, что аналитика, возглавлявшего отдел до него, выгнали. Подполковник стратегии Риозу, с другой стороны, продолжала смотреть на Джедао с выражением «я тебе мозг напрочь вынесу», которое появлялось на её лице всякий

раз при встрече с каким-нибудь любопытным новичком.

— Итак, — сказал Джедао, — пока я был в немёртвом состоянии, никто не озаботился тем, чтобы подключить меня к какой-нибудь библиотеке, но домашнее задание я постарался сделать. Если я верно понимаю, оборона Крепости Вертящихся Монет была модернизирована семьдесят шесть лет назад?

«Нога чешется», — внушила себе Кируев. Самообман становился всё тяжелей. Как же у Шуос такое получалось? По иронии судьбы формационный инстинкт не позволял ей просто выложить всё начистоту. Она была твердо убеждена, что не имеет права перебивать старшего по званию.

Стараясь не морщиться слишком заметно, Кируев под столом потянулась к сапогу. Руку свело судорогой. Она чуть не зашипела, скорее от неожиданности, чем от боли. Это было нелепо, потому что она знала, что такое произойдёт. «Это просто зуд». Её пальцы отыскали дрона, включили — после благословенно краткой заминки — и выпустили на волю. Если она не услышала, как устройство заняло позицию, никто другой уж точно не услышал. Конечно, оставался шанс, что штуковина не сработает, но об этом лучше не

думать.

— …фантомная топография, — говорила Риозу, что-то печатая на планшете. — Вот краткое описание орудий крепости. Полагаю, вы обнаружите, что изменилось лишь несколько деталей. А вот фантомная топография — то, с чем вы, возможно, не знакомы.

Джедао взглянул на свой планшет в поисках цифр.

— Да, понимаю. Как насчет того, чтобы объяснить своими словами то, что, по вашему мнению, я должен знать. Рабочие детали, а не сухие списки цифр, которые загружают в базу данных сети. Представьте себе, что я кадет. — Он улыбнулся при виде её явного смятения. — Я серьезно. Полагаю, это экзотическое… оружие? Оборонительная система?

— Экзотическая оборонительная система, — сказала Риозу. — Её эффективность падает по мере возведения обратного радиуса в квадрат, и она истощает источники питания, как ничто другое. Но при этом делает именно то, о чем говорит название. Создает временную местность в космосе.

Где же дрон? При других обстоятельствах Кируев дала бы объяснение получше. Риозу всегда

казалось, что она говорит яснее, чем на самом деле. По спине Кируев струился пот. Она не смела отбросить притворную внимательность, чтобы поискать маленького убийцу взглядом, и если бы она поразмыслила об этом, мучительные физические эффекты возобновились бы.

Джедао снова взял свои карты. Развернул их веером и перевернул первые шесть. Туз шестерней, туз роз, туз глаз, туз дверей, «полыхающее знамя» и «утонувший генерал». Очень неудачный расклад для суеверного игрока.

— «Топография» может подразумевать что угодно, — очень мягко проговорил Джедао. — Особенно когда речь идет об экзотике. Мы говорим о сопротивлении среды движению, о чем-то вроде плавания сквозь грязь, о фактических физических барьерах, силовых стенах…

И тут все услышали тонкий и высокий мелодичный звук откуда-то сбоку. Дрон выполз из-под шкафа. Кируев тотчас же поняла, в какой части схемы у неё ошибка. Ещё ей хватило времени проклясть себя за то, что она использовала дурацкую музыкальную шкатулку как источник запчастей. Она явно недостаточно тщательно продумала резонансную активацию.

Игольник дрона выстрелил четыре раза, в

такт жутковатой мелодии. Все уже пришли в движение. Кируев рефлекторно вскочила, чтобы защитить Джедао, как и Лю, Риозу и Кел Мерики, ответственная за боевые операции. Джедао выхватил пистолет, но не выстрелил — ему загородили обзор.

Игольник заклинило. Музыка сбилась, две ноты начали повторяться, фальшиво завывая. Дрон ненадолго заметался туда-сюда. Мерики все равно выстрелила. Пуля срикошетила. Колени Кируев подогнулись. Снова выстрелы — она почувствовала их, но ничего не услышала, хотя рты офицеров двигались.

Дрон развалился, когда в него наконец попали две пули. Кируев и не пыталась сделать его крепким. Осколки разлетелись по комнате в разные стороны. Один ударился о ножку стола и отскочил, но Кируев не видела, куда он делся. Через мгновение Кируев поняла, что она не заметила, сколько вокруг крови — хотя и почувствовала ее запах, — потому что потеряла почти всю соответствующую часть спектра. У неё перед глазами всё представало в холодных оттенках синего. Она попыталась встать на ноги, но мышцы не слушались.

Кел Лю лежал на полу. Мерики рухнула попе-

рек стола.

— …медотсек, — донесся издалека голос Джедао, твердый и резкий. — Двое убитых, о ранениях ничего не известно. И мне нужно будет поговорить с Доктриной об усилении безопасности, раз уж агенты Хафн подбросили что-то на гребаный командный мот. Я в курсе по поводу убийства генерала Черкад.

Первой прибыла команда сервиторов и подтвердила, что Лю и Мерики мертвы. Лю получил три иглы. Четвертая вонзилась в стену рядом с изображением гингко. Один из осколков дрона попал Мерики в глаз.

— Хорошо, — сказал Джедао все тем же отрывистым голосом. — Известите майора Арвикоя, что он теперь новый исполняющий обязанности начальника разведки, то же самое касается майора Беримея и боевых операций. Мы попробуем провести совещание ещё раз, после того как Доктрина убедит меня, что других ловушек нет. Все вон отсюда. — Он на мгновение задумался. — Кроме вас, генерал Кируев. Идёмте со мной.

Джедао не мог не знать правды, несмотря на всю ерунду, которую он скормил медикам.

— Сэр, — сказала Кируев, или ей показалось, что сказала. Она с трудом поднялась на ноги. Уце-

левшие главы подразделений отдали им честь, покидая зал.

— Ладно, — сказал Джедао, когда никто не мог его услышать, — у вас или у меня?

Его рука была далеко от пистолета, но и в тот раз, когда он стрелял в Брезана, было то же самое.

— Уверена, что в моей каюте безопасно, сэр, — сказала Кируев, не делая особого ударения на слово «безопасно». Когда Джедао увидит коробки с расчлененными приборами, у него будет достаточно улик. Да уж, пора с этим покончить…

Покои Кируев находилась дальше по коридору от каюты Джедао. Немертвый генерал пропустил ее вперед. Дверь за ними закрылась.

— Вы не шутили насчет часов, генерал, — сказал Джедао, осматривая полки, где Кируев хранила свои любимые безделушки. — Эти, из розового золота, были бы весьма милы, если бы вы их починили… впрочем, неважно. Вы, наверное, были в шоке, когда я связался с инженерным отсеком и спросил, не заказывал ли кто-нибудь недавно какие-то побрякушки. Но, получается, вам и не требовалась помощь. Кадетом вы изучали инженерное дело, верно?

Кируев не знала, что ей нужнее: трость или

пуля в голову. На то, чтобы стоять и не падать, уходили все силы, какие у неё остались.

— Прошу прощения? — пробормотала она.

Джедао посмотрел на нее, затем принес стул.

— Садитесь, ради лисы и пса. Не хотелось бы мне разговаривать с полом.

Она села.

Джедао скрестил руки на груди.

— Я приблизительно знаю, что сейчас творит с вами формационный инстинкт, генерал, но мне нужно, чтобы вы прислушивались к моим словам своим настоящим мозгом, а не той его частью, которая готова уделать меня до смерти своим лизоблюдством. Уж простите за грубость.

Кируев уставилась на пистолет в кобуре Джедао.

— Я предала вас, сэр, — прохрипела она. — Моя жизнь в ваших руках.

— Дело не в этом, генерал.

Кируев попыталась осмыслить это заявление. Если уж на то пошло, Джедао совершенно осознанно обращался к ней по званию. Что происходит?

Глаза немертвого полководца были очень холодны.

— Вы облажались, генерал. Вы убили двух со-

ратников. Если это стандартный игольник, то в нем двенадцать зарядов — нам повезло, что его заклинило и больше никто не погиб.

Кируев вздрогнула от презрения в голосе Джедао.

— Мне известно, какая у меня репутация. Я действительно уничтожил армию Кел. Так что у Кел есть миллион причин желать моей смерти. Но я не шутил, когда говорил, что буду сражаться с Хафн. — Джедао скривился. — Стрелять в людей — одна из немногих вещей, в которых я хорош. Это единственный способ загладить вину. И для этого мне нужны солдаты, а не трупы.

— Сэр, — прошептала Кируев, не зная, что сказать.

— Я был агентом Шуос, — сказал Джедао более нормальным тоном, от которого сердце Кируев замерло. — Это длилось недолго, поскольку потом я перевёлся в армию Кел, но вы удивитесь, когда узнаете, сколько убийств можно совершить за восемь месяцев, если гептарх настаивает. Между мной и дроном были Кел, включая вас. Учитывая формационный инстинкт, вам нужно было остаться со мной наедине. Вы могли бы послать дрон за мной по пути в конференц-зал, если бы он у вас уже был. Вы были на полшага позади меня,

но, возможно, смогли бы подавлять инстинкт достаточно долго, чтобы не привлечь моё внимание к этой штуковине или я не знаю, что ещё. Полагаю, вы не создали оружие с лучшей пробивной способностью из-за отсутствия нужных частей. В любом случае дрон мог бы беспрепятственно выстрелить мне в спину. Если бы вы действовали хоть наполовину компетентно, вернули бы свой рой, и офицеры остались бы живы.

Кируев пришло в голову, что она ждала от этого разговора чего угодно, только не критического обзора её покушения на убийство. Впрочем, неудивительно, что даже четырехсотлетний Шуос, проведший всю свою сознательную жизнь на службе Кел, будет одержим компетентностью.

— Мне такой вариант не приходил в голову, — просто сказала Кируев.

— Да уж, заметно.

— Моя жизнь — в ваших руках, сэр.

Джедао бросил на нее косой взгляд.

— Знаете, чем скрипка отличается от Кел?

Она знала ответ на этот вопрос.

— Кел горит дольше.

— Послушайте, — сказал Джедао, — я хорошо говорю только на языке оружия, так что, возможно, неясно выразился. На хрен мне сдалась ваша

смерть, генерал? Убивать людей так легко, но обычно это необратимо. Командование Кел явно считает, что вы хороши в своем деле. Они подумывали над тем, чтобы однажды вас повысить, если я верно понимаю, что означают те отметки в личном деле.

Кируев против собственной воли напряглась, но Джедао продолжил:

— Мне нужна ваша жизнь, генерал. Нужна ваша помощь в борьбе с Хафн. Но вы должны пообещать мне, что больше не будете убивать людей из-за такой небрежности. Потому что, если вы ещё раз такое устроите, я покажу вам омерзительный способ убийства игральной картой. — Джедао вытащил одну из рукава: двойка шестерней. Его личная эмблема.

— Я буду служить вам, сэр, — сказала Кируев, — сколько прикажете.

Джедао ослепительно улыбнулся ей, и Кируев поняла, что потерпела полное поражение.

Глава третья

Когда Режни Брезан был кадетом-третьекурсником во Второй Академии Кел, он узнал, почему учения под кодовым названием «Пурпур-53» числятся в списке как «Пурпурная паранойя». Его класс знал о предстоящих учениях, но понятия не имел, насколько всё будет плохо. Несколько лет назад другому классу попался сценарий, включающий множество орбитальных бомбардировок. Все считали, что второй раз никому так не повезёт. Кроме того, два года назад был назначен новый комендант — женщина, которая, по слухам, могла за завтраком придумать какой-нибудь расклад, в котором попросту невозможно было выиграть.

Обычным инструктором был коренастый седеющий мужчина, который никогда не улыбался. Брезан, сидевший в классе с другими кадетами, заметил блеск в его глазах. Не очень хороший знак. Рядом с ним Онуэн Вэй медленно и глубоко дышала, что означало, что она тоже это заметила.

В комнату вошла стройная мужеформа. Брезан

узнал альта, который постоянно менял лица, одно уродливей другого. При виде обнаженных кистей вошедшего у Брезана свело живот от отвращения. Никто из кадетов не носил перчаток Кел; они заработают это право только после окончания учебы. Однако вновь прибывший, хоть и держался без заносчивости, выглядел человеком весьма опытным. Знаков отличия или фракционных эмблем мужеформа тоже не носила. Ей это и не требовалось. Никто здесь не осмеливался ей перечить.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

— Для предстоящих учений, — сказал инструктор, — я вверяю вас нашему гостю. Шуос Зехуни[2] прикомандированы к нам самим гекзархом Шуос. — Зехуни были личным помощником гекзарха Шуос Микодеза, одним из немногих членов фракции, которых боялись сильней, чем её главу. Зехуни обзавелись этим лицом несколько месяцев назад, и все уже были в курсе. — Я ожидаю, что вы окажете Зехуни такое же уважение и повиновение, как и мне или любому Келу. —

---

[2] Примечания: 2

В оригинале персонажа зовут Shuos Zehun и по отношению к нему/ней применяется небинарное местоимение they (*букв.* они). Ввиду того, что в русском языке род выдают не только местоимения, но и, в частности, окончания имён собственных, в переводе имя было немного изменено и стало несклоняемым.

Инструкторская улыбка — или та гримаса, что её заменяла — сделалась дьявольской. — Есть вероятность, что они знают больше способов расчленения надоедливых кадетов, чем я.

В угрозе не было необходимости. Все слышали о том, как Микодез ради забавы убил двух своих кадетов вскоре после того, как пришел к власти.

— Познакомиться со всеми вами — большое удовольствие для меня, — сказали Шуос Зехуни. Их голос был тихим, но не мягким.

Инструктор кивнул им и вышел, многозначительно насвистывая.

— Ну что ж, — продолжили Зехуни. — Все за мной.

Они гуськом вышли вслед за Зехуни, прошли по длинному коридору и несколько раз свернули, пока не достигли секций Цитадели-9, у которых была переменная планировка. С этого момента Брезан сосредоточился на том, чтобы не смотреть слишком пристально на стены, углы которых, казалось, были на грани разрушения, или на пол, который напоминал скопище больших и беспокойных змей. Сосед Брезана по двухъярусной кровати, кандидат в инженеры, любил читать трэшевые истории о приключениях, происходящих в недрах кампуса. Они неизбежно

включали в себя роботов-убийц, иногда — говорящих хорьков и отважных кадетов, у которых никогда не заканчивались боеприпасы. Брезан попробовал и обнаружил, что такое чтиво вызывает противоестественное привыкание. Конечно, большинство приключений имели счастливый конец. Но если замешан Шуос, про счастливый конец можно забыть.

Наконец они подошли к двери. Глаза Брезана отказывались сфокусироваться на ней, поэтому он посмотрел на инструктора. Тот факт, что правая рука Зехуни свободно висела вдоль тела, не вселял уверенности. Брезан не видел оружия, но это ничего не значило.

— Вы задаетесь вопросом, с какой это стати на вас наслали лиса, — сказали Зехуни. — Со всей откровенностью могу поведать, что ваш комендант проиграла пари моему гекзарху. И по причинам, недоступным моему пониманию, мой гекзарх позволил ей легко отделаться.

От этого Брезан тоже не испытал облегчения.

— Как бы то ни было, мы можем извлечь из этой ситуации максимальную пользу. Когда я дам вам разрешение, вы войдете в дверь гуськом, по одному. Внутри будут столы, на каждом — конверт и ручка. Рекомендую открыть конверт

сразу, потому что, хоть сценарий и пошаговый, на каждый ход отводится время. Шесть минут, если точнее.

Брезан на мгновение задумался.

— Сэр, можно вопрос?

— Представься, птенец.

Было неприятно слышать такое обращение из уст не-Кел, но в качестве гостевого инструктора Зехуни были в своём праве. Не говоря уже о том, что придираться к помощнику гекзарха из-за оскорбления было бы самоубийством.

— Кадет Режни Брезан, сэр.

— Слушаю.

— В комнате есть часы? — Он успел заметить, что аугмент перестал отвечать на запросы.

Зехуни внезапно улыбнулись.

— Нет.

Восхитительно. Брезан решил, что лучше подождать, пока он не узнает больше, чем рисковать головой. Он старался не думать о том, что сказала бы его сестра, Кел Миузан. В детстве её заявления в духе «из меня выйдет лучший на свете Кел, в отличие от кое-кого», омрачали его существование.

— Большую часть инструкций вы прочитаете на бумаге, — продолжили Зехуни, — но сценарий в общих чертах таков. Вы — часть оператив-

ной группы Кел, которую послали подавлять восстание в изолированном городе. Поступили сведения, что в ваших рядах имеется «падающий ястреб», сотрудничающий с повстанцами, но информатор умер, прежде чем смог указать на предателя. Удачи в выяснении ситуации.

«Падающий ястреб» — один из тех редких Кел, которым невозможно было привить формационный инстинкт. Брезан презрительно скривил губы. Он с нетерпением ждал возможности уничтожить предателя.

Вэй захотела задать вопрос и получила разрешение.

— Сэр, каково условие победы?

— Давайте я так сформулирую, — сказали Зехуни. — Вы сразу поймете, если проиграете.

Больше ни у кого не было вопросов.

— Ладно, — сказали Зехуни. — Идите.

Дверь открылась. Невозможно было разглядеть, что находится за ней. Брезан увидел в мерцающем мареве свой сигнификат, «Пепельный ястреб, разъятый», и ощутил легкое головокружение, которое означало, что остальные видят что-то иное — видимо, собственные сигнификаты. Его старшей сестре Миузан посчастливилось заполучить куда более респектабельный вари-

ант, «Пепельный ястреб, бдящий». Впрочем, когда в последний раз они оба навещали родителей, старший отец велел ей перестать выпендриваться из-за дурацкого личностного теста в картинках и пойти привести в порядок колоссальную семейную коллекцию старинного оружия. Оглядываясь назад, он понимал: надо было заняться звукорежиссурой, как самая старшая из сестер. Тогда бы он не оказался здесь, покрываясь потом из-за шутки в духе Шуос — то есть такой, от которой кому-то точно будет больно.

Очередь двигалась. Брезан невольно стиснул зубы, когда пришел его черед. Удивительно, но переступить порог оказалось не больно, хотя он и приготовился к этому. Какое-то мгновение он не мог понять, где находятся его руки и ноги по отношению к остальному телу. Но он знал, что лучше не цепенеть. Лучше не проверять на себе, что случается с людьми, которые застревают в дверях. Потом он снова обнаружил, где верх, а где низ, и оказался в комнате один.

Стены были сложены из блестящего черного кирпича — если, конечно, существовали такие кирпичи, которые производили впечатление огромных расправленных крыльев, когда смотришь на них краем глаза. Брезан оторвался от

созерцания стен — это была небрежность, надо сосредоточиться — и подошел к столу. Стол и сопутствующее ему кресло, к его облегчению, были обычными. Он взял конверт, который был из бледной кремовой бумаги. Едва коснувшись его, Брезан понял: что-то не так. Кто, черт возьми, потратил шелковичную бумагу такого качества на тренировочные упражнения? В тех случаях, когда Академия использовала вместо сетебумаги настоящую, предпочтение отдавалось материалу с чуть восковой поверхностью, на которой удобно было писать масляными карандашами.

Первым предметом в конверте оказалась карта города и его гарнизона, несомненно, вымышленная. Впрочем, в гекзархате было много одиноких городов на изолированных лунах, так что кто знает. Карта была скопирована вручную человеком, не лишенным художественного чутья. Конверт также содержал еще две карты — к счастью, всего лишь распечатки, — отображающие приблизительное расположение важнейших объектов с кратким описанием. Сейчас он моргнет, и они превратятся в карты сокровищ, написанные призрачным ихором, как в приключенческих историях его соседа по двухъярусной кровати.

Далее он достал документы, в которых содер-

жались бесполезные сведения о повстанцах, которых по неясным причинам называли Пурпурными, и об их первом шаге. Они убили приезжего властителя из фракции Андан. Брезан машинально подумал: «Туда ему и дорога» — и, наверное, это пришло в голову не только ему. Хоть означенный Андан и был вымышленным, в последние десять лет отношения между Кел и этой фракцией были натянутыми.

Затем были правила, включая напоминание о том, что на каждый ход отводится шесть минут. Он мог сохранить карты и прочие материалы. Ещё имелся единственный чистый лист бумаги. Игрок мог адресовать свой приказ конкретному подразделению или кадету, и задание должно было поместиться на листе. Правила ничего не говорили о том, насколько разборчиво следовало писать. Своё решение надо было вложить в конверт до конца отведенного времени. Конверт сканировал содержимое листка и отправлял инструктору. Звон колокольчика должен был уведомить Брезана, когда можно снова открыть конверт и сделать следующий ход.

И, наконец, он добрался до заключительных инструкций. Они были написаны на маленьком листочке ещё более качественной бумаги, краси-

вым каллиграфическим почерком. Брезан брал обязательные уроки каллиграфии, сам владел кистью в лучшем случае сносно, однако мог оценить красоту. И всё же эстетика лишь на миг отвлекла его от содержания инструкций.

«Ты — падающий ястреб», — сообщал листок. И перечислял правила, по которым он мог отдавать приказы игрокам Пурпурных, а также то, что ему позволялось делать с Кел. Правила были лаконичными, элегантными и жестокими. Он понятия не имел, какие роли достались прочим кадетам, но уже видел способы, позволяющие выяснить это окольными путями.

— Да пошли вы… — проговорил Брезан вслух, хотя за ним точно наблюдали. Он не собирался быть предателем.

Как и все остальные кадеты, после первой инъекции формационного инстинкта он подвергся испытанию Первой формацией, но прошел его с большим трудом. Он был не «падающим ястребом», нарушителем формаций, но… кем-то вроде того. Неужели этот дрянной помощник гекзарха назначил его на эту роль специально, чтобы проверить?

«Ты у меня попляшешь», — подумал Брезан. Но надо было играть по правилам. Он не станет

жульничать, как Шуос. Пусть это и соблазнительно.

Шесть минут ещё не прошли — если, конечно, Зехуни об этом не соврали. Руки Брезана вспотели. Он знал, что нужно делать. Нет смысла откладывать.

Будучи «падающим ястребом» он, в строгом смысле слова, Пурпурный игрок.

Он взял ручку и написал: «Приказ Режни Брезану, Пурпурному игроку. Помоги любому игроку Кел, который свяжется с тобой, в меру возможностей».

И сунул листок в конверт. На большом и указательном пальцах появились чернильные пятна. Он забеспокоился, достаточно ли аккуратным вышел текст, но воздержался от того, чтобы снова открыть конверт.

«Ну вот», — подумал он свирепо и стал ждать, когда его вышвырнут с учений.

Долго ждать не пришлось. Через пять ходов листок бумаги сообщил, что он погиб во время бомбардировки Пурпурными университета, где руководил отрядом Кел, работавшим в качестве спецназа во время демонстрации. Работа для Видона, только вот по условиям задачи членов этой фракции у них было недостаточно.

В дверь постучали.

— Выходи, если уже ознакомился со своей судьбой, — раздался голос Шуос Зехуни. — Материалы можешь оставить или забрать на память, как пожелаешь.

Да уж, море возможностей. Брезан собрал бумаги и вышел через дверь в конференц-зал. Шуос Зехуни сидели в одиночестве, вглядываясь в терминал, показывавший нечто среднее между чернильным пятном и дорожно-транспортным происшествием.

— Полагаю, я умер первым, сэр? — сказал Брезан, угрюмо оглядывая комнату.

— Нет, кое-кто вылетел после второго хода, — ответили Зехуни. — Так всегда случается. Ты, должно быть, удивляешься, почему ты здесь.

Брезан напрягся, жалея, что он не в бронежилете.

Уголки рта Зехуни поднялись.

— Что, никаких догадок?

— Я воспользовался лазейкой и поступил не так, как положено Кел, — проговорил Брезан. Он не мог дождаться окончания этого разговора. — Я ожидаю выговора.

— О, мы, Шуос, подобных глупостей не делаем, — сказали Зехуни. — Если кто-то портит

сценарий учения, мы заставляем его или её разработать следующий, под наблюдением. Затем мы запускаем его, позаботившись о том, чтобы каждый кадет, принимающий участие в учениях, знал, кто автор сценария.

Брезан порадовался, что Академией Кел руководят именно Кел, которые действуют согласно правилам, а не хорьки, призраки или члены фракции Шуос. Он посмотрел в спокойное, темное лицо Шуос Зехуни и спросил себя, какого ответа от него ждут.

— Ты здесь, потому что твоё решение привлекло мое внимание, — сказали Зехуни. — Дух Кел, но метод не келский. Ты остался верен своим соратникам, отредактировав правила.

— Но это всё равно меня убило, сэр, — сказал Брезан, хоть и не в его интересах было напоминать об этом инструктору.

— Да уж, какая неожиданность — Кел погиб при исполнении.

— Я ещё не Кел, сэр.

— Мелочи, мелочи… — отмахнулись Зехуни. — А хочешь поглядеть, как дела у остальных? — И они напечатали команду на терминале.

Дисплей терминала расплющился, затем появился в трех измерениях над столом конфе-

ренц-зала. Не нужно было быть гением, чтобы понять: Пурпурные громят кадетов. Конечно, соперником управлял взрослый Шуос, чьи честные игры остались в далёком детстве, но Брезан надеялся на менее односторонний перевес. Пара его одноклассников обычно демонстрировали блестящие тактические способности. Что пошло не так?

— У меня есть сведения, которых нет у тебя, — сказали Зехуни. — Взгляни, это список ролей. — Они снова ввели команду.

Рядом с пурпурными отметками на карте появились надписи всё тем же каллиграфическим почерком.

«Ты — падающий ястреб».

— Все получили одно и то же, — сказали Зехуни.

Брезан вздрогнул и схватился за край стола.

— Я спросил не о том правиле, — проговорил он невыразительным голосом. — А если бы я задал нужный вопрос, вы бы ответили, сэр?

— Сомневаюсь. — Зехуни прищурились. — Я превосходно умею лгать.

— Удивительно, что мы не уничтожили себя быстрее. — Никто и не подумал подвергнуть сомнению приказы — типичная патология Кел.

Поскольку кадеты были изолированы друг от друга, они стали легкой добычей.

Зехуни увеличили часть карты, где обстановка была особенно катастрофической.

— Полезный урок, не правда ли? Но вот что я тебе скажу. Много лет назад в Первой Академии Шуос мы провели аналогичные учения. Вместо подразделений Кел были лазутчики, выполняющие работу по борьбе с повстанцами, к которой они не были подготовлены, но основная идея та же. В тот раз кадеты победили.

— Уверен, решение было хитроумным, сэр, — проговорил Брезан самым нейтральным тоном. — Что они использовали? Невидимые чернила? Обученных белок-посыльных? Отраву для инструктора?

— Ну, не надо так расстраиваться, — сказали Зехуни почти ласково. — Кадеты выиграли, потому что один из них предложил то же самое решение, что и ты. Разница в том, что он заранее узнал, какой сценарий будет применен. У нас же, как ни крути, другие правила относительно жульничества. Он оповестил других кадетов. Все поступили аналогично, и с того момента они работали сообща, чтобы одолеть инструктора.

Хоть Шуосы и славились тем, что наносили

друг другу удары в спину чисто рефлекторно, Брезан всё равно был впечатлен.

— У тебя не было такой возможности не только из-за предрассудков Кел, но и потому, что моя система безопасности лучше, чем любые гипотетические попытки взлома. Но всё же я задаюсь вопросом. Почему ты решил стать Кел?

— Моя семья, сэр, — сказал Брезан после долгой паузы.

— Это не объяснение. Я не сомневаюсь, что ты справишься, но, честно говоря, лучше бы тебе не быть типичным Кел. Что будет непросто в обществе — без обид — строгих конформистов.

Брезан подавил желание бросить на Шуос Зехуни испепеляющий взгляд — вряд ли такое сыграло бы в его пользу.

— Я не прочь завербовать тебя в ряды Шуос, — продолжили Зехуни с видом человека, который четко осознает, насколько ужасны его слова. — Мы бы использовали тебя куда лучшим образом, и уж точно обучили бы скрывать эмоции. Надеюсь, ты не будешь играть в джен-цзай, иначе спустишь целое состояние. Но, сдается мне, ты полон решимости делать все по-своему.

Пока Зехуни говорили, на субдисплее мигали огни, оповещая о сделанных ходах. Они их игно-

рировали. Их голос сделался резким.

— Кстати, тебе может быть интересно, кем был тот кадет Шуос. Его звали Вохан Микодез.

Гекзарх Шуос мать его Микодез. Убийца кадетов Микодез, самый блистательный из Шуосов, который не был по совокупности массовым убийцей. Это было последнее, что Брезану хотелось бы услышать.

Зехуни вернулись к своему планшету. Брезан уставился на их голые руки и поклялся самому себе, что будет скучным, заурядным, лишенным воображения Кел, в точности как герой любого келского анекдота.

И по этой причине после переворота, который устроил Джедао, было очень «весело» прийти в сознание и услышать спор на тему о том, Кел он или нет.

— …любой может надеть черные перчатки и форму, если хочет, чтобы его из-за этого подстрелили, — говорил кто-то высоким голосом. — Послушай, подожди, пока мы не выясним, куда, черт возьми, подевался работающий генный сканер. Я не знаю, что заставило Хачея разобрать на части хороший прибор. Подумаешь, какой-то там странный, надоедливый и прерывистый звук.

Брезан попытался моргнуть или открыть глаза.

Веки были словно прикованы цепью. Он понимал, что все еще находится в спальной капсуле, куда его засунули по приказу Джедао. Всё делали очень быстро, и он мало что запомнил, не считая обрывочного холода и ощущения, что кто-то играет музыку вне пределов досягаемости. Для пробы он попытался пошевелить руками. Тоже не получилось.

Темнота под веками была удушающей, и он почти пропустил то, что говорил второй, гораздо более глубокий голос.

— …не повезло. Бунт? Ты серьезно?

— Или, может быть, какой-то замысловатый план Командования Кел. Ты же знаешь, как это бывает, — сказал первый голос.

Брезан вспомнил, что должен предупредить Командование о случившемся, только вот у него кружилась голова и никак не получалось успокоить дыхание.

— …вот этот, например. Честно говоря, раз уж они провели подготовку вот так, тяп-ляп, отчего просто не расстреляли всех?

Брезан и сам был не прочь получить ответ на этот вопрос. Он приоткрыл веки. Тусклый свет просачивался в спальную капсулу, и один из медиков представал в поле зрения расплывчатым

пятном. Брезан попытался постучать, но сам не понял, удалось ли ему пошевелить рукой.

После бесконечно долгой паузы медик открыл капсулу. Брезан сморщился бы от внезапного яркого света, но с координацией оказалось совсем плохо. И говорить он тоже не мог.

— Взгляни на знаки отличия, — сказал мужчина. — Это какой-то офицер, верно?

Кем бы ни были эти медики, они явно не Кел.

— Это подполковник, болван. — Владелец первого голоса говорил так, словно считал своего напарника не умнее слизистой плесени. — Но в наши дни любой скучающий ребенок может украсть келскую униформу и взломать её.

Брезан открыл рот, чтобы возразить. Вместо этого его настиг болезненный приступ кашля. Во рту был привкус меди. После этого никак не мог отдышаться и так отвлекся, что даже не заметил, как сервиторы переложили его на койку.

— …ясно, что произошло, — продолжил первый голос. — Я имею в виду, что они не могли просто взять и бросить «падающего ястреба». Кел расстреливают «падающих ястребов», когда их обнаруживают. Он, должно быть, самозванец. Хотя я не знаю, почему они не застрелили самозванца. Я понимаю, почему им пришлось вернуть

Нирай и прочих к своим, но этот вот — прямо форменная загадка. Никакой закономерности. Должно быть, это был настоящий мятеж. Я бы купил билет, поглазеть на такое зрелище.

— Это был не гребаный мятеж, — сказал Брезан, прежде чем осознал, что к нему вернулся голос. Казалось, кто-то обработал голосовые связки рашпилем, но это было лучше, чем ничего.

Оба медика с интересом уставились на него. Первый говоривший был маленьким и бледным, его взгляд выражал безграничный цинизм. Второй вертел в руках стилус.

— Вот как? — сказал он. — А что случилось? Пока ни у кого нет связной истории.

Брезан пришел в себя достаточно, чтобы заметить, что ни один из медиков не одет в цвета какой-нибудь фракции. Он не мог выболтать правду гражданским. Очередной приступ кашля помешал ему ответить.

— Он будет в такой же истерике, как и остальные, — заметил первый медик. — Усыпи его, и пусть сервиторы разбираются.

— Я подполковник Кел Брезан, — сказал Брезан, тяжело дыша. — Мне нужно добраться до защищенного терминала.

— Похоже, он говорит серьезно, — сказал вто-

рой медик, как будто Брезана не было рядом.

— Ну и что он с нами сделает? Отдаст приказ? Я хочу сказать, не кажется ли тебе странным, что мы на 73 процента декантировали этих неудачников, и это единственный ястреб — я не имею в виду офицера, я имею в виду любого Кел — во всем грузе? Чертовски подозрительно, если хочешь знать мое мнение.

Брезан был готов придушить обоих, но в его теперешнем состоянии это была ужасная идея. Ну ладно. Если у первого медика была какая-то теория заговора — не такая уж и неразумная, учитывая обстоятельства, — он может подыграть.

— Ну ладно, ваша взяла, — сказал он, стараясь скрыть раздражение. — Меня выгнали, потому что я работаю на Шуос. Позвольте мне доложиться начальству, прежде чем я убью вас пряжкой от ремня. — Глупая угроза, но лучшей он придумать не мог.

Медики переглянулись.

— Я же тебе говорил, тут кроется что-то этакое! — заявил первый второму с огнём в глазах. Потом продолжил, обращаясь к Брезану: — Ты в плохой форме. Мне придется следить за тобой во время сеанса связи.

Любители сплетен. Вот дерьмо. Если он попыта-

ется сказать Командованию Кел правду, это будет не только утечка информации — его ещё и накачают успокоительными, решив, что это бред.

Было трудно мыслить ясно, и когда он пытался рассмотреть вещи слишком пристально, у него начинало двоиться в глазах. Но надо было предупредить Командование.

— Пошлите сообщение Шуос Зехуни с самым высоким приоритетом, какой возможен, и скажите, что его вызывает Режни Брезан из роя «Лебединый узел». — Зехуни наверняка игнорируют половину ерунды, которая приходит на их адрес, но, возможно, они вспомнят кадета, с которым столкнулись много лет назад. И всё же, что именно он может раскрыть, не опасаясь последствий? Да ещё и по каналу, чью надежность нельзя гарантировать? — Скажите, что я наткнулся на ещё одного человека, который знает, как победить в игре «Пурпур-53», и хочу побеседовать с ними об этом.

Возможно, это было слишком уклончиво, но Брезану отчаянно хотелось погрузиться в сон, чтобы мир перестал выглядеть так, будто он смотрит на него из-под воды.

Первый медик воодушевился. Дурацкое послание, должно быть, внесло волнующее разнообра-

зие в его рутину.

— Отдыхайте, агент Шуос, — заявил он. — Я обязательно отправлю ваше сообщение куда надо.

После этого разговор продолжался, но Брезан был слишком занят, погружаясь в беспамятство, чтобы хоть что-то услышать.

Глава четвертая

Последним хобби гекзарха Шуос Микодеза было контейнерное садоводство. В эту минуту он любовался необычайно уродливым цветком, который произвела на свет зеленая луковица, занимавшая видное место на его столе. Он также пил чай со своим младшим братом, Истрадезом. Вохан Истрадез был совершенно не в восторге от такого развития событий. Это означало еще одну деталь о Микодезе, которую нужно запомнить, не говоря уже обо всех подробностях относительно разновидностей грунта и дренажа.

Микодезу повезло с привлекательной внешностью рода Вохан, которая практически не требовала отладки на генетическом уровне. Он был высоким и чрезмерно худым от препаратов, которые принимал, с безупречной темной кожей, блестящими черными волосами и улыбчивыми глазами. Однажды он пошутил, что присоединился к фракции Шуос, потому что её красно-золотой мундир выгодным образом смотрится с его цветом кожи и волос. В тот момент его младший родитель пригрозил схватить Микодеза и насиль-

но перекрасить его волосы в бирюзовый цвет.

Истрадез выглядел точной копией брата, и это не было совпадением. Сегодня, наряду с копией униформы гекзарха, он носил такие же топазовые серьги. Родившись младшей сестрой Микодеза, он прошел модифицирование, чтобы стать двойником Микодеза на том основании, что это было почти так же хорошо, как если бы Микодез собственной персоной мог находиться в двух местах одновременно, и преимущества были почти так же хороши, как и недостатки.

— Кстати, спасибо, что выбрал такое уродливое растение, — сказал Истрадез. Он без труда имитировал интонации брата. — Ты разве не мог отдать предпочтение чему-нибудь красивому, например форзиции? Даже Зехуни согласны со мной, что оно как бельмо на глазу.

— Да, — сказал Микодез, понимая, что Истрадез ворчит не потому, что ему небезразличен внешний вид цветка, но потому что он заперт в Цитадели Глаз — звездной крепости, которая служила штаб-квартирой Шуос, — на протяжении вот уже месяца и двенадцати дней. — Но из него получился отличный гарнир для куриного супа с женьшенем, не так ли?

Истрадез посмотрел на срезанные листья зло-

получной зеленой луковицы.

— Не понимаю, как ты можешь судить, если сам едва притронулся к супу. — Он постучал по подносу с печеньем, которое Микодез уничтожил.

— Это цена, которую я плачу за то, что никогда не сплю, — мягко сказал Микодез. Его помощник Зехуни регулярно и безуспешно пытались заставить его следовать здоровой диете. Микодез обычно отвечал, что сладости еще не убили его, так зачем же портить то, что работает?

— По крайней мере, ты сегодня в хорошем настроении, — сказал Истрадез и улыбнулся Микодезу его же собственной улыбкой.

В моменты откровенности Микодез признавал, что не видит разницы, но в этом на самом деле и была вся суть. «Здесь необязательно так себя вести», — иногда хотелось ему сказать, но это было неправдой. Даже в Цитадели Глаз, даже в этой гребаной комнате, где они сидели друг напротив друга, как близнецы, он не осмеливался. Печальная правда: паранойя была его профессией. Иначе он не продержался бы сорок два года в качестве гекзарха.

— Я думал, куриный суп придется тебе по вкусу, — сказал Микодез. Келская пища, которую он сам считал ужасно банальной. Но после долгих

миссий, на протяжении которых приходилось есть то, что предпочитал настоящий гекзарх, Истрадез обращался к простой еде. Микодез не мог отказать любимому сородичу в такой мелочи.

Истрадез взмахнул ресницами, глядя на Микодеза.

— Так и вышло. Со мной просто трудно.

— Лисы оберегают нас.

— Можно подумать, лисы когда-нибудь славились конструктивностью.

— Ты делаешь мне больно, — заметил Микодез. — Лисы могут быть полезны, если их правильно обучить.

— Но тогда они уже не лисы, а всего лишь гончие.

Во фракции Шуос этому различию уделяли особое внимание. Большинство чужаков считали их всех лисами. Но сами Шуос делили свои ряды на лис и гончих. Первые были эффектными «тайными» агентами, героями драм; вторые — бюрократами, техниками и аналитиками, которые выполняли настоящую работу. (У Микодеза, который учился на администратора с уклоном в аналитику, были на этот счет свои предубеждения.)

— Ты говоришь «всего лишь», как будто это плохо, — сказал Микодез. Он взял конфету из вазы, стоящей на столе между ними, и раскусил твердую, посыпанную сахарной пудрой оболочку, добравшись до еще более сладкой, со вкусом сливы, сердцевины. — Одна лиса умнее, чем одна гончая; а вот свора гончих — это совсем другое дело. И я всегда считал, что правильно управляемая бюрократия смертоноснее любой бомбы.

— Я постараюсь не отпускать очевидных шуток насчет бумажной работы. — Истрадез избегал более очевидных шуток о Джедао. — Я так рад, что не занимаюсь твоей работой. Достаточно того, что в меня стреляют — не хватало ещё и возглавлять фракционную политику.

Это было не совсем так. В силу необходимости Истрадезу иногда приходилось принимать политические решения сообразно своей роли. Но Микодез всегда следил за тем, чтобы его полностью информировали и чтобы у него была команда советников, на которых можно положиться, как сам Микодез полагался на Зехуни и собственный штаб.

— Кстати, ты ещё не придумал для меня какое-нибудь задание?

— Еще не время, — сказал Микодез. — Обста-

новка наскучила? Послушай, у тебя в последнее время с объемом внимания почти так же плохо, как у меня. Ты должен встретиться с кем-нибудь из Рекреации и высказать свои мысли на эту тему.

— Извини, но ты платишь мне только за то, чтобы я был тобой, а не за то, чтобы я выполнял за медиков их работу.

— Но можно же попро…

Тревожное уведомление помешало Микодезу договорить.

— Сообщение с высоким приоритетом от Шуос Зехуни, — сообщила сеть. — Зехуни просят о немедленной встрече с вами, наедине.

Истрадез печально улыбнулся брату.

— Оставляю тебя наедине с последним ЧП глобального масштаба, — сказал он. — Если разобьешь зеркало — ты в курсе, где меня найти. — Он наклонился и обнял Микодеза, поцеловал в губы. Время от времени они становились любовниками, на что прочая семья поглядывала с изумлением. «Ну, по крайней мере, они заняты друг другом», — решила их старшая мать. Поскольку эти двое родились в яслях с разницей ровно в год, семейное суеверие утверждало, что они будут особенно близки. Микодез не особенно

интересовался постельными упражнениями как таковыми, но ему нравилось радовать Истрадеза.

Микодез отмахнулся от брата.

— Да-да, — сказал он, — наслаждайся свиданием и не забудь вынести кровавые подробности в приложение, чтобы я мог пропустить его со спокойной душой.

— Я расскажу тебе всё-всё лично, — ласково пообещал Истрадез. — Я позабочусь о нашем племяннике за нас обоих, пока ты занят.

— Буду благодарен.

Истрадез вышел, и его неторопливая походка совсем не напоминала походку брата.

Через несколько минут после его ухода Зехуни попросили разрешения войти в кабинет Микодеза. Тот впустил помощника. Он всегда удивлялся тому, что они чуть ниже его ростом, как будто он всё ещё был кадетом, которого вызвали для незапланированной проверки. (Поздний всплеск роста.) Зехуни завернулись в бордовую шерстяную шаль. Они были уже в почтенном возрасте и жаловались, что у Микодеза в комнатах слишком холодно.

На руках у Зехуни извивалась кошка: рыжая полосатая Цзеньцзи, которую, как и всех прочих

кошек Зехуни, назвали в честь известного убийцы из фракции Шуос. Даже у такого любителя кошек, как Зехуни, вряд ли скоро закончились бы имена. При первой же возможности Цзеньцзи вывернулась из хозяйской хватки и вскочила на стол Микодеза.

— О, нет-нет, сюда нельзя, — сказал Микодез и, подхватив зверя, вернул на пол. Он не собирался терять свою зеленую луковицу из-за докучливой представительницы семейства кошачьих. — Итак, Зехуни, что такого срочного вынудило вас прервать мой досуг с семьей?

Обычно после общения с Истрадезом оба отправлялись повидаться с племянником.

Зехуни не улыбнулись в ответ на добродушный тон. Гекзарх тотчас же насторожился.

— Вам это не понравится, — сказали они. — Гекзарх Нирай Куджен пропал без вести.

Микодез не стал тратить время на изумление. Он повернулся к терминалу и сказал:

— Детали.

Зехуни передали ему код файла. Микодез его открыл. Содержание доклада оказалось даже хуже, чем он ожидал.

Теоретически гекзархатом совместно руководили шесть фракций. Три высокие: Рахал, которая

управляла высоким календарем и устанавливала законы; Андан со своими финансистами, дипломатами и ремесленниками; и Шуос, которая специализировалась либо на информационных операциях, либо на предательстве, в зависимости от того, с какой стороны взглянуть. Три низкие: Кел, больше известная своими военными; Видона, которая занималась образованием и церемониальными пытками, которые были основополагающими для календарных поминальных ритуалов; и Нирай, которая состояла из техников и исследователей.

«Высокими» и «низкими» фракции именовались по старой памяти, это была скорее дань традиции, чем отражение реальной власти, которая колебалась в зависимости от ресурсов, внутренней борьбы и взаимодействия между гекзархами. Нирай выделялись тем, что их истинный гекзарх, Куджен, был бессмертным. Или, точнее, немертвым — ревенантом, который привязывал себя к живой марионетке, чтобы постоянно контролировать её.

Публичным лицом фракции была фальшивый гекзарх Нирай Файан. Куджен выбрал её за сочетание административных способностей и специфической одаренности в календарной ме-

ханике. Микодез всегда подозревал, что Куджен с самого начала знал: рано или поздно Файан начнёт плести собственные интриги.

Микодез также подозревал, что Куджен очень быстро догадался, когда Файан и гекзарх Рахал сговорились разработать альтернативное устройство, наделяющее бессмертием — менее опасное для рассудка его пользователей. Куджен называл собственное «черной колыбелью» и, казалось, был ею вполне доволен, но Куджен, ко всему прочему, был еще и психопатом. Большинство людей, знавших, как функционирует «черная колыбель», считали ее прославленным орудием пыток.

Куджен столетиями противостоял другим гекзархам. Он давно бы избавился от них, если бы не тот факт, что они выполняли утомительную правительственную работу, так что он мог сосредоточиться на исследованиях, которые были его страстью. Гекзархи, особенно Кел Тсоро, мирились с этим, потому что Кужен постоянно предлагал все более лучшие мот-двигатели для перевозки людей между звездами и все более смертоносное оружие для келских боемотов.

И вот Куджен исчез, не оставив следов. Этот человек имел обыкновение уединяться со сво-

ими проектами на годы, позволяя фальшивому гекзарху выполнять официальные обязанности вместо себя. Файан, очевидно, доводила себя до помрачения рассудка, пытаясь определить, что приключилось с Кудженом и не пора ли захватить власть по-настоящему, свергнув того, кто вручил ей фальшивые бразды правления. Микодез пожелал ей удачи. Он пока что был не в курсе, что да как, но не сомневался, что Куджен все предусмотрел и принял контрмеры. Маловероятно, чтобы бессмертный гекзарх продержался девять веков в виде паразита, не овладев кое-какими базовыми навыками выживания.

Цзеньцзи надоело атаковать стол, и она принялась усеивать рыжей шерстью ковер Микодеза. Ну ладно, ковер был большей частью самоочищающимся, а что ему не удастся поглотить, приберут сервиторы. Вообще-то один из них уже подлетел и методично следовал за кошкой.

— Вы правильно поступили, сообщив мне об этом, — сказал Микодез Зехуни, — хотя я не уверен, что мы можем предпринять, помимо наблюдения за ситуацией. Что меня сильней всего тревожит, так это момент. Он не может быть случайным.

— А разве хоть что-то бывает случайным? —

сказали Зехуни. — Я могу лишь предположить, что Куджен настоял на новых, в особенности чрезмерных протоколах по изъятию генерала Джедао и его якоря, чтобы мы подумали, будто он намерен ошиваться поблизости, чтобы поглядеть на результат эксперимента.

— Ему, вероятно, крайне не понравилось, что Ируджа и Файан почти разработали собственный метод получения бессмертия, — сказал Микодез. Таковым собирались наделить всех гекзархов. Он планировал отказаться — хоть ему и нравилось болтать с Кудженом обо всем, от приобретения нужных Кел до распределения бюджета, он не был уверен, что бессмертие благотворно воздействует на чью бы то ни было психику, — но остальным не нужно было этого знать.

— Даже если он не взломал ваши файлы с планами на крайний случай, — сказали Зехуни, — он наверняка догадался, что это вы ответственны за попытку его убить, предпринятую по соглашению всех прочих.

— Ну, да, — сказал Микодез. — Оттого наши беседы становятся лишь более увлекательными. И всё же он ненавидит покидать свою станцию, а мне не нравится, что за ним невозможно наблюдать. Ируджа потребует, чтобы я прита-

щил его обратно, хотя бы ради того, чтобы он не разродился каким-нибудь безумным новым супероружием, пока она не испробовала бессмертие. — Пусть Файан и заявляла, будто может победить старение, пуля, угодившая куда надо, всё равно оставалась смертоносной. Микодез давно перестал ждать от Ируджи разумного подхода к этой теме.

Он нахмурился, перечитывая донесение.

— Запланируйте совещание с соответствующими аналитиками через полчаса. Эта чертова история с финансовыми нарушениями подождет до завтрашнего утра.

— Мы надеялись, что вы это предусмотрели.

— С каких это пор мне удается предусмотреть то, что не предвидели вы?

Зехуни бросили на Микодеза взгляд, хорошо знакомый по Академии: «Выключи дурочку, кадет».

Гекзарх поморщился.

— Буду разочарован, если окажется, что вы до сих пор не покопались в моих файлах с наихудшими сценариями. Вопрос в том, сообщит ли Файан новость другим гекзархам первой, или мне следует её опередить? Я почти хочу, чтобы это была бомба. Куджен, может быть, и велико-

лепный творец оружия, но я почти уверен, что у него нет необходимого опыта для того, чтобы затевать внезапные атаки, не попадаясь.

— Нет, вы путаете его с другим, гораздо менее опасным социопатом из арсенала гекзархата, — сказали Зехуни с легким оттенком сарказма.

— Я вас умоляю… — ответил Микодез. — Кто, по-вашему, опаснее: математик, с которым связан весь наш образ жизни, или простой генерал, чей главный талант — склонность к самоуничтожению?

— Как будто «опасность» — это параметр, который можно измерить с помощью единственной оси, — парировали Зехуни, а потом наклонились за своим зверем. Кошка, безупречным образом предвидев это, нацелилась прыгнуть на стол, но промахнулась и неуклюже приземлилась на ближайший стул. Зехуни пришлось охотиться за Цзеньцзи по всему кабинету, пока не удалось загнать зверька в угол возле шкафа. (Вот уже который раз это оказывался один и тот же шкаф. Цзеньцзи была глупой даже по кошачьим меркам. Микодез как-то раз спросил у Зехуни, не намёк ли это на уровень интеллекта шуосских убийц — что было особенно интересным вопросом с учетом того, как они познакомились, — но

в ответ получил лишь улыбку, которая ничего не проясняла.)

— По крайней мере, Джедао теперь нам не мешает, — сказал гекзарх. — Если и Куджен покинул сцену, может быть, у меня появится возможность убедить Командование Кел, чтобы они больше его не выпускали. И тогда вы сможете назвать того милого чёрного котёнка в его честь.

— Не бывать такому, — сказали Зехуни. — Суеверия иррациональны, но немного иррациональности вполне оправданно, когда дело касается этого человека.

Микодез ещё не знал, что в ближайшие дни у него будет масса возможностей поразмыслить над этими словами.

Глава пятая

Кируев могла придумать веские причины, по которым генерал Джедао не хотел загонять ее в угол после последнего совещания штаба, ни одна из которых не подразумевала доверия со стороны генерала. Одиннадцать дней прошло с тех пор, как Джедао забрал рой. Джедао посвятил это время совещаниям и обучению роя необычным формациям. В течение последних четырех дней — как тут не вспомнить о суеверии Кел, удачно-неудачной четверке — Джедао приглашал штабных офицеров поодиночке в свои апартаменты на встречи, которые длились в среднем час тридцать семь минут. Кируев вспомнились сказки о голодных лисах-призраках, которые любила рассказывать мать Аллу. И не могло быть совпадением, что Джедао приказал отключить композитные соединения. Кируев предположила, что он предпочитает не рисковать, оставляя Командованию Кел путь для атаки в виде канала, который он не мог контролировать, потому что в его теле не было композитной проводки. Генерал не могла винить Джедао за то,

что он избегал операции, которая требовалась для её установки.

Так или иначе, штабные офицеры от этих встреч не пострадали. Майор Арвикой, выглядевший ужасно молодым даже по меркам общества, где большинство людей предпочитали оставаться молодыми, появился с обескураживающе довольным выражением лица. Улыбка подполковника Риозу была откровенно хищной. А полковник Стсан, начальница штаба, теперь изображала вежливую невозмутимость. Она почти наверняка знала, что за покушением стояла Кируев.

Кируев никому не могла доверять, она сама помогла избавиться от единственного из Кел, кто противостоял Джедао. Она каждый день об этом вспоминала.

— Вот мы и пришли, — сказал Джедао, когда они подошли к его каюте, как будто ничего особенного не происходило. Внутри их ждали два сервитора — гладкий металл и мигающие огоньки, птицеформа и паукоформа. Если бы Кируев не знала их лучше, она бы сказала, что они выглядят застенчиво. — Не возражаете сыграть в джен-цзай с парой сервиторов, генерал?

— С чего бы мне возражать, сэр, — сказала Кируев. Она не знала, что сервиторы интересуются

карточными играми, но разве кого-то вообще интересовало, чем они занимаются в свободное время?

Взгляд Кируев упал на картину, висевшую над столом. На самом деле её трудно было не заметить. Джедао взглянул на ее лицо и расхохотался.

— Хорошо, генерал. Выскажите свое мнение.

Ну, раз уж её попросили об искренности…

— Выглядит так, словно осколочная граната взорвалась внутри радуги.

— Мне нравятся цвета, — признался Джедао, и тихая тоска в его голосе заставила Кируев вздрогнуть. — Их так много. Но я больше не буду мучить вас этим. — Он махнул рукой, и изображение исчезло. — Как бы то ни было, сервиторы непреклонно стоят на том, чтобы я не давал им денег на настоящие ставки, и это хорошо, потому что я на мели. — Он вдруг улыбнулся. — Представьте себе, как отреагирует Командование Кел, если я попрошу выдать мне жалованье за всё минувшее время.

Кируев заняла указанное место напротив Джедао. Сервиторы дружелюбно помигали ей желто-оранжевыми лампочками. Она кивнула каждому по очереди, чувствуя себя странно, но, с

другой стороны, почему бы и нет?

Паукоформа раздала жетоны.

— Стандартные правила, сэр? — спросила Кируев. Она знала, что лучше не спрашивать, почему они тратят время на карточную игру. Джедао наверняка должен был преподать какой-нибудь замысловатый урок в стиле Шуос. Кируев иногда думала, что отношения Кел — Шуос могли бы измениться к лучшему, если бы кто-нибудь усадил всех Шуос и научил их делать презентации с простыми текстами на слайдах, как это принято у нормальных людей.

— Стандартные меня вполне устраивают, — сказал Джедао и посмотрел на сервиторов. — Вы двое знаете правила?

Они ответили приглушенными звуками в знак согласия.

— Могу я спросить, сэр… почему сервиторы?

(Много позже ей пришло в голову задуматься о том, какую выгоду из всего этого извлекли разумные машины.)

Джедао моргнул.

— А почему бы и нет? Когда я был жив, у нас не было машинных разумов. Я спросил, нет ли у них неотложных дел в другом месте, и они ответили, что нет.

Сервиторы, может, и не были людьми, но за столетия среди Кел приучились различать командиров — или что-то вроде — не хуже кого бы то ни было. Они оказались воспитанными противниками при игре в джен-цзай. Паукоформа не пыталась блефовать. А вот птицеформа, хоть Кируев и не была в этом уверена, использовала псевдослучайный генератор, поднимая ставки. Что касается Джедао…

Кируев покачала головой, когда Джедао перевернул последнюю карту и показал четверку роз. Хорошо еще, что они играли жетонами.

— Сэр, — проговорила она, — ваши шансы вытянуть внутреннее «Великолепие цветов» три раза подряд, они…

— …да-да, настолько крошечные, что такое число нельзя записать иголкой, — подхватил Джедао, откидываясь на спинку стула с кривой улыбкой.

Птицеформа тихо пискнула. Паукоформа втянула конечности в тело.

— Рад, что кто-то, наконец, сказал мне это в лицо, — продолжил Джедао. — Я уже начал задаваться вопросом, что же, черт возьми, надо сделать с отдельно взятым Кел, чтобы пробиться сквозь его панцирь. Так или иначе, негоже мух-

левать, когда в игре нет подлинных денег. Хотя кое-кого из моих сокурсников это не останавливало. Приношу вам свои извинения.

— Нет необходимости, сэр.

— Ну конечно есть.

— Тогда зачем вы это сделали?

— Затем, — сказал Джедао, собирая карты и выравнивая их в ладони, — что мы сражаемся не с другими Кел. Мы сражаемся с врагом, который заинтересован в келских правилах ведения боя исключительно в том плане, что они позволяют ему вязать из нас узлы. И поэтому противник будет мухлевать. А значит, мы должны мухлевать лучше.

Он отложил колоду и продолжил:

— У меня есть личный интерес, о котором вы, возможно, не знаете. Это было давно, и ни у кого нет причин помнить о случившемся, но мой родной мир был завоеван Хафн ещё в незапамятные времена и вследствие этого вышел из-под контроля гептархата.

— Кажется, я об этом не слышала, — сказала Кируев.

— Как я уже сказал, вы и не должны были. — Голос Джедао звучал ровно, однако Кируев в это не поверила. — В любом случае, если хроники не

лгут по поводу вашей победы у Ивового Прута, нет нужды рассказывать вам о ценности нетрадиционных методов ведения войны.

— Вы, конечно, не пропустили ту часть, где за свои действия я получила строгий выговор, — заметила Кируев. Ей на четыре года вдвое уменьшили жалованье и едва не понизили в звании.

— Вы победили.

— Мои методы не очень-то соответствовали Доктрине. Командование Кел имело полное право…

Джедао коротко рассмеялся.

— Командование Кел скорее повесит медали на трупы, чем на тех, кто выжил, совершив благоразумный поступок. И все же я псих, мне ли об этом судить?

— Нет смысла спасать граждан гекзархата, если они вот-вот падут жертвой ереси, — осторожно сказала Кируев.

— Где в Доктрине говорится, что неправильно учить людей организованно сопротивляться бунтовщикам, вместо того чтобы ждать, пока люди в красивой форме появятся и выполнят всю тяжелую работу?

— Изоляция Ивового Прута сделала этот случай необычным, сэр. Если бы был другой способ…

— Как говорили в Академии Шуос, «гипотетическими построениями сыт не будешь». Из наших уст такое слышать очень смешно — впрочем, забудьте. — Джедао хлопнул ладонью по столу, и стопка карт развалилась. Он встал. — Я покопался в мот-сети, расспросил ваших глав подразделений, связался с коммандерами других мотов и довёл их до ручки, а теперь я задаю тот же вопрос вам. Где, черт подери, наши разведданные по Хафн?

— Сэр… — проговорила Кируев, собираясь с духом, — мы говорим вам очень мало, потому что знаем очень мало.

— Это на удивление не смешно.

— Но такова правда. — Она хотела бы вручить Джедао какое-нибудь досье, хотя бы ради того, чтобы он сосредоточил внимание на подлинном противнике. — Все, что у нас есть — обрывки старых историй… — Она вспомнила о том, что ей совсем недавно поведал немертвый генерал о своем родном мире, но Джедао лишь плечами пожал. — А ещё — несколько наблюдений, которыми Андан соизволили поделиться после культурного обмена, который состоялся несколько лет назад. Если читать между строк, Андан и сами в замешательстве.

— Я видел эти увлекательные трактаты о почитании аграрного образа жизни, не говоря уже о пастушеской поэзии Хафн. Чертовски необычно для расы покорителей космоса, не говоря уже о том, что их описания доильных аппаратов причудливы — кто пишет стихи о доильных машинах?! — но я согласен, что Андан не помогут. Жаль, потому что именно у них есть специалисты по контактам, и если они застряли, мы вряд ли добьемся большего.

Кируев попыталась вспомнить, читала ли она что-нибудь о доильных аппаратах.

Ее вопрос, должно быть, отразился на лице, потому что Джедао сказал пренебрежительно:

— Эти описания не могут относиться ни к чему другому. Мама научила меня доить коров по старинке, хотя в исследовательском центре для этого имелись отличные машины. Вы удивитесь, сколько в моей биографии нелепых сносок.

«Это не самая странная вещь, которую я когда-либо слышала», — сказала себе Кируев, но не с полной уверенностью.

Джедао улыбался ей.

— Когда-нибудь я расскажу вам больше о своей матери. Она была немного эксцентрична. Ей нравилось смотреть те драмы, где гигантские

существа с щупальцами вторгаются из пространственных врат, и единственные выжившие — это крепкие деревенские ребята с большими пушками и верными, изумительными животными с фермы. Я надеюсь, Хафн не похожи на мою мать. Это было бы неприятно.

Жаль, что сервиторы не прилагали усилий, чтобы направить разговор в другое русло…

— Сэр, — сказала Кируев, — если вы думаете, что кто-то из нас скрывает от вас жизненно важную информацию, то можете расстрелять нас всех. Мы рассказали вам все, что знаем.

— Забудьте уже про эту келскую привычку выдвигать самоубийство в качестве довода в споре, — проговорил Джедао, но при этом он на неё не смотрел. — Хафн в строгом смысле слова — люди, так что мне хотелось бы верить, что я понимаю кое-какие из их основных мотивов, но понятие «человек» охватывает слишком многое. Но что мне точно известно, так это то, что их атака на Крепость Рассыпанных Игл почти увенчалась успехом. Надо их взорвать до того, как они совершат следующий ужасный поступок, но для этого нам нужно больше информации. То есть мы должны заставить их поговорить с нами.

— Крещендо-2, — ровным голосом произнесла

Кируев. — Крещендо-3. Найфер.

За свою карьеру Кируев повидала немало войн. Ни для кого не было секретом, что гекзархат был постоянно в одном шаге от того, чтобы разлететься на куски при новом восстании. Однако даже оружие еретиков, как правило, становилось предметом внятной классификации. Благодаря регламентам Рахал и работе Видона ереси редко имели возможность метастазировать в истинно дегенеративные формы.

У Хафн было целое общество, основанное на чуждом календаре, и их миры тоже должны были оказаться чуждыми. Андан говорили о делегатах, которых очень заботил этикет, но делегаты были аристократами, и кто знает, как выглядела остальная культура.

Когда Кируев впервые увидела запись атаки на Крещендо-3, она подумала, что ее сочинил драматург. Многочисленные башни из хрусталя, огромные зубчатые шпили и спиральные лестницы, удерживаемые только сверкающей паутиной. Колоссальные поющие бури и дожди, оставлявшие обугленные следы на скалах. Красно-синие деревья, которые вырастали, а потом рушились и начинали ползать, как бешеные. Аналитики пришли к выводу, что древовидные существа с

уродливыми многокамерными сердцами когда-то были людьми. Напрашивался вопрос: похожи ли простолюдины Хафн на людей в том виде, в каком те существовали в гекзархате? Ведь даже Шуос и Андан, увлеченные моделированием тел, признавали определенные границы.

— Да, я посмотрел все, что смог вытащить из мот-сети, — сказал Джедао.

— Раса, которая атакует первой, не делая никаких попыток общаться, вряд ли будет заинтересована в переговорах.

Джедао расхаживал по комнате. Его походка казалась странным образом слегка неравномерной, как будто он не привык к длине своих ног. Вполне возможно, учитывая обстоятельства.

— Тут я согласен. Но оружие говорит. Моты разговаривают. Всему есть что сказать, если знаешь, как…

— Командный центр вызывает генерала Джедао, — раздался голос из терминала. — Контакт с Хафн. Коммандер Джанайя просит вашего присутствия.

— Мы с генералом Кируев уже в пути, — ответил Джедао и продолжил, обращаясь к сервиторам: — Вы двое — спасибо, что потакаете мне. Увидимся в другой раз, если мы все выживем, да?

Наверное, приятно не отвечать на такие шутки. Кируев вышла вслед за Джедао. Сервиторы почтительно моргнули, а затем начали убирать рассыпавшиеся карты.

Пепломот перестроил свои коридоры так, чтобы их путь к командному центру был коротким и прямым. Кируев не нравилось сопутствующее головокружение. Ей вечно снились полы, которые должны были вот-вот развернуться, обнажив зубья нетерпеливых шестерней, но Джедао не выказывал никаких признаков дискомфорта.

Коммандер Джанайя отсалютовала им от имени всех, кто был в командном центре.

— Какие-то дозорные Хафн, сэр. Разведмот-7 приблизился к ним на максимальную дистанцию для сканирования. Форманты не опознаются. Трудно сказать, заметили ли они нас.

— Все моты — в режим боевой готовности, — сказал Джедао. Все терминалы загорелись красным. Он сел в командирское кресло и стал изучать показания сканера, пока ремни безопасности выползли из пазов. Кируев заняла свое место справа от генерала, чувствуя себя лишней.

— О, не смотрите так, — пробормотал Джедао. — Я намерен использовать вас по полной программе.

Насколько он серьезен?

— Если вам нужна информация от Хафн, — сказала Кируев, — сейчас самое время. Для них не секрет, что к ним приближается вражеский рой. Предположим, они засекли нас — так давайте проверим их возможности.

— Согласен, — с улыбкой ответил Джедао. — Связь, соедините меня с коммандером Кавинте.

Это была командующая «Опаленным часом», ведущим знамемотом тактической группы номер пять.

— Должна предупредить, она из спорщиков, сэр, — заметила Кируев.

— Да, я видел это в ее досье.

— «Опаленный час» отвечает, сэр, — ответил дежурный по связи и переадресовал вызов на терминал Джедао.

С первого взгляда казалось, что у коммандера Кавинте чересчур милое личико, полное симметрии и изящества, но её глаза всё меняли. В них был отблеск небрежной жестокости, которая теперь внезапно напомнила Кируев о Джедао.

— Генерал, — сказала Кавинте.

— Мы понятия не имеем, сколько там Хафн, потому что их мот-двигатели портят показания приборов, — сказал Джедао с веселой прямо-

той, — и, если уж на то пошло, диапазон их сканирования нам тоже неизвестен. Хотите помочь мне разобраться?

— Сэр, — резко сказала Кавинте, — вы наш генерал. Вы не должны ставить это на голосование. Просто отдайте приказ до того, как Хафн заметят, что мы медлим, и позовут друзей.

— О, я никогда ничего не ставлю на голосование, — сказал Джедао, — но ваш мозг — это ресурс, и я намерен использовать его соответствующим образом. Хотите продемонстрировать, насколько хорошо у Пятой тактической обстоят дела с Вторичным лексиконом?

Первичный лексикон включал формации, которые Кел отрабатывали во время учений и использовали в бою. Вторичный в основном содержал формации, которые представляли историческую ценность или использовались для пущей красочности во время парадов и празднований. Кавинте проявляла неизменный интерес к странным формациям. Наверное, предположила Кируев, Джедао потому её и выделил.

— Мы Кел, сэр, — сказала Кавинте. — Мы исполним все, что придет вам в голову. — В её словах слышался даже не намек на вызов.

— Рад слышать. — Джедао исправил какие-то

цифры на дополнительном тактическом дисплее, поразмыслил над ними, потом снова перевел взгляд на коммандера. — Пятой тактической группе принять формацию «Ласточка атакует терновник». Как только займете позиции, приближайтесь к длинной оси разведывательного «веретена» точно в лоб, пока не окажетесь в предельном диапазоне сканирования. Разведмоту-7 приказываю отступить к… — Он назвал координаты. — Остальным тактическим группам принять большую формацию «Ястреб-рассекатель» с передним центральным нулем и командным мотом в качестве главной опорной точки. Коммандеры мотов, подтвердите.

Терминал озарился уведомлениями, которые выстроились аккуратными янтарными колонками в соответствии с тактическими группами и эскадрильями разведмотов. У коммандера Джанайи вспыхнули глаза. Она повернулась к своему старпому и начала отдавать приказы.

Кируев хотела бы чувствовать тот же оптимизм. Она была уверена, что «Ласточка атакует терновник» — проверка для Хафн. Это была броская парадная формация из Вторичного лексикона, но тот, кто не видел расположение задних элементов, мог перепутать её с «Волноломом» из

Первичного лексикона.

Пятая тактическая отрапортовала, что достигла предельной дальности сканирования, и с формантами мотов Хафн ничего не прояснилось, но противник, похоже, не реагировал.

Джедао произвел на терминале какой-то расчет.

— Генерал Джедао вызывает Пятую тактическую. Я хочу, чтобы вы сохраняли формацию и продвигались на 19 процентов мощности дополнительных двигателей. Сообщите мне, в какой момент получите реакцию, а также передайте, на каком расстоянии от их ведущих элементов это случится. — Обратившись к Кируев, он прибавил: — Странно, что они просто сохраняют дистанцию. Разве они не видят Пятую тактическую? Или это ловушка?

Кируев задумалась о другом. Ей было хорошо видно, каким расчетом был занят Джедао. Одна из систем конгруэнтности по модулю, которую Джедао попросил сеть решить за него, была тем, что любой первокурсник должен решать в уме, методом подбора. Неужели генерал… но спрашивать было некогда. Кируев отвела взгляд и сказала себе, что ее беспокойство беспочвенно, однако она была искренне удивлена, что Джедао

слаб в абстрактной алгебре.

— Коммандер Джанайя, — говорил Джедао, — я отправил вам несколько путевых точек. Наступайте, но держите Пятую тактическую в пределах восемнадцати минут от роя при текущем ускорении, постоянно.

— Сэр, — сказала Джанайя и отдала необходимые приказания штурману.

— Сообщение от коммандера Кавинте, — доложил дежурный по связи.

— Включайте, — сказал Джедао.

— Генерал, — сказала Кавинте, — мы получили отклик, когда наш ведущий элемент миновал сорок девятый айян Хафн. — Она преобразовала расстояние согласно системе мер гекзархата. Параллельно с сообщением пришел пакет данных с более подробной информацией. — Пока никто нас не атакует, но взгляните на это…

Данные сканирования с близкого расстояния показывали позиции дозорных Хафн относительно друг друга — они рассеялись в виде изогнутой «тарелки», и ось продвижения Пятой тактической была направлена точно в её центр. Кируев не была специалистом по сканированию, но она увидела, что форманты определены точнее и позволяют лучше установить, где находится

каждый дозорный. Не менее интересным было то, что Пятая тактическая перехватила сигналы нескольких дозорных. Простейшая триангуляция позволила установить область космоса, куда эти сигналы были направлены.

— Передайте это Разведке, — сказал Джедао, — хотя быстрых результатов я не жду. Коммандер Кавинте, у меня для вас ещё одна формация. Попробуйте «Каждое зерцало — льстец» и приближайтесь к фокусной точке «тарелки».

— Сэр, — сказала Кируев, — это позволит кораблям Хафн открыть огонь по Пятой тактической. Если у них настоящие орудия… — Насколько она помнила, у подразделений врага имелось приличное инвариантное вооружение. — Дело может обернуться плохо.

— Понимаю ваше беспокойство, — сказал Джедао. — Но дело вот в чем. Вы заметили, как они двигаются? — Он заново воспроизвел часть трансляции Кавинте. — Я не думаю, что эти дозорные — люди. Мне кажется, это гуси.

Когда Джедао вновь обратил все внимание на показания сканеров, Кируев заметила, как на него посмотрела Джанайя. «Он рехнулся?» — беззвучно спросила коммандер. Кируев только плечами пожала.

— У вас есть приказ, коммандер Кавинте, — сказал Джедао. — Если я прав, гуси ослабят бдительность, когда увидят конфигурацию. У вас будет достаточно возможностей их изрешетить. Я не меньше других этого хочу, но захватите несколько нетронутыми, если сможете. Пусть нашим инженерам будет что разбирать.

— Принято, сэр, — сказала Кавинте тоном сурового смирения.

Джедао склонил голову набок, глядя на Киpуев.

— Вы уверены, что я чокнулся.

Или избавился от раздражающего коммандера, но Киpуев не могла выразить этого вслух.

— Если это не ловушка, то я не знаю, что, — сказала она. — Хотя не исключено, что их сканирование имеет небольшую дальность, потому что они действуют во враждебной календарной местности. — Все оружие Хафн стреляло с близкого расстояния в предыдущих боях, но они уже обсуждали это раньше, и ей не нужно было напоминать об этом Джедао. — Возможно, они пытаются обмануть нас относительно своих возможностей. — Она следила за передвижениями Пятой тактической на субдисплее. — Тот, у кого есть хоть две извилины, не попадется на «Всякое

зерцало».

Формация «Всякое зерцало — льстец» была генератором иллюзий, специально воздействующим на форманты сканирования роя, а не напрямую изменяющим визуальное восприятие, и по этой причине она не годилась для впечатления гражданских лиц. В бою Кел её не задействовали, потому что иллюзия становилась видимой только с такого короткого расстояния, что любой враг с более или менее приличными сканерами уже заметил бы их первым. На этом этапе никто не мог принять Пятую тактическую за Хафн.

— Я не говорил, что дозорные тупые, — заметил Джедао. — Я сказал, что они гуси. А гуси, чтоб вы знали, отличные охранники. О, не смотрите на меня так. Вам явно никогда не приходилось отбиваться от обиженного гуся палкой. — Он наклонился вперед. — Ну вот, последняя опорная точка встала на место.

Дозорные Хафн, столкнувшись — с их точки зрения — с ещё одним разведывательным отрядом, начали перестраиваться, образуя большую… стаю, поняла Кируев. Она теперь не могла думать об этом построении иначе.

— Это не имеет смысла, сэр, — сказала Джа-

найя. — Зачем использовать довольно глупых дронов для системы предварительного оповещения?

Пятая тактическая не упустила свой шанс, оказавшись в выгодной ситуации. Субдисплеи внезапно заполнились сообщениями об открытии огня. Было трудно сказать, сумеет ли коммандер удовлетворить просьбу Джедао о пленниках посреди хаоса из адского пламени и кинетической энергии.

— Андан не упоминали, что у Хафн есть сервиторы, — заметила Кируев. — Только зачатки машинного разума. Может, Хафн в этой области технологии отстают.

— Если они сумели проникнуть в Крепость Рассыпанных Игл, — сказал Джедао, — то выкрасть кое-какую инвариантную технологию было бы нетрудно. — Он язвительно скривился. — Насколько нам известно, здесь действуют какие-то особые культурные предрассудки.

Коммандер Кавинте время от времени присылала лаконичные донесения. Во взгляде Джанайи явственно читалась тоска: ей не дали поучаствовать в сражении. У её старшего помощника лицо было непроницаемое, но Мурис всегда выглядел таким. На его деловитость можно было

рассчитывать в любом деле. Операция настолько ошеломила дозорных, что Кируев показалось, будто за её плечом вот-вот материализуется нечто с длинными и острыми зубами и обеспечит космическую справедливость.

В конце концов Кавинте сообщила:

— Сэр, большинство дозорных взорвали себя, чтобы не попасть в плен. Мы вышлем вам наши отчеты, когда получим более подробные результаты анализа. Но в суматохе разведмотам удалось поймать одного из них, прежде чем противник сообразил, что происходит.

— Хорошая работа, — похвалил Джедао. — Мои поздравления вашим подчинённым. Взломайте эту штуку, но примите все меры предосторожности. Кто его знает, вдруг внутри смертоносные споры или призраки.

Кавинте хохотнула:

— Тем веселей для нас.

— Отзовите Пятую тактическую и заполните наш нуль, раз уж вы всё равно заняты делом. Просто на тот случай, если главный рой Хафн быстрее или ближе, чем мы предполагаем.

— Разумеется, сэр.

До следующего сообщения оставалось три часа двенадцать минут.

— Генерал Джедао, — сказал офицер-связист, — сообщение от коммандера Кавинте. Конфиденциальное.

— Это нехорошо, — проговорил Джедао, хотя его тон был скорее раздраженным, чем обеспокоенным. — Я выслушаю его в своей каюте. Генерал Кируев, дайте знать, если случится что-нибудь интересное.

— Сэр, — сказала Кируев.

Ровно через час Джедао связался с ней в командном центре.

— Зайдите ко мне, — сказал он.

И всё.

— Надеюсь, там не смертоносные споры, — заметила Джанайя.

— Не думаю, что кто-то смог бы удержать смертоносные споры в секрете от всего роя, — ответила Кируев. — Я лучше взгляну, в чем проблема.

— Лучше вы, чем я, — поддакнула Джанайя. Они тихонько рассмеялись. У Муриса сделался слегка неодобрительный вид.

Дверь в покои Джедао открылась при приближении Кируев. Немертвый генерал стоял, заложив руки за спину, и смотрел на что-то под таким углом, что Кируев не могла разглядеть детали. Она отдала честь и стала ждать.

— Вольно, — сказал Джедао. — Знаете, я всегда терпеть не мог, когда командиры приказывали мне быть откровенным. Но, черт возьми, я попрошу вас об откровенности.

Я провел большую часть необыкновенно долгой жизни, творя с людьми ужасные вещи. Убийства. Пытки. Измена. Бойни. В виде короткого списка звучит не так уж впечатляюще, но люди-то были настоящие. Я… я приносил подлинный вред. Таков длинный способ объяснить тот факт, что моя личная система оценки ужасного не откалибрована должным образом. Мне нужно, чтобы вы сказали, насколько плохо то, что я вам сейчас покажу.

Кируев призадумалась, а потом решила, что от честности хуже не будет.

— Сэр, — сказала она. — Я старший офицер. Я достигла своего теперешнего положения, делая многое из того, что делали вы.

— Просто окажите мне любезность, генерал. Хочется верить, что в этом проклятом рое есть люди лучше меня.

— Тогда показывайте, что у вас там.

Джедао жестом велел Кируев подойти и встать рядом с ним. Видео снял кто-то из инженерной группы «Опаленного часа». Джедао перемотал

часть с мерами предосторожности и остановился там, где группа взломала «гроб». Лучшего определения для предмета их исследований не было. На крышке «гроба» блестела золотая пластинка. На ней было что-то написано: Кируев знала, как выглядит архаичное письмо Хафн, но не могла его читать. По краю шел замысловатый узор из незнакомых цветов, плодов и перьев, сплетающихся в узлы. Чем пристальней она смотрела, тем отчетливей видела, что в узоре попадаются резвящиеся насекомые, и все в целом подозрительно похоже на «колыбель для кошки».

Техники в скафандрах придумали, как снять крышку с «гроба». Из-под неё вырвался сине-фиолетовый пар. Кто-то прикрепил заметку: они всё ещё изучали газ, но предварительные результаты показали, что он не токсичен. Кируев потребовалось много времени, чтобы понять, что именно она увидела в «гробу». Джедао хранил молчание.

Первое, что бросилось в глаза Кируев, — это тщательность, с которой были разложены… компоненты? Она не могла подобрать слово получше. Красивые птицы неизвестной ей породы, с длинными шеями и аккуратно расправленными изогнутыми хохолками. Цветы, чьи лепестки двигались, как будто в такт дыханию. Нити из

золота и хрусталя, сшивающие воедино плоть и растения и в конечном счете исчезающие в покрытых микросхемами стенках «гроба».

Внутри лежал мальчик или совсем юный парнишка. Во множестве мест его тело было бледным и прозрачным. Из таких участков вырастала сложная система циркуляции, соединяющая его с птицами, цветами и нитями. Вены тоже были прозрачные, и по ним ползла бесконечная вереница красных паучков.

В одной руке он сжимал выцветший фиолетовый шнур, завязанный петлей. Он был как раз подходящей длины для «колыбели для кошки» и оказался единственным предметом из содержимого «гроба», который не выглядел противоестественным.

Джедао приостановил воспроизведение.

— Они вызвали медиков, — сказал он почти нормальным голосом, — но у мальчика — у всей этой конструкции, как её ни назови — остановилось сердце или что-то в этом роде. Они засунули его в наскоро переоборудованную спальную капсулу, но я не думаю, что есть хоть какая-то надежда.

Кируев смутно предполагала, что Джедао был одним из тех людей, которые не любят детей,

поскольку никогда не слышала упоминания о том, что у Джедао были дети. Проблеск страдания в глазах ревенанта заставил ее передумать.

Джедао смотрел вдаль.

— Скажите мне, генерал, с чем, черт возьми, мы сражаемся? Что такого плохого в календаре Хафн, что это их лучший способ создавать разведчиков в больших количествах?

— Если Хафн такие же, как мы, — сказала Кируев, — то они прикованы к своему существующему календарю ради экзотических технологий, от которых не могут отказаться, и это значит, что в других областях они вынуждены творить чертовски ужасные вещи.

— Скажите мне, что не знали об этом.

— Я не знала об этом, — подтвердила Кируев. — Видимо, это какое-то новое изобретение, благодаря которому вторжение стало возможным — или старое, которое они придерживали в качестве козыря. Но это ничего бы не изменило. Мы Кел. Мы сражаемся там, где нам говорят. Я так понимаю, вы и раньше собирались сражаться с Хафн.

Джедао выключил видео.

— Кируев…

От того, что он внезапно обратился по имени,

она насторожилась.

— …если я когда-нибудь решу, что так поступать с людьми — нормально, пристрелите меня. Мне все равно, насколько разумно это звучит. Как известно, мне случалось вести разумные речи, и мы все знаем, к чему это привело.

Удивительно: Джедао говорил искренне.

— Надеюсь, мальчик умер быстро, сэр, — сказала Кируев.

— Мне бы хотелось однажды очутиться в мире, где люди могут стремиться к чему-то лучшему, чем гроб, в котором тебя сшивают с птицами, чтобы потом ты быстро умер.

— Если вы хотите за это сражаться, рой ваш.

— Я бы сказал, что постараюсь не злоупотреблять этой привилегией, — сказал Джедао, — но мы эту станцию уже миновали.

После этого Кируев осталась с ним и всё время задавалась одним и тем же вопросом: в какой момент она начала видеть в Джедао человека, а не ходячий смертный приговор?..

Глава шестая

Двадцать два дня спустя, после третьей стаи дозорных Хафн, все поняли, что они не просто «гуси», как упорно называл их Джедао. Они были пушечным мясом. Хафн рассредоточили их стратегическим образом в районе, окружающем Крепость Вертящихся Монет, нарочно преграждая подход в тех местах, где градиент топографии высокого календаря был сильней всего. Цифры были ошеломляющие. Джедао приказал добыть ещё «гусей». Удалось захватить новые «гробы» с разным содержимым. В каждой разновидности дети имели особенных симбионтов — от лоз до мхов, от скорпионов до палевых саламандр. Никто не знал, что символизируют эти вариации.

Самым тревожным, помимо содержимого «гробов», был вопрос логистики. Инженеры бились головами о переборки, не понимая, в чем суть двигательных установок. Насколько можно было судить, у дозорных были только инвариантные двигатели, пригодные исключительно для внутрисистемного маневрирования. Значит, их запустили с какого-то транспортного судна. Но по

данным Кел выходило, что рой Хафн не в силах вместить столько «гусей» — и кто знает, сколько ещё в резерве, — если только противник не разработал собственную переменную компоновку на порядок выше той, которую использовал гекзархат.

Кируев рекомендовала не трогать большинство стай.

— Командование Кел захотело бы расчистить эту территорию, — сказала она Джедао, пока они просматривали последние данные разведмотов, переданные командным центром, — но вы находитесь в завидном положении: можете наплевать на то, чего хочет Командование Кел.

— Ну, это неправда, — ответил Джедао, — поскольку Командование Кел, что логично, хочет насадить мою голову на кол. Впрочем, да. Как бы вы хотели навалять нашему врагу, генерал?

Было лишь несколько причин, по которым человек, всегда побеждавший в битвах, мог просить Кируев о помощи. Принимая во внимание тот факт, что Джедао был из фракции Шуос, Кируев догадалась, о чем речь. В конце концов, она и так уже превратилась в фигуру на игровой доске, где ставки можно было разглядеть лишь смутно, сквозь трещины и завесу порохового дыма.

— Отделите одну тактическую группу, — сказала она. — Вторую, которой руководит коммандер Герион со «Славного бича шторма». — Герион хорошо действовал в автономных миссиях, и кивок Джедао означал, что он одобряет этот выбор. — Отправьте его пострелять по «гусям»... — Она наметила цели: пост прослушивания, исследовательский центр Нирай, станция со значительным присутствием Андан. — Пока что складывается впечатление, что Хафн избегают атаковать планеты, но мы не знаем, когда это изменится.

Впрочем, вблизи от узловой крепости и не было планетных систем, которые они могли бы использовать в качестве приманок.

Джедао передал приказ коммандеру Гериону, ничего в нем не изменив. Кируев понимала, что коммандеру Джанайе не понравится такое развитие событий, но у неё не было повода для возражений, а в таких вопросах она была образцовым Кел. Герион, со своей стороны, разрывался между желанием поскорее начать действовать и убежденностью в том, что Джедао посылает его на смерть. Но он немедленно подтвердил получение приказа.

— Шесть оставшихся тактических групп — в большие формации, для максимальной гибкости,

не так ли? — спросил Джедао. — Что ещё вы хотите предложить?

Кируев опять почувствовала себя кадетом, что приводило в замешательство в возрасте семидесяти двух лет, и пришлось напомнить самой себе, что в какой-то момент немертвый генерал и сам был всего лишь первокурсником.

— Возле крепости участки с наибольшей концентрацией дозорных распределены неудобным образом для некоторых крупных формаций, — сказала Кируев. — В особенности для тех, которые вызывают эффекты, затрагивающие большое пространство. Но в случае необходимости будет нетрудно избавиться от стай.

— Если вы это рекомендуете…

— Что я рекомендую, сэр, так это принять формацию «Речная змея». — Джанайя бросила на Кируев раздраженный взгляд. Та его проигнорировала. «Речная змея» обладала незначительными боевыми эффектами, и коммандеры мотов, естественно, её ненавидели. Но в подобных ситуациях она лучше всего подходила для того, чтобы добраться из пункта А в пункт Б внушающей уважение колонной.

— «Речная змея» — что ж, так тому и быть. — Джедао отдал те самые приказы, которые предло-

жила Кируев, глядя на карту. — Мне наплевать, какие у Хафн, если позволите так выразиться, производственные мощности. Запас «гусей» не может быть бесконечным — иначе, каким бы ни был метод транспортировки, мы бы в них уже увязли по самую шею.

Кируев сомневалась в надежности интуиции, когда дело касалось людей настолько чуждых, что они делали разведчиков из композитов ребенок — птица — насекомое — цветок. Наверное, эта мысль отразилась на её лице. Джедао поднял бровь, но ничего не сказал.

Долгие часы их кружного пути к крепости текли как вода. Джедао время от времени интересовался мнением Кируев и тотчас же превращал её ответы в приказы. Кел в командном центре заметили, что происходит. Они украдкой поглядывали на Кируев с той же приглушенной тревогой, которую раньше приберегали для немертвого генерала. Даже если они не догадались об истинной подоплеке покушения, им было понятно, что Кируев никого не сумеет защитить от предателя.

Хафн собирались сражаться с Кируев — значит, они будут сражаться с Кируев. Вплоть до того момента, когда Джедао вмешается. Было бы глупо

надеяться, что разведка Хафн некомпетентна.

Когда Джедао не требовалось её присутствие, Кируев заполняла досуг, перебирая свои коробки с приборами. Удивительное дело, но Джедао не приказал их испарить. С другой стороны, Кируев теперь только и думала, что о том, стоит ли сортировать шестерни по радиусу или по количеству зубцов, вместо того, чтобы сооружать нового дрона-убийцу — так что, возможно, немертвый генерал всё хорошо продумал.

Когда Кируев, забросив сортировку, принялась читать бессвязные мемуары какой-то куртизанки, передовые разведчики засекли главный рой Хафн. Эскапады героини вылетели у неё из головы на пути в командный центр. Повсюду были красные огни, приглушенные голоса. Джедао уже сидел в командирском кресле — с видом безупречного самообладания и дьявольской расслабленности.

Заняв свое место рядом с немертвым генералом, Кируев увидела, что они достигнут боевой зоны примерно через четыре часа, если все моты продолжат двигаться по намеченным ранее траекториям, что было маловероятно.

— Ну ладно, генерал, — очень четко произнес Джедао. — Считайте, что меня здесь нет. Разбе-

ритесь с Хафн.

Кируев вздрогнула, но приказ есть приказ.

— Связь, — сказала она. — Сообщение для коменданта Мазерет из Крепости Вертящихся Монет. Проинформируйте её, что мы собираемся заняться роем Хафн и что она, возможно, увидит фейерверк. — Она поколебалась относительно того, стоит ли вдаваться в подробности, но решила, что этого хватит. Лучше не рисковать нарушить планы Джедао. И все-таки нет причин не воспользоваться преимуществами обороны Крепости, если они сумеют вынудить Хафн подойти на расстояние выстрела во время сражения.

— Крепость подтверждает, — сказал офицер-связист через некоторое время. И прибавил: — Коммандер Герион сообщает, что Вторая тактическая приняла формацию, экранирующую сканеры противника, и направляется к месту встречи, как приказано.

Конечно, никто не был уверен, что системы сканирования Хафн работают так же, как системы гекзархата, но предосторожность не повредит. Кируев отрегулировала масштаб на тактическом дисплее, а потом покрутила его, обдумывая доступную геометрию. Джедао наблюдал со спокойным лицом.

— Приказ рою, — сказала Кируев. — Всем подразделениям принять формацию «Гром копыт». — Она распределила на терминале, какие моты займут опорные точки формации. — Третья и Четвертая тактические группы займутся ближайшими дозорными. — Она чуть было не сказала «гусями». — Уничтожьте их по своему усмотрению. — Не было смысла рисковать тем, что у этих дозорных найдутся средства защиты, которых не оказалось у предыдущих.

Моты, изображенные на тактическом дисплее в виде расплющенных золотых клиньев, начали двигаться, занимая места относительно друг друга. Она слышала, как Джанайя отдает приказы дежурному по навигации: обычно основную опорную точку формации удерживал командный мот. Мурис о чем-то говорил с дежурным по доктрине.

Хафн на тактическом дисплее выглядели пятнами, вероятностными облаками. Дежурный по сканированию доложил, что разведчики отступили, но у них по-прежнему проблемы с получением внятных данных по формантам мот-двигателей чужаков. Донесения, которые успел отправить рой «Штырь-в-глазу», прежде чем был уничтожен, пытаясь задержать Хафн,

сообщали, что у врага восемьдесят «сиреней», приблизительно равных знамемотам по размеру и вооружению, и десять «магнолий» — эти были побольше, но все-таки не столь грозные, как пепломоты. Сорок восемь лет назад Командование Кел перешло на цветочную систему обозначения мотов противника, после ссоры с Андан. Иногда Кируев задавалась вопросом, каковы же всё-таки приоритеты Командования Кел.

Даже спустя несколько десятилетий такой жизни Кируев находила кажущуюся медлительность мотов раздражающей. Ей захотелось дотянуться через дисплей до кораблей и расставить их по местам. Она осознавала, до чего уродливо это побуждение. Без сомнения, Командование Кел когда-то схожим образом придумало формационный инстинкт.

Она также скучала по монотонной легкости работы в составе композита. Быть генералом, ответственным за композит, было не так уж легко, но это давало ей иллюзию подчинения единой воле, в чем и состоял смысл. Даже эта иллюзия показалась бы Джедао угрожающей. Кроме того, если календарь вдруг склонится в пользу Хафн, композитная технология перестанет работать. Каждый Кел, у которого была хоть капля мозгов,

знал, что композиты необходимы в основном из соображений внутренней дисциплины между миссиями, а не как полезный инструмент координации в битвах с еретиками.

— Доктрина, — сказала Кируев, — как обстоят дела с календарными колебаниями?

Рядом с нею Джедао просматривал предоставленные дежурным результаты замеров по календарным параметрам и кропотливо составлял запрос для сети. Может, у него проблемы с привыканием к современному интерфейсу? Кируев так и подмывало объяснить ему, как надо действовать, но у неё были другие задачи, и к тому же от такого немертвый генерал потерял бы лицо. Она разберется с этой загадкой потом.

— Должно быть, эффекты локализованы, сэр, — негромким голосом ответил дежурный. — Мы должны были увидеть последствия вторжения еретического календаря, но пока что ничего нет.

Это соответствовало предыдущим донесениям, но все равно вызывало тревогу. Кируев предпочла бы понять, каким образом Хафн используют свою экзотическую технологию в пространстве гекзархата, не искажая календарную топографию. Тот факт, что они интересовались Крепостью, намекал, что за эту способность приходилось

платить, и что они предпочли бы воевать в условиях родной топографии или, по крайней мере, отвоевать Крепость, что позволило бы им проецировать собственный календарь на окружающее пространство, лишив гекзархат такого преимущества. Жаль, что Джедао выкинул всех Нирай — у них было больше всего шансов раскрыть эту тайну.

Хафн заметили приближение противника. Их моты разлетелись и образовали нечто вроде цветка с тремя лепестками. Каждый удлинялся по мере сближения с «Топотом копыт».

— Всем подразделениям транслировать знамя «Лебединый узел», — ровным голосом произнесла Кируев.

— Сэр… — запротестовала Джанайя.

Кируев взглянула на коммандера, прищурившись. Джедао занялся какой-то другой системой конгруэнтности и не обращал на них внимания.

— Это приказ, — сказала Кируев.

Она больше не была самым старшим по званию офицером в рое. Эта роль отошла Джедао. Знамя шло вразрез с протоколом Кел. Но Джедао сказал, что его здесь нет. Эмблема Кируев — единственная из доступных, и лучше так, чем атаковать совсем без знамени.

Теперь Хафн, похоже, понимали, в чем суть трансляции знамени. При первом контакте, согласно документальным свидетельствам, они не ответили, и Кел — к несчастью — приняли это за оскорбление. «Магнолии» передали правительственную эмблему Хафн: старинный щит с простой золотой лентой наверху и суматошным переплетением виноградных лоз, фруктов и насекомых под нею, для полного счастья приукрашенным золотыми завитушками. Если бы такой дизайн возник где-то в гекзархате, его признали бы ужасным, однако Кируев, глядя на всю эту путаницу, подумала о мальчике с «колыбелью для кошки», которого они нашли в дозорном «гробу». У неё сжались кулаки.

— Хафн в двадцати одной минуте от зоны досягаемости пушек-губителей, — сказал дежурный по вооружению.

— Сейчас мы узнаем дальнобойность их орудий, — проговорила Кируев.

Приближение противника замедлилось. Три «лепестка» превратились в три вогнутые «тарелки», обращенные к Кел. «Тарелки», видимо, были их эквивалентом формаций. «Гуси» тоже их использовали, как и рой Хафн в битве против генерала Кел Чренки и роя «Четырехглазый

сорокопут». Но, в отличие от формаций, у этого построения не было последовательного набора эффектов.

Кируев совершила ошибку, бросив взгляд на Джедао, чтобы проверить, чем он занят. Немертвый генерал, язвительно улыбаясь, играл в джен-цзай с сетевым противником. Он не встретился взглядом с Кируев, но по лицу чокнутого тактического гения явственно читалось: «Займись делом, птенец».

— Хафн сохраняют дистанцию, сэр, — сказала дежурная по сканированию.

На данный момент кое-что прояснилось. Во-первых, Хафн держались почти ровно в шестидесяти четырех своих минутах вне зоны действий формационных кинетических копий, которые в настоящее время бездействовали и которые управлялись путем модулирования трех компонентов большой формации. Во-вторых, тот факт, что генерал Хафн мог читать значение формаций Кел, означал, что противником гипотетически можно манипулировать. В-третьих, упомянутый генерал учел конкретные места расположения составных частей формации, и это подразумевало, что сканеры у главного роя имеют больший радиус действия, чем у «гусей», чье преимуще-

ство заключалось в количествах и заменимости.

Проблема кинетических копий заключалась в том, что они слишком явно заявляли о себе. Их движение в виде направленного вбок гребня можно было ускорить лишь путем точного выполнения подформаций. Несомненно, копья наносили страшный урон, если попадали в цель, и дальнобойность у них была выше, чем у любых орудий Хафн, иначе рой Кел уже увидел бы огонь противника. Но Кируев смотрела на поджидающие их «тарелки» и чувствовала, что другая сторона пока что не беспокоится. Ещё она вспомнила, что Хафн уже уничтожали рои Кел каким-то неизвестным способом, и они успешно проникли в узловую крепость. Не стоит проявлять излишнюю самоуверенность.

Пришло время проверить, как хорошо Хафн изучили Кел.

— Генерал Кируев всем подразделениям: маневр по моей команде, — сказала она, устанавливая траектории на субдисплеях. — Дайте мне «Лесной пожар над гнездом», с пустыми опорными точками один, два и три, как показано. — Она передала параметры первой точке Джанайе отдельно. — Не заполнять, повторяю, не заполнять вторую и третью опорные точки без

моего прямого приказа. Конец связи.

Джанайя побледнела, но бросила на Кируев лишь один вопросительный взгляд, прежде чем выполнить свою часть указаний. Дежурный по связи доложил, что четыре коммандера мотов желают поговорить с Кируев. Она всем отказала.

«Лесной пожар над гнездом» был одновременно большой и самоубийственной формацией — такое сочетание встречалось редко. В бою «Пожар» испытали лишь один раз. Двести девяносто восемь лет назад генерал Кел Дессенет использовал его, чтобы взорвать рой вторжения. Командование Кел внесло эту формацию в список запрещенных, потому что у неё был побочный эффект: она заполняла пораженную область пространства стойкими мертвыми зонами, которые кое-где сохранились и по сей день. В любом случае вопрос заключался в том, насколько хорошо Хафн знали формационную механику.

Краем глаза она увидела, что Джедао поставил карточную игру на паузу, чтобы оценить развитие событий. Как мило, что он уделил ей внимание.

Как выяснилось, Хафн прекрасно подготовились. На полпути к завершению формации — модулирование вышло куда беспорядочней, чем

ей хотелось бы, но у них ведь не было никаких причин отрабатывать такое во время учений — противник отступил. Рой Хафн отправился прямиком к крепости.

— Они думают, мы это всерьез, — сказала Джанайя с мрачной усмешкой. — Если брать в расчет только цифры, обмен получился бы ужасный, вам так не кажется?

— Они ведь поняли, что мы Кел, — ответила Кируев. — С их точки зрения, мы попросту ищем способ выполнить ежедневную норму самоубийств. Связь, сообщите коменданту Мазерет о ситуации. Всем подразделениям сохранять формацию и продолжить преследование.

Она знала, что на уме у Хафн. Если они отступят в окрестности Крепости, Кел не посмеют активировать «Пожар», потому что он уничтожит заодно и её. Так оно и было на самом деле. Никакие оборонительные сооружения не защитили бы Крепость от этой разрушительной формации.

Разведмоты предупредили о появлении позади отступающего роя незнакомых формантов, маленьких и быстрых.

— Смена курса, — сказала Кируев и внесла коррекцию. Это замедлит их продвижение к крепости, что было проблемой, но не такой

серьезной, как гипотетическая гибель. Маленьких формантов было слишком много, чтобы в разумный отрезок времени уничтожить всех рассеивателями. Придется пойти кружным путем.

— Сэр, — сказала дежурная по связи. — Шесть знамемотов в Третьей тактической рапортуют о какой-то разновидности повреждений в результате коррозии.

Кируев нахмурилась, глядя на дисплей, и внесла ещё одну коррекцию курса.

Дежурная опять заговорила:

— Тактические донесения: знамемоты «Когтистая тень», «За океаном», «Две книги в одном переплете» и «Барабан из змеиной кожи» потеряны, сэр.

Через несколько секунд она добавила ещё два.

— Генерал Кируев вызывает командующего Нажана, — сказала Кируев. — Что за чертовщина у вас там произошла?

— Эти паукотрахи выпустили на нас какую-то… паутину, сэр, — слабым голосом ответил Нажан, командир Третьей тактической. — Один момент. — Голоса на заднем плане; на его лице отразился красный свет. — Инженерный отсек считает, что их оружие каким-то образом повредило биотехнические внутренности мотов.

Наиболее внятные показания демонстрируют, что там все заражено то ли паразитами, то ли какой-то инфекцией… — Он не упомянул о келских грибковых канистрах, хотя именно о них все и подумали. — Однако мы не можем прямо сейчас послать туда отряд и устроить специальную обработку.

Рой продолжил обходной маневр. Хафн теперь их сильно опережали. Джедао все ещё не подавал вида, что собирается вот-вот взять бразды правления в свои руки.

— Крепость активировала фантомную топографию, — сказал дежурный по сканированию.

На тактических дисплеях топография выглядела как головокружительные синие завихрения с включениями, напоминающими колыхание водорослей, как будто застрявшие лоскуты океанской мантии. Оборона Крепости открыла огонь по противнику, и выверенные сдвиги в фантомной топографии отворяли мимолетные «окна», позволяющие орудиям говорить.

— Сорок шесть минут до того, как мы окажемся в зоне досягаемости губителей, — сообщил дежурный по оружию.

Мурис посмотрел на Кируев.

— Телескопическая формация позволила бы

увеличить эту зону, сэр.

— Ещё рано, — ответила Кируев. Для человека, столь консервативного в остальных вопросах, Мурис был зациклен на этом классе формаций. Большинство из них имели серьезные недостатки. — Они все равно поймут суть маневра и вылетят за пределы зоны.

Хафн должны были иметь какой-то способ борьбы с фантомной топографией. Её существование не было тайной. Хотя некоторые детали технологии были засекречены, это необязательно остановило бы разведчиков Хафн. И любые известные факты могли и не стать проблемой для людей, чье оружие имело иную природу.

Кируев подумала, не пожертвовать ли «рукой» — частью роя, — чтобы заставить его двигаться быстрее. Впрочем, такое вряд ли сработает. У неё закончатся «руки», и в целом это будет ошибочная тактика неопытного генерала.

Джедао разгромил сетевого противника в дженцзай и перешел к игре в узорные камни. Кируев почти пожалела сеть. Кажется, Джедао использовал субдисплей, чтобы одновременно с игрой записывать критические замечания по тактике. Великолепно…

В двадцати шести минутах от попадания про-

тивника в зону досягаемости пушек-губителей дежурная по сканированию сообщила Кируев плохие новости.

— Сэр, — сказала она. — Взгляните на это.

Теперь Хафн распределились в грубом подобии гантели, только вот каждый её конец представлял собой вогнутую тарелку. Одна была обращена к Крепости. Другая поворачивалась к Кел. Средняя часть изгибалась, чтобы «тарелки» оставались соединенными. Кируев сомневалась, что это добрый знак.

Дежурный по сенсорам послал ей данные передовых разведчиков, которые с близкого расстояния просканировали градиент топографии, а также замечания офицера по доктрине о том, как она должна была выглядеть в нормальных рабочих условиях. Фантомная топография вела себя как плотная, но управляемая жидкость. Будучи коммандером мота, Кируев участвовала в нескольких учениях, нацеленных на демонстрацию её свойств. Командир её тактической группы описала окружающее пространство как «космическую грязь, в которой можно увязнуть». (Ну да, конечно, — выразилась она немного грубее.) Кируев помнила, как было трудно, когда мот не двигался, а полз, когда они не могли положиться

на показания сканеров, чтобы действовать как обычно.

Хафн не боялись фантомной топографии, потому что каким-то невероятным образом их орудия вызывали её распад, на что не была способна даже экзотика самого гекзархата. Сканирование показало, что топография порождает новые включения в виде фантастических деревьев, папоротников и лоз, перепутанных друг с другом. Что-то пробудилось в глубине сознания Кируев, какое-то предупреждение, но она не успела понять, что собой представляет эта новая угроза…

«Тарелка» Хафн развернулась и атаковала Четвертую тактическую целиком. Противник все ещё был слишком далеко, чтобы нанести ответный удар по нему пушками-губителями. Дисплей Кируев озарился красным и оранжевым светом, как будто истекая кровью.

— Всем подразделениям выйти из зоны досягаемости! — резко сказала она. — Это прямой приказ.

Умирающие моты почти одновременно выслали данные. Кристаллические волокна. Вереница цветков с палевыми лепестками. Крики бескрылых птиц, проникающих сквозь пол. Стены, испещренные влажными дышащими ртами.

Джедао продолжал строчить критические замечания.

«Мы обречены», — подумала Кируев.

Цветы и птицы. Подобия растений, прорастающие из жидкости. Хафн уничтожали фантомную топографию. Эта странная не-формация выглядела так, словно они перекачивали что-то из одной «тарелки» в другую. И внезапно Кируев поняла, в чем дело.

— Связь, — сказала Кируев. — Срочный приказ коменданту драть её Мазерет. Скажите ей, чтобы отключила топографию на хрен. Всю. Немедленно.

Рой Кел пришел в беспорядок из-за отступления, но, по крайней мере, они больше не теряли моты тут и там и пытались снова собраться.

— Запрос от коменданта Мазерет, — демонстративно ровным голосом сообщила дежурная по связи.

— Что именно в слове «приказ» ей непонятно? — прорычала Кируев, хотя на месте Мазерет сделала бы то же самое. — Скажите ей, что Хафн черпают силу для дальних атак из фантомной топографии как таковой! Пусть её спецы по доктрине сами разберутся, каким образом. Это все, что ей нужно знать.

С точки зрения Кел, фантомная топография представлялась всего лишь ещё одной экзотической технологией. Но все указывало на то, что Хафн питают особое почтение к мирам — планетам и их экосистемам. Достаточное почтение для того, чтобы их разведчики были сшиты с символами далеких родных планет. С позиции Хафн, фантомная топография была ещё одним незавоеванным миром, и они каким-то образом связали себя с этим самым миром, черпая из него энергию, как Кел — из формаций и верности. Кируев быстро записала это замечание и передала Доктрине.

Синие завихрения и волны на тактическом дисплее потемнели и исчезли: фантомную топографию отключили.

— Хорошо, — сказал Джедао. — Вы это поняли за пару минут до того, как могло стать поздно.

Он передал на терминал Кируев документ с заголовком «Прочитать немедленно!». К счастью, текст был коротким. Джедао разгадал хитрость противника за три минуты до Кируев. Метка времени указывала на это безошибочно.

И он ни слова не сказал.

Кируев подумала, не пристрелить ли ревенанта.

Теперь немертвый генерал перестал обращать на неё внимание, что было к лучшему, потому что зрение Кируев начало сбоить: предсказуемый эффект формационного инстинкта.

— Это генерал Джедао, — сказал он. — Всем подразделениям продолжить переформирование по тактическим группам. Транслируйте знамя «Двойка шестерней». Инженерный отдел, насколько я понимаю, у нас двенадцать пороговых отделителей. Бросьте их все в Хафн и запустите по рассредоточенным орбитам вокруг Крепости, на обычном расстоянии в 90 процентов от протяженности фантомной топографии.

С командным центром связался капитан-инженер Миуго.

— Генерал, — сказал он, — у нас недостаточно персонала, чтобы должным образом снабдить им все отделители.

«Мы же вышвырнули всех Нирай», — этого он вслух не сказал.

— Рекомендую ограничиться восемью, — продолжил Миуго.

— Да, мне стоило уточнить, — сказал Джедао. — Прошу прощения за неясность. Запустите все двенадцать без людей. Я так понимаю, они снабжены дистанционным управлением на крайний

случай?

Температура в командном центре резко упала.

Пороговые отделители без разбору уничтожали все живое, но не повреждали неживые объекты. Они также были весьма привередливыми в управлении штуковинами, оттого Миуго и беспокоился. Джедао, как всем было известно, воспользовался ими во время бойни при Адском Веретене.

— Мы потеряем время, если сперва отключим их, — продолжил Джедао, словно не замечая внезапного напряжения. — Но если Хафн хоть немного соображают, они обнаружат отделители с помощью сканеров, и им известно про дистанционное управление. И ещё им известно, что я готов нажать на спусковой крючок, даже если Командование Кел к этому не готово. — Уголок его рта приподнялся. — Все пройдет гораздо лучше, если они поверят, что это я, а не какой-то вконец отчаявшийся самозванец.

В командном центре воцарилась жуткая тишина, пока все ждали, когда инженерный отсек подчинится. По отрывистому тону отчетов Миуго и их частоте Кируев поняла, что тот расстроен и надеется, что Джедао передумает. Джедао, конечно, и сам понимал, что означает реакция Миуго.

Но передумывать не собирался.

«Иерархия пиршеств» запустила отделители. Кируев с точностью до секунды определила момент, когда Хафн поняли, что происходит. Их строй рассыпался, и началось быстрое, хорошо организованное отступление.

Джедао составил приказы о продвижении для Первой тактической, которая успела кое-как восстановить первоначальную формацию.

— А, вот вы где, — пробормотал он себе под нос.

Следующим оказался коммандер Герион с тактической группой номер два.

— Коммандер, — сказал Джедао. — Окажите мне услугу и покусайте противника за пятки, хорошо? — Он сопроводил это передачей более конкретных указаний, которые Кируев изучила, чтобы успокоиться. — Та воистину мерзкая атака, которая только что случилась, больше вам не угрожает. — Он не стал объяснять, почему. — Можете менять формацию на свое усмотрение.

— Приступаем, сэр, — сказал Герион. Его моты перегруппировались более плотным строем и приняли формацию «Черная линза», которая позволяла атаковать на дальние расстояния. Её эффекты длились недолго, она повреждала двига-

тели мотов, от чего считалась рискованной — но, так или иначе, губители дали залп и испарили часть отступающего роя Хафн. Тотчас же после этого Вторая тактическая замедлила ход и перешла в формацию с эффектом щита.

Ещё приказы. Джедао отдавал их один за другим, с короткими паузами, чтобы приспособиться к меняющейся ситуации. Первая тактическая присоединилась к погоне. Хафн продолжили отступление. Они оставляли за собой разбитые моты и новые паутинные мины, но их было уже не так много, как в первый раз.

Когда последние подразделения Хафн вышли из зоны действия фантомной топографии, не говоря уже об орудиях Крепости, та снова включила топографию. Кируев напряглась. Она догадывалась, о чем сейчас думает комендант Мазерет. Вторая тактическая группа и большая часть первой оказались за пределами зоны, но остальной рой Джедао внезапно увяз.

— Тактические группы с третьей по седьмую, убирайтесь отсюда, — приказал Джедао. — При необходимости нарушьте формации. Это прямой приказ. Нельзя здесь застрять, если Хафн сосредоточат силы. А вот я не прочь поболтать с комендантом. Связь, вызовите её.

Пепломоту с его более мощным двигателем было проще выбраться из зоны действия фантомной топографии. Кируев с облегчением заметила, что «заросли» рассеиваются. Но другим мотам, поменьше, не так везло. Их тактические группы рассеялись, позабыв про формации, — и, наверное, они бы это сделали даже без разрешения Джедао.

Комендант Мазерет была крепкой бледнокожей женщиной, которая держалась напряженно. Кируев со своего места видела её лицо. Оно было своевольным.

— Я вас не узнаю, — без обиняков начала Мазерет, — но судя по «Двойке шестерней», вы называете себя генералом Джедао. — Она оскорбительным образом использовала местоимение второго лица, предназначенное для неодушевленных объектов. В высоком языке местоимения могли обозначать вещи и людей, и была некоторая логика в том, чтобы выбрать одно из первых для генерала, который числился частью Арсенала Кел, то есть оружием, а не живым офицером.

— Это действительно я, — сказал Джедао, одарив её кривой улыбкой. — Пришлось взять первое попавшееся тело. — Он не мог не понимать, как это заявление подействовало на экипаж, хоть они

и не услышали такого, чего не знали до сих пор. — Комендант, я понимаю, что Крепость чувствует себя голой без какого бы то ни было покрова, но не могли бы вы оказать небольшую любезность и снова отключить топографию? Или расчистить нам путь? Вы мешаете преследовать врага.

— Перебьетесь без моих любезностей, — ответила Мазерет, словно забивая гвозди с каждым словом. — Это рой генерала Кируев, а не ваш. — Как трогательно — она использовала настоящее/будущее время высокого языка. — Командование Кел проинформировало бы меня, если бы вас направили на борьбу с врагом.

— Комендант, — сказал Джедао уже не добродушно, — вырубите эту чертову оборону. Мы можем убивать врагов, но ничего не получится, если нам не удастся поймать этих змеетрахов.

— Тогда пусть это сделает генерал Кируев.

Джедао побарабанил пальцами, затем сказал дежурному связисту:

— Отзовите Первую и Вторую тактические группы. Не хочу, чтобы они попали в беду, оторвавшись от основного роя. — Потом он снова обратился к Мазерет. — Жду объяснений, птенец.

Комендант прищурилась.

— Я вижу здесь две угрозы. Одна удирает. Мне достался тот хищник, что покрупнее.

Джедао вперил в неё сердитый взгляд, а потом рассмеялся.

— Ну ладно, — сказал он. — Думаю, я это заслужил. Но это просто ужасный способ позволить врагу ускользнуть. Не завидую тому количеству рапортов, которые вам придется отослать Командованию Кел.

Кируев посмотрела на него с изумлением, хотя упертость Мазерет должна была удивить её сильней.

— Советую передать рой назначенному генералу, прежде чем вы продолжите копать себе могилу, — сказала та.

— Послушайте, вы правда не боитесь стоять у меня на пути?

— Возможно, вашими усилиями крепость обезлюдеет, — сказала Мазерет с прежней враждебностью, — но я гарантирую, что для этого вам придется попотеть. Я знаю свой долг.

— Не исключено, я имею дело с «падающим ястребом», — проговорил Джедао, рассматривая её, — но не думаю, что всё обстоит так. Скажите, комендант, как долго вы дурачите Кел?

— Продолжаете копать, — ледяным голосом

произнесла Мазерет.

— Мне придется послать гекзарху Шуос извинения с конфетами за то, что я уничтожил легенду одного из его агентов, — сказал Джедао. — Как думаете, какой у него любимый вкус?

Обвинение было нелепое, но Кируев не спешила с выводами. Предположительно, среди лазутчиков Шуос и впрямь имелись такие мастера своего дела — в особенности те, кто мог менять сигнификаты по своему желанию. Наверное, подчиненные Мазерет тоже задались вопросами. Если она не Шуос, который путем обмана сделал карьеру в рядах Кел или попросту заменил настоящую Мазерет, то отказ подчиниться Джедао означал, что узловой крепостью командует «падающий ястреб». Командование Кел ни за что такого не потерпит.

«Падающие ястребы» необязательно были предателями. Взять хотя бы подполковника Брезана. (Кируев почти не сомневалась, что Брезан и сам ничего не понимал, пока не появился Джедао.) Единственная разница между послушным «падающим ястребом» и обычным Кел заключалась в том, что у первого была возможность выбирать, а у Командования Кел имелись дела поважнее, чем постоянно проверять уровни формационного

инстинкта у личного состава — ведь это, в конце концов, требовало значительных затрат. Так или иначе, «падающие ястребы» редко доживали до заметного повышения.

«Иерархия пиршеств» освободилась от фантомной топографии и теперь вращалась вокруг Крепости на почтительном расстоянии от эффективного радиуса действия ее орудий. Остальные моты Кел потянулись следом, постепенно восстанавливая формацию. Крепость не открывала огонь по знамемотам и разведмотам. Видимо, даже агент Шуос — или «падающий ястреб» — понимал, что не стоит состязаться в стрельбе с Жертвенным Лисом. Кроме того, Мазерет, должно быть, пришло в голову, что Джедао мог подстроить так, чтобы пороговые отделители сработали, если с ним что-то случится.

— Мы что же, будем сражаться из-за этого? — спросила она.

— Нет, — ответил Джедао после красноречивой паузы. — Я пришел, чтобы воевать с Хафн. Вы мешаете — но вы не моя цель.

— Командованию Кел надо было уничтожить вас после Адского Веретена.

Кируев не могла не восхититься тем, что комендант столь откровенно разговаривала с

человеком, у которого на счету было такое количество убитых.

— Это не столь уж редкое мнение, — сказал немертвый генерал.

Хафн покинули диапазон сканирования.

— Что ж, придется добраться до них иным способом, — проговорил Джедао. — Удачи вам с Командованием Кел. — И он отключился, не дожидаясь ответа Мазерет.

Кируев посмотрела на него и подумала, что для человека, который упустил возможность воткнуть убегающему врагу нож в спину, улыбка у Джедао слишком довольная — и это вызывало тревогу.

Глава седьмая

Согласно аугменту, у Микодеза было две минуты до начала конференции. Он полил зеленую луковицу утром, как и было запланировано, и боролся с искушением сделать это снова, потому что не хотел убивать ее. Он также заранее сопротивлялся искушению предложить гекзарху Кел заняться контейнерным садоводством, хоть это и была неплохая идея — Тсоро надо было как-то научиться расслабляться. Даже — и в особенности — с учетом последних новостей.

Сорок два года назад Микодез стал самым молодым гекзархом Шуос почти за три столетия. Тогда никто не принимал его всерьез. Гекзархи Шуос регулярно прокладывали себе путь наверх ударами ножей в спину. В результате лишь немногие из них держались дольше десяти лет. Два десятилетия, если кое-кто был особенно хорош. Теперь люди относились к Микодезу более серьезно, но они все еще игнорировали его советы о благотворном влиянии хорошо подобранных увлечений. Ну, им же хуже.

— Входящий вызов по шестой линии, высший

приоритет, — сообщила сеть.

Микодез откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Соединяй.

На субдисплеях появились лица остальных пяти гекзархов с эмблемами под ними, как будто он не вызубрил эти символы ещё в младенчестве. Рахал со своим волком-прорицателем над пустомотом Нирай, ножевая роза Андан над электрическим скатом Видона, лис Шуос с девятью глазастыми хвостами над пепельным ястребом Кел.

По традиции, первой заговорила Рахал Иружа. Это была темнокожая женщина с коротко остриженными седыми вьющимися волосами — красивая, если бы не суровый взгляд и полное отсутствие чувства юмора. Это ему в ней нравилось.

— Мы все знаем, в чем дело, — сказала она. — Генерал Шуос Джедао пережил покушение, в то время как Андан, Видона и меня заверили, что он не сможет сбежать.

— Не могу поверить, что вы позволили ему сбежать и заполучить целый рой, — сказал Видона Пса, крупный, белый мужчина с несообразно сутулыми плечами, обращаясь к Кел Тсоро. Пса

даже не пытался скрыть презрение. — Джедао вошел туда, и ваш генерал просто позволил ему хозяйничать.

Покрытое шрамами лицо Тсоро оставалось бесстрастным. Шрамы были показухой, но не более чем само лицо: Тсоро говорила от имени коллективного разума, который и был Командованием Кел.

— У нас не принято лишать мертвых звания, Видона, — сказала она. — Он служил, на свой собственный лад. У нас не было причин полагать, что он переживет трупную бомбу.

Пса хмыкнул.

— Что ж, он явно это сделал.

— Джедао разжалован, но можно лишь гадать, получит ли кто-то из Кел в этом рое сообщение, которое мы транслировали. Мы склонны сомневаться в этом.

— Чего я не понимаю, так это того, как он сбежал с борта «Неписаного закона», — проговорила Нирай Файан. Её повысили, сделав из фальшивого гекзарха настоящим, на экстренном совещании, состоявшемся после того, как все убедились, что Нирай Куджен на самом деле исчез, но добиться от остальных подлинного уважения к рангу ей было непросто. Она была спокойной женщиной

с волнистыми волосами до плеч, обрамлявшими лицо изысканной статуэтки из слоновой кости, обычно с мягким выражением. Но сейчас в этом лице не было мягкости. — Какая незадача, что он убедил Черис позволить вселиться в свое тело. Надо было уничтожить пепломот инвариантными снарядами, чтобы избавиться и от неё.

— Да, — с кислым видом сказала Андан Шандаль Йенг. Она возилась со своими сапфировыми кольцами: все они были в точности того же знойного синего цвета, что и её атласное платье, расшитое жемчужинами и дымчатыми бриллиантами. — Только вот пепломотов у нас ограниченное количество, и Кел все время жалуются, что не могут позволить себе построить ещё шесть. — Не в последнюю очередь из-за некоторых монополий Андан. Физиономия Тсоро осталась бесстрастной. — Честно говоря, я удивлена тем, что Куджен солгал — дескать, хочет вернуть якорь для препарирования, математической прелюдии или чего-то там ещё.

Файан не была заинтересована в обсуждении того, как Куджен предпочитает проводить свободное время.

— Все хопперы и прочий транспорт на «Неписаном законе» учтены, так как же…

— Я проверил аналитические выкладки, — сказал Микодез. — Разве там не было предположения, что один он все-таки мог угнать? Сложновато все учесть при таком масштабе повреждений.

— Среди моих аналитиков разлад, — призналась Файан. — Так или иначе, Черис или Джедао нужно было отремонтировать хоппер и долететь на нем до самого роя «Лебединый узел» или встретиться с сообщником. Ни он, ни она в инженерном деле не разбираются. Слишком многое тут не сходится.

— С этим можно разобраться позднее, — заметила Шандаль Йенг. — Надо как-то определиться, что делать с фактом: мстительный псих вырвался на свободу и теперь в его распоряжении рой Кел.

— Джедао не воспринял бы покушение на свой счет, — сказал Микодез. — Это неким образом апеллирует к его экстравагантному желанию умереть. Но мы взорвали его солдат — и это наверняка его взбесило. Да уж, миленько вышло.

На самом деле погибли около восьми тысяч солдат. Нирай Куджен настоял, чтобы против Джедао применили одну из немногочисленных разновидностей оружия, способного его убить по-настоящему, и по этой причине пришлось взорвать весь рой. Микодез не сильно противился,

потому что к тому моменту успел понять: победа Джедао у Крепости Рассыпанных Игл имеет опасные последствия. Можно было лишь восхищаться тем, что немертвый генерал выкрутился, да ещё и заполучил рой побольше размером.

Пса нахмурился. Как многие, кого влекло во фракцию Видона, он был одержим правилами, и гибкости в нем было не больше, чем в стеклянной панели. Большинство людей в гекзархате боялись Видона, которые служили полицейской силой против ереси низкого уровня, но Микодезу было так легко водить Пса вокруг пальца, что он от этого скучал.

— Простите, Микодез, — сказал Пса. — Вы помните Адское Веретено?

Микодез подавил вздох. По крайней мере, на собрании отсутствовал Куджен, который на самом деле всё помнил и не удержался бы от ехидного замечания. Вообще-то, Микодез не имел ничего против ехидных замечаний. Просто демонстрировать то, что он был не против, было бы дурным тоном.

— Давайте не будем перечитывать древнюю историю, — попросила Шандаль Йенг. — Мы так и не решили, что делать с Джедао и его покорной армией Кел.

Она, должно быть, напугана. Как бы сильно она ни недолюбливала Тсоро, обычно с тактичностью у неё всё обстояло куда лучше. Если только… Хм-м. Возможно, это на самом деле не Шандаль Йенг. Микодез как следует присмотрелся к ее лицу.

— Надо признать, он здорово напугал главные силы Хафн, — сухо заметила Тсоро.

— Если бы ваш агент не вмешался, Микодез, — сказала Ируджа, — одной угрозой в той части космоса было бы меньше.

— Я поддерживаю решение Мазерет, — сказал Микодез. — Она могла выбирать свои цели, и ей не хуже других известно, как опасен Джедао. Клянусь лисой и псом, он запустил пороговые отделители на орбиту вокруг Крепости, и кто знает, какие в них были модификации? Нам повезло, что он не устроил повторение Адского Веретена.

— Нужно будет обсудить, с какой стати вы решили внедрить шпиона в нашу крепость, — ледяным голосом произнесла Тсоро. — Да ещё и в роли коменданта. Что ты пытаешься доказать, Шуос?

Микодез одарил ее такой же холодной улыбкой.

— Да, кстати. Давайте поговорим об экстрадиции.

— Нужно ли напоминать о том, что мы имеем дело с безумцем, который имеет дурную привычку выигрывать все свои сражения? — встряла Шандаль Йенг. — Сейчас не время для того, чтобы…

— Очень даже время, — перебил Микодез. — У меня нет привычки позволять верным агентам гнить в тюрьме. Поговори со мной, Тсоро.

— Мы разберемся с этим позже, — заявила гекзарх Кел.

— Нет, мы вычеркнем это из списка сейчас. А не то вам будет очень весело преследовать Джедао и Хафн, когда посты прослушивания начнут глохнуть один за другим.

— Шуос… — гневно начала Тсоро.

— Послушайте, я понимаю, что отдельные Кел — расходный материал, как спички, и благодаря формационному инстинкту вы можете их дергать в любом направлении, какое потребует стратегия, но у меня такой возможности нет. Вы ссоритесь со мной, не с агентом. Сдавайтесь.

Ируджа выглядела слегка раздраженной этой перепалкой.

— Стоит ли устраивать истерику из-за одного агента, Микодез? Разве что вы планируете покончить с Хафн собственными руками.

— О, ничего подобного, — с почтительным видом ответил Микодез. — Но я могу отключить пугающее количество келских постов прослушивания за время, которое вам лучше не знать, а этот агент для меня важен.

— Тсоро, — сказала Ируджа после некоторых раздумий. — Я понимаю, что, как и все присутствующие в определенные моменты, вы представляете себе, как насаживаете Микодеза на бамбуковый шест за этот его последний каприз. Но сделайте мне одолжение — отдайте ему агента. Рахал рассчитаются с ним позже.

— Как пожелаете, Рахал. — Тсоро склонила голову.

Микодез решил не ухмыляться в её адрес. Ну почему Кел не могли сделать гекзархом человека с чувством юмора?

— Предыдущее замечание Тсоро открывает интересную перспективу, — сказал он. — Если Джедао так одержим идеей поучаствовать в перестрелках с Хафн, почему бы не позволить ему измотать себя?

— Какое интригующее предложение от человека, который недавно согласился прикончить немертвого генерала, — проворчал Пса.

— Может, я просто умею приспосабливаться? —

предположил Микодез.

— Вдруг нам повезет… — проговорила Шандаль Йенг. — Вдруг Хафн убьют его вместо нас.

Тсоро кашлянула. Когда Шандаль Йенг подняла брови, Тсоро сказала:

— В этом случае нам придется иметь дело с генералом, который победит Джедао. Такое вряд ли можно считать стратегическим достижением.

— Если нет способа вернуть рой, — возразила Ируджа, — ничего другого нам не останется.

— Это любопытная часть, — сказала Файан. — Если верить блудному офицеру из штаба Кируев, Кел на командном моте отождествили не того, кого надо, насколько это вообще возможно с ревенантом. Все якоря Джедао унаследовали его манеру двигаться и в конечном итоге его акцент, благодаря эффекту просачивания. Конечно, Кел привыкли читать друг друга таким способом. — Определенный базовый язык тела кадетам прививали вместе с формационным инстинктом. — Но ни то ни другое ничего не доказывает. Очень хороший актер или лазутчик мог бы всё подделать. А вот очевидный переход по наследству прочих навыков Джедао вызывает тревогу.

— Нет никаких доказательств того, что у ка-

питана Черис имелась хоть толика актерских способностей, — сказала Тсоро. — Мы навели справки у бывших преподавателей и сокурсников. Она даже от провинциального акцента не могла избавиться до второго курса.

— Хотела бы я знать, каким образом кто-то мог капитулировать перед Джедао до такой степени, чтобы отказаться от собственной жизни, — заметила Файан.

Тсоро пожала плечами.

— Никто другой не слышал, что он ей говорил, так что мы никогда не узнаем наверняка. Тот факт, что она изначально ответила на толчок в сторону Джедао, наводит на размышления, и всё-таки она всегда стремилась быть хорошим Кел. Она присоединилась к нашей фракции, несмотря на сопротивление семьи.

— Значит, с ними никаких связей, — задумчиво проговорил Пса.

— Не совсем так, — сказала Тсоро. — Она регулярно писала родителям и время от времени обменивалась письмами с одноклассниками.

— Ну что ж, — проговорил Пса. — Мы могли бы оказать давление с этой стороны. Родители Черис уже под наблюдением, в качестве меры предосторожности. Мы можем задержать их и дать знать

Джедао — посмотрим, как он отреагирует.

— Это не очень-то хорошая идея, — заметила Файан, нахмурив брови. — Если какая-то часть Черис и жива, то психологически она далеко не стабильна.

— Файан, — возразила Ируджа, — это может дать нам то, в чем мы нуждаемся.

— Это может свести ее с ума окончательно.

Тсоро думала о чем-то другом.

— Если уж мы все равно оказываем давление, — сказала она, — то почему бы не действовать в полную силу. Черис писала родителям на языке мвен-дал, который распространен только среди соплеменников её матери, народности мвеннин. Их сообщества рассеяны по второму по величине континенту Кострища, и их так мало, что по любым разумным меркам они считаются вымершими. Мы могли бы взять всех под арест и пригрозить их уничтожить, если рой не вернется под контроль Кел. Видона, вы же рано или поздно придумаете, как это обернуть в нашу пользу, верно? Жаль, они настолько малоизвестны, что их массовую гибель нельзя выставить как покушение на календарь. Так или иначе, если внутри того тела ещё осталось что-то от Черис, это может дать ей стимул сопротивляться влиянию

Джедао.

— Не вижу, что мы потеряем, если попробуем этот способ, — сказала Шандаль Йенг. — Кому как, а мне было бы спокойнее на душе, если бы в гекзархате не бесчинствовал вышедший из-под контроля рой. — Сколько раз она это уже сказала? Или, если точнее, сколько раз это сказала её протокольная программа, прикрывая побочный разговор, который в это же самое время вела гекзарх и который Микодез записывал, раз уж обратил на него внимание, чтобы прослушать после совещания. — Если это сработает, прекрасно.

Ируджа повернула руку ладонью вверх.

— У меня тоже нет возражений.

— Я сделаю это приоритетом, — пообещал Пса.

Нирай Файан выглядела очень расстроенной, но промолчала. Она понимала, что проиграла — и она была наименее могущественным гекзархом.

— Нет, — сказал Микодез. — То есть ни в коем случае, мы так не поступим.

Шандаль Йенг сорвала с пальца одно из колец и бросила его на пол.

— Я не ожидала, что именно у вас внезапно случится приступ гуманизма.

— Я такой, какой есть — забыли? — сказал Микодез. — На гуманизм мне плевать. Я возра-

жаю против зверств не по соображениям этики, которую никогда не преподавали в Академии Шуос. — Ируджа закатила глаза, услышав старую шутку. — Я возражаю против зверств, потому что это ужасная политика. Возможно, никому нет дела до мвеннин или как там они себя называют, но если бы мы имели такую власть над населением, о какой любим разглагольствовать, нам бы не пришлось вечно сталкиваться с еретическими восстаниями, которые вспыхивают, как пожар в степи. Угрожать родителям Черис — нормально. Но в таких вещах глупо быть неразборчивым. Мы просто создадим новую группу еретиков, какой бы маленькой она ни была.

Ируджа сложила руки домиком и вздохнула. На мгновение Микодез вспомнил, что ей сто двадцать шесть лет — достаточно, чтобы всеми фибрами души постоянно ощущать течение времени.

— Вы собираетесь закатить истерику и из-за этого тоже?

Можно подумать, это бы помогло. Ируджа вмешалась ранее, потому что хотела, чтобы собрание продвигалось быстрей, и агент уже был выявлен. (Впрочем, Микодез готов был поспорить, что в ближайшие месяцы состоится множество

углубленных проверок персонала.) А вот в этом вопросе лишь Файан согласилась с Микодезом, но её нельзя было считать надёжным союзником.

— Оно того не стоит, — сказал он.

Ируджа невесело рассмеялась.

— Рада слышать. Не то чтобы я собиралась ставить вопрос на голосование, но все пройдет лучше, если мы скоординируем усилия.

— Я ценю это, Ируджа.

— Ну что ж… — Она медленно выдохнула. — Мы направим Джедао ультиматум. Важнее всего вернуть рой. Такой прецедент непозволителен. Каковы, по-вашему, шансы, что генерал Кируев все ещё жива?

— Это не имеет значения, — отрезала Тсоро. — Даже если Кируев выжила, она скомпрометирована. Мы не хотим, чтобы она командовала роем после того, как у Джедао была возможность перенастроить ей мозги.

— Полагаю, у вас есть запасной вариант.

— Мы отозвали генерала Кел Инессер с границы Высокого Стекла. Если удастся убедить Джедао сдаться, она более чем способна справиться с Хафн.

Инессер, старшая из генералов Кел и одна из самых уважаемых. Микодез фыркнул.

— Это не та ли женщина, которую вы последние двадцать лет все время держали на задворках? — Он встречал ее несколько раз на официальных приемах: генерал кичилась своей шевелюрой и с обескураживающей нежностью рассказывала про то, как вышивает крестиком. От него не ускользнуло, как ловко она манипулировала собеседниками, притворяясь типичным тупым Кел. — Я просмотрел кое-какие результаты оценки. Удивлен, что вы её ещё не ассимилировали.

Тсоро посмотрела на него.

— Возможно, Инессер — один из лучших стратегов за последние двести лет, и она отлично разбирается в тыловом обеспечении, но мы бы предпочли, чтобы из неё не получилось второго Джедао. — Она не стала вдаваться в подробности относительно результатов оценки, которые однажды — с неохотой — обсудила с Микодезом. В учебниках Кел придерживались мнения, что боевые успехи Джедао подкрепили его склонность не заглядывать далеко в будущее, потому что он всегда полагал, будто сможет выбраться из любой передряги, вместо того, чтобы спросить себя, стоит ли вообще сражаться в очередной битве. Микодезу больше нравилась куда более краткая формулировка, которой поделился с ним один

инструктор Кел, не для протокола: «Блестящий тактик, дерьмовый стратег». Предположительно, долгосрочным планированием вместо него занималось Командование Кел.

— Я понимаю, что вы обременены почти четырьмя веками концентрированных предрассудков, — сказал Микодез, — но вам не кажется, что пришло время перестать позволять Джедао диктовать все ваши поступки? Такими темпами вы превратите Инессер во врага совершенно другой разновидности.

— Шуос, — резко проговорила Тсоро, — когда ты считаешь необходимым выкинуть очередной фортель в духе убийства собственных кадетов, мы не посылаем тебе записки с указаниями, как надо управлять фракцией.

Микодез потеребил один из листьев своей зеленой луковицы и сказал:

— Ладно. Только потом не говорите, что я не давал вам хороших советов.

— Если вы двое закончили, — сказала Ируджа, не повышая голоса. — Микодез, мне нужно, чтобы вы проследили за ситуацией. Не вмешивайтесь, пока Джедао не сделает ход против нас, и особенно не мешайте ему сражаться с Хафн.

— У меня есть полезное количество тенемотов,

которые как раз выдвигаются на позиции, — сказал Микодез. — Поверьте, их коммандеры так же мало заинтересованы в перестрелке с Джедао, как и я.

Пса хмыкнул.

— Я видел вас на стрельбище, Микодез. Я бы дал вам равные шансы.

— Очень лестно, — скромно сказал Микодез, — но, хотя Джедао продемонстрировал способность при виде человека с оружием выбить это самое оружие из его рук выстрелом — дурацкий трюк, против которого я всегда предостерегаю своих оперативников, — мой выбор в такой ситуации заключается в том, чтобы перво-наперво не оказаться с этим человеком в одной и той же комнате.

Андан Шандаль Йенг улыбалась.

— Рада, что у нас все-таки есть план действий.

Микодез сохранил невозмутимое выражение лица. Он заметил, что у Кел Тсоро время от времени бегают глаза. Тот скрытый разговор Шандаль Йенг, несомненно, вела с ней. Обе использовали кинесические[3] и протокольные программы, чтобы сгладить эффект, но Микодез давным-давно

---

[3] Примечания: 3

Кинесика — совокупность невербальных проявлений поведения человека (мимика, пантомимика, экспрессия и т. д.).

их обошел. Он собирался скормить обеим старую добрую ложь, но, разумеется, им об этом знать не следовало.

— И последнее, — сказала Ируджа. — Файан, как обстоят дела с технологией обретения бессмертия?

— В записях Куджена царит полный бардак, — сказала Файан. Она имела в виду те, которые украла у него, на том основании, что не хотела бы случайно воссоздать такую дрянь, как «черная колыбель», былую темницу Джедао. Дело было не столько в том, что Куджен страдал неорганизованностью — скорее наоборот. Этот человек был дотошен во всем. Отчеты, которые он посылал другим гекзархам, прежде чем исчезнуть, были безупречно структурированы и вычитаны, являя собой образец ясности. Но его личные заметки касательно проектов, которыми он не собирался делиться ни с кем другим, требовали расшифровки, поскольку он записывал их особым стенографическим способом, и его гений затруднял (как однажды объяснила Файан) отслеживать случающиеся время от времени интуитивные прыжки.

Файан рассказала о некоторых недавних технических трудностях, обращаясь в основном к

Ирудже, у которой была вся необходимая информация, чтобы следить за её объяснениями. Микодез просто записал все детали, чтобы позже передать сотрудникам для проверки. Наблюдать за тем, как все остальные лезут из кожи вон из-за перспективы жить вечно, было в чем-то увлекательно, хотя он и не собирался это выдавать.

Собрание закончилось. Вскоре Микодез остался наедине со своей зеленой луковицей. Было ясно, что другие гекзархи облажаются в своих попытках взять Джедао под контроль. Микодез предположил, что после Адского Ветерена никто толком не соображал, что делает, но давно умершие Кел и гептарх Шуос должны были за многое ответить. И все-таки, неужели кто-то в этой вселенной считал, что держать обезумевшего немертвого генерала в качестве бойцового пса — хорошая идея?

С другой стороны, тайком натравливать гекзархов друг на друга становилось утомительным. Тот факт, что Джедао сорвался с поводка, представлял собой новый вызов. Просматривая стенограмму разговора Тсоро и Шандаль Йенг, Микодез вызвал на экран файлы, которые когда-то выкрал у Нирай Куджена. Их черед придет следом за стенограммой.

Глава восьмая

Брезан просыпался урывками, как головоломка, собирающая сама себя из кучи хлама.

— Что? — проговорил он и поморщился от металлического привкуса во рту и налета на языке. Через некоторое время он сумел осмотреться. Стены теплого серого цвета с единственной абстрактной картиной, которую Брезан мог видеть, не поднимая головы. После этого ему пришло в голову, что он лежит на койке, подключенный к стандартному медицинскому блоку. Паучьи ремни держали его крепко.

Ну что ж, по сравнению с гребаной спальной капсулой, в которую его засунул Джедао, это было улучшение.

— Эй? — попытался крикнуть Брезан, но сумел лишь каркнуть. Он попробовал ещё раз, почти с тем же успехом.

Примерно в это же время он обнаружил, что кто-то отключил его аугмент, что подразумевало либо очень хорошего техника, либо кого-то с кодами доступа, либо и то и другое. В любом случае плохая новость. Наверное, здесь есть местная

сеть, но даже если бы она отказалась с ним разговаривать, он бы имел доступ к внутреннему хронометру и базовой диагностике. Как долго он был без сознания? И что это за место, черт возьми?

Брезан подождал еще немного. К затяжной боли при дыхании добавился зуд под левым коленом, который приводил его в бешенство: ведь он не мог дотянуться до нужного места, чтобы почесаться.

Как раз в тот момент, когда он решил все-таки попытать счастья с паучьими ремнями, вошла очень бледная улыбающаяся женщина с замысловатой мерцающей татуировкой на правой щеке. На ней был пурпурный жакет поверх лавандового платья, щедро украшенного аквамариновыми кистями, а на шее и запястьях позвякивали серебряные украшения. Трепещущие щели на шее говорили о том, что у нее есть жабры. Единственным полезным намеком относительно её личности была золотая булавка на груди слева: глаз Шуос.

— Привет, — сказала она. — Дайте мне минутку, и я вас освобожу.

— Пожалуйста, дайте мне возможность поговорить с Командованием Кел, — попросил Брезан,

вспомнив о своей миссии.

— Сначала мы должны вас обработать.

Ну да, разумеется: под этим цветистым нарядом пряталась фирменная шуосская черствость. Тем не менее как штабной офицер, Брезан накопил опыт работы с бюрократами. Шуосы обычно соблюдали протокол. Лучше подыграть этой даме.

Отцепив его от медицинского блока — процесс оказался более болезненным, чем он готов был признаться, — она сказала:

— Стакан воды?

— Мне бы лучше в уборную.

— Минуточку. Я ещё не всё отцепила. — Она не пошевелилась, но Брезан понимал: уж у неё-то аугмент работает. — Теперь можете двигаться. — Она указала на дверь. — Постарайтесь не задерживаться, хорошо? — И опять эта обаятельная улыбка. — Кое-кто хочет с вами поговорить.

Дружелюбное поведение и неопределенность в отношении «кое-кого» заставили Брезана насторожиться. К несчастью, ему ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться. Он собрался с духом и сел. Было больно, да, но это была не режущая боль от паучьих ремней, которую он испытал много лет назад, когда, будучи кадетом, поучаствовал в демонстрации.

— Спасибо, — сказал Брезан и постарался не спотыкаться на пути в уборную.

Когда он вышел, всё ещё в ужасе от того, как дрожат ноги, женщина протянула ему стакан воды. Он его молча принял и осушил несколькими отчаянными глотками. У воды не было никакого привкуса, но если бы его хотели накачать или отравить, могли бы это сделать в любой момент до того, как он пришел в себя.

— Ладно, — сказала женщина, когда он закончил. — Просто поставьте его вон туда, сервитор позже уберет. Вы готовы?

Брезан кивнул.

— Даже для ястреба, — проговорила она таким дружелюбным тоном, что он не смог оскорбиться, — вы ужасно нелюбопытны.

Брезан неубедительно улыбнулся ей в ответ.

Похоже, это её не побеспокоило.

— Ну ладно, — сказала она с неподдельной веселостью, — это не моё дело. Приступим?

Если она не возражает против его немногословности, тем лучше. Они отправились в лифте на другой уровень. Брезан всё ещё не понимал, находятся ли они на моте, на луне или станции, а может, ещё где-то. В коридорах не было видимых иллюминаторов, и двери выглядели на удивле-

ние безликими. Девять уровней вниз, прогулка по безлюдным коридорам — и, наконец, кабинет с гостеприимно открытой дверью.

— Я привела ястреба, — сказала женщина так громко, что Брезан чуть не подпрыгнул. — Вы там заняты, Сфенни? Мне послать его наверх или как?

— Пожалуйста, скажите мне, что его привели в порядок, — раздался изнутри рокочущий мужской голос.

— Медики об этом позаботились. Не думаю, что он испустит дух во время беседы и все вам испачкает.

— Превосходно, — сказал Сфенни тоном, подразумевающим обратное.

— Входите, — сказала женщина и повернулась на каблуках, не дожидаясь, пока Брезан войдет в кабинет Сфенни. Конечно, невидимые сотрудники отдела безопасности должны были следить за каждым его шагом, но Брезан не мог не почувствовать себя оскорбленным тем, что его считают такой незначительной угрозой, пусть даже Кел и Шуос номинально были союзниками.

Брезан расправил плечи, подумал, не изменить ли мундир, а затем решил, что режима «средний официальный» вполне достаточно. Он вошел.

Первое, что Брезан заметил в кабинете, были книжные шкафы. Не то чтобы они оказались изысканной работы, хоть он и спросил себя, настоящее ли это облачное дерево — серебристо-серое, с едва заметными перламутровыми завитками, — или одна из реплик получше. Шкафы были забиты книгами. И не только книгами. Эти штуковины выглядели переплетенными вручную, и запахи старой бумаги и клея почти ошеломили Брезана.

Шуос Сфенни сидел за гораздо менее дорогим на вид столом, который терялся в тени всех этих шкафов. У него было несуразно круглое, мягкое лицо и массивная фигура боксера. Брезану подумалось, что в промежутках между раскладыванием книг по алфавиту и разборками с причиняющими беспокойство Кел этот человек сражался врукопашную с невезучими медведями. Но, по крайней мере, на Сфенни была настоящая униформа Шуос, в отличие от женщины в платье с кисточками.

— Присаживайтесь, — сказал Сфенни, указывая на стул по другую сторону стола. — Итак. Полковник Брезан, верно?

— Да, — сказал Брезан и стал ждать.

— Я замещаю Шурс Ояна, которому полага-

лось бы заниматься вашей обработкой, — сказал Сфенни, — так что прошу меня простить за некоторую медлительность. Мы перехватили вашу, э-э, просьбу о разговоре с личным помощником гекзарха.

— Да, — сказал Брезан, на этот раз более осторожно. Конечно, он не ожидал, что будет легко добраться до защищенного терминала, но ему не нравилось, к чему всё шло.

Сфенни не улыбнулся ему.

— Позвольте мне подытожить, что мы выудили из этой кучи отчетов.

В высоком языке не было множественного числа, но термин «куча» имел довольно однозначный смысл. И сколько раз Брезана передавали из рук в руки? У него свело желудок.

К счастью, резюме Сфенни оказалось достаточно точным. Закончив, он внимательно посмотрел на Брезана и вздохнул.

— Хватит игр, полковник. Скажите мне, почему вы на самом деле здесь.

В каком это смысле, «на самом деле»?..

— Я не знаю, как подтвердить мою личность или звание, если вы не смогли получить от Кел всю необходимую информацию, — сказал Брезан. — Но, заверяю вас, мне действительно нужно

срочно связаться с начальством, и после этого я перестану быть для вас проблемой. Простите, что я втянул Шуос в эту историю. Обстоятельства сложились так, что это казалось лучшим выходом. — Ну, на самом деле он был не в себе от сонной болезни, но говорить об этом не стоило. Брезан понятия не имел, о чем ещё он имеет право рассказать, не говоря уже о том, какой у Сфенни уровень допуска. И, кстати говоря, даже если Сфенни позволит ему воспользоваться терминалом, нет никакой гарантии, что тот будет защищенным. Но всё же, проблемы по мере поступления.

Сфенни полез в ящик. Брезан напрягся, но Шуос всего лишь достал дозатор и проглотил, не запивая, одну ярко-зеленую капсулу.

— Ладно, слушайте, — сказал Сфенни после болезненного приступа кашля. — Мы можем быть откровенны друг с другом, полковник? Вас поместили на станции Миннер… — «Где?» — изумился Брезан. — И это самое скучное место в марке, хоть тут в последнее время и стало очень весело. Дело в том, что некоторые из нас ценят скуку.

Брезан понял, к чему он клонит.

— Дело такое, полковник. Я так понимаю, вы достигли вершины своей карьеры… — Тут Брезан

ощетинился, но Сфенни не сделал паузу. — И хотите перейти в распоряжение фракции Шуос либо выйти в отставку и поселиться в каком-нибудь милом городке на планете, где можно разжиться секретными сведениями на энергетическом рынке или чем-то еще. Но Шуос Зехуни известны своей неумолимостью, когда люди тратят их время. Здешняя обстановка может стать очень некомфортной, а комфорт многие из нас весьма ценят.

Брезан подумал: если Сфенни опять произнесет «многие из нас» с той же грязной, многозначительной интонацией, он схватит его за глотку.

— Плевать мне на вашу жизненную философию, — отрезал полковник, и глаза Сфенни укоризненно заблестели. — Может, перейдете наконец-то к сути?

— Ну, — проговорил Сфенни. — Неудобства есть неудобства, знаете ли.

Затем, к огромному раздражению Брезана (отметка в его личном деле, связанная с управлением гневом, такими темпами никогда не исчезнет, но ведь на этот раз он прав, разве нет?), Сфенни встал и заковылял к изукрашенному шкафчику из облачного дерева или подделки под него.

— Чем травиться будете?

Ох, какого… Брезан прикусил язык. Конечно, не стоило напиваться без причины, но если этот неудачник даст ему доступ к гребаному терминалу, почему бы и нет. Всё равно от этого вкус во рту хуже не станет.

— Персиковый бренди, — сказал Брезан. Он презирал персиковый бренди, но это был самый дорогой напиток, который он мог видеть с того места, где сидел.

Сфенни достал графин, затем два бокала.

— Извините, моя коллекция бренди ужасна, — сказал он, как будто Брезану было не все равно, — просто запасы в последнее время иссякли.

С суетливой вежливостью Шуос налил им обоим.

Брезан сделал крошечный глоток, который можно было счесть достаточно любезным, и заставил себя улыбнуться. Он не понимал, стоит бренди таких денег или нет, да это и не имело значения. Он нуждался в этом презренном человеке. Рано или поздно Сфенни закончит ходить вокруг да около.

— Я не непатриотичный гражданин, — сказал Сфенни. Брезан так давно не слышал слова «непа-

триотичный» без сопровождающей его брани (впрочем, со словом «патриотичный» все обстояло так же), что чуть не расхохотался, но вовремя спохватился. — Но управление станцией Миннер требует больших средств, чем те, которые нам обычно удается вытянуть из региональных штабквартир. — Это заявление повисло в воздухе.

«Управление станцией», ну да, конечно… Больше похоже на то, что каждая нечестная марка, полученная Сфенни в виде взяток, уходила на облагораживание этого книжного сада. Брезан не знал, смеяться ему, плакать или броситься через стол. В подобных обстоятельствах Командование Кел вряд ли станет беспокоиться из-за такого преступления, как взятка, особенно если он сообщит о случившемся до того, как они всё узнают сами. И особенно если у него будет хорошее оправдание, а ведь таковое имеется. На мнение Шуос по этому вопросу Брезану было плевать. А вот на компромисс со своей совестью — отнюдь нет, пусть даже нужда в нем была велика.

«Возьми себя в руки, — велел себе Брезан. — Никому нет дела до твоих мелочных и неуместных душевных терзаний».

Но иногда… иногда ему хотелось, чтобы это кого-нибудь заботило.

Тем временем его высший долг оставался неизменным.

— Раз уж мы так восхитительно откровенны друг с другом, — сказал Брезан, — средства у меня имеются. — В отличие от генерала Кируев, в увольнительной он не гонялся по антикварным лавкам за чрезмерно дорогими безделушками. Пороки Брезана были проще и дешевле: алкоголь (только не персиковый бренди), неизменные дуэли и время от времени — кулинарные курсы, потому что нет лучшего способа понять людей, чем еда. Все это означало, что он в разумной степени богат.

— Значит, мы можем договориться… — сказал Сфенни.

— Я знаю, как сделать перевод, — сказал Брезан, — но не знаю, как предотвратить отслеживание сделки. — Это была не совсем правда. Он выучился всяким трюкам у людей, с которыми довелось пообщаться. Он просто думал, что эти трюки не выдержат полноценного аудита.

— Я мог бы вас проинструктировать, — предложил Сфенни. — Но, как честный человек…

В конце этой нереальной интерлюдии Брезан должен был либо стать лучшим актером гекзархата, либо спонтанно воспламениться.

— …я должен принять меры предосторожности. — Сфенни внезапно прищурился. — И на случай, если вы думаете, что честный Кел и сам должен принять меры предосторожности, уверяю вас, что все пройдет более гладко, если мы придем к соглашению мирно.

— Я и не предполагал ничего другого, — сказал Брезан.

Сфенни передал ему планшет. Назвал сумму.

Брезан не стал скрывать презрения.

— Отлично.

Как Сфенни и обещал, его инструкции были легкими в исполнении. Брезан запомнил причудливые бухгалтерские трюки. Они не так уж отличались от того, что ему уже было известно.

— Прекрасно, — сказал Сфенни. — Мы вас устроим, пока будем ждать результата. Ради нашего общего блага, вы же понимаете. Хотите, пришлю вам бренди, чтобы скрасить ожидание?

Было заманчиво сделать так, чтобы Сфенни потратил выпивку впустую, но…

— В этом нет необходимости, — сказал Брезан со всей дипломатичностью, на какую был способен. Родители бы им гордились.

Сфенни набрал вызов на своем терминале. После мучительно долгой паузы опять появилась

женщина в платье с кисточками.

— Привет, — сказала она голосом, в котором ничуть не поубавилось веселья. — Что теперь, Сфенни?

— Отведите нашего гостя туда, где он сможет с удобством подождать некоторое время, — сказал круглолицый Шуос. — Позаботьтесь о том, чтобы его накормили, напоили, как обычно. А я должен немедленно разобраться с этим треклятым посланцем от фракции Видона.

— Не вопрос, — сказала женщина и улыбнулась Брезану. На её щеках появились ямочки.

Вот черт, она же не флиртует? Не то чтобы она его не привлекала — как раз наоборот, — но прямо сейчас ему ни в коем случае нельзя отвлекаться. К счастью, женщина на этом остановилась.

Они снова поднялись на лифте, на совершенно другой уровень. Чтобы отвлечься от дурных предчувствий, он разглядывал декор. Тот, кто украсил этот уровень, любил монохромные картины с изображениями ледяных планет, окаймленных головокружительными фрактальными завихрениями. Хорошая работа: Брезан сам не умел рисовать, но его младший отец был детским иллюстратором с хронической неспособностью

смотреть на произведения искусства без вивисекции.

К тому времени как они добрались до «комнаты ожидания», там уже стоял поднос с едой: на нём было всё, от миски с лапшой, увенчанной половинкой вареного яйца, до тарелок с нарезанными фруктами. В комнате даже имелись полки с книгами, к которым Брезан не собирался прикасаться. Помещение было оформлено с таким ошеломляющим преобладанием синего и бежевого, что у Брезана зачесались лопатки.

— Вот такие дела, — сказала женщина. — Могу я чем-нибудь помочь, чтобы всё это не казалось таким невыносимым? — И опять эти ямочки на щеках, с надеждой.

Искушение было сильным, но нет…

— Спасибо, я в порядке, — ответил Брезан. Его дилемма не была её виной.

— Ну ладно. Я зайду за вами позже.

Брезану хватило времени в самый раз, чтобы опуститься в чертовски удобное кресло и задаться вопросом, каково это — жить до такой степени беспечно. Потом, о ужас, он уснул. Проснулся через неопределенное время, с ужасно затекшей шеей. От персикового бренди во рту остался ужасный привкус, хоть он едва прикоснулся к

выпивке. И женщины в платье с кисточками нигде не было видно.

Брезан медленно поднялся, подошел к стене и начал писать на ней пальцем:

ЛИСАМ
МОЖНО ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯТЬ

Снова и снова, как ребенок на уроке чистописания. Интересно, а почерк способен выражать сарказм?

К помещению примыкала небольшая, но полностью оборудованная ванная комната. Брезан понимал, что в этом крылся намек на то, как долго его планируют здесь держать. Он потребовал разговора с начальством. Ничего не вышло, но он и не рассчитывал на успех.

Смирившись, он поел. Чисто военная практичность. Кроме того, молочно-морковный пудинг был вкусным. Надо попытаться самому такой приготовить, если он отсюда выберется, что казалось все менее вероятным.

И опять ожидание. Новые подносы с едой, которые всегда появлялись через щель, способную отрезать руку, если он попробует её просунуть внутрь. Вновь он спал в кресле, хотя обещал себе больше так не делать. Сержант из Академии от-

ругал бы Брезана за такое поведение. Когда они снова встретятся с генералом Кируев, надо будет извиниться за то, что он считал ремонт часов легкомысленным хобби, и попросить об уроках инженерного мастерства.

Наконец, за несколько мгновений до того, как он собрался протаранить дверь плечом — такой тупой трюк мог бы предпринять лишь Кел из анекдота, оказавшись в ловушке в шуосском здании, — опять появилась женщина в платье с кисточками.

— Вот вы где, — сказала она, словно не привела его сюда сама. — Идёмте!

Она, кажется, затеяла светскую беседу на пути к кабинету Сфенни. Брезан отвечал рассеянным хмыканьем. И всё же он завидовал её способности не обижаться на его ужасные манеры.

— Сфенни, — сказала женщина, когда они добрались до кабинета с его коллекцией книг. — Вот он. Наслаждайтесь!

Её дразнящий голос заставил бы Брезана улыбнуться с неохотой, случись им встретиться при других обстоятельствах. Но не сегодня.

— Возникли осложнения, — сказал Сфенни, как только закрылась дверь и они с Брезаном остались вдвоем.

У Брезана сердце ушло в пятки. Сфенни, этот черветрах, хотел ещё взятку. Что ж, с такой проблемой можно разобраться. Да проблемы и нет, потому что такими темпами он скорее умрет от раздражения, чем доживет до выхода в отставку. Но где гарантии, что Сфенни не будет тянуть до той поры, пока Брезан не разорится, так и не предоставив ему обещанного доступа к терминалу?

Да уж, точно: «ЛИСАМ МОЖНО ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯТЬ».

— Теперь ваша очередь слушать, — холодно проговорил Брезан, не потрудившись сесть, хоть его ноги это бы весьма оценили. По привычке, он придерживался вежливых форм глаголов и более-менее вежливых местоимений. — Держу пари, вы знаете с точностью до сотых, сколько у меня осталось на главном счету, сколько отложено на медицинские нужды и на пенсию, сколько инвестировано и так далее и тому подобное. Просто забирайте всё и купите себе парочку библиотек или, черт подери, наймите планету переплетчиков. Мне нужно выслать предупреждение. Назовите цену. На этот раз — настоящую.

Сфенни от такой выходки даже глазом не моргнул. Но кто знает, сколько раз ему доводилось

видеть что-то похожее? Как ни в чем не бывало, он пододвинул к Брезану свой планшет.

— Я знаю, что ястребы привыкли к большим, до нелепости замысловатым терминалам, которые похожи на алтари из тех времен, когда люди приносили куриц в жертву лисьим духам, — сказал он. — Но это модель Шуос, и он действительно защищен.

На черном экране планшета блистала золотом, серебром и бронзой эмблема гекзархата: колесо с шестью спицами и символами фракций.

— Я выйду из комнаты, чтобы вы смогли связаться с кем надо. За вами будут следить в том смысле, что сработает сигнализация, если вы попытаетесь что-то поджечь — я этого, кстати, не рекомендую, кое-какая бумага точно сделана из токсичной дряни, — но в остальном вы будете один. Верите вы мне или нет, мне совершенно всё равно.

— Тогда о каких «осложнениях» речь? — спросил Брезан, поскольку не мог оставить всё как есть. Что ему хотелось сделать, так это схватить планшет поскорей, хотя тот вполне мог ударить его током. Шуос Сфенни, собиратель взяток, взращивающий книжный сад. Что с ним случилось? — Я не понимаю.

— Нам сообщили, что рой «Лебединый узел» расформирован примерно месяц назад, — сказал Сфенни. — Вы отстали от жизни на несколько недель.

Брезан в отчаянии зашипел.

— Мы узнали про ваше нелепое заявление, будто вы личный агент Шуос Зехуни, потому что один аналитик перепроверял обычный поток дурацких известий в поисках чего-нибудь забавного, чтобы рассказать об этом товарищам. Ваша история была достаточно странной, чтобы мы к ней пригляделись. Мы решили, что лучше сперва разобраться в ваших мотивах, прежде чем вернуть собратьям Кел, поскольку вы явно перенесли какую-то разновидность нервного срыва. Давайте не будем заниматься самообманом: медицинское подразделение Кел обычно применяет к сломленным птицам единственный метод лечения — их бросают в кастрюлю.

— И… — спросил Брезан, совершенно сбитый с толку.

— Дайте угадаю, — продолжил Сфенни. — Вы понимали, что никто не поверит «падающему ястребу»… — Брезан не стал его поправлять. — И потому воспользовались мимолетной встречей с Шуос Зехуни в Академии, в надежде отправить

свое предупреждение. Оно связано с Жертвенным Лисом, не так ли?

Мир содрогнулся и погрузился во тьму.

— Генерал Джедао, — проговорил Брезан. — Джедао сделал свой ход, и я опоздал.

— Не надо так, — мягко упрекнул его Сфенни. — Любые сведения, которыми вы располагаете, могут пригодиться, чтобы покончить с этим птицетрахом навсегда. А теперь приступайте, займитесь своим рапортом. И не ищите в столе зеленые пилюли, если только вам не нравится всякая ерунда с омерзительным вкусом. Это не настоящие транквилизаторы, и что-то мне подсказывает, плацебо вам не поможет.

Глава девятая

На следующий день после совета гекзархов Микодез просмотрел кучу отчетов, изучая реакцию Джедао на действия Хафн и обоснованные предположения о том, что он предпримет дальше. Больше всех отличилась аналитик, которого Зехуни пытались уволить. Зехуни были правы, но этот аналитик придумала лучшие сценарии. Ее последнее предположение состояло в том, что Джедао заставил армию призраков овладеть роем, и за этим последует атака на законы энтропии. Женщина впустую тратила свой талант в разведке. Ей следовало бы писать драмы, но Микодез был слишком эгоистичен, чтобы отпустить ее.

Ни в одном из отчетов не говорилось о том, что сам Микодез считал очевидным следующим шагом. Как отметили Зехуни, он собирался действовать по собственному усмотрению, так что никто и не пытался его разубеждать. Пока гекзарх читал отчеты, уведомление о вызове по третьей линии продолжало колдовски мигать. Он велел Зехуни и Истрадезу не мешать, разве что если

повод для вмешательства посулит первоклассное развлечение. Зехуни ответили на это очень терпеливым взглядом. Истрадез рассмеялся и пригрозил, что нарочно заявится в середине дела, чтобы все пошло кувырком.

— Ну ладно, я готов, — сказал Микодез сети. — Включай.

На терминале появилось женское лицо, обрамленное аккуратной стрижкой. Микодез не позволил себя обмануть. Похоже, тело Джедао похудело с той поры, как временный генерал Черис в последний раз докладывала о ходе своей миссии, но, учитывая обстоятельства, этому не стоило удивляться. Он подумал, не напомнить ли Джедао о необходимости получше кормить украденное тело, но Зехуни и Истрадез рассмеялись бы при мысли о том, что нравоучение о правильном режиме питания пришло в голову именно ему. Мундир Джедао был в полном официальном режиме; ненужная, но трогательная деталь.

— Доброго дня, Джедао, — сказал Микодез на давно забытом языке. Он надеялся, что не ошибся с произношением. Давно не случалось практиковаться.

Джедао моргнул.

— Я очень давно не слышал, чтобы кто-то го-

ворил на шпарой, Шуос-чжо. — Он говорил на высоком языке с тем же протяжным шпаройским акцентом, что и при их первой встрече, десятилетия назад, на станции, где содержалась «черная колыбель».

Микодез всегда подозревал, что Джедао может избавиться от акцента в любой момент — судя по оценкам его языковых навыков из Академии, — но не было необходимости копаться в этом вопросе. И, кстати говоря, использование — чжо, архаичного почетного обращения, предназначенного для гекзархов (или гептархов, в былые времена) — было чистой прихотью, напоминанием о возрасте Джедао.

— Я всего лишь хотел быть вежливым, — сказал Микодез.

— Очень тактично с вашей стороны, Шуос-чжо, но не уверен, что я сам теперь в состоянии говорить на родном языке. Но попытаюсь, если вам будет угодно.

— Говорите, как пожелаете. Я как-нибудь разберусь. Всегда держу под рукой переводчиков, которые говорят на всех языках, какие вы когда-то знали, включая тлен-гва.

— Должен признаться, — сказал Джедао, — я не совсем понимаю, почему вы захотели со мной по-

говорить. Для вас ведь не секрет, что я не намерен отдавать рой Командованию Кел. Это единственный рычаг, который у меня остался.

Все, вплоть до «я не намерен отдавать рой», было почти дословным воспроизведением разговора, который состоялся у Микодеза с Джедао тридцать пять лет назад. Если Нирай Куджен в тот раз сказал правду, сам Джедао этого не помнил. Изменилось только слово «тактично» — в прошлый раз он подобрал более ироничный синоним; поразительное отсутствие отклонений. В кои-то веки Микодез был склонен поверить Куджену, который был немыслимо увлечен всем, что касалось контроля над воспоминаниями мертвецов. Существовала вероятность, что Куджен облажался, и Джедао нашел время, чтобы рассказать Черис про старый разговор, или же немертвый генерал сейчас морочил голову гекзарху, но Микодез в этом сомневался.

— Нет, — сказал Микодез и подумал, что, если бы его запихнули в черный ящик, где и поговорить-то не с кем (исключая, может быть, Куджена), и оставили там почти на четыре столетия, он бы тоже не горел желанием туда возвращаться. — Я на такое и не рассчитывал.

— Вам повезло, что я не рядом, не в Цитадели

Глаз, — ледяным тоном произнес Джедао. — Если вы хотели застрелить меня, ну и ладно. Не было необходимости убивать весь рой, чтобы это сделать. Солдаты, техники, медики — они не заслуживали смерти.

— Пытаетесь пробудить во мне чувство вины? — недоверчиво спросил Микодез. — Такое возможно только с людьми, у которых есть совесть, так что у нас обоих иммунитет.

Джедао начал говорить. Микодез поднял руку, и Джедао умолк.

— Я понимаю, что вы сумасшедший, — сказал Микодез, — но взгляните на ситуацию с позиции здравомыслящего человека. Каждый школьник знает, что вы устроили при Адском Веретене. Не говоря уже о вашем идеальном послужном списке.

— Уже не идеальном.

— Хватит скромничать, дорогой. Хафн были разбиты наголову, пусть и не уничтожены подчистую. Так или иначе, мы засекли признаки того, что вы вот-вот ускользнете из-под контроля Командования Кел. Сама мысль о том, что вы сбежите и наугад прикончите ещё миллион — или больше, если захочется, — беспокоила меня. В этом смысле принести в жертву восемь тысяч

человек, чтобы наверняка прикончить безжалостного и умелого убийцу, казалось небольшой платой.

— Тогда почему вы не оставили меня гнить в «черной колыбели»?

— Потому что надо было отвоевать Крепость Рассыпанных Игл, и ещё… только не говорите об этом Кел Тсоро, она и так меня здорово недолюбливает. — Тут он не соврал. — Ещё, по общему признанию, только один генерал Кел мог взломать щиты из инвариантного льда и разобраться с ситуацией. Кел Инессер. Но Командование Кел не хотело вручать ей эту победу на блюдечке, потому что она и так слишком популярна среди своих войск, и её считают потенциальной угрозой.

Губы Джедао скривились.

— Не то чтобы мы были на одной стороне, Шуос-чжо, но… Командованию Кел ни разу за последние четыреста лет не приходило в голову, что отправлять на поле боя генерала, которому не доверяешь, нехорошо?

— Я не солдат, поэтому мне нечего сказать, — солгал Микодез. — Решение хорошим не назовешь, но лучше уж так, чем допустить, чтобы Крепость Рассыпанных Игл перешла к Хафн. И лучше, чем

позволить вам после всего вырваться из плена благодаря своему обаянию. Должен признаться, найденное вами решение застало нас врасплох, пусть даже все мы понимаем, что Кел, по сути, расходный материал.

Джедао не клюнул на приманку. Но, с другой стороны, во время предыдущего разговора его самообладание было в меру хорошим, и Микодез пробирался к более сложным вопросам.

— Что вы хотите получить от этого разговора, Шуос-чжо? — спросил Джедао.

— Я не собираюсь говорить вам, что принимаю ваши интересы близко к сердцу, потому что это не так, и вообще — не стоит верить пустым словам, услышанным от Шуос. — Он заметил, как Джедао воздержался от саркастического замечания в ответ. — Но факт остается фактом: вы Шуос, пусть даже Командование Кел считает, что в этом мундире вы неплохо смотритесь. Значит, вы один из моих людей. И всякий раз, когда вы сбиваетесь с курса, я несу за это ответственность.

— Шуос-чжо, не надо объяснять на пальцах. Вы же знаете, таким вещам четыреста лет назад уже учили.

Микодез приподнял бровь.

— Что ж, сойдемся на том, что мы оба бегло

говорим на шуосском, и двинемся дальше.

Джедао откинулся назад.

— Вам нужны гарантии? Отметьте, что мои орудия постоянно нацелены на Хафн, а не на ваши моты или города. Шуосский комендант должна была вам сообщить, что я выгрузил все свои пороговые отделители. Я знаю, что люди к ним относятся, скажем так, чувствительно. Впрочем, наверное, не стоит ожидать прямоты от человека, чья карьера развивается глубоко под прикрытием. — Он коротко, иронично улыбнулся.

— Нет, она была откровенна по этому поводу, — сказал Микодез. Он поручил Зехуни подыскать для Мазерет пост, какой она пожелает, в обмен на блестящую службу. — Но, Джедао, вы не могли не заметить, что единственные люди, которые вам «доверяют», — те, у которых нет выбора. Не рассчитывайте убедить меня в своей искренности. Я не Кел, и нас обоих учили быть параноиками.

— Знаю, — очень тихо сказал Джедао. — Но это не имеет значения. Я отказываюсь возвращаться в «колыбель». Там темно. Если мне придется удрать из гекзархата и стать наемником, так и быть. Это я и сделаю.

— Тогда вы прикончите гораздо больше людей. У вас к этому талант.

— Знаю.

— Вы такой оценки не просили, — сказал Микодез, — но я её все равно дам. Вам никогда не приходило в голову, что если бы вы были типовым беззаботным социопатом вроде нас, прочих лис, а не визионером, Коронованным Очами, очень многие люди были бы живы, и мир познал бы куда меньше зла?

Девятихвостый лис, Коронованный Очами, был сигнификатом Джедао. При жизни этот символ толковали как признак его гениальности. Но он проявлялся как у визионеров, так и у психов, и все знали, чем закончилась та история.

— Если бы вы сами были «типовым беззаботным социопатом», — парировал Джедао, — вам было бы наплевать, сколько жизней спасено или утрачено. — Его взгляд перебежал с лица Микодеза на что-то сбоку. — Клянусь лисой и псом, Шуос-чжо, вы выращиваете овощи на своем столе? В Цитадели нехватка продовольствия? Лично я порекомендовал бы кое-что более питательное.

Неприкрытая смена темы, чего и ожидал Микодез. Кроме того, было приятно видеть, что Джедао проявляет интерес к чему-то, не связанному с артиллерией. Может быть, отправить ему пару черенков?

— Мой помощник говорит то же самое. Время от времени я срезаю листья и добавляю в суп. Кстати, как вам нравится еда Кел? Она сильно отличается от того, что вы ели раньше?

— Не понимаю, что они сделали с огурцами, — сухо сказал Джедао, — и боюсь спрашивать про кое-какую рыбу. Если это вообще рыба. Ну и скольким гекзархам служил ваш помощник?

По крайней мере, Джедао все еще признавал властные структуры Шуос. Шуос, которые пытались занять место гекзарха, почти всегда были лисами. И даже среди них только тщеславные, отчаянно честолюбивые или страдающие от смертной скуки утруждали себя таким занятием. (Микодез относил себя к третьей категории.) Нет, человек, который желал добиться долгосрочного влияния, отказывался от всей этой драмы и становился бюрократом, слишком ценным, чтобы его увольнять.

— Я третий гекзарх, которому служат Зехуни, — сказал Микодез небрежным тоном. — Конечно, мой предшественник продержался всего три года, прежде чем на его пути появился я.

— Пуля? Яд? Удар вязальной спицей в упор?

Даже по меркам пехоты Шуос, воображение у Джедао всегда было небогатое.

— У него случился нервный срыв, — сказал Микодез. — Он хотел поселиться где-нибудь в тихом месте, изменить лицо и пол и, я это не выдумываю, разводить попугаев-корелл. Я навестил ее однажды, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Милые птички, кореллы. Я часто думаю, что сделка оказалась для неё более выгодной, особенно когда мне приходится иметь дело с бюджетными ассигнованиями, а мои агенты ноют, дескать, им игрушек не додали. Так или иначе, помощнику пришлось уговаривать меня не брать одну из птиц домой в качестве питомца. Зехуни иногда такие зануды.

Джедао выглядел озадаченным.

— Я понимаю, что с моей стороны дерзко о таком спрашивать, Шуос-чжо, но почему вы решили стать гекзархом? Почему бы не посвятить себя ландшафтной архитектуре, укрощению тигров или анестезиологии?

Микодез ухмыльнулся:

— Потому что у меня хорошо получается, и это весело. Необязательно в таком порядке. Честно говоря, даже некоторые из Кел понимают, что этот долг может быть забавным. У вас имеется какой-то странный психический выверт, который сводит все к страданию. Впрочем, если учесть,

что вы практически наполовину Кел, неудивительно, что вы реагируете, как ястреб.

Джедао многозначительно поднял левую руку и уставился на свою перчатку без пальцев.

— Это всего лишь форма, Шуос-чжо. У вас ведь есть данные о моей учебе в Академии Шуос, не так ли?

— Да, а еще я знаю, как вам пришлось потрудиться, чтобы сдать математику. Но я не шучу. В какой-то момент у вас был формационный инстинкт. — Микодез внимательно изучал лицо Джедао. Прошло тридцать пять лет, и они вернулись к той части разговора, которую Нирай Куджен так сильно не одобрял. Потом они поссорились, и Зехуни накричали на Микодеза за то, что тот устроил стычку с гекзархом Нирай на его родной станции. Но оно того стоило.

Джедао усмехнулся.

— Это абсурд. Я бы знал, если бы меня превратили в поддельного Кел. Даже углубленная обработка не может подавить воспоминания, которые… — Он замолчал, и его взгляд от подступившей неуверенности помрачнел.

Значит, и в этот раз он ничего не вспомнил.

— Никаких подделок, — сказал Микодез. — Вы были прототипом. Откуда, по-вашему, взялась

идея?

Джедао посмотрел Микодезу в глаза. Его лицо сделалось совершенно непроницаемым, и это само по себе говорило о многом. Он долго молчал.

— Вы не лжете.

— Мой дорогой друг, — проговорил Микодез, — неужели я должен напомнить вам, что иной раз от правды больше толку, чем от лжи?

На этот раз тишина продлилась ещё дольше.

— Зачем им избавляться от формационного инстинкта, если они сумели внедрить его мне? Я-то думал, они хотели привязать меня как можно крепче. — Краткая пауза. — По крайней мере, теперь я понимаю, почему они смогли… не смогли просто убить меня. Если думали, что им такое по силам. Если это и впрямь так. — Джедао судорожно вздохнул и взял себя в руки.

— Я не знаю, почему вас избавили от инстинкта, — сказал Микодез. Это тоже было правдой, хотя Джедао вряд ли ему поверит. — Но вы сами знаете, у кого эти сведения есть и возможно ли его выследить.

Существовал шанс, что коллективная память Командования Кел, никогда не отличавшаяся совершенной надежностью, со временем искажалась. А вот Нирай Куджен, как понимали

Микодез и Джедао, прекрасно помнил всё. Заставить Джедао вернуть беглого гекзарха — дело рискованное, но Микодезу нечего было терять.

— Думаю, — сказал он, — они отказались от инстинкта, потому что результаты были ненадежными. У вас изначально задатки паршивого Кел, так что даже с современными методами стандартная инъекция не подействует. Кто знает, сколько времени потратил психохирург… — Он имел в виду Куджена, — для выполнения заказанной ими работы.

— Вы сейчас дали мне ещё одну причину избегать Командования Кел, а их и так уже с избытком, — заметил Джедао.

— Я не поэтому поделился с вами своими мыслями.

Почти правда.

— Так почему же?..

— Потому что вы заслуживаете знать.

Джедао широко распахнул глаза. Потом рассмеялся.

— Вы один из моих людей, — продолжил Микодез. — Я ненавижу, когда с моими людьми плохо обращаются, но до недавнего времени вы находились под юрисдикцией Кел — и я мало что мог сделать.

— Да… — Лицо Джедао сделалось отрешенным. — Помню, как мне сказали, что Хиаз-чжо отдала меня в Арсенал Кел. Не знаю, почему меня это так потрясло. Но меньшего я не заслуживал. — Опять тишина.

— Что бы ни было у вас на уме, лучше спросите.

— Это правда, что вы убиваете шуосских кадетов?

Интересно. Джедао пытался оценить его моральные качества. Командование Кел сошлось бы на том, что в этом нет ничего смешного. Или, возможно, отправилось бы вместе напиться. (Они когда-нибудь так делали? Шпионы так и не сумели предоставить однозначный ответ на этот вопрос.)

— Мой дорогой, — сказал Микодез, — я бы с радостью поведал вам всю подноготную, но вы не сможете определить, лгу я или нет.

— А вы всё равно попробуйте.

— Ответ — да. Я специально нацелился на двух кадетов, которых мои агенты успешно уничтожили. Побочных жертв не было. Кадеты были частью еретического заговора с целью взорвать Третью Академию Шуос. Это запутанная история. У меня было мало времени. Поскольку паники

мне не хотелось, я приказал своим агентам застрелить их, пока они выпивали друг с другом на спор. Заговор был гораздо ближе к успеху, чем мне хотелось бы признать.

— Почему бы не рассказать правду после того, как дело было улажено? Ваш комендант академии должен был суметь сдержать легкую панику.

— Вы не спросили, когда это случилось. — Микодез поморщился. — Мне было двадцать семь. Это был мой второй год в качестве гекзарха, и я не пользовался большим доверием. Интуиция подсказала, что переломить ситуацию в мою пользу можно, если заставить людей бояться меня.

Джедао криво усмехнулся.

— Не могу сказать, что завидую вашей работе, Шуос-чжо. Никогда не испытывал желания попробовать.

Микодез поверил ему, и это было к лучшему. Сама мысль о том, что во главе фракции мог оказаться кто-то с психологическими проблемами Джедао, ужасала его. Если кто-то не соглашался с немертвым генералом, тот пускал в ход оружие. Хотя даже Джедао не мог перестрелять всех в гекзархате, имеющиеся на сегодняшний день свидетельства говорили о том, что он причинит фантастический вред, если попытается.

У Джедао действительно имелся рой — беспокойство Шандаль Йенг не было совершенно необоснованным, — но Микодез надеялся, что Хафн обеспечат немертвому генералу знакомое и успокаивающее занятие, пока его состояние не стабилизируется. В любом случае настала очередь Микодеза.

— Скажите мне что-нибудь, чтобы я мог разрешить несколько пари из тех, которые заключают в Цитадели, — сказал он праздным тоном. — Как Кируев в постели?

Джедао побелел как мел.

Вот черт. Значит, он об этом думал. При жизни Джедао табу не было таким уж строгим. Однако после внедрения формационного инстинкта, из-за возможности злоупотребления, Кел, которые занимались сексом с другими Кел, ждала смертная казнь. Даже Командование Кел признавало, какие проблемы с боевым духом это может создать. И Джедао, который провел почти всю свою взрослую карьеру и несколько жизней на службе у Кел, считал себя ястребом.

— Нельзя сказать, что вы целиком и полностью виноваты в том, что тяготеете к ястребам, после того, как над вами поработала Хиаз, — сказал Микодез. На самом деле ее записи обо всех жертвах

находились в его архивах. (Гептарх Хиаз была очень хорошо организованной хищницей.) В случае с Джедао она сделала дополнительный шаг, позволив ему перевестись из ее офиса, когда он был молодым человеком — так, чтобы он подумал, будто избежал преследований с ее стороны. Она ждала его повышения до бригадного генерала, чтобы нанести удар.

— Шуос-чжо, — произнес Джедао ядовито-вежливым тоном, — ни для кого не секрет, что я один из величайших монстров гекзархата, но изнасилование — за гранью того, на что я способен.

— Это чертовски смешно, учитывая, в каком теле вы разгуливаете, — заметил Микодез.

Лицо Джедао постепенно обретало цвет.

— Кел Черис уже умерла, — сказал он. — Я не видел ничего плохого в том, чтобы выжать из её тела хоть какую-то пользу напоследок. Мертвым такое без разницы.

— М-да, вы точно один из нас.

— Весьма рад, что получил ваше одобрение, Шуос-чжо, но не стесняйтесь переходить к сути.

Сексуальные заскоки Джедао не были проблемой, пока он оставался ревенантом, но тот факт, что теперь у него было тело, всё усложнял.

— Ладно, забудем про Кируев, — сказал Мико-

дез. — В какой-то момент, когда вы закончите колошматить Хафн, вам надо расслабиться и заняться сексом с кем-то не из Кел. Говорят, некоторым такое нравится. — Истрадез всегда хохотал, когда слышал, как Микодез дает такой совет. Но смущение на лице Джедао стало достойной платой за весь разговор. — Разве что у вас какие-то архаичные проблемы с тем, что вы теперь женоформа?

— Шуос-чжо, — терпеливо сказал Джедао. — У меня члена не было четыреста лет. Я к этому быстро привык, честное слово.

— Меня все же расстраивает, что я не могу прислать вам лицензированную куртизанку — впрочем, не уверен, что мне по карману такая, которая справилась бы с вашими особенными проблемами.

— Вас послушать, так у меня будет время для досуга. Этот гребаный рой сам по себе не функционирует, знаете ли.

— Скажите, — раздраженно спросил Микодез, — что бы вы делали, не случись войны?

Джедао запнулся. На мгновение в его лице проступило нечто болезненно-молодое.

— Не знаю, — ответил он. — Я больше ничего не умею.

А значит — хоть Джедао и не был готов признаться в этом самому себе, — он начал бы войну сам, лишь для того, чтобы не страдать от безделья.

— Я и так слишком вас задержал, — сказал Микодез, — но есть ещё один вопрос. — Самый важный. — Термин «мвен-денерра» вам что-нибудь говорит?

«Дом мвеннин». Сплетающиеся в единую нить маленькие общины, связанные кровью и обычаями.

Джедао склонил голову набок.

— Я даже не могу сказать, из какого он языка. Это что-то из гекзархата? Или из-за его пределов?

— Гекзархи хотят это уничтожить, — сказал Микодез.

На этот раз он ожидал реакции, но ничего не произошло.

— Это оружие? — продолжал гадать Джедао. — Скульптура? Какая-нибудь ужасная разновидность закусок?

— Ладно, неважно, — сказал Микодез. — Я просто надеялся, что вы мне об этом расскажете.

— Значит, я провалил испытание, — с печалью ответил Джедао. — В свою защиту скажу, что там, где нет света, особо не почитаешь.

— Это действительно не важно, — сказал Микодез. Похоже, Черис мертва или недоступна, или что там ещё происходит с одержимыми. Кроме того, ни Джедао, ни Черис не могли ничего полезного предпринять по поводу затеянного гекзархами геноцида. Сам Микодез, конечно, не нуждался в разрешении Джедао, чтобы в сложившейся ситуации поступить, как ему заблагорассудится. — Попытайтесь не убить больше людей, чем необходимо.

— Буду иметь это в виду, — сказал немертвый генерал. — Прощайте, Шуос-чжо.

Его изображение исчезло, оставив на своем месте двойку шестерней, золотую на багровом фоне. Потом символ тоже исчез.

— Могло быть и лучше, — признался Микодез своей зеленой луковице. Но он и не надеялся исправить четыре столетия оплошностей за один разговор. Для начала, пожалуй, сгодится.

Глава десятая

Кируев уже привыкла к тому, что Джедао, как и все командиры, к деталям относится добросовестно. Она не могла себе представить, что некто с послужным списком немертвого добился того, чего добился, бегая туда-сюда и пренебрегая логистикой. А логистика превращалась в проблему из-за того, что они стали ренегатами. Пока что запасов хватало, но кто знает, насколько долгую кампанию запланировал немертвый генерал?

Кроме того, Джедао старательно знакомился со своими подчиненными по отдельности, проводил регулярные совещания с командирами тактических групп и разведмотов, и даже прогуливался по палубам «Иерархии пиршеств», беседуя с экипажем. Никто ни на миг не забывал, кто он такой и что сделал, и никто не чувствовал себя спокойно рядом с ним, невзирая ни на какую любезность. Впрочем, для Джедао это была очень старая игра.

Через шестнадцать дней после сражения у Крепости Вертящихся Монет, когда рой продолжал преследовать Хафн, Джедао и Кируев вернулись с

одной из таких прогулок и остановились у каюты Кируев, что было странно. В самой прогулке не было ничего примечательного. Генералы роев частенько инспектировали командные моты со старшими офицерами на борту. Кируев вспомнила такие прогулки в качестве бригадного генерала под командованием генерал-лейтенанта Миоги, которая, хотя и превосходно обучала большие рои, обладала прискорбно мягким, монотонным голосом — когда он неизбежно затихал к концу предложения, сказанное не мог разобрать ни один аугмент. В составе композита это не имело значения, поскольку датчики улавливали субвокальную речь, но, когда Миога что-нибудь бормотала во время осмотра инженерного отсека, приходилось лихорадочно подыскивать ответ, испытывая неловкость. По крайней мере, Джедао говорил достаточно громко, чтобы его можно было расслышать, и протяжный голос немертвого генерала, невзирая на странноватый акцент, был парадоксально внятным.

Джедао явно использовал тактику «разделяй и властвуй», которая подразумевала разговоры с отдельными людьми, а не группами, если таковые были возможны. Но никто не мог ничего с этим поделать. Кируев каждый раз, просыпаясь,

напоминала себе, что рой у неё украли, и личная гордость была ни при чем (впрочем, если не врать себе, без неё не обошлось). Это не имело ни малейшего значения. Пусть Джедао и ублюдочный манипулятор, но именно ему Кируев обязана служить.

И потому не было ничего удивительного в том, что, оставшись с Кируев наедине, Джедао задал ей личный вопрос. Неважно, что собственная каюта Кируев должна была оставаться благоприятной для неё местностью. После той язвительной критики по поводу устроенного ею покушения Кируев всегда остро осознавала превосходство Джедао, когда они оказывались здесь вдвоём.

Кируев тасовала колоду карт джен-цзай, не потому что они собирались играть (лучше не надо — Джедао был в игре противоестественно хорош), но потому что надо было чем-то занять руки. Один сервитор, потертая ящероформа, пытался навести порядок под верстаком Кируев, но его усилия, как обычно, были обречены на неудачу. Ещё один, дельтаформа, сопровождал их во время прогулки и вместе с ними явился в гостиную. Наверное, думал, что Джедао может захотеть освежиться.

Джедао проговорил, не глядя на Кируев:

— Генерал, как вы относитесь к детям?

Любой вопрос Джедао неизменно имел подтекст, но этот озадачил Кируев.

— У меня их нет, если вы об этом, — сказала она и, аккуратно выровняв колоду, отложила её. Джедао, разумеется, должен был это уже проверить.

— Позвольте перефразировать, — сказал Джедао. — У вас нет детей в тьенвед… простите, в юридическом смысле, согласно тому, что это слово значит в высоком языке. Но вы когда-нибудь становились матерью?

Кируев потребовалось некоторое время, чтобы понять, к чему клонит Джедао. Он был из народа шпарой, которого в гекзархате больше не существовало. Кируев привыкла, что люди заключают брачные контракты на срок, выгодный обеим сторонам, чтобы вести совместное хозяйство или, если речь идет о потомках, продолжить род. В означенных контрактах указывалось, будут ли потомки рождены естественно или через ясли. (Терминология устарела: большинство людей рождались через ясли, причем довольно давно. Язык не поспевал за переменами в жизни.)

Джедао спрашивал о родительстве без опекунства, что в высоком языке выглядело парадоксом. Детей можно было усыновить или создать на ос-

нове комбинации родительских генов или генов донора, одного или многих, если таково было желание. Но брачный контракт четко разъяснял, кого следует считать опекунами, и только эти люди назывались «родителями». Видимо, Джедао совместил в своем вопросе роль генетического донора и родителя, пусть даже первый не был стороной соответствующего договора.

— Сэр, — сказала Кируев, расстроенная тем, что ей пришлось расшифровывать истинный смысл его вопроса, — а у вас были генетические плоды?

Ужасная замена. Термин высокого языка, который она использовала, относился к сельскому хозяйству. Применять его для обозначения людей считалось оскорбительным. Но в отсутствии подходящего слова надо было как-то донести свою мысль. Кируев говорила на двух низких языках, но оба происходили из той же семьи, что и высокий, и страдали тем же лексическим недостатком.

К её облегчению, Джедао фыркнул.

— Нет, это не могло случиться. Я позаботился об этом с медицинской точки зрения, да к тому же редко спал с женоформами. Но мне всегда было интересно, если другие… — Он использовал слово, незнакомое Кируев, состоявшее из шипящих

и одного сдавленного гласного звука. Видимо, это был его родной язык, шпарой. — Если у меня были другие сородичи. Те, которые выжили.

Рука Джедао свесилась с подлокотника кресла. Он глядел в пустоту — на мир, состоящий из мифов, тайн и примечаний, которые теперь могли читать только историки с высоким уровнем доступа.

— Время от времени, когда Командование Кел вытаскивало меня из банки с маринованными огурцами, я расспрашивал своих якорей, не знают ли они что-нибудь про мою мать, сестру, брата и его семью. — Убита; исчезла; совершил убийство и покончил с собой в годовщину Адского Веретена. — Но никто ничего не слышал о моих сородичах.

Выдержав долгую паузу, он продолжил:

— У меня был отец — в шпаройском смысле, не в гекзархатском. Он умер до Адского Веретена, попал в аварию на махолете. Мы встречались лишь дважды за много лет до того. Он был скрипачом, очень красивым. Мать все время жаловалась, что потратила много усилий на выбор особенно симпатичного мужчины, а я не унаследовал ни музыкальный талант, ни внешность. — Когда Джедао упомянул о матери, в его голосе прозвуча-

ла обескураживающе искренняя нежность. — Так или иначе, я так и не спросил, были ли у него другие отпрыски, на основе соглашений вроде того, какое он заключил с моей матерью. И сам это выяснять не стал. Такое было бы крайне неприлично. А теперь он мертв уже четыреста лет, и я никогда не узнаю, выжил ли кто-нибудь из моего рода.

— А вам стало бы легче, если бы вы узнали, что да? — спросила Кируев.

— Сомневаюсь, но все равно интересно.

— У меня никогда не было искушения заключить контракт на детей, — сказала Кируев. — Я не испытываю к ним особых чувств. Они шумные и создают беспорядок… — Ей никогда не забыть выражение лица матери Экесры, когда та увидела, что дочь закоротила одну из её кондитерских машин. — Но если бы они не были такими, это бы означало, что с ними что-то не так.

Она также помнила, как мать Аллу однажды пожаловалась матери Экесре, что Кируев ведет себя слишком тихо, на что Экесра возразила — дескать, по крайней мере, не создает проблем.

— Самое трудное, что мне когда-либо приказывало Командование Кел — это стрелять в детей, — тихо проговорил Джедао.

Кируев об этом не знала, но её интерес к исторически значимым генералам всегда ограничивался их стратегией и тактикой и не затрагивал биографии.

— Потери среди гражданских всегда воспринимаются тяжело, — сказала она нейтральным тоном.

— Я не лингвист, но… вам не приходило в голову, что если для некоторых вещей, которые мы делаем, нет слов в нашем языке, то это неправильно?

А, так вот к чему он клонит.

— Сэр, — сказала Кируев чуть-чуть язвительно, — в ваше время формационного инстинкта не существовало. — Джедао скривился, как будто о чем-то вспомнил, но не стал об этом говорить. — А вы так и вовсе Шуос. Почему вы сами ничего не предприняли?

— К вашему сведению, — ответил Джедао, — Кел называли меня генералом-лисом, хотя существовал бригадный генерал Шуос, чьи полномочия превосходили мои — какая-то штабная крыса, размещенная неизвестно где. Но сами Шуос звали меня ястребом.

Кируев ждала продолжения, какой-то морали, чего-то ещё. Но Джедао велел сети показать

сводку новостей и карту региона, испещренную пометками.

— Иногда я поражаюсь тому, насколько мы выросли, — сказал он и улыбнулся с хищной доброжелательностью. — Скажите, что вы знаете об этой системе? — Он немного повозился с картой, прежде чем сумел вывести в центр Верайо-5.

— Одна из тысячи горячих точек, — ответила Кируев с кривой ухмылкой. Она обращала на эту систему больше внимания, чем на остальные, не потому что здесь происходило что-то особенное — спорадические вспышки календарных войн, студенческие волнения на субтропическом архипелаге и всё такое прочее, однако похожие вещи случались на многих планетах, — но потому что побывала здесь дважды. Если не посещать архипелаг, где располагался очаг беспокойства, местечко для отдыха было вполне подходящее. Она ненавидела теплый климат, напоминающий о доме, и потому отправилась в тур по городу Миифау, который славился своим оркестром среди ценителей такого рода музыки. Каждый раз, когда система Верайо всплывала в новостях, Кируев их читала, выискивая упоминания о том, что оркестр Миифау разбомбили. Переживать об этом было глупо, в особенности когда так много

людей повсюду умирали каждую секунду. Однако фрактальная природа борьбы гекзархата с ересью не позволяла волноваться из-за чисел, портящих статистику.

Кируев сомневалась, что Джедао как-то по-особенному относится к Верайо-5 — помимо того, что он отталкивался от её собственного интереса по поводу этой системы, — пусть даже теоретически было возможно, что он узнал о каком-то неблагоприятном развитии событий в той стороне. Но Верайо не располагалась в каком-нибудь стратегически важном месте, и Хафн туда пока что не добрались. Кируев сказала:

— Сэр, мы… — Она подразумевала себя. — Принесем вам больше пользы, если вы укажете нашу следующую цель.

Пока что Джедао направил их от Крепости Вертящихся Монет в сторону Хафн, как-то умудряясь не сталкиваться с Кел — то ли ему везло, то ли он пользовался какими-то разведданными, получая их способом, неведомым Кируев, то ли Командование Кел его боялось и предпочитало держаться подальше. Кируев не ждала, что Джедао расскажет ей о своей стратегии. В то же время Джедао и сам не мог рассчитывать, что кто-то поверит в его мотивы.

— А что, сокрушить Хафн — недостаточно хорошая цель для вас? — спросил он.

Кируев подавила дрожь. Она давным-давно научилась скрывать эмоции — сомнительная выгода от детства в семье с матерью, которая приводила её в ужас. И всё же, как ни крути, вопрос есть вопрос.

— Если бы вас заботило только поражение Хафн, — сказала она, — то вы бы могли предоставить это дело Кел после того, что случилось в Крепости Рассыпанных Игл. Порхая по гекзархату с роем отступников, вы просто демонстрируете противнику нашу слабость, в особенности после того, как они вступили с нами в бой.

— Ну ладно, — сказал Джедао. — Каковы, по-вашему, мои истинные побуждения? И почему вы заговорили об этом сейчас, генерал, а не раньше?

— Разве каждый игрок, с которым вам доводилось сталкиваться, сразу выкладывает все карты на стол? — спросила Кируев. Брезан, к примеру, совершенно не умел блефовать. Не случайно он держался подальше от джен-цзай.

Улыбка немертвого генерала сверкнула, как пламя свечи. Кируев поймала себя на мысли, что хочет, чтобы это длилось дольше. Как бы там ни

было, хоть разговор свернул в русло, явно благоприятное для профессионального игрока, Джедао не стал следовать этим путем.

— Справедливо, — сказал он и замолчал. Кируев сообразила, что ответа на первый вопрос так и не услышала.

Годы её юности остались позади, а с ними и дуэли. Но всё равно она сумела парировать удар.

— Почему, — проговорила она, — вы так решительно настроены обучить меня думать самостоятельно? Что это вам даст такого, чего не получить от обычного послушания?

Джедао откинулся на спинку кресла, начал закидывать ноги на столик между ними, но вовремя спохватился. Последовательность движений выглядела очень естественно. Кируев не позволила себя провести.

— Простого послушания недостаточно для того, что я задумал, — сказал немертвый генерал. — Впрочем, пока что это не имеет значения. Раз уж я, похоже, утратил способность блефовать, скажите — что у меня на уме?

Вряд ли ей такое по силам. Но изогнутая бровь Джедао намекала, что он задал вопрос не всерьез. Так или иначе, Кируев оставалась его ученицей. В любом случае она не собиралась оспаривать

превосходство ревенанта.

— Могу лишь предположить, что вы воюете с гекзархами, а Хафн полезны лишь постольку, поскольку вы можете использовать их против гекзархов или для завоевания авторитета среди населения. — Любой мог прийти к такому выводу, но Кируев вдруг почувствовала смутное беспокойство: она не должна была так сильно одобрять эту цель, учитывая, как долго ей довелось преданно служить Кел.

— Великая трудность с армией Кел, — сказал Джедао с неожиданной горечью, — заключается в том, что некому сказать мне, когда я ошибаюсь.

— Вы же не надеетесь на победу?

Он улыбнулся чуть-чуть иронично.

— Забавно, то же самое сказал коммандер Чау перед битвой при Свечной Арке.

Единственной причиной, по которой Джедао не запомнили по сражению при Свечной Арке, — в котором он победил, невзирая на преимущество противника восемь к одному, — была устроенная им бойня.

— Вы сами сказали, что гекзархат весьма обширен, — заметила Кируев. — Восемь к одному — это пустяк по сравнению с тем, что вам противостоит на этот раз. Сам термин «численное превосход-

ство» и близко не описывает ситуацию.

— Все так говорят. И потому гекзархи держат население мёртвой хваткой.

Надежда, всколыхнувшаяся в душе Кируев, была нелепой. Как Джедао мог надеяться организовать восстание по всему гекзархату? Как снова и снова доказывали еретики, бунтовать легко. Другое дело — сформировать жизнеспособное правительство-преемник. И все же ей хотелось согреться этой надеждой: доказательством того, что она ястреб-самоубийца.

Джедао поднялся, не столько грациозно, сколько деловито, и встал перед Кируев. Неудивительно, что он был легендарным дуэлянтом в своей первой жизни — у него была безупречная, уравновешенная осанка. Он пристально, без улыбки посмотрел на Кируев сверху вниз.

— Скажите мне, что я должен сделать, — сказал он, как будто не успел до этого изложить все свои преимущества.

Сердце Кируев сжалось.

— Сэр, — проговорила она так же твердо, как всегда. — Я не смею строить предположения.

— Только не говорите, что вам не надоел этот бесконечный еретический бег по кругу. — Его слова говорили об одном. Его глаза, теплые и

безжалостные, словно пепел, — совершенно о другом. Он протянул руку, как будто желая коснуться лица Кируев.

Она знала, к чему всё идёт. Её разочарование в Джедао оказалось почти таким же сильным, как желание. Тем не менее фраза была достаточно двусмысленной, чтобы её можно было истолковать как простое замечание. И у неё была защита, позволенная даже кадету-птенцу. Она молча уставилась на Джедао и стала ждать, как он поступит.

За всю свою жизнь Кируев ни разу не побывала в удачных отношениях. Она ни с кем не встречалась, пока ей не исполнилось тридцать, а замужем была всего лишь единожды, недолго, и это был весьма унылый опыт. Может, всё началось даже раньше, с сентиментальной музыкальной поэмы для альта, которую она сочинила в четырнадцать лет, да так никому и не сыграла. (Но до сих пор помнила каждую ноту.)

Если поразмыслить как следует, тот брак с самого начала был катастрофой. Ей было тридцать семь, она благоговела перед красотой и элегантностью певицы Досвейссен Моррессы, перед её способностью двусмысленно шутить на инженерную тематику, не говоря уже о её осле-

пительной улыбке в ответ на каждый подарок. Больше всего Моресс понравилась музыкальная шкатулка, которую Кируев для неё восстановила: с изящными декупажными тиграми снаружи и заводными фигурками, изображающими бесконечную охоту, внутри.

Моресса и Кируев встречались несколько месяцев, а потом заключили брачный контракт на год. Всего лишь год — жалкий срок для семейных отношений. Но они остыли уже через пять месяцев. Кируев была изначально убеждена, что они действуют разумно и строят что-то прочное. Кто бы мог подумать, что консервативный подход в романтических делах закончится так плохо? Но тот факт, что они редко обсуждали долгосрочные планы, даже после того, как испытали близость, должен был предупредить её о грядущих неудачах в серьезных вопросах.

Забавно, что спустя много лет Кируев не могла вспомнить, какая ссора в конце концов положила конец их отношениям, отчасти потому, что эта тема лежала где-то в стороне от тайных эмоциональных течений. Моресса всегда говорила спокойным голосом, но во время того последнего разговора её лицо кривилось от разочарования. «Даже когда ты смеешься, ты никогда не улыба-

ешься!» — в конце концов выпалила она.

«Понятия не имею, о чем ты», — ответила Кируев, тоже очень спокойно. Ложь распахнула пропасть между ними. После леденящей душу паузы Моресса развернулась и вышла. Остаток ночи Кируев сидела и смотрела на фигурки и драгоценности, разбросанные по всей квартире и внезапно утратившие смысл. Моресса не вернулась. С того раза и до конца брака (до конца жизни) они общались лишь однажды, чтобы обсудить какой-то нюанс общих финансов, на который обеим было наплевать. И даже тогда они не встретились лично.

Кируев не рассказала матерям об этом фиаско, что потребовало немалых усилий. Они бы невыносимо ей сочувствовали, винили во всем Моруссу. На самом деле единственным проступком певицы было то, что она сказала правду.

После этого Кируев взяла за правило намеренно саботировать все свои отношения, выбирая негодных партнеров на том основании, что лучше так, чем делать то же самое неосознанно. Больше всего Кируев было стыдно за тот раз, когда она выбрала мужчину-беженца, который снова и снова умолял её покинуть Кел и заняться чем-то безопасным. Кируев даже помыслить не

могла о том, чтобы отказаться от карьеры, в особенности ради любовника, который раздражал её почти с самого начала. Он постоянно напоминал о том, что Кируев занята умножением количества беженцев — в те периоды, когда не умножает количество сирот и трупов.

Она думала, что держит своё сердце под контролем, поскольку знает наизусть все обычные траектории и правила поведения, позволяющие разобраться с неизбежными взаимными обвинениями и расставаниями. Эта самонадеянность увенчалась тем, что она столкнулась с человеком, который мог потребовать от неё не только обычной преданности, имел темную историю отношений с Кел и не боялся казни, которая ждала солдата, переспавшего с солдатом. И ещё этот человек, вполне возможно, соскучился даже по холодному подобию дружеского общения.

Рука Джедао заметно дрожала.

— Это было бы так просто, — пробормотал он себе под нос. Его большой палец легко коснулся подбородка Кируев. Она застыла. Казалось, сердце в её груди превратилось в кусок хрусталя.

Потом Джедао вздохнул, отступил и снова рухнул в свое кресло.

— Есть вещи, которые я сделаю, и есть вещи,

которые я не сделаю, — просто сказал он. — Но я не виню вас за то, что вы верите в худшее. — Похоже, он сам себя не убедил.

Кируев знала, что лучше не притворяться, будто она думает о чем-то другом.

— Это не имеет значения.

— Отнюдь нет, — возразил Джедао, и в его голосе одновременно послышались хладнокровие, пыл и едкая ирония. — Именно это и имеет значение. Разница между тем, что следует и чего не следует делать. За это мы и сражаемся.

— Однажды я вас пойму, сэр, — искренне сказала Кируев.

— Надеюсь, — ответил Джедао.

На этот раз он улыбался чуть дольше.

Глава одиннадцатая

Каждое утро Микодез съедал на завтрак сухой паек пехотинца Кел. Если верить Кел, употребление пайка по собственной воле намекало на интересные вещи касательно психического здоровья. Микодез съедал его на завтрак в надежде, что такая пища сделает его невосприимчивым к любым ядам, а ещё она, похоже, усиливала эффективность его лекарств. Он знал, что яды так не действуют и что второй эффект — иллюзия, но думать об этом было приятно. Кроме того, надо же было как-то искупить все сладости, которые он поглощал.

Гекзарх решил прийти в конференц-зал на сорок восемь минут раньше и поесть там, на том основании, что ему надоела обстановка в кабинете. Во всех кабинетах. Их было больше одного по причинам, толком неясным. Архитекторы, которые спроектировали Цитадель, включали членов фракции Шуос, и образ их мыслей был соответствующим. Его любимая комната изначально не была кабинетом, но стала таковым в ходе теста переменной планировки, что Микодез

счел очень смелым поступком давно исчезнувшего гептарха. (Означенный гептарх вскоре умерла, не из-за переменной планировки или проблем с системой безопасности Цитадели. Она посетила встречу на какой-то далекой планете и подцепила инфекцию, которая — возможно — была сконструирована биоинженерным способом.)

— У тебя самые глупые пищевые привычки во всей Цитадели, — сказал Истрадез. — Если бы так вел себя кто-то другой, ему бы здорово влетало на всех медосмотрах. — Он уже покончил со своим завтраком, который состоял из водорослевого супа, риса, оладушек из лука-порея и келских маринованных огурцов.

— Как там дела с твоей последней подружкой? — спросил Микодез, не отрывая хмурого взгляда от планшета, который он установил под удобным углом, чтобы не свернуть шею, глядя на него. — Надеюсь, она тебе ещё не наскучила. Я не могу так быстро выдавать пропуска.

— Тебя правда интересуют подробности?

— Вообще-то, нет.

Истрадез ухмыльнулся.

— Хочешь, чтобы я убрался, и ты смог начать совещание?

Подотчетные Микодезу главы подразделений

знали о двойниках, включая Истрадеза, и даже простые люди догадывались, что он время от времени их использует. Не все советники гекзарха одобряли, что он привлек к этому делу не члена фракции Шуос, но Микодез указал, что никто не знает его так хорошо, как младший брат, с которым он вырос. Истрадез был всего на год моложе. Их родители шутили, что хотели близнецов, но сообразили, что двое сразу — это перебор.

— Нет, займи мое место, — сказал Микодез. Они так уже делали, и он не сомневался, что руководители отделов разведки и бухгалтерского учета научились их различать, но пусть ломают головы и дальше. — Веди собрание. Я буду делать заметки. Кроме того, я должен наблюдать ещё кое за чем, так что не смогу полностью сосредоточиться на встрече.

— А зачем ты вообще пришел? — удивился Истрадез.

— Если мы оба будем присутствовать, они скорее решат, что один из нас настоящий. — У Микодеза было ещё два двойника, один из которых все ещё проходил физиотерапию после того, как чуть не погиб при попытке убийства во время своего последнего задания. Он отказывался выйти в отставку, но Микодез считал, что это

лишь вопрос времени. Другой двойник был на конференции.

— Ты мог бы спрятаться в спальне и выпить немного сливового вина, прежде чем… — Истрадез прищурился. — Когда ты в последний раз спал, Микодез? Держу пари, ты и с нашим племянником не поболтал. Если бы я об этом знал, сам бы пошел к Ниату, чтобы ему не было одиноко.

Микодезу пришлось обратиться к аугменту, чтобы ответить в точности.

— Два дня, три часа и ещё немного.

Истрадез застонал и обхватил голову руками.

— Я худший из всех братьев и сестер. Марш в постель.

— Я могу поспать после собрания.

— Ты совсем сбрендил, Мики? Ты же знаешь, что Шеннер… — Так звали главу разведки, — всегда затягивает собрания на час. Если не больше.

Проблема с руководителями шуосской разведки заключалась в том, что они по какой-то причине верили, будто находятся на высшей ступеньке иерархической лестницы. Некоторые воспринимали это как разрешение на доскональный анализ угроз, даже если теоретически им предоставлялось двадцать минут.

— Да, — проговорил Микодез, с тоской глядя на

печенье, которое не мог есть, потому что оставил Истрадезу, чтобы тот вошел в роль. — Мои намеки Шеннер становятся все менее деликатными, и она для человека, который обычно весьма проницателен, проявляет примечательную рассеянность.

— Рассеянность, как же. Шеннер нравится звук собственного голоса. Чтобы ее приструнить, нужен недвусмысленный выговор. Если тебе это претит, я сам разберусь. Но что-то это на тебя не похоже.

— Ну, значит, из её выступления получится отличная колыбельная. Никто не удивится, когда гекзарх прикорнет в углу после вчерашних излишеств.

— Да какие там излишества…

— Кроме того, — продолжил Микодез, — у Шеннер очень чувствительное эго. И оттого трудно предложить ей снова поработать на эту тему с психоаналитиком. Проблема в том, что она маниакальна, параноидальна и преданна, что в совокупности делает её идеальным главой разведки — и это значит, что мне приходится обращаться с ней очень деликатно. Лучше оставить все как есть.

— Как скажешь. — Судя по голосу, он Истрадеза

не убедил. Брат указал большим пальцем на кресло в углу. Микодез отправился туда, а Истрадез занял обычное место гекзарха. — Могу ли я спросить, над чем ты все-таки работаешь?

— Лучше тебе не знать.

— Боялся, что ты это скажешь.

— Тогда зачем спрашивал?

Истрадез над чем-то задумался.

— Кто-то ведь должен. — Потом он с усилием выпрямил спину и устремил взгляд на печенье. — А ты не мог бы уменьшить размер этих проклятых тарелок? Становится все труднее запихивать в себя это всё и не толстеть.

— У тебя метаболизм ещё быстрее, чем у меня, — сказал Микодез без всякого сочувствия. — Просто ты поглощаешь меньше нездоровой пищи.

— И кто в этом виноват?

— О, смотри, уже пора начинать встречу, — сказал Микодез, просто чтобы позлить брата, хотя оставалось ещё целых четырнадцать минут, и никто никогда не приходил раньше, чем на шесть.

— Если ты не потратишь на сон часть того времени, на протяжении которого Шеннер будет разглагольствовать о недостаточной пропускной способности наших систем обработки данных, — сказал Истрадез, — я погублю твою репутацию,

флиртуя с главой отдела бухгалтерии. — Бухгалтерией руководил женатый индивид, который каждые три месяца, как часы, модифицировал собственное тело согласно моде Андан. Кое-что из модных штучек очень отвлекало от работы, как тот — к счастью, недолгий — период, когда дипломаты высшего ранга обзавелись кожными складками на шее, похожими на воротник. В остальном глава отдела бухгалтерии был степенным и консервативным, а по части альковных дел отличался неимоверной скромностью. — Держу пари, я сумею его совратить.

Микодез демонстративно зевнул и свернулся клубочком в кресле, сунув планшет под мышку.

Восемь минут спустя дверь открылась, но это был всего лишь сервитор, который пришел убрать поднос Микодеза. Микодез съел только половину пайка, но он всегда съедал только половину, так что машина знала, что блюдо можно убрать. Что касается другой еды, то на столе уже стояли два блюда, полные печенья и пирожных (в основном для Микодеза, который ещё не встретил ту разновидность сладкого, которая бы ему не понравилась), закусок из редких сортов мяса, приправленных и нарезанных на кусочки, в которые были воткнуты нелепые золотые зубочистки,

спринг-роллов и ломтиков хрустящих фруктов. Микодез полагал, что на пустой желудок никто не в силах хорошо думать, поэтому — хоть люди, конечно, могли поесть перед тем, как прийти на собрание, — он позаботился о том, чтобы они сумели насытиться по ходу дела, если захотят.

Через минуту в комнату один за другим вошли начальники отделов. Глаза Микодеза были закрыты, но он слушал обмен приветствиями. Истрадез должен был улыбаться каждому в отдельности, потому что именно так делал сам Микодез.

Некоторое время Микодез следил за тем, как взаимодействуют его подчиненные. Голос Шеннер звучал пронзительнее обычного. Она презирала Хафн не потому, что потеряла из-за них семью, а потому, что однажды встретила хафнского аристократа, который пренебрежительно отозвался о ее акценте на их языке. Шеннер была тщеславна по поводу своих способностей к иностранным языкам. К счастью, начальник бухгалтерии прервал длинную обличительную речь в самом начале. В былые дни Микодез после встреч проводил с Истрадезом беседы, указывая на то, что он сделал бы по-другому. Теперь необходимость в этом возникала редко.

Гекзарх Шуос не чувствовал ни малейшей сонливости, но голова у него шла кругом. Лекарства еще не подействовали. Медикам не нравилось количество препаратов, которыми он злоупотреблял. Он это понимал, поскольку вместо лекций (от которых не было толку) каждая из приходящих к нему куртизанок кропотливо и последовательно, с неизменной вежливостью рассказывала, что ему следует переложить часть работы на искусственных помощников (от них тоже не было толку, но, по крайней мере, это позволяло избежать ненужных споров). Хотя секс не интересовал Микодеза, он твердо верил, что все его люди должны регулярно общаться с обученными собеседниками или терапевтами. К нему это требование тоже относилось.

Микодез лениво запустил на планшете головоломку и начал её решать. В ней не было никакого скрытого смысла. Один кадет сочинил её во время игровых соревнований в Академии несколько лет назад, и в своей категории она занимала одно из первых мест. Микодезу игра нравилась не из-за оригинальности, но за то, что она позволяла отключить мозг. В ней надо было сопоставлять узоры под музыку (она передавалась через аугмент и несколько затрудняла одновременное

наблюдение за встречей), и элемент случайности был достаточно сильным, чтобы усложнить поиск решения. Проходя очередной уровень, Микодез не сумел набрать очков, чтобы хватило на «жизнь» — что ж, он правильно сделал, передав Истрадезу руководство собранием. Он не спрашивал медиков, можно ли считать игру достаточным тестом когнитивных способностей — он и так все понимал.

В разгар страстной речи начальника отдела пропаганды о том, как Андан портят эффект от кампаний очернения Джедао в СМИ, транслируя драмы, где немертвый генерал изображался в благоприятном свете, препарат наконец-то подействовал. Казалось, все огни в комнате вспыхнули ярче. Истрадез мельком взглянул на него. Он знал. Вместо того чтобы привлечь внимание к Микодезу, Истрадез заговорил о том, что надо предложить Андан какой-то серьезный мотив отказаться от драм. Они, к несчастью, любили прибыль не меньше прочих фракций. Драмы, должно быть, приносили им немалый доход.

Микодез прекратил игру, мимоходом поинтересовавшись, как дела у кадета, и открыл один из файлов по истории Джедао. Открыл еще один — по Куджену. Четыре столетия в одном

файле, девять — в другом. В обоих содержались досадные пробелы. Или, скорее, досье Джедао содержало столько подробностей, сколько и ожидалось, минус неизменный медленный распад истории. Никто не ожидал, что он окажется бомбой замедленного действия. А вот Куджен так долго скрывал своё досье, что Микодез не доверял всему, содержащемуся в нем. Но надо же было с чего-то начать.

Джедао ответил на вторую попытку Микодеза связаться с ним простым сообщением: «Предлагаю сделку, Шуос-чжо. Не мешайте мне, а я не буду мешать вам. С остальным разберемся, когда с Хафн будет покончено».

Неплохое предложение, если уж на то пошло. Даже если у Микодеза и его штаба были веские основания полагать, что основной план Джедао заключался в том, чтобы Хафн протянули как можно дольше. Он ведь не мог претендовать на славу защитника гекзархата без захватчика. Впрочем, избавление от Хафн не очень-то поможет, поскольку у гекзархата полным-полно других врагов, но это может внести разлад в планы немертвого генерала. Микодез не ответил на сообщение. Джедао в любом случае не нуждался в его заверениях.

Гекзарх Шуос сосредоточился на Куджене, чье исчезновение оставило странную дыру в его жизни. Они не были друзьями. Куджен понимал дружбу как абстрактное понятие, но по-настоящему дружить с другим человеком мог не больше, чем акула с какой-нибудь рыбкой.

Однако они были коллегами и много раз советовались друг с другом с той поры, как Микодез занял свой пост. Микодез до этого момента не понимал, что в опасной степени привязался к Куджену. Но он любил вызовы, и нельзя было отрицать, что отношения с Кудженом, какими бы сердечными они ни казались, никогда не были безопасными.

Микодез дважды посещал родную станцию Куджена. Куджен предпочитал, чтобы фракцией управляли его фальшивые гекзархи — по крайней мере, так он говорил, хотя у Микодеза были веские доказательства того, что истинный гекзарх внимательно следил за тем, что делалось от его имени. Через двенадцать лет после того, как сам Микодез занял пост, Файан сделалась фальшивым гекзархом при обстоятельствах, которые убедительно свидетельствовали о том, что Куджен разобрался с её предшественником, присвоившим часть бюджета. Он потом стал тех-

ником в личном штате Куджена — «Нет смысла растрачивать талант», — беспечно заявил тот. Растратчик сделался милым и послушным после того, что с ним сделал истинный гекзарх.

Пристрастие Куджена к красоте не ограничивалось мужчинами (редко — женщинами или альтами). Он окружил себя роскошью, собранной во множестве миров гекзархата. Если бы Микодез не знал — по скудным сведениям, — что Хаджорет Куджен провел детство в качестве беженца на планете, название которой дважды менялось за последние девять столетий, он догадался бы об этом по особой одержимости Куджена всем — от ковров ручной работы до стеклянных цветов и шкафчиков, инкрустированных морскими ушками и осколками лунного камня. Он собирал эти предметы, но забывал о них после того, как они становились его собственностью. Микодез давным-давно оставил попытки подкупить его такими пустяками. Когда он действительно нуждался в услуге, то предлагал древние секстанты и искусно сработанные модели планетных систем — артефакты, которые взывали к ученому в Куджене.

Файан перестала колебаться, и её люди взяли под контроль старую базу Куджена. Микодез

ожидал, что она будет в ближайшие десять лет безуспешно переворачивать там все вверх дном в поисках ключей к разгадке. Он бы предложил помощь, но она вряд ли согласится. А ещё она ему не доверяет. Что ж, вполне справедливо. Поскольку он все это время взращивал свою репутацию, не стоило винить людей за то, что они теперь относились к ней всерьез.

— …Мики.

Использование детского прозвища заставило Микодеза поднять глаза. Истрадез не воспользовался бы им, если бы кто-то из начальников отделов остался в зале.

— Да? — сказал он и потер глаза. В животе заурчало. Когда он ел в последний раз?

— Ну ладно, печенье, — сказал Истрадез. Он стоял над братом, уперев руки в бока. — Раз уж я все равно не смогу заставить тебя съесть что-то получше. А потом ты пойдешь спать.

— Не говори ерунды, — ответил Микодез. — Ты не рассказал мне, что за хрень произошла на заседании.

Истрадез недоверчиво уставился на него.

— Шутишь? Ты все это время спал? С открытыми глазами или я не знаю как. Обычно ты справляешься с такими делами лучше, чем вот

так.

— Я не мог заснуть, это… — Микодез сверился с аугментом. М-да, очевидно, он и впрямь спал.

Тон Истрадеза смягчился.

— Что ж, не все так плохо. Ты пропустил зрелищную перебранку между разведкой и пропагандой. Я расскажу тебе позже, обещаю. Можешь поспать в моей комнате, а я прикрою тебя, пока ты снова не будешь в форме.

— Ладно, — сказал Микодез, раз уж он явно проигрывал этот раунд. — Ладно.

— Я тебя провожу.

— Нет, в этом нет необходимости.

Истрадез заметно поколебался, потом кивнул. Он вернулся к столу, схватил холодный спринг-ролл и вложил его в руку Микодеза.

— Меня не волнует, что ты будешь выглядеть как ребенок, стащивший это с подноса с закусками. Съешь. — И он стоял над Микодезом, пока тот и впрямь не съел. Затем пришлось выпить полстакана воды, чтобы запить съеденное, потому что оно высохло. Он сделал себе пометку: поговорить на эту тему с кухней.

Микодез отправился в покои брата кружным путем, решив, что в спешке нет нужды. Он забавлялся тем, что нацепил циничную улыбку

Истрадеза и ссутулился, как бы говоря всем своим видом: «Да, у меня лицо гекзарха, ну и что?». Истрадез был лучшим актером, поскольку от этого зависела его жизнь, но Микодезу нравилось держать руку на пульсе.

Он вёл рукой по зелёным стенам, которые время от времени оживлялись картинами, изображающими весело скачущих лис или, для разнообразия, скромных лунных зайцев. Иногда он подумывал о том, чтобы взять отпуск. Увы, он покидал Цитадель редко, лишь когда церемонии высшего уровня требовали его присутствия. А в остальном от него было больше всего толку здесь, в вечно бодрствующем сердце фракции Шуос.

Войдя в апартаменты Истрадеза, он едва не вызвал охрану. В комнате кто-то был. Но потом она встала с дивана, неспешно шелестя шелками, позвякивая жемчугами с бронзовым отливом на шее, запястьях и лодыжках, и он расслабился.

— Спайрель, — проговорил Микодез, когда дверь закрылась, и они остались наедине.

Она подплыла к нему в облаке благоухания и обняла — не совсем платонически. Спайрель, Микодез и Истрадез однажды переспали втроем, потому что Спайрель проявила интерес, Истрадез был пьян в стельку и думал, что это действитель-

но забавная идея, а Микодезу было все равно, так почему бы и нет. Предположительно удовлетворив любопытство, она не просила повторить, но Микодез иной раз об этом задумывался.

— Это действительно ты, да-да, — насмешливо проговорила она.

— Ненавижу твое умение нас различать, — прошептал Микодез ей на ухо.

Спайрель высвободилась — плавно, как стартующий пустомот, — и улыбнулась ему.

— Поэтому мне так много платят, верно?

В Академии её готовили не к стезе куртизанки, но к пехоте Шуос. Он знал по собственному опыту, что состязаться с ней в армрестлинге не стоит. В строгом смысле слова, он был сильнее, но Спайрель никогда не играла по правилам. (Он понятия не имел, отчего в тот первый раз ждал от сестры по фракции игры согласно правилам, пусть даже эта самая сестра по фракции была давнишней любовницей его брата.)

Затем она окинула его критическим взглядом, который оказался так похож на взгляд Истрадеза в конференц-зале, что Микодез вздохнул и послушно поплелся к дивану. Уселся. Спайрель кашлянула. Он покорно снял ботинки. Спайрель была строгих правил в том, что касалось обуви

на её диване. Это была квартира Истрадеза, но Микодез не сомневался, что даже в инвентарной описи службы охраны диван значится как личная собственность Спайрель.

— Я устал, — сказал Микодез, сам того не желая, и ещё сильней ужаснулся тому, как невнятно прозвучали эти слова. Лучше бы снова навестить врачей. Они вечно возились с коктейлем, который ему приходилось принимать, но лекарства уже давно не подводили его так сильно.

— Тогда спи, — велела Спайрель с практичностью, которую он в ней так любил. — Подвинься.

Он повиновался, хотя мышцы слушались всё хуже. Спайрель устроилась рядом с ним на диване и укрыла их обоих одеялом. Он чувствовал её живое тепло и аромат мяты и цитруса с ноткой лаванды. Она прижималась все ближе, пока не положила голову ему на плечо, как на подушку.

«Отлично, — подумал Микодез, прежде чем заснуть. — Я проснусь с онемевшей рукой…»

Но когда он проснулся, рука совсем не казалась бесчувственной. Спайрель уже встала и рисовала у окна, из которого открывался вид на один из садов Цитадели. Она любила рисовать стрекоз. В этом конкретном саду они водились в изобилии.

— Добрый день, — сказал Микодез. — А где

Истра?

— Я здесь. — Истрадез вышел из ванной. Он всё ещё вытирался полотенцем. Увидев мундир гекзарха, который Спайрель для него разложила, он поморщился, потом тряхнул головой и ринулся к шкафу. — Нет-нет-нет… хм-м. Я его уже давно не надевал.

— Ты хочешь сказать, что никогда его не надевал, — уточнила Спайрель, чья наблюдательность в вопросах одежды и драгоценностей была почти безупречна.

— Откуда ты знаешь? — спросил Истрадез.

— Потому что я купила его для тебя две недели назад, помнишь?

Микодез перевел это в четырнадцать дней. Спайрель настаивала на семидневной неделе, хотя та считалась во всем гекзархате если не противозаконной, то приносящей неудачу. Это была традиция её народа. Она как-то раз заметила, что понятия не имеет, как выглядела остальная часть их календаря, прежде чем её соплеменники огляделись по сторонам и решили стать частью гекзархата, пока их не уничтожили как еретиков. Микодез спросил, почему она выбрала именно эту календарную деталь, чтобы её сохранить, но Спайрель лишь пожала плечами.

Истрадез снова передумал и облачился в розово-желтые одежды — это была намеренно приглушенная разновидность цветов Шуос. Он ругался, пытаясь надеть подходящие украшения из розового кварца, гелиотропа и контрастирующего с ними бледного аквамарина, ограненного таким образом, что он удивительно сверкал. Спайрель скорчила гримасу у него за спиной, видимую лишь Микодезу, и с деловитым видом отправилась помогать Истрадезу с застежками.

— Спасибо, — сказал он.

— Я мог бы поклясться, что платил тебе достаточно, чтобы позволить себе настоящие камни, а не синтетику, — сказал Микодез. Он знал все, что Истрадез хранил в своей коллекции, все легкомысленные цепочки из розового золота, музыкальные шкатулки, запасные шпильки. Микодез и Истрадез стриглись коротко, оставляя длинные челки, но Спайрель постоянно теряла шпильки.

Истрадез пожал плечами.

— Я не ношу их там, где кто-то может отличить подделку и этим озаботиться.

Микодез поднялся с дивана, пересек комнату, взял Истрадеза за плечи и заставил посмотреть ему в лицо.

— Ты самый тщеславный человек из всех, кого я знаю, — сказал он, хватая расческу и мусс с туалетного столика и начиная поправлять Истрадезу волосы. — Честно говоря, в один прекрасный день нюансы тебя выдадут.

— Прошу прощения! — встряла Спайрель. — Хочешь сказать, что он тщеславнее меня? И это из-за нескольких блестящих штучек? Мне надо приложить больше усилий в этом смысле. — Она отложила уголёк. Её руки и рукава были в черных пятнах.

Зрачки Истрадеза расширились, поглотив янтарно-коричневые радужки.

— Я люблю блестящие штучки, ясно? Это не преступление — любить блестящие штучки. По крайней мере, я не убиваю ими детей.

Спайрель резко взмахнула рукой, призывая его молчать.

— Ладно, — проговорил Микодез, вспоминая свои заметки о том, как вести себя с рассерженными подчиненными… только вот Истрадез был ещё и родней. «Сбавь обороты». — Ну и что я сделал на этот раз?

— Ничего, — огрызнулся Истрадез.

— Отвечая на такой вопрос «Ничего» всегда имеют в виду что-то другое. — Микодез отло-

жил расческу, не давая брату возможность её перехватить и ткнуть ему в глаз. Истрадез всегда был немного вспыльчивым. — Ты собираешься доложить мне, что случилось на том треклятом совещании?

Истрадез издал тихое рычание, потом подался вперед и поцеловал его, прикусив нижнюю губу. Или нет, не подался вперед. Истрадез прижался к нему всем телом. «Мы не близнецы», — с иронией подумал Микодез, раздвигая одежды. Член Истрадеза был твердым, тогда как его собственный возбудился лишь наполовину, по причинам, не имеющим ничего общего с сексом.

— Милый братец, — бесстрастно произнес Микодез, — ты же знаешь, что стоит только попросить.

— Именно это я и пыталась ему сказать, — заметила Спайрель без намека на сочувствие. Раздавался плеск воды: она отправилась в ванную, чтобы смыть угольную пыль с пальцев, но это было, как всегда, трудно. Она нередко носила перчатки, чтобы не показывать въевшуюся под ногти пыль.

Истрадез поднял руку, чтобы ударить брата. Микодез поймал её, поднес к губам и поцеловал костяшки пальцев над дешевыми кольцами. Из

горла Истрадеза вырвалось рыдание.

— Тебе легко, — проговорил он. — Хорошо, плохо, правильно, неправильно — тебе на все плевать. Тебя заботит только эффективность.

— Я делаю свою работу, — возразил Микодез, — потому что после всех усилий, которые я потратил, чтобы ее заполучить, поступать иначе было бы безответственно. — Не прерывая поцелуев, он увлек Истрадеза к дивану и толкнул. Брат почти не сопротивлялся.

Микодез опустился на колени перед диваном и положил руку на внутреннюю сторону бедра Истрадеза. Реакция последовала незамедлительно.

— Я всегда буду делать свою работу. Я воплощение воли Шуос. Но никогда, никогда не сомневайся, что я люблю тебя.

Спайрель вышла из ванной, и он ей кивнул. Она чуть-чуть печально ему улыбнулась и, взяв за руку, помогла устроиться сверху. Сама же села на пол, свернувшись калачиком и расположившись удобно, как кошка, и начала целовать Истрадезу шею. Протянула руку, чтобы помассировать Микодезу спину — это было ненужно, но приятно. Интересно, ей удалось вымыть уголь из-под ногтей? Глаза Истрадеза расширились и

остекленели, он что-то сказал, но вышел то ли вздох, то ли стон.

— Тс-с, — проговорил Микодез. — Тс-с.

И принялся ублажать брата, сделав мысленную заметку: проверить его последние медицинские показатели.

Глава двенадцатая

У Брезана не было причин ожидать перемен, как вдруг за дверью его тюремной камеры раздались шаги. Голод ощущался как знакомая острая боль, во рту опять пересохло. Минувшие недели — он потерял им счет после того, как те, кто держал его в плену, отключили ему аугмент — прошли предсказуемо. Жаль, что в сложившихся обстоятельствах он испытал мало удовольствия, мысленно сказав себе: «Я же говорил».

Все, что он помнил о своем переводе от Шуос к Кел — размытые очертания неразговорчивых людей в кричаще ярких униформах фракции, красных с золотом. Что сталось с двумя докучливыми медиками, он никогда не узнает, и это к лучшему. Что касается Сфенни и его подручной в платье с кисточками, то у них наверняка всё в порядке.

Кел, не теряя времени, проверили его личность. Потом посадили в камеру. После двух бесконечных дней, на протяжении которых он боролся с желанием орать на стены, появилась какая-то женщина в звании полковника.

— Кел Брезан, — сказала она. — Учитывая твоё состояние, можешь не вставать. Ты меня понимаешь?

Он всё равно попытался встать, чтобы отдать честь. Она покачала головой. Брезан удовольствовался тем, что изобразил, как мог, подобие салюта, сидя на койке.

— Кел Брезан, — продолжила женщина, — до тех пор, пока не будут выяснены все обстоятельства, которые привели к высылке тебя и всего прикомандированного персонала роя, необходимо приостановить твоё звание.

Стандартная процедура. Он все понял уже по тому, как она к нему обратилась. Следующими будут дознаватели Кел. Формационный инстинкт позволит им получить наилучшие результаты, если ранг не помешает.

— Вас понял, сэр, — прохрипел он.

— Скажи мне кое-что, солдат. Почему ты обратился за помощью к фракции Шуос?

Брезан знал, что это станет камнем преткновения. Это не прибавит ему друзей, но он смирился с этим, когда выбрал курс действий. Он кратко изложил суть своих рассуждений.

— Иными словами, — подытожила полковник, — генерал Джедао выгрузил людей, которых

не мог контролировать с помощью формационного инстинкта, и ты оказался в их числе.

— Да, сэр, — ответил Брезан. Слова резали глотку, как осколки стекла. — Я оказался единственным из Кел — свидетелей переворота, кому удалось оттуда выбраться. — Про офицера по доктрине он ничего не знал. Возможно, тот умер от медицинских осложнений.

Взгляд полковника сделался ледяным.

— Ты только что превратился в не мою проблему, солдат. Наслаждайся отдыхом, пока есть возможность. Скоро её не будет.

— Сэр, — глухо произнес Брезан. Он знал, что Кел делают с «падающими ястребами». В лучшем случае его демобилизуют и подвергнут обработке. В худшем — казнят. Но он не видел другого способа выполнить свой долг.

После этого Брезан долгое время провел в одиночестве, соблюдая поминальные церемонии и медитации, когда мертвый голос по системе оповещения напоминал ему об этом. Видимо, они послали за Рахал или Видона, потому что дознаватели Кел ненавидели работать с «падающими ястребами», словно те были заразными. Время от времени сервиторы приносили ему еду — всего лишь немного чуть теплого риса и воду. Брезан

начал жалеть, что не воспользовался гостеприимством Шуос Сфенни, пока была возможность. Он попытался развлечься, распознавая сервиторов. То ли каждый раз приходил новый, то ли они изменяли свои тела по какой-то неведомой причине.

Хоть это и было странно, Брезан жаждал встречи с Видона. Он не испытывал к этой фракции больше теплых чувств, чем любой разумный человек, но ему уже случалось терпеть незатейливые пытки. Когда он был капитаном, террористы-еретики захватили транспорт. Пленников вскоре освободили Кел, но Брезан до сих пор помнил боль, которая обжигала ступни и лицо, и восстановление, что последовало за этим инцидентом. Медикам пришлось выращивать для него новый глаз. Видона могли только мучить. Рахал занимались чтением по сигнификату, учитывая реакции сигнификата на особые вопросы. Это был не такой прямой способ, как детектор лжи, и он не имел ничего общего с чтением мыслей (хоть такие слухи и ходили), но опытный практик мог вытянуть из допрашиваемого истину.

Когда шестерка инквизиторов Рахал прибыла через тринадцать дней после того, как он был взят под стражу, Брезан понял, что его преду-

преждение восприняли всерьез. А он-то начал сомневаться. Он постоянно ходил из угла в угол, если можно было назвать «хождением» медленное движение по камере, мучительное из-за необходимости преодолевать затянувшиеся последствия сна в капсуле и паучьих ремней, пусть даже обстановка в целом и была спокойная. Он не сразу осознал присутствие шестерки. Простые одеяния, серые, с бронзовой окантовкой, невозможно было ни с чем перепутать — это был волчий эквивалент полностью официальной формы. Униформа Рахал подчинялась вывернутым наизнанку правилам: в качестве повседневной одежды они носили ту, что была украшена богаче.

Главным инквизитором была женщина с вьющимися волосами и невозмутимым выражением лица. Все шесть пар волчьих глаз посверкивали бронзой, демонстрируя, что Рахал активировали режим прорицания. Они пробормотали приветствие на архаичной форме высокого языка.

Брезан сглотнул комок, от страха появившийся в горле, и отвесил им настолько официальный поклон, насколько позволяли паучьи ремни, то есть не очень. Рахал славились щепетильностью в вопросах протокола, но в то же время гордились

своей рациональностью. Они не станут винить его за то, что он не в состоянии контролировать.

Главный инквизитор ответила на поклон кивком, что означало, что она решила не обижаться.

— Кел, — сказала она. — Я инквизитор Рахал Хван. Мы здесь для того, чтобы определить истинность твоих заявлений. — Она говорила на очень чистом высоком языке.

— Сделаю все, что в моих силах, чтобы не мешать вам, инквизитор, — сказал Брезан, как будто он мог противостоять всей шестерке.

— Можешь сесть, — сказала Хван. — Это займет некоторое время.

Брезан дотащился до скамьи и сел. Ноги дрожали, но будь он проклят, если покажет это. Он поднял голову, твердо решив встретиться взглядом с Хван, даже если в этом не было особой необходимости, и провалился куда-то в сторону сквозь трещину в собственной голове.

Часть его осталась сидеть на скамье. Все остальное перенеслось в квартиру родителей на станции Ирисса, в пространство снов, призванное первым вопросом Хван. Он мимоходом спросил себя, что оно собой представляет, а потом его внимание привлекли стены. Они выглядели так, словно их переделали, соорудив из компонентов

оружия, а промежутки законопатили каким-то вязким и блестящим веществом. С чего вдруг три его отца устроили такое?

Брезан поискал взглядом старшую сестру Кериезан в её любимом месте для чтения, у лампы с нарисованными кузнечиками. Её там не оказалось, как и двух её детей. Кериезан была единственной из сестер, с кем он ладил, и ему нравилось готовить их любимые блюда.

Он обернулся и увидел, что другие сестры, близнецы Миузан и Ганазан, играют в узорные камни, взяв набор младшего отца. Ганазан, чьи волосы были зачесаны назад, каким-то образом уговорила Миузан дать ей фору в три камня. Миузан была категорически против таких уступок. Брезан ни разу не уговорил её на фору, пока они были детьми, хоть она и была на шесть лет старше его.

Близняшки были в форме. Ганазан служила клерком на боксмоте, что считала более высоким постом по сравнению с тем, который предполагал метания туда-сюда на боевом моте. Ей всегда нравилась логистика. Миузан была полковником в штабе генерала Инессер и не переставала об этом говорить.

Брезан открыл рот и что-то сказал, сам не зная, что. Это не имело значения. Обе сестры не подали

виду, что слышали его. Он взглянул на свои руки. Никаких черных перчаток. Никакой униформы, только строгая коричневая гражданская одежда.

Открылась еще одна трещина, и он снова провалился в нее. Они с Миузан стояли в дуэльном зале, который тянулся так далеко в обе стороны, что концы его изгибались. Календарный меч Миузан сверкал в ее руке, цифры светились алым с белыми искрами. Она всегда была хороша в дуэлях. В детстве Брезан любил наблюдать, как она упражняется, восхищаясь жестокостью ее дисциплины.

Брезан активировал свой меч, чтобы отдать ей честь. Клинок был не обычного угрюмого синего цвета, а красного, переходящего в желтый. «Лисы», — раздраженно подумал он. Так и подмывало обвинить в этом Шуос Зехуни. Справедливости ради, однако, Зехуни его не вешали. Просто бросили ему красивую длинную веревку.

— Ты проиграешь, братишка, — сказала Миузан со своим обычным высокомерием. — Впрочем, стоит отдать тебе должное, ты потихоньку учишься кое-чему.

Брезан часто представлял себе, как запихивает Миузан в ящик, украшенный клуазонне, и отсылает фракции Андан, чтобы её там научили не

вести себя так снисходительно или, по крайней мере, лучше скрывать чувства. Самое ужасное заключалось в том, что она как будто совершенно не осознавала, что заставляет его до боли сжимать челюсти. Он уже давно отказался от идеи когда-нибудь заслужить её одобрение; ему лишь хотелось, чтобы она наконец-то заткнулась.

— Зато я стреляю лучше тебя, — сказал Брезан и совершил ошибку — не стоило ей возражать.

Сестра окинула его критическим взглядом.

— Да, это пригодится, если ты хочешь застрять в пехоте на всю оставшуюся жизнь.

Тут как раз закончился отсчет до четырех, и Миузан сделала выпад. Брезан парировал слишком поздно. Так или иначе, это не имело значения. Меч Миузан вспыхнул, и пламя превратилось в темные крылья с яркими проблесками. Клинок вытянулся, и вместо него возникла ястребиная голова на гибкой шее.

Брезан выругался и пригнулся. Пепельный ястреб с хищным изогнутым клювом прошел сквозь него, не причинив вреда. Пламя взревело вокруг, но жара он не ощутил — только зловоние горелой плоти.

Миузан горела красно-золотым пламенем. Её коса расплелась, волосы развевались вокруг голо-

вы. Почерневшие лохмотья кожи отваливались от лица, издавая сухой треск. На лбу и костяшках пальцев показалась белая кость.

— О, Брезан, — сказала она совершенно нормальным голосом, несмотря на происходящее. — Такими темпами ты никогда не станешь формационным топливом.

— Кто, мать твою за ногу, присоединяется к Кел с намерением стать формационным топливом? — заорал на неё Брезан. Миузан его бесила, но она все равно была старшей сестрой. Она научила его игре в камни, фехтованию и тому, как разбирать и собирать все семейные пистолеты, не говоря уже о готовке изумительного медово-имбирного печенья. Он не хотел, чтобы она погибла в самоубийственной формации, от вражеской пули или, если на то пошло, от падения с лестницы. Он просто хотел, чтобы она перестала обращаться с ним так, словно он все ещё неуклюжий восьмилетка, который ходит за нею и Ганазан как хвост, надеясь, что они сыграют с ним в «крепости».

Возможно, Миузан ответила, но Брезан не услышал её из-за ревущего пламени. У него возникла безумная мысль, что если он и сам загорится, то сможет последовать за сестрой и вытрясти из неё какие-нибудь ответы. Но как он ни старался,

пламя на него не переходило. Он теперь был в черных перчатках — забавная перемена. К несчастью, от неё не было никакого толку.

Инквизиторы читали его разум в том же духе довольно долго. В камере, на скамье, тело Брезана безвольно обмякло и тряслось от голода. Рахал привыкли поститься, а вот он ещё не пришел в себя от сбоя в работе спальной капсулы. Сервитор принес ему воды. Он ею чуть не подавился. Вкус был такой, словно в неё подмешали сажи.

Рахал не спеша продвигались к теме Джедао. Во время допроса немертвый генерал появился не в виде женоформы, какой был и сам Брезан, но таким, каким представал на архивных видео: худощавым, немного низкорослым мужчиной. Его мундир был полностью официальным, со старомодным красно-золотым галуном прикомандированного офицера Шуос, отчего Брезан почувствовал себя недостаточно одетым. А вот кривая улыбка Джедао была та же самая. Они с Брезаном играли в узорные камни. Где-то на задворках разума Брезан пообещал себе больше никогда не играть в настольные игры, если только ему не прикажут. Камни меняли положение каждый раз, когда он моргал. Откуда-то сзади — он не осмеливался обернуться — доносились

крики и рыдания.

В левой руке Джедао держал револьвер. На нем не было перчаток — ни без пальцев, ни каких-то других, — и Брезан принял это за указание на то, что немертвый генерал играет ва-банк. Каждый раз, когда Брезан ставил на доску черный камень — он, конечно, был более слабым игроком, — Джедао отстреливал ему один палец. Пули не причиняли вреда доске или подвижным камням, ловкий трюк, хотя Брезан вздрагивал от рикошетов.

Хотя это была иллюзия, а не реальность, он испытывал жуткую боль. Лучше бы всё происходило на самом деле. Тогда у него был бы шанс потерять сознание.

Брезан старался дышать ровно. «Представь себе, что это поминальная церемония», — сказал он себе. Интересно, такая мысль когда-нибудь утешала еретиков? Он должен победить гребаного девятихвостого генерала, но у него осталось всего четыре пальца. Он положил камень на доску. Джедао перезарядил пистолет и выстрелил, не глядя. Его меткость была безупречна.

Три пальца. Два. Один, и Брезан сумел переместить камень, зажав его между последним пальцем и левой ладонью. И вот у него совсем

не осталось пальцев, только кровоточащие обрубки.

Джедао поднял бровь.

— Что теперь? — сказал он.

— Я остановлю тебя даже ценой собственной жизни, — сказал Брезан, жалея, что не наделен даром произносить красивые последние слова, пусть от них и никакого толку. У него ведь были ещё и слушатели в виде инквизиторов Рахал.

Он наклонился, чтобы поднять ещё один, последний камень зубами…

И нагрянула такая боль, какую до сих пор он считал невозможной. В конце концов, шестерка инквизиторов ушла. Некоторое время он этого не осознавал. Он с трудом глотнул воды, которую предложил кто-то. Боль продолжала терзать желудок, но ему вдруг показалось, что это происходит с кем-то другим. Стать кем-то другим — в тот момент это показалось отличным шагом по карьерной лестнице.

— Я Кел, — прошептал Брезан стене, убедившись, что вокруг никого нет. Он не услышал собственного голоса. Слова как будто расцарапали горло.

Время шло. Привкус пепла исчез. Брезан все время дрожал. Но он знал, что должен терпеть.

Кел могут потребовать от него больше информации. Он должен быть в состоянии предоставить её. Если повезет, они зададут свои вопросы не слишком поздно, чтобы успеть остановить Джедао.

Брезан подумал про Кел, которые находились в командном центре, когда Джедао совершил свой переворот и нацелил на него пистолет. Подумал про генерала Кируев и их первую встречу. Брезан был удивлен, когда его направили в штаб Кируев после того, как у его предшественника развилось редкое заболевание, и сомневался, что ему нравится такой поворот. У генерала была репутация человека с нестандартным мышлением, не говоря уже о склонности не подчиняться желаниям Командования Кел, что в зависимости от обстоятельств могло быть хорошим или плохим качеством.

Во время первой встречи генерал спросила, как он обустроился на новом месте, и Брезан дал единственно возможный тактичный ответ. (Да, время от времени у него получалось вести себя тактично.) А потом Кируев неожиданно сказала: «Надеюсь, вы поможете мне не забывать ни на секунду, что мы посылаем людей на смерть». Она просматривала список потерь после недав-

ней битвы. Не очень-то хорошее напутствие для новичка, но Брезан увидел уныние во взгляде генерала и решил помочь ей, по мере возможности.

Здравомыслящему человеку на этом этапе было простительно не испытывать особо теплых чувств в адрес Командования Кел, но судьба Киру-ев и роя могла зависеть от информации, которую предоставит Брезан, и к тому же он изначально стал ястребом вовсе не из-за Командования Кел. На самом деле коллективный разум, управляющий фракцией, был веской причиной держаться от неё подальше. Семья тоже была ни при чем, несмотря на то, что Брезан сказал Шуос Зехуни в Академии, хотя без влияния родственников, конечно, не обошлось. Нет, причина заключалась в том, что гекзархат был ужасным местом для жизни, но он мог сделаться ещё хуже, если ему не будут служить люди, наделенные совестью.

Нельзя разорвать гекзархат на части и обменять его на что-то лучшее. Доказательством служил тот факт, что еретики всегда проигрывали. Поэтому оставался лишь один выход: служить и надеяться, что служение с честью принесет хоть какую-то пользу.

И теперь, когда дверь в передней части камеры

скользнула в сторону, Брезан поднялся и приготовился поклониться. Он увидел капрала Кел, который выглядел испуганным.

— Сэр, — сказал Брезан, салютуя ему вместо поклона.

Капрал открыл дверь в саму камеру и снял с узника паучьи ремни.

— Идем со мной, солдат, — сказал он.

Брезану хотелось спросить, что происходит, но он решил, что лучше насладиться блаженным неведением, раз уж выпал такой шанс, не говоря уже о странном чувстве, дарованном свободой движения. Было маленьким чудом, что он мог идти достаточно быстро и не отставать от капрала.

Идти пришлось недалеко. Сопровождающий привел его в огромный конференц-зал с защищенным терминалом, оборудованным по правилам Кел, в укромной нише в стене.

— Я буду снаружи, солдат, — сказал капрал. — Выходи, когда они закончат с тобой.

На терминале мигал огонек, показывая, что кто-то хочет поговорить, а на субдисплее значилась повестка с его именем. Что ж, Брезан не мог придать себе более презентабельный вид, так что ему оставалось лишь подойти к терминалу. Он увидел свой сигнификат на золотистой металли-

ческой поверхности: символ походил на темного, сломленного призрака.

— Кел Брезан по вашему приказанию прибыл, — первым заговорил он, отдавая честь. А потом запоздало сообразил, что надо было переключить униформу в полный парадный режим.

Терминал засветился.

— Кел Брезан, — произнес женский голос, размеренный и четкий. Широкое, неулыбчивое лицо на главном дисплее принадлежало гекзарху Кел Тсоро.

Брезан понятия не имел, что от него потребуется гекзарху. Он сомневался, что она лично прикажет ему поесть горячего и хорошенько выспаться.

— Гекзарх, — сказал он.

— Вольно, — ответила Тсоро. — Ваша информация о Шуос Джедао проверена. У нас для вас новое задание.

Брезан ничего не сказал. Согласно аугменту, прошло семьдесят семь дней с тех пор, как Джедао выгнал его из роя «Лебединый узел». Сколько бюрократов помешали ему сделать предупреждение раньше, и сколько вреда за это время принес Жертвенный Лис?

«Задание» означало, что его не увольняют со

службы в Кел. С другой стороны, списком ужасных заданий можно было завалить не одну планету. Он затоптал вспыхнувшую было надежду.

— Вижу, вы в некотором смятении, — продолжила Тсоро сухим менторским тоном, — поэтому давайте кое-что проясним, поскольку это важно. Вы — «падающий ястреб», Кел Брезан.

Он вздрогнул.

— Сэр…

— Результаты тестов ясны. Ваш формационный инстинкт распался и не достигает даже того минимума, который был зафиксирован во время учебы. Это редкость, но не неслыханная. Впрочем, вы должны были сами все понять во время конфронтации с Джедао.

— Я хочу служить, сэр, — хрипло сказал Брезан. — Это всё, что я знаю.

— К счастью, есть прецеденты, когда «падающим ястребам» разрешалось оставаться среди Кел, — продолжила Тсоро. — Но вы понимаете, что это будет для вас труднее. Ваши действия подвергнут тщательному изучению. Вам придется снова и снова делать выбор в пользу верности. Формационный инстинкт не будет вас направлять, в особенности в той ситуации, когда приказ вызовет недоумение, а привычка повиноваться

позабудется. Мы предлагаем вам эту возможность, потому что вы очень рисковали, чтобы предупредить нас, и ещё потому, что мы одобряем ваше поведение.

— Позвольте мне быть Кел, сэр, — сказал Брезан, чей пульс ускорился.

— Тогда вот ваше задание. Это будет совместная операция Кел и Андан. Вы поступаете под начальство агента Андан Тсейи на шелкомоте «Под сенью орхидеи».

Андан? И к тому же на шелкомоте? Это были маленькие и быстрые курьерские суда. Он слышал, что можно построить половину пепломота за ту же сумму, которая требовалась на одну такую штуковину.

— Наша цель, сэр? — спросил Брезан. Он и не понял, что Кел и Андан теперь в дружеских отношениях — но, впрочем, он был слишком занят, беспокоясь о Джедао и Хафн, чтобы обращать внимание на политику фракций.

— Агент Тсейя должна убить Джедао на его командном моте, — сказала Тсоро и улыбнулась. — Вы будете содействовать агенту согласно её указаниям.

Убийство Джедао как единственной цели, а не уничтожение всего мота, требовало предпочти-

тельного участия кого-то из фракций Андан или Шуос, так что в сказанном был смысл. И все же Брезан ощутил всплеск отвращения. У Кел был формационный инстинкт, у Рахал — прорицательство, а член фракции Андан мог поработить любого, кто оказался в пределах досягаемости, если знал этого человека достаточно хорошо. Несомненно, в архивах накопилось немало материалов о структуре личности Джедао, чтобы Тсейя могла на них опереться. Несомненно, когда Тсейя превратит Джедао в своего ручного зверька, он не задержится на этом свете надолго.

— Ваша задача, Кел Брезан, — тем временем говорила Тсоро, — вернуть контроль над роем, как только агент покончит со своей частью.

В сценарии крылась проблема.

— Сэр, — сказал Брезан, — а разве не лучше вернуть рой под командование генерала Кируев или любого из старших офицеров, какие ещё будут живы?

Он надеялся, что Кируев выжила, хотя раньше не позволял себе размышлять об этом. Что касается самого Брезана, то как бы он ни желал иного, стратег из него никудышный. Роем должен руководить строевой офицер — на случай, если Хафн нанесут удар в неудобный момент.

— Если Джедао припас какой-то трюк, и ему удастся ускользнуть от агента, — сказала Тсоро, — нужно, чтобы кто-то освободил Кел из-под его власти. Кируев не годится. Она уже однажды подчинилась авторитету Джедао. Мы его разжаловали, но к этому моменту у Джедао было достаточно времени, чтобы заболтать Кируев, а Девятихвостый, как подтверждает прошлый опыт, становится необычайно убедительным, будучи загнанным в угол. Нет, обычный генерал не подойдет. Мы должны послать туда верховного генерала.

Брезану понадобилось время, чтобы понять, к чему она ведет.

— Полагаю, вы сочинили новый келский анекдот, сэр, — сказал он, слишком измотанный и злой, чтобы помнить, с кем разговаривает. — Это совсем не смешно.

Тсоро слабо улыбнулась.

— Не говорите ерунды. Кел никогда не шутят. И, кстати, придумывать новые анекдоты чрезвычайно трудно.

На протяжении нескольких секунд Брезан лихорадочно пытался сообразить, есть ли какой-то способ, не нарушая субординацию, объяснить Тсоро, что он скорее покончит с собой деревянной

ложкой, чем присоединится к коллективному разуму Кел. Он всегда был уверен, что не сумеет дослужиться до командной должности. Очевидно, Вселенная наказывала его за разумные предположения о собственной карьере.

Глаза Тсоро весело сверкнули.

— Не переживайте, — сказала она. — Вряд ли у нас найдется время, чтобы вас ассимилировать, и для такого следует быть там же, где и прочее Командование Кел. В любом случае исторически сложилось так, что не все верховные генералы были частью Командования Кел, хотя Командование Кел всегда состояло из верховных генералов.

Перемены в этой области случились после того, как был создан коллективный разум.

— Временное звание? — предложил Брезан.

— Мы предпочитаем ограничить использование временных званий, потому что не все Кел реагируют на них удовлетворительным образом.

Вот так дела…

— Вы все еще можете отказаться от задания.

Он судорожно вздохнул.

— Я согласен, сэр.

— Хорошо, — сказала Тсоро. — Вас только что повысили, верховный генерал Брезан. Мы ускорим оформление документации. Волокиты и

без того было достаточно. Не подведите нас и не забудьте поправить знаки отличия. Зайдите первым делом в медчасть. А после — если позволите посоветовать — первым приказом велите принести вам какой-нибудь настоящей еды, да?

Брезан едва не ляпнул какую-то колкость в ответ, но, к счастью, гекзарх не позволила ему ударить лицом в грязь — она закончила сеанс связи.

Кажется, Вселенная дала ему ещё один шанс поквитаться с Джедао. И теперь лишь от самого Брезана зависело, облажается он или нет.

Глава тринадцатая

Кируев энергично спорила с полковником Кел Наджадом в одном из конференц-залов, когда пришел ультиматум. С той поры, как Наджад присоединился к штабу Кируев, этот спор повторялся у них в вариациях. Дошло до того, что Кируев растерялась бы, начни они обсуждать логистику, не огрызаясь друг на друга в связи с вопросами музыковедения, не имеющими никакого отношения к теме.

— …тот концерт Йери Чеджио для флейты, — говорил Наджад, тыча пальцем в карту. Интерфейс не мог решить, что означают эти движения. Наджад хочет добавить путевую точку? Передать её Первой тактической? Изменить цвет маркера? Создать вкладку, привязанную к указанному месту?

— Полковник, — сказала Кируев, — пожалуйста, прекратите. Я даже соглашусь с тем, что семичастная сюита — вполне приемлемая музыкальная форма на том основании, что без нее ранние постлиожские композиторы не могут быть помещены в надлежащий исторический

контекст. Просто перестаньте делать то, что вы делаете.

Наджад ухмыльнулся.

— Если хотите, я объясню, в чем фокус, сэр. — У него был явный дар ломать интерфейсы и доводить мот-сеть до зависания. Иногда Кируев думала, что надо бы одолжить этого человека фракции Шуос в следующий раз, когда ей понадобится помощь. — Все дело в том, чтобы запутать…

Кируев взглянула на последнюю карту Наджада и поморщилась.

— Я не хочу знать, как повторить этот подвиг. Я просто хочу, чтобы у меня перестала болеть голова каждый раз, когда я пытаюсь выяснить, кто в этой части космоса ещё может с нами общаться и обладает нужными ресурсами, чтобы отремонтировать такое количество знамемотов.

— Если бы у нас всё ещё были Нирай, — заметил Наджад, — я бы мог пригрозить кому-то из них пытками, чтобы он разобрался с проблемами интерфейса. Но наш любимый генерал заставил их собрать вещички, так что, боюсь, вы в западне.

— Я обязательно внесу это в список своих претензий к нему, — сказала Кируев. — И предоставлю ему в следующий раз, когда мне захочется

покончить с собой.

Наджад, слава богу, перестал доводить терминал до истерики.

— По крайней мере, он ещё никому не ткнул ножом в спину. Я вообще-то весьма…

— Сообщение для генерала Кируев от дежурной по связи, — сказала сеть.

Кируев проверила заголовки и скрыла удивление. У неё возникло предчувствие, что Связь пытается сообщить что-то, что по правилам необходимо передать старшему по званию. Было несколько причин, по которым дежурная могла избрать такой курс действий. Ни одна из них не предполагала ничего хорошего.

— Вы свободны, полковник, — сказала она. — Я свяжусь с вами, когда смогу.

Наджад отдал честь, стукнув каблуками, в последний раз ткнул пальцем в интерфейс, заставив Кируев дернуться, и покинул помещение.

— Обезопасить комнату до новых указаний, — сказала Кируев мот-сети. — Дайте мне дежурную.

Ей переслали не одно, а два сообщения от Командования Кел. Она тотчас же поняла, почему связистка не решилась передать их Джедао напрямую. Не было сомнений в том, какое послание

важнее, но Кируев знала, в каком порядке с ними нужно разобраться.

Она запросила соединение с дежурной и получила его.

— Проследите, чтобы коммандер Джанайя получила эти приказы. — Джанайя была не на дежурстве, но Кируев знала, что коммандер чутко спит. — Генерал Кируев всем подразделениям. Я знаю, что вы, возможно, получили известия от Командования Кел. Всем оставаться в строю. Нарушения формаций повлекут за собой обычные последствия.

— Мы все передали, сэр, — через пару секунд ответила офицер.

— Хорошо, — сказала Кируев. Это не даст много времени, но если повезет, она сумеет со всем разобраться до того, как рой охватит паника.

Она велела мот-сети отыскать Джедао и пометила запрос как срочный. Сеть странным образом зависла, а потом ответила, что Кируев надлежит встретиться с Джедао в его каюте. Строго говоря, Джедао мог ограничивать доступ к собственной персоне, как ему вздумается. Для этого могла быть какая-то заурядная причина. И всё же ей ничего не оставалось делать, как явиться на зов, веря, что немертвый генерал просто хочет поговорить.

Кируев покинула конференц-зал и направилась прямиком в апартаменты Джедао. Дверь её впустила. Ревенант стоял, заложив руки за спину, и разглядывал несколько больших картин, которые проецировались в разные места на дальней стене. Кажется, он пытался понять, каким образом цвета гармонируют друг с другом, и большей частью терпел неудачу — это было одно из его любимых развлечений.

— Вы слышали новости, сэр? — спросила Кируев, войдя.

— Какие новости?

Дежурная по связи не хотела приносить такие вести. Кируев её не винила, но в том, чтобы переадресовать сообщения так, чтобы Джедао про них не узнал, был огромный риск.

— Их две, — сказала она. Пора рискнуть самой. — Мы получили от гекзархов ультиматум.

— Должна быть причина, по которой он попал напрямую к вам, — проговорил Джедао, устремив на неё заинтересованный взгляд. Он отключил картины взмахом руки. — Не желаете ли меня просветить?

— Вы позволите?

По кивку Джедао Кируев проиграла сообщение на основном терминале. При виде видонского

ската по её телу пробежал давно знакомый холодок. На лице Джедао отразилось вежливое любопытство. Женский голос, лишенный эмоций, проговорил на чистейшем высоком языке:

— Шуос Джедао. Вам предписывается передать рой «Лебединый узел» ближайшей станции Кел к двадцать седьмому дню месяца Погребальных костров и сдаться властям гекзархата. Мвеннин находятся под надзором Видона. Если вы не подчинитесь, мы их уничтожим. Если вам требуются напоминания, мы…

И она продолжила, излагая вкратце, кто такие мвеннин, какова их численность и где они живут. Всего насчитывалось около пятидесяти восьми тысяч представителей этой народности, обитающих преимущественно в мире под названием Кострище. Единственная причина, по которой Кируев о них слышала раньше, заключалась в том, что Брезан обратил её внимание на эту часть личного дела Черис. Гекзархат был домом для ошеломляющего числа этнических групп, но мвеннин выделялись тем, что избегали службы во фракциях и, помимо других культурных причуд, практиковали в основном естественное деторождение. Они с Брезаном гадали, что привело Черис в ряды Кел. Её личное дело указы-

вало на стремление вписаться в более широкий культурный контекст гекзархата. Такова была официальная точка зрения, но Кируев готова была поспорить, что мотивация Черис в конечном итоге изменилась.

— Я не совсем понимаю, чего они надеются достичь, — сказал Джедао, и в его голосе было мало беспокойства. — У них ушло — сколько? — два с половиной месяца, чтобы придумать такую угрозу? Интересно, сколько канцелярской работы для этого понадобилось. Впрочем, я никогда не был высокого мнения о зацикленности Видона на процедурах.

Кируев сосчитала до шести. Игра уже пошла плохо. Поверив, что голос не будет дрожать, она произнесла:

— Сэр, неужели вам всё равно? Они умрут из-за того, чье тело вы для себя выбрали. — Неужели она все-таки ошиблась в Джедао? — Должно же быть что-то, что вы можете…

Она мысленно увидела, как мать Экесра кладет руки на плечи Ктеро, как опадает трупная бумага, складываясь в пару лебедей. В лебединый узел.

— Что я могу, генерал? — ледяным голосом поинтересовался Джедао. — Давайте выясним, где находится это Кострище. — Он набрал запрос.

Перед ними возникла карта гекзархата, постепенно обретая четкость. Расположение роя было отмечено золотом. Мир под названием Кострище обозначался синим. — Полагаю, вы когда-то изучали логистику? Глядите-ка, Кострище находится в Оссеровской марке, по другую сторону гекзархата. Это чертовски большой крюк, и мы не знаем — ведь Кел благоразумно не сообщают мне о своих перемещениях, — есть ли где-то поблизости достойный рой, способный во время нашего отсутствия удержать Отсеченную марку. Вы хотите сказать, что я должен предоставить захватчикам свободу действий ради шестидесяти тысяч человек, которым не могу помочь?

— Я надеялась, что вы придумаете какой-то план, — огрызнулась Кируев. — Одна из моих матерей была Видона. Знаете, как они проводят чистки? А я знаю. Она приходила домой и рассказывала, потому что для неё это была просто работа. Каждая мелочь была разделена на подзадачи, и они складывались, как кусочки головоломки. Аннулируйте право целевого населения заниматься определенной деятельностью. Выдайте им специальные удостоверения. Обновите запасы ресурсов в учреждениях, предназначенных для обработки. Убедитесь, что вам

хватит пуль, ножей, канистр с ядом или что там в моде в этом месяце. Вышлите дополнительные патрули, чтобы расправиться с теми, кто вздумает заняться терроризмом или довести остальную часть населения до бунта. Если сосредоточиться на кусочках головоломки, можно было и не заметить, что она, будучи сложенной, приводила к гибели целого народа.

— Я знаю историю вашей семьи, генерал, — сказал Джедао. — Я понимаю, что смерть отца на вас сильно повлияла. Но прекратите действовать импульсивно и начните соображать. У меня нет сверхъестественных сил, как и у вас. Ни один из нас не имеет никакого влияния на власти Кострища, и даже если бы в рое нашелся кто-то со связями, для полезного вмешательства уже слишком поздно. И куда именно мы эвакуируем шестьдесят тысяч человек? Наш рой с таким наплывом беженцев просто не справится.

— Очень рада, что вы вооружились причинами, позволяющими даже не пытаться, — сказала Кируев. Глядя на себя со стороны, она поражалась: это же надо было так потерять самообладание. Что с ней такое? И, что самое главное, почему она ожидала большего от человека, на чьей совести массовые убийства?

— Продолжаете реагировать импульсивно, — заметил Джедао. — Вам не приходило в голову, что Видона могут лгать? Шестьдесят тысяч — это слишком много, чтобы без труда перевезти в воображаемое убежище, но по стандартам гекзархата это тривиальное количество потенциальных жертв. Да, я знаю — вы можете мне всё рассказать о том, как Видона гордятся своей основательностью. В строгом смысле слова, эти люди уже мертвы.

Кируев разочарованно посмотрела на него. Она служила тому, кто занял тело женщины из фракции Кел. Катастрофа, грозящая соплеменникам этой женщины, и на её совести тоже.

— Не так уж плохо, что вы столь взволнованы, — тихо проговорил Джедао. — Значит, Кел не безнадежны. — Кируев вздрогнула. — Но, генерал, вы способны на большее. Подумайте-ка. Допустим, некое чудо все-таки возможно. Мы телепортируемся через весь гекзархат с флотилией космических станций, которые можно собрать за пять минут, и вызволим мвеннин. Что дальше?

Кируев начала ходить из угла в угол, потому что не могла придумать, куда ещё направить свою нервную энергию. Джедао оставил дверь в первую из внутренних комнат открытой, как

обычно. Проходя мимо, Кируев заметила на столе полированный камень с выгравированной на нем птицей. «Странно», — подумала она, с неловкостью осознавая, что сует нос не в свое дело. Если не считать вездесущих карт джен-цзай и металлической чаши, это была первая личная вещь Джедао, которую Кируев удалось увидеть.

Дойдя до стены, Кируев повернулась на каблуках — и застыла, как вкопанная. Она собиралась что-то сказать, но слова вылетели из головы, когда генерал увидела, что Джедао вытащил пистолет. Он рассеянно глядел на стену, ведя дулом по подбородку. Сердце Кируев сбилось с ритма.

— Сэр, — неуверенно произнесла она. — Вам нужен курс повышения квалификации по безопасности обращения с огнестрельным оружием?

Джедао бросил на неё хмурый взгляд.

— Что? О, простите. Вредная привычка.

Кируев воздержалась от упоминания о том, что она сделала бы с любым своим солдатом, который продемонстрировал такую «вредную привычку». К её облегчению, Джедао положил пистолет на стол рядом с колодой джен-цзай. Переступил с ноги на ногу и на мгновение замер, постукивая по столу в беспорядочном ритме.

«Он не так уж равнодушен, как мне кажется», —

поняла Кируев. До сих пор она редко замечала, чтобы Джедао нервничал, даже если лицо его выражало только раздражение. Как это ни парадоксально, открытие воодушевило Кируев.

— Так или иначе, — проговорил Джедао, начиная расхаживать по комнате, где на каждой горизонтальной поверхности он разбрасывал карты, как будто рисуя созвездие проигранных партий, — это надо обдумать. Итак. Мы волшебным образом спасаем мвеннин. Скажите мне, каков будет следующий шаг гекзархов.

Кируев приостановилась возле одной из карт. Башня-в-цепях. Она невольно поискала взглядом двойку шестерней, но не нашла. Зато Джедао оставил туза шестерней, выглядывающим из-под карты, которая лежала рубашкой вверх.

— Двое моих родителей родом из хайгарской общины на Денозине-4, — медленно проговорила Кируев. — По всей системе разбросаны и другие поселения хайгарцев. Потом командир Джанайя. У неё смешанное происхождение, но она предпочитает называть себя мойонна из-за любимой бабушки. Мурис тоже имеет мойонские корни, хоть и далекие. Четверо родителей подполковника Риозу были частью волны иммигрантов, которая хлынула из Ансяо на Ин-Нан

во время гражданских волнений. Я могу продолжать. — Брезан рассказал бы об этом больше, не заглядывая в шпаргалки, но упоминать о нем в присутствии Джедао было плохой идеей. — В рое много людей, и представлено много народов.

Губы Джедао изогнулись в невеселом подобии улыбки. Он ждал, что Кируев доведет свою мысль до конца.

— Видона смогут получить личные дела через Командование Кел, — сказала она, — если уже не получили. Они могут без труда выбрать ещё несколько народностей и пустить их в расход, чтобы оказать давление на экипаж роя. — Она не гордилась тем, каким ровным голосом произнесла слова «пустить в расход». — Это приведет к массовым восстаниям, но, возможно, они достаточно отчаялись, чтобы всё равно пойти на такой шаг.

— К сожалению, — сказал Джедао, — даже если мы не выкажем ни малейшего интереса к такому малоизвестному народу, как мвеннин, нет никакой гарантии, что они всё равно не попытаются сделать то, что вы описали. Я надеюсь, что Кел будут возражать по причине, о которой вы упомянули, но не могу сказать, что очень верю в Командование Кел.

— Сэр, — сказала Кируев, — я спрошу ещё раз: каковы ваши намерения относительно роя? У вас должна быть какая-то долгосрочная цель.

«Вы должны были понимать, что рано или поздно случится что-то в этом духе».

— У меня нет оснований испытывать теплые чувства к тому, во что превратился гекзархат, — сказал Джедао. — Но люди не станут сражаться с собственным правительством, пока не решат, что у них есть возможность победить. Мы дадим им эту возможность.

— Моя видонская мать часто приходила домой с бюллетенями о еретиках, которые думали, что смогут одолеть Кел и Шуос каким-нибудь новым секретным оружием, — ответила Кируев. — Никому из них это не удалось.

— В этом и заключается их главная проблема, — возразил Джедао. — Думаете, я не положил свою долю еретиков по приказу Командования Кел? Они всегда думают, что дело в гребаной технике. Это не так. Дело в людях.

Кируев пристально вглядывалась в лицо Джедао.

— Экзотическая технология по определению связана с системами верований — значит, вы имеете в виду что-то еще.

Они обсуждали государственную измену.

Всю свою долгую карьеру Кируев выполняла волю Командования Кел, потому что решила, что будет верной Кел. Как только она стала ястребом, выбор сделался весьма ограниченным. Тем не менее она спросила себя, не следовало ли ей подумать об измене раньше. Она бы никогда так не поступила, если бы не встретила Джедао. Она, по крайней мере, достаточно хорошо разбиралась в себе, чтобы не сомневаться в этом.

Джедао сделал неопределенный жест.

— Генерал, вы должны были заметить, что математика — не мой конёк, так что мой план не может на неё полагаться по определению. В бою я часто обращаюсь за помощью к сети.

— Я предполагала, что у вас есть какой-то способ это компенсировать, — сказала Кируев, не скрывая любопытства. Человека с математическими проблемами, наличие которых она подозревала у Джедао, не должны были принимать в офицеры Кел. Однако он попал во фракцию кружным путем, через Шуос, и было трудно оспаривать его полезность.

— У меня разновидность дискалькулии, — сказал Джедао и отвел взгляд. — Этого никто не заметил, пока я не закончил Академию Шуос,

потому что я… ну, просто работал усерднее. Но это означало, что пока мои однокурсники выполняли замысловатые вычисления, я был занят тем, что придумывал, как их обмануть, чтобы эти замысловатые вычисления им не пригодились. И в любом случае я думал, что моя будущая карьера не потребует от меня быстрого обращения с цифрами, так что какое-то время это не имело значения.

Но у еретиков есть одно свойство. Они обычно зациклены на цифрах, будь то манипулирование атмосферными параметрами или создание календарных всплесков, чтобы их новая разновидность оружия сработала, когда появятся Кел. Люди одержимы оружием… — Он ненадолго сжал губы. — Но упускают главное. Все дело в том, чтобы выстоять против гекзархов вместе, а не перестрелять их всех. Это возможно. Я учился пропаганде у знатока этого искусства. — Его голос дрогнул на слове «искусство», но выровнялся. — Вот увидите.

Кируев поразмыслила.

— А в ваше время гекс… гептархат был совсем другим?

— Кое-что было плохо, — сказал Джедао. — Кое-где дела уже тогда шли плохо. Но ситуация не

была такой целиком и полностью кошмарной, какой стала сейчас. — Надлом в его взгляде был невыносим. — Кое-что из того, что стало хуже… кое-что из этого стало хуже из-за меня. Я должен всё исправить.

Не было тактичного способа спросить, когда Джедао это понял. Историки Кел обходили вопрос стороной, но не требовалось большой проницательности, чтобы понять: половина проблем с Командованием Кел была связана со страхом, который ранний коллективный разум испытывал перед Джедао. Со временем этот страх не уменьшился. Немертвый генерал и коллективный разум кружились в подобии танца вот уже несколько веков; они могли продолжать кружить ещё столетия.

— Со службой гекзархам покончено, — сказал Джедао. — Думайте что хотите, но я больше не мог выносить «черную колыбель», и я не мог продолжать убивать людей ради Командования Кел. Может, слишком поздно мучиться угрызениями совести. Но все же я проявил бы беспечность, не оставшись на последний раунд карточной игры. — В его улыбке было что-то жестокое. — У вас — у всех вас — не было выбора. Я не лучше, чем они. Но мне требовался рой, и вот мы здесь.

— Ваш план…

— Нет. Я не могу рассказать вам подробности, потому что не могу рассказать их никому. Я прошу вас довериться мне. Я ничего не сделал, чтобы это заслужить.

— Вы выигрывали битвы. Значит, можете выиграть войну.

— Если бы существовал способ спасти мвеннин, мы бы этим занимались прямо сейчас, — сказал Джедао. — Можете сомневаться во всем остальном, если пожелаете, но это правда.

Кируев устремила на него долгий взгляд, вспоминая, что Джедао говорил про убийство детей, затем кивнула.

— Есть ещё одна вещь, которую вы должны услышать, сэр.

— Кажется, я догадался. — Джедао изогнул бровь и прислонился к стене.

По крайней мере, он относился к этому с юмором. Кируев включила воспроизведение второго сообщения. Оно открылось эмблемой Командования Кел — пепельный ястреб с мечом. Когда эмблема исчезла, появилась гекзарх Кел Тсоро. Она была в парадном мундире.

— Сообщение всему персоналу Кел, — сказала Тсоро ровным голосом. — В силу сложившихся

обстоятельств, офицерское звание Шуос Джедао отозвано. О его передвижениях необходимо сообщать властям гекзархата. Конец связи.

В короткой передаче было нечто обескураживающее, как будто в конце терминал должен был взорваться.

— Вот так, — сказал Джедао. Он подтащил ближе стул и оседлал его, положив руки на спинку и уткнувшись в них подбородком. — Вы свободны.

Такого ответа Кируев не ожидала.

Улыбка Джедао почти согрела его лицо.

— Вы сначала показали мне другое сообщение, чтобы выведать, что у меня на уме, не так ли? Стоит признать, вы хитрее, чем я думал. Знаете, Командование Кел, похоже, убеждено, что я могу очаровывать людей, заставляя их делать всё, что мне нужно — словно какой-нибудь супер-Андан. Им бы стоило больше верить в собственных подчиненных.

— Я буду командовать роем за вас, сэр, — сказала Кируев, гадая, полностью ли Джедао оценил серьезность ситуации. — Но скоро они захотят получить более четкое представление о своем положении.

— Вы выбираете это вместо того, чтобы оправдаться в глазах Командования Кел. Вам ведь не

составит труда доставить им мой изрешеченный пулями труп.

Кируев скривилась.

— Я не такой меткий стрелок, как вы.

— Это неважно. С вашей стороны людей много, а я один. Разве что вы и впрямь думаете, что я мог бы с боем прорываться на свободу через весь пепломот.

— Это бы означало предать вас, сэр.

— Генерал, неужели вы забыли, кто я? — Улыбка Джедао стала шире. Он достал пистолет, аккуратно вытащил патроны и бросил оружие в дальний угол. Кируев поморщилась: «Неужели Шуос совсем не учат кадетов, как безопасно обращаться с оружием?»

— Упрощу вашу задачу. Никакого сопротивления.

«Ну да, — мрачно подумала Кируев, — я ведь просто обожаю стрелять по беспомощным мишеням». Впрочем, четырехсотлетний Шуос мог быть каким угодно, но только не беспомощным.

— Почему вы так сильно хотите, чтобы я вас предала?

— Вы женщина, которую трудно раскусить, — сказал Джедао, имея в виду противоположное. — Весь этот разговор… Вы явно не хотите вернуться

в лоно Командования Кел. Они были бы рады услышать, что вы разобрались со мной навсегда.

Кируев сердито посмотрел на него.

Голос Джедао смягчился.

— Вы могли бы продолжить карьерный рост. В этом вся проблема, не так ли? В тот момент, когда в личном деле накопилось слишком много хвалебных отметок, вы подали заявление на должность инструктора. В досье указано, что у вас был нервный срыв, но он всё ещё длится, как я погляжу.

Кируев проговорила ледяным голосом:

— Если хотите обвинить меня в трусости, то вы…

Она спорила не потому, что ей этого хотелось, а потому, что знала: этого ждал от неё генерал.

Джедао перебил:

— Не может быть, чтобы вы ненавидели саму идею композитной работы. Это тело для неё не приспособлено, а когда я был жив, технологию ещё не изобрели, так что я понятия не имею, каково это, но вы были частью композита много раз и отлично справились. Вы могли бы даже использовать композиты против Хафн, принимая во внимание то, как странно локализованы календарные возмущения, но тут появился я и

помешал. Нет… вам просто ненавистна мысль о том, чтобы присоединиться к Командованию Кел, верно? Или, может быть, правильнее сказать, что вы боитесь.

— К этому моменту, — сказала Кируев, — вас совершенно не должно удивлять то, что я не питаю к начальству особо тёплых чувств. Но я в этом смысле отнюдь не редкость среди Кел, даже среди старших офицеров.

— Я уже понял, что вы готовы пожертвовать карьерой, потому что появился союзник, пусть и опасный. Чего я не понимаю, так это того, зачем вы изначально стали ястребом.

— Я рассчитывала, что погибну при исполнении ещё в молодости, — призналась Кируев. — В то время как и сейчас, гекзархат был охвачен серьезной смутой. Кажется, вам не нужно объяснять, что собой представляет стремление к смерти.

— За четыреста лет, — ответил Джедао, — я узнал, что есть судьбы, по сравнению с которыми смерть выглядит легкой прогулкой. Я уже говорил, что мне нужна ваша жизнь, а не смерть. Это по-прежнему правда. Но я должен понять, каким образом вы игнорируете прямой приказ Командования Кел.

— Вы здесь, — проговорила Кируев. Как же вышло так, что Джедао не знает?.. — А Командование Кел — в тайной крепости далеко отсюда.

— Трогательное умозаключение, но к делу не относится. Вы так сильно страдали от эффекта нарушения формации, когда пытались убить меня, — это значит, что прямо сейчас вы должны испытывать нечто вроде реакции на желание переметнуться от Командования Кел к человеку, которого только что выгнали из армии.

— А кто говорит, что реакции нет? — спросила Кируев. Ноги вдруг стали ватными. Она отыскала кресло и села.

— Да, вы выглядите ужасно, — согласился Джедао. — Каково это — обладать формационным инстинктом?

— Прошло столько времени, что я уже не помню, что испытывала до того, как мне его впрыснули, — сказала Кируев. Ей хотелось закрыть глаза и ждать неизбежной пули. Она была уже достаточно взрослой, чтобы понимать: не все пули сделаны из металла или выпущены из оружия. — Сэр, должна предупредить. Я сказала, что буду командовать роем вместо вас, и слово сдержу, но не ждите, что я буду полезной на протяжении долгого времени. — Собраться и

произнести нужные слова вслух оказалось очень тяжело. — Отсчет уже пошёл.

— Отсчет? — резко спросил Джедао.

Он все-таки не знал. Да уж, забавно…

— Генерал, если есть что-то, о чем я должен знать, лучше скажите. Прямо сейчас.

— Сэр, — проговорила Кируев, — вам известно об оговорке Врэ Талы?

— В жизни об этом не слышал.

— Значит, вы ничего не знаете и о генерал-лейтенанте Врэ Тале.

— Я так понимаю, вы кружным путем подбираетесь к какому-то выводу.

Кируев мрачно улыбнулась. Её сердце билось медленней обычного, но последствия не могли наступить так рано — значит, ей кажется.

— Генерал Врэ Тала принимала участие в кампании Огненных Трав двести восемьдесят один год назад. Из-за проблем со связью последним приказом, который она получила, был приказ о полном фронтальном наступлении на очень хорошо защищенные позиции противника, ввиду неизбежного прибытия вражеского подкрепления, в то время как сама она не могла рассчитывать на таковое из-за сбоев в логистике. Вы бы как-нибудь прочитали официальную

хронику. Историки Кел, вопреки своему обыкновению, язвительны.

— И что же, Врэ Тала потерпела неудачу пред лицом ужасных обстоятельств? Не первый такой случай в истории военных действий.

— Врэ Тала была хорошим генералом. Я читала хронику. Она поступила с приказами наилучшим образом. Истинная проблема заключалась в том, что Командование Кел их бы никогда не отдало, если бы у него была текущая информация о происходящем.

Губы Джедао сжались в ниточку.

— Неужели «отсчёт» означает то, о чем я думаю?

— Это относится только к генералам, — сказала Кируев. — И мы нечасто об этом говорим, но да. Если я считаю, что приказы ставят меня в безвыходное положение, я могу приостановить действие формационного инстинкта, чтобы выполнить дело. За это надо платить, разумеется. Они не отказались бы от контроля так легко и не позволили бы злоупотреблять оговоркой, поэтому ссылка на неё неизбежно фатальна. У меня есть сто дней. У нас есть поговорка: каждый генерал — это часы. Что ж.

— Идиотка долбаная… — прорычал Джедао. —

Ты не имела права…

— Командование Кел неизбежно узнало бы о том, что вы ещё живы, — перебила Кируев, расправив плечи. — И в тот момент они, вне всяких сомнений, должны были изорвать ваш офицерский патент на пиксели. Но они не собирались лишать рой всех офицеров — это же нелепо, особенно если требуется, чтобы он в короткий срок опять сделался боеспособным. Они совершенно точно отправили кого-то, чтобы принять командование, но до той поры, пока этот человек не прибудет сюда, меня никто не разжалует, и я могу отдавать приказы от вашего имени. Вам придется как-то выкручиваться, когда я упаду замертво. Но вы же лис. Думаю, вы найдете выход.

На этот раз Джедао лишился дара речи.

— Вы просили моей жизни, сэр, — сказала Кируев. — Это лучший способ, которым я могу вам её предоставить.

— Не могу не спросить, отчего вы не задействовали оговорку раньше. Ваше покушение на убийство могло бы пройти лучше.

Кируев посмотрела ему в глаза.

— Я не хотела совершать самоубийство ради Командования Кел, — проговорила она. — Даже для того, чтобы остановить вас.

— Я не хотел для вас такой участи, — сказал Джедао спустя секунду.

— Знаю, — ответила Кируев. — Вот почему я так поступила.

Они некоторое время молчали. Потом Джедао отпустил Кируев, не скрывая беспокойства. Она вышла, мимоходом отметив, что Джедао, по всей видимости, прихватил со стола загадочный полированный камень, когда ходил туда-сюда. Но вспомнить об этом ей предстояло гораздо позже.

Глава четырнадцатая

Брезан сам не знал, чего ждал от шелкомота, но точно не изящества, пусть даже фракция Андан славилась своей утонченностью. Прямо сейчас новоиспеченный верховный генерал находился на транспортном судне, которое должно было встретиться с шелкомотом «Под сенью орхидеи». Командование Кел выделило ему личную охрану. Сперва он подумал, что это шутка. Потом отговорил начальство от этой идеи. Композит, с которым пришлось иметь дело, выглядел сбитым с толку настойчивостью Брезана, но тот знал: будь он проклят, если позволит повышению, которое состряпали для одноразовой специальной миссии, вскружить себе голову.

— Почти на месте, сэр, — донесся из стены голос пилота. — Сейчас я устрою так, что вы сможете им полюбоваться.

— Спасибо, — машинально ответил Брезан.

Самым странным в шелкомоте было то, что он не имел клиновидного профиля, общего для боемотов Кел, но он ещё и не напоминал другие анданские моты, которые случалось ви-

деть Брезану, с их завитушками вдоль краев и выгравированными цветочными мотивами, укрупненными деталями, от которых не было никакой практической пользы. Вместо этого «Под сенью орхидеи» выглядел серебристо-синим кружевом, очертаниями напоминающим звезду, подвешенную в пустоте. Пришлось приглядеться, чтобы удостовериться: в дырах на «кружеве» не просвечивают звёзды.

— Нам разрешили выпустить челнок, чтобы перевезти вас, сэр, — сказал пилот через некоторое время. Брезан был так занят, глазея на шелкомот, что позабыл обо всем. — Следуйте за золотыми метками и прибудете куда надо.

Брезан выпутался из ремней безопасности, взял свой вещмешок.

— Спасибо за всё, — сказал он.

Перелет на челноке прошел без происшествий. Он поначалу думал, что приземление на шелкомоте будет ощущаться как-то по-особенному, но потом посмеялся над собой. А вот с выходом из челнока действительно вышла совсем другая история. Когда люк открылся, Брезану показалось, что он оказался в саду — если, конечно, бывают сады, где повсюду порхают огни, похожие на хвосты комет, и осыпаются лепестки… а это что

такое, миниатюрный водопад? Хотя он уже встречал пару анданских мотов, ни один из них не был столь экстравагантным. Надо было помнить, что Андан часто принимали гостей, иногда из-за пределов гекзархата. Им было важно создать видимость могущества и роскоши.

Андан Тсейя стояла на вершине искусственного холма, сопровождаемая тремя птицеформами с каждой стороны. Да уж, любой Андан не упустит возможности забраться повыше. Это был один из тех тактических принципов, которые даже эта весьма далекая от войны фракция усвоила очень хорошо.

Тсейя была высокой, почти такого же роста, как сам Брезан. Её длинные черные волосы струились до талии. Кожа у нее была фарфорово-бледная, а лицо могло бы остановить сердце тому, кто забудет, кто она такая, однако у Брезана не было подобного намерения. Сейчас её глаза были карими — он проверил, но отвел взгляд на всякий случай, как только смог.

На агентессе была голубая шелковая блуза, сшитая точно по фигуре. На женщине с менее впечатляющей осанкой она выглядела бы жесткой и неудобной. Брюки были более темного оттенка, а туфли — почти черными. На горле сверкала

брошь с голубым драгоценным камнем — по всей видимости, сапфиром.

Брезан низко поклонился, вспомнив уроки этикета.

— Агент, — произнес он очень вежливо. Анданская иерархия сбивала с толку, но лучше уж ошибиться и польстить, чем наоборот. — Я к вашим услугам по приказу Командования Кел.

— Честно говоря, не думала, что мне пришлют настоящего верховного генерала, — проговорила Тсейя. У неё был приятный, ироничный голос, альт, и Брезану сразу захотелось ей доверять. — Я Андан Тсейя, как вам уже известно. Буду откровенна, генерал. В последние годы наши с вами фракции не стремились играть друг с другом по правилам. Эта миссия станет для вас проблемой?

Что ей выдает его язык тела? Генерал Кируев однажды сказала, с веселым блеском в глазах, что он постоянно выглядит раздраженным.

— Послушайте, — сказал Брезан. — Кел бывают сильными, преданными и тупыми, но ни одно из этих определений не является синонимом фанатизма.

— Или тактичности, — сказала Тсейя с внезапной веселой улыбкой. — Я заметила, что обстановка вам не нравится, так почему бы мне

не проводить вас в апартаменты? Сервитор прихватит ваш багаж.

Брезан предпочел бы нести его сам, но не было вежливого способа возразить. Он протянул машине свой вещмешок.

— Рад служить, — сказал сервитор.

Брезан чуть не подпрыгнул: он забыл, что анданские сервиторы иногда разговаривают.

Коридоры шелкомота не были прямыми и даже не изгибались разумным образом. Скорее, они блуждали. Брезан уверился, что Тсейя ведет его живописным маршрутом. Понятно, что даже такой маленький мот может иметь переменную компоновку, если у него передовое энергетическое ядро, но зачем целенаправленно делать интерьер менее эффективным?

— Мы объединим сады на время путешествия, чтобы сберечь энергию, — сказала Тсейя, подтверждая его подозрения. — А вы не из тех, кто любит цветы и каллиграфические свитки, да? — Она приостановилась возле одного такого свитка, искусным образом прикрепленного на низкой ветке дерева. Брезан понял, что опасается, как бы его не унесло ветром, хотя ветра в этих садах не было.

Будь это мимолетная встреча на каком-ни-

будь официальном приеме, он бы попытался ее развлечь, пустившись в лживые разглагольствования, но в таких обстоятельствах, как сейчас…

— Хороший образец каллиграфии, — сказал Брезан. — Но если вы ожидаете, что я сумею определить стиль, то вам нужен другой Кел.

— По крайней мере, вы знаете, что существуют разные стили, — с улыбкой заметила Тсейя. — Осмелюсь предположить, что в моей фракции многие не в силах отличить кинжал от зубочистки.

— Нет, это вы про нас, — невозмутимо ответил Брезан. — Совершенно уверен, что никогда не слышал о зубочистках.

— Думаю, мы поладим, генерал.

Они повернули и оказались перед чистым, ярким прудом, в котором плавали самые большие карпы из всех, каких Брезан когда-либо видел. Он чертовски надеялся, что карпы были иллюзией, потому что чем они питались? А если они проголодаются? Могут ли они выпрыгивать из пруда и атаковать прохожих?

Через пруд был перекинут аккуратный арочный мостик с эмблемами фракций, вырезанными на перилах. Тсейя ступила на него, не подавая вида, что обстановка её хоть как-то беспокоит.

Миг спустя Брезан последовал за нею, бросив на карпов последний нервный взгляд.

Тсейя это заметила — впрочем, он и не пытался скрывать свои эмоции.

— Вы считаете подобное экстравагантным, не так ли? Лично мне медитации во время поминальных церемоний кажутся куда более приятными, если ими заниматься в красивой обстановке. — Персонал мота, находящегося в пути, освобождался от соблюдения поминальных церемоний, но некоторые настаивали на их необходимости.

Брезан призадумался.

— Наверное, я бы мог приказать сети проецировать мне что-нибудь красивое, — сказал он. — Но не понимаю, зачем мне бы такое понадобилось. Это бы слишком меня отвлекало.

— А пустые стены вас не отвлекают?

Что это такое они миновали? Какую-то водяную птицу с мудрыми глазами?

— Я привык к ним, — сказал Брезан. Он вырос на станции, которая предпочитала не притворяться миниатюрной планетой. Там были парки, но не такие роскошные, как этот.

— Ну как скажете.

К счастью, вскоре они прибыли в отведенные

ему апартаменты. По обе стороны двери стояли небольшие деревья в кадках. Брезан ожидал, что его поместят в какой-нибудь маленькой, уютной, укромной комнате. Он не учел, что у Андан особое представление о «маленьких» и «укромных» помещениях.

Каюта была люксовая, похожая на ту, в которой жила генерал Кируев на «Иерархии пиршеств», и откуда говнюк Джедао должен был её вышвырнуть. Брезан надеялся, что эти покои не больше, но все намекало на то, что так оно и есть. Наверное, здесь жили почетные гости. Предусмотрительная Тсейя украсила гостиную нарисованным тушью изображением пепельного ястреба, сжимающего в когтях стрелы. Про генерала Андан Чжэ Наво, которая так блистательно служила в войсках Кел, говорили, что она ко всем прочим талантам ещё и умеет стрелять из лука. Напоминание было не очень-то деликатным, но его это не побеспокоило.

Сервитор осторожно положил вещмешок на пол и удалился. Тсейя не обратила на него внимания.

— Даю вам час на обустройство, — сказала она, как будто прогулка была утомительной. — Пообедайте со мной, когда будете готовы. Один из

сервиторов будет дежурить на всякий случай. Но даже без него вы не заблудитесь, если будете следовать за желтыми цветами.

— Буду иметь в виду, — ответил Брезан. Он заметил цветы, которые были не только желтыми, но не понял, что они служат не для одних лишь декоративных целей. Милая альтернатива указателям, если только у гостя нет какой-нибудь редкой и неизлечимой аллергии.

— О, и у нас есть все виды чая, с которыми вы, возможно, захотите расслабиться. Я серьезно. Сеть вам все расскажет. Но если вы предпочитаете алкоголь, сперва поговорите со мной на эту тему. Запасы «Орхидеи» составлял мой кузен, и его вкусы слегка трудны для понимания.

— И это я тоже буду иметь в виду, — сказал Брезан, хотя его вкусы в том, что касалось алкоголя, сводились к напиткам, которыми можно было напиться и которые не оценил бы утонченный эстет.

Тсейя вопросительно взглянула на него, пробормотала извинение и вышла. Когда дверь закрылась, Брезан позволил себе расслабиться на целых шесть секунд. Потом окинул взглядом бестолково огромную гостиную, красиво нарисованную картину. Мазки кисти не выглядели

ни слишком вольными, ни слишком выверенными — он узнал на уроках каллиграфии, что добиться этого куда сложней, чем кажется. Наступили несколько мгновений тихой паники. В любую секунду мог появиться настоящий генерал и вышвырнуть его вон.

«Заткнись», — приказал Брезан внутреннему голосу. Командование Кел было непредсказуемо, но оно не проделывало такие трюки ради забавы. Он должен помочь спасти генерала Кируев и рой от Джедао.

Минут двенадцать он распаковывал и раскладывал свои вещи. Ну и чем ему заполнить все это пространство? Некоторые офицеры таскали с собой много личных вещей. Генерал Кируев — коллекцию безделушек. Коммандер Джанайя — фигурки осьминогов. (Она отказывалась объяснять, почему осьминоги.) Майор-аналитик Шуос Иградна — флейты, большинство из которых были не настроены для совместной игры. И всякое другое… А вот Брезан оставил большую часть своих вещей родителям. Он не понимал, почему хотел разделить свою жизнь надвое. Когда он был молод, разделение казалось ему очень важным, и он так и не избавился от этой привычки.

Брезан с сожалением посмотрел на единственный предмет, который положил на самый большой стол в тщетной попытке сделать его менее пустым. Сестры-близнецы Миузан и Ганазан подарили ему эту штуку, когда он окончил Академию Кел: миниатюрная модель планетной системы. Стоило признать, прекрасная работа — серебряные и золотые орбиты, сверкающие шестерни и кружащиеся планеты, усыпанные драгоценными камнями. Когда Брезан смотрел на модель слишком долго, то почти слышал, как она поет. Все луны отбрасывали тени в виде водопада перьев, бесконечного пепельного потока. Модель не соответствовала ни одной системе, которую могла бы опознать какая-то из мот-сетей. Близнецы делали вид, что ничего об этом не знают; он склонен был им верить. В самые мрачные моменты Брезан думал, что модель представляет собой какую-то тихую процессию миров и лун, не тронутую гнилью гекзархата, — если, разумеется, не принимать во внимание нескончаемый поток перьев, который мог символизировать прикосновение ястребов-завоевателей.

Он потянулся к модели, но потом решил ее не трогать. Что ж, если он не собирается бродить из угла в угол, лучше заняться одеждой. В Академии

Брезан, как и все остальные, брал уроки протокола, но почти всё успел забыть. А переподготовка запутала его ещё сильнее.

Верховный генерал несколько раз перебрал свою гражданскую одежду, потом покачал головой. К черту всё — он останется в униформе. Если это и не лучший вариант, то, по крайней мере, не неправильный. Тсейя сочтет униформу скучной, ну и что с того? Если она отнесется к его наряду с презрением, он утешится тем, что не сам придумал эту чертову тряпку. Впрочем, поддавшись порыву, он надел два кольца, чтобы не выглядеть совсем педантом.

Сел и пнул ногой пол, сожалея, что чувствует себя таким напуганным. Иметь дело с другим офицером Кел — это одно. Там бы он понял, как себя вести. Но здесь? Тсейя руководила операцией, и она сочтет его ненадежным, если он выкажет страх при виде — допустим — каких-нибудь причудливых столовых приборов.

«Будь справедлив», — сказал он себе. До сих пор Тсейя вела себя вполне вежливо. Пока они вынуждены работать вместе, он обязан ей тем же.

Брезан спросил сеть, сколько времени понадобится, чтобы добраться туда, где Тсейя хочет встретиться с ним за обедом. На всякий случай

добавил к ответу восемнадцать минут. Потом нервно ждал момента, чтобы выйти из каюты. Интересно, легко ли здесь заблудиться? Жаль, что он не прихватил с собой ничего, на чем можно было бы нарисовать карту, пусть карты и не могли помочь при переменной компоновке или потенциальном враждебном…

«Ну хватит уже!»

Как оказалось, желтые цветы услужливо склонялись на своих лишенных шипов стеблях, указывая дорогу, стоило ему приблизиться. Наверное, какая-то лаборатория Нирай получила немало денег, чтобы заставить их вести себя таким образом. Он миновал ещё несколько длинношеих птиц — почти все были белыми, некоторые щеголяли причудливыми разноцветными гребнями. Казалось, его присутствие их не беспокоило. Он мог лишь предположить, что никто им не сказал, как много среди Кел любителей охоты. Брезан этим не занимался, главным образом из-за брезгливости. Может, птицы почувствовали, что им нечего бояться.

«Я могу и пристраститься к жизни на станции», — подумал Брезан и поспешил дальше, не обращая внимания на тревожную трель лягушек. Ему даже удалось проскочить мимо карпов. Он

был почти, но не совсем уверен, что это тот самый пруд, мимо которого раньше вела его Тсейя.

Сбивающая с толку садовая дорожка с ее желтыми цветами вела в более нормальный коридор и открытую арку, задрапированную занавесками.

— Войдите, — крикнула Тсейя.

На одиннадцать минут раньше: не так уж плохо. Брезан с трудом удержался, чтобы не оглянуться на последний желтый цветок и посмотреть, не указывает ли он теперь в другую сторону. Собравшись с духом, он вошел в комнату. К его удивлению, обстановка была сдержанной. Примечательной оказалась единственная ваза в углу — в половину его роста, какая-то разновидность селадона[4]. На низком столике их ждала еда. Тсейя уже сидела на полу. Напротив нее лежала голубая подушка для него. Интересный нюанс: в центре стола стоял контейнер с зубочистками. Анданский юмор?

— У вас такой вид, словно вы думаете, что еда вот-вот взорвется, — заметила Тсейя. — Увы, по части разрушений я всего лишь посредственность, к вящему разочарованию моих инструкторов. Присаживайтесь! Нет смысла голодать, пока

---

[4] Примечания: 4

Селадон — особый тип глазури, а также соответствующий серо-зеленый и бледный оттенок цвета.

мы оцениваем друг друга.

— Конечно, агент.

— Не надо быть таким официальным. У меня ведь есть имя. — Она улыбнулась одними глазами.

Он вовремя спохватился и не запротестовал, а потом занял свое место.

— Полагаю, вас предупредили о том, чтобы вы не играли в джен-цзай.

Не то чтобы он признавался в слабости, о которой она раньше не догадывалась.

— Да, я избегаю этого, — подтвердил Брезан. — Однажды я присоединился к генералу Кируев и некоторым другим штабным офицерам для игры. Она обчистила нас всех, хотя постоянно вытаскивала ужасные расклады.

Тсейя налила чай сперва ему, потом себе. Она не стала устраивать церемонию. В ответ на его удивленный взгляд, агент скорчила гримасу.

— А вам никогда не приходило в голову, генерал…

Его очередь.

— Просто Брезан, пожалуйста.

— …Брезан, значит. Вам никогда не приходило в голову, что не все Андан в одинаковой степени влюблены в правила этикета? Иногда мне просто

хочется выпить этот чертов чай.

Если это была уловка, рассчитанная на то, чтобы вызвать симпатию, она сработала превосходно.

— Боюсь, единственный значительный контакт с вашими собратьями по фракции у меня случился во время официальных мероприятий.

— Уверена, эти мероприятия показались вам очаровательными, — пробормотала Тсейя. Она взяла палочками кусочек чего-то в темном соусе, прожевала, проглотила. — Мне попробовать все, чтобы доказать отсутствие яда?

— В этом нет необходимости, — сказал Брезан. И это бы все равно ничего не доказало. Он принялся за еду. Темный соус был сладковатым, с ноткой лемонграсса и, возможно, рыбного соуса. Что до мяса, то он не смог его опознать. Но было довольно вкусно. Он решил позже попросить рецепт.

— Вы ужасно молчаливы, — сказала Тсейя через некоторое время. Брезан почти доел рис, а она опустошила свою миску всего лишь на четверть. — Наверное, вам было трудно расстаться со своими товарищами из-за всего, что случилось.

Брезану захотелось рассказать ей, что он думает о решении Командования Кел сделать Джедао

бессмертным, но это была плохая идея.

— Мне стоит быть благодарным, — сказал он, не чувствуя и намека на благодарность. Сидя напротив агентессы Андан, он лишь острей осознавал, как сильно скучает по офицерскому столу. — Мне дали понять, что Джедао, по крайней мере, не взорвал рой. — У него было время, чтобы ознакомиться с донесениями, пока они не догонят беглецов.

— Он — Шуос, — сказала Тсейя. — А это значит, что он такой же, как Андан, только хуже работает с общественным мнением.

Брезан чуть не подавился овощем. Старая шутка заиграла новыми красками.

— Если он и не уничтожил рой, то лишь потому, что нуждается в нем. И, к несчастью, у любого роя есть лишь одно применение. — Она вздохнула. — Если бы он взрывал наши станции без разбора, я бы меньше волновалась. Но нет, он отбивается от вторжения. Это не может быть ничем иным, как уловкой для завоевания симпатий среди населения.

— Он — массовый убийца, — запротестовал Брезан.

— Вы — Кел, — сказала Тсейя, — поэтому смотрите на ситуацию с келской точки зрения. У

Шуос на него зуб, что неудивительно. Для всех остальных, особенно для широких масс, которые не принадлежат ни к одной фракции и большей частью заняты тем, чтобы не быть замеченными такими людьми, как мы, он больше похож на ожившую фигуру из сказки, чем на угрозу. Адское Веретено случилось несколько поколений назад. Многим людям попросту наплевать, или, по крайней мере, их это не сильно волнует. Возьмем, к примеру, бомбежку, которая убила гекзарха Нирай Хавреказ триста семьдесят три года назад. Даже если бы вы о ней знали… — Брезан покачал головой, — разве стала бы она вас больше волновать?

Брезан призадумался.

— Я чувствовал себя спокойнее до того, как вы привели этот довод, — наконец сказал он, — но вы правы.

От этого их миссия лишь сделалась важнее. Они обязаны остановить Джедао. Они обязаны остановить Хафн. И, в качестве бонуса, им ещё надо помешать Джедао остановить Хафн и сделаться героем.

Они продолжили есть в молчании. Брезан заставил себя сбавить темп. Он не привык трапезничать ради удовольствия. Его старший отец, в

прошлом Кел, считал ненужным медлить с едой. К тому времени, когда Брезан стал достаточно взрослым, чтобы запоминать происходящее, означенный отец вышел в отставку, но от келских привычек так просто не избавишься.

— Я знаю, почему Командование Кел послало вас, — сказала Тсейя, когда сервитор принес к столу маленькие пирожные. Они были украшены ломтиками фруктов, бледно-зеленых, оранжевых и сочно-красных, расположенных в форме цветов. — И в этом смысле, похоже, я ставлю вас в невыгодное положение. Полагаю, вы обо мне не знаете ничего. Ну, не больше, чем о каком-нибудь произвольном жителе гекзархата.

Брезан попробовал пирожное. Сладость уравновешивалась кислинкой плодов. Он надеялся не пристраститься к такой еде, потому что рано или поздно придется вернуться к нормальному меню Кел. Может, стоит попросить и этот рецепт, если, конечно, он не секрет фракции.

— Если вас беспокоит моя способность выполнять приказы…

— Я лишь хочу сказать, что мы лучше сработаемся, если вы будете знать, какова моя ставка в этой игре и почему выбрали меня, а не кого-то другого. — В голосе Тсейи слышалось какое-то

чувство — не горечь, но что-то очень похожее.

— Тсейя, — сказал Брезан, гадая, к чему все это приведет. — Вы не обязаны мне ничего объяснять.

Она поймала его взгляд, прежде чем он понял, что происходит, и улыбнулась. Это была безразличная улыбка, а не теплая или милая, и это его испугало. Он не мог отвести взгляд. Впрочем, он уже знал, что анданское порабощение действует именно так. Он просто не ожидал, что она нанесет удар столь быстро — ведь при повторном использовании способности на той же мишени, воздействие ослабевало. Наивно с его стороны. Ее глаза все еще были карими, а не темно-синими, розово-синими. Как только цвет изменится, он будет принадлежать ей до тех пор, пока она сможет удерживать его в плену.

Тсейя прервала зрительный контакт. Брезан вновь обрел способность дышать. Он сунул руки под стол и сжал кулаки, борясь с дрожью. Она могла понимать, что происходит, но видеть это ей незачем. Придется обойтись этим.

— Может, я и не обязана вам что-то объяснять, — сказала Тсейя, — но нам придется полагаться друг на друга. Вы должны знать, что я не заставлю вас делать то, что противоречит вашему долгу. Я

должна знать, что «падающий ястреб» будет следовать приказам. Мне проще, откровенно говоря. Что бы ни думало Командование, я считаю, что вы на самом деле преданный Кел.

Брезану не очень-то понравилось, что его свели к такому простому выводу. Теперь, справившись с потрясением, он начал злиться.

— Это была пустая угроза. — Рука Тсейи сомкнулась на чашке с чаем, замерла.

— Да уж, — сказал Брезан.

— Я не смогу вас поработить.

Её губы сжались в ниточку. Ей не нравилось признаваться ему в таком. Но зачем миссию поручили дефектному агенту? Он знал, что такие существуют, как и «падающие ястребы». Он слышал, что выживать им удавалось примерно столько же.

— Это не то, о чем вы подумали, — сказала Тсейя. — Дело не в способности как таковой — она действует нормально. Просто раньше меня звали Андан Неже. Проблема в том, что я в опале, а вы — нет.

Брезану не потребовалось много времени, чтобы понять, что она имеет в виду, даже если имя ничего ему не говорило.

— Никогда о вас не слышал.

Ее глаза загорелись каким-то циничным весельем.

— О, это необычно. Вам придется поверить мне на слово: я нажила могущественных врагов среди Андан.

— Так с Джедао у вас не будет никаких проблем?

— Совершенно верно.

Формационный инстинкт зависел от звания. Порабощение — от социального статуса. Или, как средний отец Брезана объяснял ему в детстве, «всё дело в том, что так они не позволяют анданским малышам обрести власть над теми, кто выше их по статусу, и заставить их отдать критически важные инвестиции». Любой Андан мог поработить лишь того, кто находился ниже в иерархии доминирования.

Тсейя скорчила гримасу.

— Я хочу сказать, вдумайтесь. У Джедао больше нет никакого звания, пусть он и контролирует рой. Он полагается исключительно на свою дурную славу. Только представьте себе, как трудно будет пригласить его на ужин. У любого Андан, если поручить ему рассадку гостей, случится мигрень.

Брезана это не позабавило.

— Значит, вы здесь, потому что вы тоже расходный материал.

— Я здесь, потому что у меня есть особая мотивация искупить свою вину перед начальством, — возразила она. — У нас случились серьезные разногласия по политическим вопросам. Оно плохо это восприняло.

— Полагаю, я не в том положении, чтобы судить, — сказал Брезан.

В наступившей тишине он доел пирожное, все ещё не понимая, нравится оно ему или нет.

Глава пятнадцатая

Кируев никак не ожидала, что её близкое, пусть и эксцентричное знакомство с антикварными магазинами пригодится во время одной из миссий роя. Оказалось, что генерал узнала об искусстве торговаться куда больше, чем предполагала. Она пропустила трапезу за офицерским столом, когда станция Танкут-Главная ответила на предложение провести переговоры о ремонте и поставках, и теперь находилась в командном центре, изучая последнюю версию их условий.

Полковник Наджад, начальник логистики, бросал на неё обеспокоенные взгляды. Он явно надеялся получить собственное сырье, чтобы напечатать компоненты, а не полагаться на станцию, которая могла это сделать лишь по заоблачным ценам. Обычные активы Кируев и экипажа были заморожены фракцией Андан, но они все ещё могли продавать боевые данные о Хафн на черном рынке и, помимо всего прочего, независимым драматургам и историкам. Однако Кируев была в силах давить на начальницу станции лишь до определенного предела, поскольку

та не была Кел. На самом деле именно то, что начальница не принадлежала ни к одной фракции, плюс репутация Танкута как станции, связанной со сделками на черном рынке, и побудили Джедао и Кируев выбрать её.

Начальница станции — женщина с отличными зубами и улыбкой, которую она использовала с безупречной меткостью, — ждала ответа Кируев. Генерал сделала несколько поправок к списку и отослала его обратно.

— Последнее предложение, — сказала она. — Иначе мы попробуем продавать трофеи напрямую частным коллекционерам.

Это была не совсем пустая угроза. Ей становилось все интереснее узнать, сколько могут принести кое-какие из частей того странного двигателя. Кто-то предложил продавать «гробы», но она запретила об этом даже думать, едва услышала такую идею.

— С вами приятно иметь дело, — ответила начальница станции, судя по тону, искренне. — Я выслала местный регламент. Убедитесь, что ваши люди будут ему следовать, пока мы займемся работой.

Сеть пробежалась по документу и обнаружила лишь несколько разделов, отклоняющихся от

стандартной практики. Кируев решила, что ни один из них не создаст проблем. Джедао согласился с её предложением свести контакт с местными к минимуму, необходимому для того, чтобы обеспечить пополнение запасов.

— Рада стараться, — сухо ответила Кируев. — Я запомню это место на случай, если однажды решу, что мое истинное призвание — контрабанда.

Начальница станции ухмыльнулась и отключилась.

— Что такое? — спросила Кируев, увидев мрачную физиономию Наджада. — Вы никогда не мечтали о том, чтобы сбежать и стать пиратом? Вот на что похожа такая жизнь.

— Герои драм никогда не испытывают такой нехватки сырья для принтеров, как мы сейчас, — пробормотал Наджад. — Но, думаю, с этим ничего не поделаешь.

Кируев ненадолго отвлеклась от составления отчета для Джедао.

— Взгляните на это с точки зрения станции. Заключая сделку с нами, они рискуют сами оказаться вне закона.

— Сомневаюсь, что все дело в альтруизме. Уж скорее им платят местные шуосские агенты за возможность установить жучки. Или они заис-

кивают перед кем попало ради защиты от Хафн. А может быть, планируют продать нас чужакам.

— Это вне моей компетенции, — медленно произнесла Кируев.

Наджад напрягся. Это было едва уловимо, но Кируев ждала такой реакции. В рое уже все знали, что она задействовала оговорку Врэ Талы. Генерал бы не удивилась, узнав, что кто-то делает ставки на то, доживет она до конца своих ста дней или нет. Наджад вел себя вежливо, но явно не одобрял её поступок.

Они обменялись ещё несколькими словами относительно ухищрений, на которые придется пойти из-за отсутствия в персонале членов фракций Нирай и Шуос. Потом их прервал поступивший от Джедао вызов, удивительно лаконичный: «Приходите сейчас же».

Кируев посмотрела на коммандера Джанайю, которая последний час встречалась с нею взглядом лишь тогда, когда это было необходимо.

— Сообщите, если станция примет наше предложение по поводу дешевых сувениров, — сказала Кируев.

— Разумеется, сэр, — официальным тоном ответила Джанайя.

Кируев тихонько вздохнула. Она не могла ви-

нить коммандера. Её выбор был роковым для роя. Если они переживут всю эту неразбериху, даже принимая во внимание тот факт, что Джанайя никак не могла повлиять на решение Кируев, Командование Кел вряд ли отнесется к ней снисходительно. Слабым утешением Кируев была уверенность в том, что Джанайя выполнит каждый приказ безукоризненно, даже если обнаружит лазейку. Такой уж она Кел.

Когда Кируев доложила о своем прибытии, Джедао играл в незнакомую настольную игру с тремя сервиторами. Кируев отдала честь, ошеломленная тем, насколько оживленней выглядит гостиная в присутствии сервиторов, хотя она едва ли была тесной по каким-либо разумным стандартам, и в этих комнатах постоянно бывали сервиторы, занятые обычными делами. Помимо сервиторов — мотформы и двух ящероформ — на терминале отображались документы по снабжению роя, аккуратно разложенные и отбрасывающие слабый бледный свет на стены и пол. Интересная деталь: чуть поодаль от них виднелся какой-то труд по математике.

Кируев ждала. Джедао размышлял над игровым

жетоном с изображением трилистника[5].

— Вольно, — проговорил он, не глядя в её сторону. — Проклятие… — Это было обращено к мотформе. — Ты не шутил насчет того гамбита. Научи меня держать язык за зубами по поводу шансов в присутствии тех, кто лучше меня смыслит в математике.

Сервитор ответил веселым шквалом розовых и желтых огней.

— Так или иначе, — продолжил Джедао, — прошу простить меня за… — Тут на терминале вспыхнул код, незнакомый Кируев. — Ещё одно? Я должен это посмотреть. — Кируев дернула подбородком в сторону двери, раздумывая, не уйти ли ей, но Джедао сказал: — Нет, останьтесь.

Сообщение началось со сбивающего с толку потока визуальных помех, сквозь который медленно проступило изображение женщины с длинными волосами, которая грызла кончик стилуса — явно по привычке. В конце концов они выяснили, что это исследовательница Нирай Махоларион со станции Аннер 56–5. Более интересным оказалось то, что запись представляла собой не официальный отчет, а подборку заметок,

---

[5] Примечания: 5

Трилистник (trefoil knot) — простейший нетривиальный узел; понятие из области математической теории узлов.

которые она сделала, решая, стоит ли рекомендовать начальству переслать данные Кел, пусть даже те были заняты более важными делами.

Джедао вывел на экран терминала резюме её данных, чтобы Кируев могла взглянуть на них сама.

— Мы получили несколько таких сообщений с разных станций, — сказал он. — Я могу в общих чертах толковать результаты сканирования, но это не похоже ни на один формант, который я видел за четыреста лет. А вам оно знакомо?

Данные сканирования были не тем, на что Кируев обратила внимание в первую очередь. Она отвлеклась на последнюю часть видео, где Махоларион рассеянно передавала стопку информационных накопителей сервитору-мотформе. Она думала, что накопители Мевру устарели, но, возможно, Нирай использовали их ради обратной совместимости.

— Насколько надежны ваши источники, сэр? — спросила Кируев. Она могла поспорить, что дежурный по связи в командном центре понятия не имел ни об этих заметках, ни о других донесениях, на которые ссылался Джедао. И как же ему удалось заручиться помощью этих людей?

— Достаточно надежны, чтобы удовлетворить

меня.

Кируев поняла намек. Она изучила результаты сканирования, потом пролистала сопровождающий анализ.

— Удивлена, что им вообще удалось это засечь, даже с использованием передовых технологий шумоподавления. — Она выделила соответствующие части документа.

Лицо Джедао сделалось каменным.

— Я не могу прочитать большую часть этих записей. — Он ткнул пальцем в один из примеров.

Кируев этого и боялась.

— Они упоминаются в книге, которую вы читали, — сказала генерал. — Видите? — Она подсветила математический труд на терминале золотом. На самом деле трактат был на несколько порядков сложнее отчета Нирай Махоларион.

Джедао поморщился.

— Я тут ни при чем. Сервиторы одновременно с игрой спорили о какой-то теореме. Я подумал, это отвлечет их от засады, которую мне удалось так ловко подстроить в игре, и позволил им болтать. Но, увы, мне не повезло.

На этот раз мот замерцал синими и пурпурными огоньками, среди которых мелькали и красные, казавшиеся подозрительно самодо-

вольными.

— Это вполне может быть какой-то случайный новый астрономический феномен, — сказала Кируев, — но исследовательница, похоже, считает обнаруженное побочным эффектом проникновения Хафн в наше пространство.

— Я надеюсь, это сбой сканирования, — сказал Джедао. — Но многочисленные сообщения от независимых наблюдателей? Не стоит рассчитывать, что нам так повезет. В любом случае я собираюсь передать это Сканированию и Доктрине, пусть попробуют разобраться. Однако я не об этом хотел поговорить с вами. Скажите, генерал, вам знакомо имя Девеней Рагат?

Девеней…

Кируев внезапно забеспокоилась.

— Вы же не имеете в виду полковника Кел Рагата? — спросила она. — Я слышала, что он принимал участие в вашей кампании при Крепости Рассыпанных Игл.

— Верно, — проронил Джедао. — Но я не спрашивал вас о том, что знаю сам. Я надеялся, что вы поведаете мне о том, что известно вам.

— Он историк, причем весьма уважаемый, — проговорила Кируев. — Но сама я никогда не имела чести с ним работать.

— Хм-м… — только и ответил Джедао. — Ладно, теперь послушайте это.

Похоже, это был день прослушивания сообщений. В ответ на жест Джедао появился новый ролик, сдвинув в сторону итоговый отчет о потерях Четвертой тактической группы. Мужчина в кадре, определенно, и был Рагат — длинный подбородок, узкие глаза и циничный тонкогубый рот, — но он не носил форму. На нем был темно-коричневый пиджак поверх темно-серой рубашки. Беспокойство Кируев усилилось.

— Это сообщение адресовано генералу Черис, — сказал Рагат, — и передается по каналу связи, который, я надеюсь, она сочтет удовлетворительным.

Кируев невольно бросила на Джедао изучающий взгляд. Это тело никогда ему не принадлежало. Это было тело женщины из Кел, которая, наверное, и представить себе не могла, что однажды сделается вместилищем для вероломного призрака.

Воспроизведение ролика продолжалось. Джедао устремил взгляд на Кируев, лицо у него было холодное и задумчивое. Генерал с бесстрастным видом вновь сосредоточилась на сообщении.

— Если генерал-лис вас чему-то научил, — го-

ворил Рагат, — то вы сейчас спрашиваете себя, как я выжил и где здесь ловушка. С сожалением признаюсь, что первым я обязан паре случайных неудач. Я должен был находиться на борту «Барсучьих полос», когда рой был взорван, но из-за бунта в крепости опоздал к своему челноку.

Кируев приостановила сообщение без разрешения Джедао. Брови немертвого генерала поползли вверх.

— Сэр, — сказала Кируев, — он, должно быть, дезертир. — Она не произнесла слова «падающий ястреб». — Я не понимаю, как…

— Продолжайте слушать, — перебил он и снова включил воспроизведение.

— Я покинул Крепость при первой же возможности, — сказал Рагат. — Командование Кел уже не в первый раз пренебрегает отдавать приказы мертвецам, и мы оба, уверен, нашли это весьма удобным. Сейчас вы задаетесь вопросом, что я могу вам предложить. Я и сам не был в этом уверен, когда узнал, что вы выжили. Но если вы делаете то, о чем я думаю, то кое-что из этой информации вам поможет. Я попытаюсь доложить снова, если найду что-нибудь ещё, что вам следует знать, но я не рассчитываю прожить долго. Девеней Рагат, конец связи.

— Он приложил исчерпывающий стратегический обзор местных пограничных провинций и окрестностей, — сказал Джедао. Может, это и была основа его таинственной разведывательной сети. — Но мне кажется, что вы думаете сейчас не об этом.

Кируев решила, что это приглашение к разговору на щекотливую тему.

— Сэр, Рагат явно считает вас временным генералом Черис. — Неужели Рагат из-за этого нарушил формацию? Из-за верности мертвой женщине?

— Это его ошибка, — сказал Джедао, — но я намерен её использовать. Если вам что-то известно про Кел Черис… — Он произнес её имя так небрежно, что у Кируев мороз прошел по коже, — тогда вы в курсе, что она была обычным капитаном пехоты, разменной монетой. Жаль, что бомба убила её, но это дало мне шанс сбежать из «черной колыбели». Я там много времени провел, генерал. Я бы сделал то же самое без малейшего промедления.

— Не такой уж «обычной» она была, раз заслужила доверие полковника, — сказала Кируев. — Я видела список наград Рагата. Он бы не пошел на такой шаг запросто.

— Дело в доверии или в общем враге? Можете не отвечать на этот вопрос.

— И что же, по мнению Рагата, вы задумали?

Джедао откинулся на одну из подушек на диване и жестом предложил Кируев сесть, что она и сделала. Каждый раз, когда она сюда приходила, её поражало, что эти комнаты, в которых она совсем недавно обитала, полностью изменили облик после того, как в них поселился Джедао. Сервиторы почти закончили убирать игровые принадлежности. Джедао схватил жетон с шестиугольником, подбросил с переворотом и ловко поймал.

— Полагаю, Рагат думает, что я собираюсь завоевать галактику и превратить её в место, где вышестоящее начальство не бомбит целый рой ради убийства одного человека. — Он постучал жетоном по краю стола. — Хотел бы я сказать, что это низкая планка для перемен. Однако история нашего режима доказывает обратное. Учитывая происхождение Рагата, он должен знать об этом.

Он подбросил жетон еще несколько раз, затем со стуком опустил на стол.

— Мы собираемся предложить людям выбор. — Его улыбка была хищной. — Наше местонахождение ни для кого не секрет — отчасти потому, что

трудно притвориться, будто коровы — это цыплята, но ещё потому, что я хочу, чтобы нас видели.

Кируев ничего на это не сказала. Шуос любили так поступать, но ни одному полевому командиру не удалось протянуть долго, не переняв ту же стратегию. Как бы ни претило Кел это признавать.

— Мы скоро отправим незашифрованное сообщение во всех направлениях, — продолжал Джедао. — Я не собирался ещё долго действовать в том же духе, что до сих пор. Нервы у людей и так на пределе, и, думаю, с концентрацией дело обстоит не лучшим образом. Да-да, я вижу, что вы сомневаетесь в моей способности быть кратким, но мне такое по силам, если я постараюсь.

Кируев не осмелилась что-то сказать в ответ.

Джедао побарабанил пальцами по подлокотнику дивана, потом изучил свою перчатку.

— Я планирую выслать отчет о наших боевых действиях вплоть до этого дня, особо выделив то, что произошло у Крепости Вертящихся Монет. Мы там могли одолеть рой Хафн, генерал. Лишь благодаря вмешательству гекзархата нам не удалось разнести врага на маленькие светящиеся кусочки. Даже сейчас с нами обращаются так, будто это мы устроили фейерверк. — Его взгляд

стал жестким. — Я хочу, чтобы было предельно ясно: мы могли бы справиться с вторжением намного эффективнее, если бы не гекзархи.

— Сэр, — сказала Кируев. — Хафн — не идиоты. То, что вы предлагаете… если выслать сообщение незашифрованным, вы дадите врагу понять, что гекзархат — легкая добыча. Неужели ваше намерение в этом?

Джедао улыбнулся ей.

— Вы все поняли наоборот.

Этого она и боялась. Зачем отталкивать население, открывая по ним огонь, когда Джедао мог заставить захватчиков сделать это за него?

— Им было бы неудобно возвращаться домой с расквашенным носом, — сказал Джедао. — Им нужен повод остаться в игре. Я его дам. Более того, если Хафн все ещё ошиваются где-то поблизости и создают проблемы, у граждан гекзархата будет превосходный предлог поразмыслить над тем, какую защиту предлагает им существующий режим — и какие могут быть альтернативы.

Небрежный тон генерала не обманул Кируев. Он слишком многое поставил на карту.

— Теперь моя очередь быть прагматиком, — сказала она. — У вас всего один рой. В любом поселении любого размера есть Видона. Вы что

же, волшебным образом уничтожите их всех?

— Видона — не самая большая проблема. Если разобраться, у них полным-полно игрушек… — Джедао язвительно понизил голос, — но едва ли они превосходят граждан числом. Достаточно мотивированные повстанцы могут с ними справиться — как, я уверен, вы и сама понимаете. Главная проблема в том, что все слишком боятся попробовать.

У Кируев пересохло во рту. Она не возразила в ответ на обвинение в трусости — ведь это была правда.

Джедао одарил её кривой улыбкой: он ждал ответа.

— Если это сработает, — сказала Кируев после паузы в несколько секунд, — погибнет много людей. Но я полагаю, вы все просчитали.

Это не был выпад в адрес математических трудностей Джедао. Но он повернул руку ладонью вверх, признавая укол.

Командование Кел объявило Кируев выговор за организацию партизанской войны во время кампании при Ивовом Пруте. Им не понравилась возможность того, чтобы граждане усвоили: методы, позволяющие выиграть время против окопавшихся еретиков, могут быть обращены

против их законных хозяев. Конечно, в какой-то момент приходилось задаваться вопросом, насколько легитимно любое правительство, которое боится разногласий внутри больше, чем вторжения извне, но любой, кто желал спокойной жизни, держал такие мысли в собственном черепе, где ни один Видона их бы не увидел.

— Пусть я обычно жалуюсь на одержимость людей цифрами, — сказал Джедао, — в данном случае вы правы. Но лучше ли позволить случайным людям умирать, потому что мы боимся просчитать потери заранее? Лучше ли пойти в бой, точно зная, скольких людей мы подвергаем опасности?

— Я с этим не спорю. Но у меня не выходит понять, чего вы добиваетесь.

Джедао внезапно рассмеялся.

— Тот факт, что генерал Кел надеется, что у меня есть *разумный* план, в некотором роде повод для оптимизма.

— Я ошибаюсь, сэр?

— План неразумный, — сказал Джедао с поразительной беспечностью. — Но у него хорошие шансы. Как сказал бы вам Девеней, история многое прощает победителю.

Прежде чем задать следующий вопрос, Кируев

как следует подумала.

— Вы ждете прощения?

У стены мотформа и ящероформа, разговаривающие друг с другом с помощью вспышек света, приостановились. Кируев не обратила на них внимания.

В глазах Джедао промелькнула тень.

— Нет, — сказал он. — Я лгу себе о многих вещах, но не об этом. Это давно пройденный этап.

Глава шестнадцатая

Мороиш Ниджe было жарко в пальто и вязаном платье. Пальто было слегка тесновато в плечах. Обычно она предпочитала более яркие оттенки розового, но на этот раз у неё не было времени на придирчивость. Прямо сейчас она застряла в магазине, полном платков, которые не могла себе позволить, если бы захотела — хотя вон тот бледно-зеленый с кисточками прекрасно подошел бы к пальто.

Ниджа провела всю жизнь на планете под названием Кострище и никогда раньше не покидала Город Скорбных Процессий, в котором появилась на свет, если не считать пару экскурсий в школьные годы. Какая злая ирония: она должна была попасть на челнок, улетающий с планеты, испытать приключение, о котором мечтала всю жизнь, а вместо этого сбежала обратно домой. Если её кто-то узнает, то её отправят в школу, где как раз сейчас одноклассники сдают экзамен по дискретной математике, к которому она даже не пыталась готовиться, или к родителям, которые, скорее всего, мертвы. Её отправят прямиком к Ви-

дона, как случилось со всеми другими мвеннин.

Она прошмыгнула в лавку перед самым началом поминальной церемонии, Медитации Игольчатых Языков. Она не понимала, как умудрилась об этом забыть, ведь всю жизнь её предки подчеркивали, как важно соблюдать внешние проявления высокого календаря. Более того, в магазине стоял Видона — мужчина, поразительно похожий на её добродушного учителя истории. Он не был в полной униформе фракции, но зеленый с бронзовым кушак говорил всё, что требовалось.

В основном Ниджа слышала дыхание людей и учащенный стук собственного сердца. Казалось невозможным, что Видона его не слышит, пусть он и стоял в противоположной стороне комнаты и всем своим видом показывал, что процедура ему наскучила. В той же степени невозможным было сосредоточиться на официальной литании, которую зачитывали в тревожной тишине. Взамен Ниджа принялась мысленно критиковать шали. Та, что прямо перед ней — полное безобразие, никогда ей не нравилась такая разновидность кружева, а вот ещё одна, рядом, выглядела многообещающе. Она была не прочь надеть такую штуку с блестками на свидание. Впрочем, у неё

не было достаточно красивых вещей, к которым эта шаль бы подошла.

Наконец поминальная церемония закончилась. Ниджа ещё немного задержалась в магазине, а потом вышла на улицу, где пахло пряностями, влажной землей и дорогими духами. Деревья здесь были высажены на одинаковом расстоянии друг от друга. На дорожках возились сервиторы, убирая листья и веточки. Воздух был влажным, небо затянули тучи, но Ниджа сомневалась, что вскоре опять пойдет дождь. И все же, наверное, стоило взять зонтик. Она стиснула зубы, вспомнив нелепый дедушкин зонт — огромный, синий в полоску. Видона, наверное, выбросили его в утилизатор вместе со всем остальным.

Ниджа встревоженно сосредоточилась на настоящем, заметив, что за нею следует темнокожая женщина в кремовых одеждах и обильных жемчугах, которые ей не шли. Она размышляла, как с этим быть, когда незнакомка вдруг ускорила шаг, а потом наклонилась и кашлянула.

— Простите, — обратилась она к Ниджа. Выпрямилась, протягивая носовой платок. — Это вы уронили?

Возражение застряло у девушки в горле, когда она посмотрела на вещицу: элегантный платочек

из кремового шелка, в тон одежде незнакомки. На ткани проступили мимолетные слова, высвеченные красным. Там было написано на мвен-дале, её родном языке: «Следуй за мной». Под словами был желтый глаз Шуос.

Ниджа едва не убежала, но было уже поздно. Хотя на улице было не слишком людно, покупателей и людей, потягивающих чай на улице или прогуливающихся, было достаточно, чтобы кто-нибудь заметил и предупредил власти, если бы те сами не обратили внимание. Кроме того, если эта женщина — настоящая Шуос, она могла одним щелчком пальцев лишить Ниджу сознания.

— Спасибо, — сказала девушка, с вымученной улыбкой принимая платок.

— Я Трент Унара, — сказала женщина. Она пристроилась рядом с Ниджей. — Вы не знаете, где здесь можно купить цветы?

Почему бы ей не поискать, как это делают нормальные люди? Тем не менее сегодня Ниджа прошла мимо экстравагантного цветочного магазина. Она постаралась не думать о том, зачем этой Шуос нужны цветы.

— Я покажу вам ближайшую лавку из тех, что знаю, — сказала она и поняла, что ведет себя ужасно неестественно.

Унара улыбнулась.

— Буду весьма благодарна.

Ниджа хотела потребовать объяснений. К чему эта шарада? Почему бы просто не арестовать её? Агенту Шуос не требовался предлог, чтобы задержать такую, как она. Ниджа не была связана ни с какой фракцией, и у неё не было друзей среди власть имущих, которые могли бы её защитить.

Она перестала замечать кого-либо, кроме Унары, как будто по обе стороны от них поднялись стены. Даже вид экстравагантного цветочного магазина лишь усилил её беспокойство. Может, некоторые из цветочных композиций предназначались для убийства или одурманивания людей…

Изгиб губ Унары намекал, что агент догадалась о тревогах Ниджи, но она ничего не сказала. Вместо этого она заставила Ниджу ждать, страдая от нарастающей головной боли, пока спутница не выберет букет фантастических пропорций. Если бы не головная боль, Ниджа с удовольствием посмотрела бы, как флорист его составляет. Некоторые из этих цветов, с их дико разрозненными формами и оттенками, не должны были гармонировать, но у флориста всё получилось. Нидже больше всего понравился заключительный

штрих — тонкая ветка облачных колокольчиков, словно кружево, оплетающее букет.

Когда Унара объявила, что удовлетворена результатом, оказалось, что их ждет летун. Водитель сидел в передней, затемненной части, где его не было видно. Ниджа покорно забралась на заднее сиденье. Она оставила попытки понять, что происходит. Унара села напротив неё. Букет, поддерживаемый стабилизаторами, занимал внушительную часть салона. Смешанные ароматы в замкнутом пространстве усилились, и голова у девушки заболела пуще прежнего.

Как только летун взлетел, Унара сказала без прежней мягкости:

— Я агент Шуос Фейед. Знаешь, если бы это зависело от меня, я бы тебя завербовала. Пришлось сделать выговор трем подчиненным, от которых ты ускользнула прямо из-под носа.

— Мне очень жаль, — солгала Ниджа и напомнила себе, что теперь, когда они больше не притворяются случайными знакомыми, надо подбирать слова с надлежащим смирением.

— Я не говорю, что Шуос непогрешимы, — сказала Фейед, — потому что это явно не так, но, как одна из них, я должна спросить. Где ты научилась так растворяться в толпе? Твои школьные показа-

тели совершенно непримечательны. Идеальная посещаемость. Блестящие отчёты о поведении и всё такое прочее.

Ниджа покраснела и уставилась в окно. Улицы внизу казались спокойными и чинными, кое-где мелькали вспышки серебра и золота — это проносились мимо другие машины. Никаких признаков того, что в городе уничтожили подчистую целый народ. Парки выглядели лоскутами дымчато-зеленого цвета. Змеящаяся река слабо поблескивала на солнце.

— Ярншеворвалавмзинах, — пробормотала Ниджа.

— Что?

— Я сказала, что раньше воровала в магазинах, — повторила девушка, краснея. Её ни разу не поймали — главным образом потому, что она была слишком умна, чтобы охотиться за более дорогими вещами, и ещё она, как и многие ее одноклассники, знала уловки, позволяющие обмануть более распространенные системы безопасности. Ниджа прекратила это дело только тогда, когда заболела бабушка, и она почувствовала себя нелепо виноватой — как будто украденные безделушки притягивали заразу.

Унижение Ниджи усугубилось, когда Фейед

начала издавать неприятные хриплые звуки.

— О, это бесценно, — сказала агент, закончив смеяться. — Как все время говорит моя тетушка, нельзя недооценивать подростков.

Невзирая на свои эмоции, Ниджа бросила на Фейед сердитый взгляд.

— Твой пример — просто какое-то горе от ума, — продолжила Фейед без тени доброты. — Направиться прямиком не куда-нибудь, а обратно в родной город — это вместо какого-нибудь тихого местечка, где тебя не знают в лицо. Прям так сильно хочешь оказаться в концентрационном лагере? Единственная причина, по которой твой народ еще не вымер, заключается в том, что канцелярская волокита замедляет Видона почти так же, как Рахал.

— Я смотрела новости, — сказала Ниджа, пытаясь скрыть вновь охвативший ее ужас. В основном у нее были бесполезные фантазии о том, как она прокрадывается на командирский мот Шуос Джедао и выталкивает его голым в вакуум за то, что он сделал с ее народом. — Я… я наблюдала за казнями.

— Что ж, хорошо, что я тебя догнала, — решила Фейед. — И, как уже было сказано — жаль, что я не могу тебя завербовать. Если выбить из твоей

головы кое-какие дурацкие идеи, ты, быть может, на что-то пригодишься, но устроить такое в столь короткий срок будет ужасно трудно. Мы направляемся в славный, скучный, отдаленный временный лагерь, откуда тебя доставят на челнок, который увезет тебя к славному, скучному моту — и все чтобы вытащить тебя из этой системы.

Ниджа скрестила руки на груди и снова нахмурилась. На Фейед это не подействовало.

— Ты ведь лиса — какое тебе дело до всего этого? — наконец выпалила Ниджа. — Что ты с этого имеешь?

Ко всему прочему, эта вопиюще неэффективная мера должна была то ли наказать Джедао, то ли надавить на него. Шуос вели какую-то игру, но она и представить себе не могла, в чем та заключалась.

У неё появилась тревожная мысль: Шуос не обязаны спасать какую-то случайную мвеннин. К несчастью, от этого знания не было никакого толку. Что она собирается сделать — сдать Фейед правоохранителям-Видона? Это при условии, что Фейед не приготовила для неё какую-нибудь особо ужасную казнь.

Ответ лисы ничуть не обнадежил Ниджу.

— Мы заключили пари друг с другом, пытаясь ответить на этот самый вопрос, — сказала она. — Не похоже, чтобы твои соплеменники могли нам что-то предложить. Но наш гекзарх, он… э-э… с причудами. Если ему что-то втемяшится в голову, нам остается лишь выполнять.

Ниджа могла бы и обойтись без упоминания об убитых кадетах Шуос.

— Так или иначе, — продолжила Фейед, бросив на девушку проницательный взгляд, — ты собираешься подать жалобу?

Ниджа поняла, что сплоховала: надо было подбирать более уважительные слова. Она решила говорить осторожнее.

— Видона забрали семью Бохерем Рони, — сказала она. — Я ходила в школу с их сыном. — Мальчишка Бохерем имел досадную привычку нудным тоном рассказывать о своей коллекции чернильных камней, но это не было достаточной причиной, чтобы желать ему смерти. — Почему вы спасли меня, а не кого-то из них?

Должны были быть и другие, много других, но первоначальная эвакуация — та, от которой она ускользнула, — была тихой, поспешной и полной слухов. Вспоминая о случившемся, Ниджа видела какие-то обрывки: бесцеремонные агенты Шуос,

очереди под бдительным надзором, транспорт. Она по чистой случайности услышала о семье Бохерем от двух взрослых, шепчущихся друг с другом, прежде чем их разлучили. Большинство мвеннин были убеждены, что Шуос ведут их на расстрел. Общее мнение сводилось к тому, что лучше уж пули Шуос, чем пытки Видона.

— Хочешь знать правду, Ниджа? — Фейед улыбнулась. — Не могу говорить за моего гекзарха, но мне, так или иначе, на твой народ плевать. Это всего лишь приказы, переменчивые, как… — Её улыбка сделалась жестокой, — мода. Если бы я хотела спасать людей, пошла бы в пожарные.

Откровенная бессердечность лисы успокоила Ниджу. Теперь можно не притворяться, что она ей нравится.

— С точки зрения логики мое начальство выбрало людей, основываясь сначала на легкости извлечения, а затем провело лотерею, потому что мы не могли спасти больше счастливчиков, не привлекая внимания.

— Вам не стоило беспокоиться, — сказала Ниджа, слишком расстроенная, чтобы снова обращать внимание на формальности. — Мвенденерра… — Она остановилась, перефразировала. — Нас останется недостаточно. Наши

традиции умрут. Учитывая, что мы должны были превратиться в аккуратные кучки пепла, мы не сможем передать их кому-то ещё.

По меркам мвеннин, Ниджа считала себя равнодушной к обычаям своего народа. Она выучила наизусть список мвеннинских календарных святых — не из-за большой набожности, но потому что родственники всегда очень радовались, когда она притворялась, что интересуется старыми, запретными обычаями. Она лишь беззвучно шевелила губами во время торжественных молитв, обращенных к воронам-пророкам и цаплям-оракулам, к королеве птиц в лесу беспредельном. А вот национальную еду она любила, особенно баранину под йогуртовым соусом, но это было не в счет.

Она была уверена, что Шуос проявит безразличие и к этому вопросу. Но Фейед сказала:

— Вам придется быть осторожными, это правда. Однако я не думаю, что это невозможно. Вопрос в том, насколько вы готовы к компромиссу? Я хочу сказать, что в гекзархате никто не разбирается в ваших обычаях, и всем на них плевать. Вас не узнают, и это вам на руку. Можно затаиться лет на десять — в твоем возрасте это вечность, я понимаю, — а потом начать знакомить с вашими

обычаями всех, кто захочет их принять. Вы же допускаете переход в веру мвеннин, не так ли?

Ниджа уставилась на нее. Она не ожидала, что Фейед знает о такой особенности мвеннинской практики. Это была единственная причина, по которой мвеннин не вымерли полностью, по словам её… Она усилием воли перестала об этом думать. Её дедушка мёртв.

Фейед тихо усмехнулась.

— Меня и саму приняла чужая семья, так что я слежу за такими вещами. Кроме того, у меня есть скрытые мотивы. Из тебя получится занимательный Шуос, если ты этого захочешь. Полный внутренних противоречий и все такое прочее.

Первым побуждением Ниджи было сказать что-нибудь такое, за что отец её бы отчитал. В конце концов, в уничтожении мвеннин виновата эта сука Черис, которая оказалась настолько глупа, что изначально поступила на службу во фракцию. Но Черис уже расплатилась за свою ошибку, и в словах Фейед ощущалась тревожная правда.

— Я подумаю над этим, — сказала Ниджа.

Фейед откинулась на спинку сиденья и улыбнулась.

Аджевен Дзера пожалела, что не может забыть о том, как долго она просидела в камере, в паучьих

ремнях, которые болезненно сжимались всякий раз, когда она слишком резко двигалась. Стены были белыми, чуть сероватыми — достаточно, чтобы выглядеть угнетающе. Дверь находилась в четырех шагах, но с тем же успехом могла бы оказаться на другой планете. Всякий раз, приближаясь к ней, Дзера испытывала жжение, которое начиналось с кожи и проникало внутрь. Странное дело, но пахло в камере приятно — запах был стойкий, с нотками сирени и звездноцветников. Кто-то из Видона, ответственных за узницу, любил духи.

На стене был дисплей с часами. Дзера ненавидела смотреть на него, но все равно время от времени её взгляд обращался в ту сторону. Через два дня состоится ещё одна поминальная церемония. Наверное, Видона казнят её раньше. А пока что незаконные молитвы, которые утешали её всю жизнь, застряли в горле, как горячие камни.

Они забрали мужчину, с которым она прожила двадцать девять лет, почти в самом начале, когда их разбудили посреди ночи. Яркие, резкие огни повсюду, силовики Видона в зелено-бронзовых мундирах истоптали маленький сад, где их дочь Черис в детстве любила наблюдать за птицами. Дероу не был урожденным мвеннин, он женился

на ней и изучил их традиции, но Видона не обратили внимания на эту особенность.

Прошла ещё минута. Дзера поймала себя на том, что таращится на часы, и медленно, осторожно отвела взгляд. Челка упала на глаза, она медленно и осторожно подняла руку, чтобы её смахнуть. Если бы она знала, что это случится, выбрала бы другую прическу. Цирюльник приходил один раз, чтобы обрезать ей волосы. В тот момент она молилась, чтобы умереть на месте, но после этого её не убили.

Дзера часто думала про Черис, которая покинула город Пирующих Воронов ради службы в рядах Кел. На самом деле Черис ушла от них раньше. Но Дзера не могла признаться в этом самой себе до того дня, когда дочь явилась бледная, с напряженной спиной, и сообщила, что её приняли в Первую Академию Кел.

Она не рассказывала Черис множество старых историй, хотя изо всех сил старалась обучить её языку, молитвам и стихам. Например, историю про одноглазую святую, у которой была шкатулка без замка, и про то, что стало с её любовниками, которые нашли способ эту шкатулку открыть. Историю про кота с половиной хвоста, который жил в старейшей библиотеке мира. Историю про

генерала-ворона, который пожертвовал тысячью тысяч своих солдат, чтобы построить мост из душ птиц и атаковать небеса.

Иногда Дзера думала, что если бы она рассказывала Черис правильные истории, та не сбежала бы от собственного народа. Но мучительные размышления так и не позволили ей понять, какие из историй были бы правильными.

Внезапно прямо там, куда она смотрела — на ничем не примечательном участке стены, — появилось видео. Она вскочила, хоть и знала, что это ошибка, и сдавленно всхлипнула, когда паучьи ремни сжались. Как бы часто это ни случалось, она так и не привыкла.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что показывает видео — отчасти из-за боли, отчасти потому, что она не хотела такое осознавать. Мужчина в одежде цвета пыли — вроде той, в которую обрядили её, — сидел неподвижно на стуле, какой был и в её камере. Рядом был стол с бронзовым подносом. Стул говорил сам за себя. Он был из темно-зеленого, блестящего материала, с бронзовыми полосками.

Затем в кадре появилась офицер Видона. Её униформа была чуть более светлого зеленого оттенка, с бронзовым кантом и яркими пугови-

цами. В руке она держала инструмент, похожий на ложку, если бы у ложки были раскаленные острые края.

Дзера поняла, что сейчас будет, но слишком поздно, чтобы отвернуться. Картинка отслеживала движения ее глаз. И почему-то она не могла зажмуриться. «Ложка» мелькнула. Мужчина закричал. Его глаз был ошметком, к которому приклеилось что-то красное. С него капали кровь и жидкость, оставляя на лице мужчины вязкие полосы. Видона швырнула глаз на поднос. Поднос был для такого слишком велик. Дзера вновь догадалась, что это значит.

Видона вряд ли устроят такое с каждым из тех мвеннин, которые находились в заточении. Слишком неэффективно. Но Дзера не могла рассчитывать на быструю смерть, потому что была матерью Черис.

«Я не выдержу», — подумала она.

Она отвернулась, пытаясь сбежать от видео, хотя и знала, что это невозможно. Следующее уже запустилось там, куда упал ее взгляд. В нем была молодая женщина — возможно, ровесница Черис, хоть та и не носила никогда таких длинных волос. Дзера подумала, что её дочь бы так не съежилась.

Когда «ложка» сверкнула опять, Дзера почувствовала внезапное жжение в правом ухе. Она напряглась и задышала хрипло.

— Не реагируйте, — произнес мелодичный голосок прямо ей в ухо, когда девушка в видео закричала опять. Голос говорил на безупречном мвен-дале. Момент был также выбран безупречно, потому что Дзера все равно дернулась. — Это будет не больно. Мы пытались найти способ вас освободить, но это все, что мы можем сделать.

Ощущение жжения усилилось, а затем нахлынуло нежное тепло. Сотни вопросов теснились у нее в голове, потом исчезли. Последняя мысль, которая пришла Дзере в голову перед тем, как впрыснутые благодетелями вещества превратили окружающий мир в белый шум, оказалась про то, что теперь некому будет восстановить сад.

Глава семнадцатая

Брезан хотел бы заявить, что понятия не имеет, как они с Тсейей начали спать вместе, но он прекрасно понимал, как это произошло. Ничто в кодексе поведения Кел подобного не запрещало, а погоня за Джедао занимала достаточно времени, чтобы они оба обрадовались возможности отвлечься. Он не питал иллюзий, что кто-то из них видит в этом нечто большее.

Сейчас Тсейя сидела на краю кровати и расчесывала волосы. У неё было поразительно много нарядов. Сегодня она надела сине-серую сорочку и жилет, который казался скорее кружевным, чем материальным, и брюки более темного оттенка. Её босые ноги выглядели до странности несообразно. Если она не надевала обувь, то избегала и носков.

— Надо бы заставить тебя помочь мне с этим, — сказала Тсейя, позабавленная, заметив, что Брезан восхищен её волосами. Он ценил эстетику, если это была чья-то чужая проблема. — Бывают дни, когда они путаются, стоит мне лишний раз вздохнуть.

Брезан нашел на туалетном столике ещё один гребень, наполовину спрятанный под грудой жемчугов, и с сомнением взвесил в руке. Непонятно, из чего эта штука сделана — возможно, из дерева. А вдруг она сломается, если он попытается ею воспользоваться? Что, если это семейная реликвия?

Тсейя усмехнулась.

— Я купила его по дешевке в каком-то сувенирном магазине в городе, названия которого не помню. Мать всегда говорила, что у меня ужасный вкус. В любом случае он не укусит тебя, и я не буду плакать, если он сломается.

Он сел позади нее и начал расчесывать волосы, стараясь не дергать — этому умению он научился у своих сестер в детстве. До него доносился аромат духов Тсейи: цитрусово-сладкий, никаких роз. Он подавил желание вдохнуть поглубже.

Она довольно промурлыкала себе под нос:

— Ты, должно быть, думаешь, что все Андан ужасно ленивы.

— Нет, только ты, — сказал он. Ему потребовалось время, чтобы привыкнуть к жизни на шелкомоте. Казалось, что он должен больше времени проводить в командном центре или постоянно заниматься бумажной работой. Но Тсейя

заметила, что на моте, обычно предназначенном для одного пилота, этот самый пилот не может постоянно находиться на дежурстве. «Орхидея» была автоматизирована куда сильней, чем привык Брезан.

Тсейя протянула руку и погладила его по внутренней стороне бедра. Брезан уклончиво хмыкнул, но его рука задрожала. Он продолжил расчесывать её шевелюру.

— А тебе не приходило в голову, что с парикамиело бы легче управиться? Ты могла бы их менять по настроению или запрограммировать один так, чтобы он менял цвет в соответствии с нарядом.

Она фыркнула.

— Я просто предложил.

Немного погодя она сказала:

— Я недостаточно тебя отвлекаю.

Брезан помолчал.

— Ты ведь сидишь ко мне спиной. С чего ты так решила?

— Люди говорят руками не меньше, чем языком, Брезан. — Она не использовала ласковых обращений, даже когда они трахались, и ему это в ней нравилось. — Мне надо приложить больше усилий?

— Тогда мне придется начать с твоими волосами все сначала, — смятенно проговорил Брезан, хоть ему и нравилось зарываться пальцами в блестящую темную массу.

Тсейя повернулась и поцеловала его в щеку, потом в подбородок.

— Могу их просто распустить — пусть запутаются, и я буду бродить по кораблю как привидение.

— Почему у призраков в сказках всегда длинные спутанные волосы?

Она толкнула его на кровать одной рукой, чему он не сопротивлялся, и посмотрела сверху вниз. На её лице медленно расцвела улыбка.

— Все Кел так легко сбиваются с пути, или «падающие ястребы» особенные?

Это было почти не больно, особенно учитывая то, что она делала другой рукой. Он взглянул на неё, прищурив глаза, и сказал:

— Ты приказываешь мне ответить?

— А ты не хочешь поделиться информацией добровольно?

— Кел никогда не вызываются добровольцами, если есть возможность выбирать. Я думал, ты об этом знаешь.

Ее волосы коснулись его лица. Это было щекотно, но если бы он рассмеялся, волосы попали

бы ему в рот, что Тсейя находила забавным. Он приподнял голову, а она наклонила, и они смогли поцеловаться.

Некоторое время спустя он проснулся один. Тсейя никогда не задерживалась, но горячий чай всегда ждал его на прикроватном столике. Ещё она любила оставлять его одежду сложенной на стуле. Брезан гадал, учат ли такому на вводном курсе по соблазнению в Академии Андан, или это какая-то личная причуда. По поводу содержания этого вводного курса среди Кел ходили разные слухи. Его так и подмывало спросить. Брезан оделся и быстро выпил чай, раз уж Тсейя не была рядом и не наблюдала за ним.

Затем он отправился в командный центр шелкомота. К этому времени он уже почти научился не замечать стоящий в центре аквариум в виде колонны с каннелюрами. Он был заполнен морскими коньками и полосатыми разноцветными рыбками с забавными глазами, улитками и темно-зелеными водорослями. Когда-то он подумал бы, что Андан легкомысленны. Теперь он подозревал, что они применяют продвинутое психологическое вооружение. Тсейя отказалась объяснить, какое именно.

Агентесса была уже там. С самого начала было

очевидно, что она хорошо подготовлена — в частности, она умела обращаться со сканирующим оборудованием, отдельные функции которого оказались более продвинутыми, чем на «Иерархии пиршеств». Тсейя скривилась, когда он об этом сказал, и подтвердила то, что он уже слышал про шелкомоты: «Приходится идти на компромисс. Мы можем красться, мчаться или далеко видеть, но только два из трех одновременно. Прямо сейчас мы бежим, скрываясь от наблюдателей, так что сможем незаметно догнать Джедао, однако сканирование при этом сильно страдает».

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Брезан, садясь.

Тсейя деловито кивнула ему.

— Взгляни на эту болтовню.

Брезан порылся в куче сообщений, которые мотсеть рассортировала в соответствии со своими критериями. Красный сигнал тревоги вспыхнул как раз в тот момент, когда он закончил со второй подборкой. Он застонал.

— Опять Джедао?

— Полагаю, снова пропаганда, — сказала Тсейя, наклонившись вперед. — Хочу посмотреть, что он приготовил для нас на этот раз.

И она запустила сообщение.

Ролик открылся двойкой шестерней, которую Брезан не прочь был сжечь или расплавить, а потом перешел в двухмерную черно-белую анимацию: изящные сплайны[6], нарисованные мазками кисти. Рои мотов, стилизованные, словно бумажные самолетики, летали, кружились и сражались на фоне…

Это были не звезды, хотя все стало понятно лишь в тот момент, когда камера увеличила изображение двух столкнувшихся мотов. Это были фонари. Битва превратилась в пепел. Пепел превратился в тушь; мазки сгустились в единственную каллиграфическую вертикальную строку: *покаяние*. И это было всего лишь введение длительностью в несколько секунд.

— Пошел ты… — сказал Брезан, пока пропагандистский ролик продолжался, как будто Джедао с его кривой улыбкой стоял рядом с ними в командном центре.

— Признаюсь, я не ожидала от него такого поворота, — сказала Тсейя, досмотрев ролик до конца. Более ранние пропагандистские вбросы включали сводящие с ума неопровержимые документы о том, как комендант Крепости Вер-

[6] Примечания: 6

Сплайн — гладкая кривая с неравномерным распределением опорных точек.

тящихся Монет помешала Джедао растерзать Хафн. Означенного коменданта сместили, но никто не знал всей правды. Стоило ожидать, что Шуос передадут опровержение, но подобного не случилось. Джедао также обращался с прямыми просьбами к конкретным системам не вмешиваться в операции роя, и те, как правило, их выполняли — главным образом, потому, что просьбы были разумные.

— Меня бесит, что люди ретранслируют его передачи, — сказал Брезан. — Впрочем, люди есть люди. А вот что мне хотелось бы узнать: зачем он напоминает своим нервным, но болтливым слушателям про Адское Веретено? Какой ему от этого толк?

Улыбка Тсейи почему-то сделалась кислой.

— Брезан, он переписывает историю. Одно дело узнавать о чем-то из архивов или какой-нибудь драмы, от которой никто не ждет исторической достоверности, и совсем другое — услышать о том же от очевидца.

Брезан проглотил невысказанные слова и занялся картой, на которой красным цветом были отмечены передвижения Джедао на протяжении последних двух недель. Перемещения Хафн выглядели призрачно-серым облаком. Последнее

распространилось мимо Крепости Рассыпанных Игл в Запутанной марке, перешло на примыкающую Отсеченную марку. С самой битвы у Крепости Вертящихся Монет Джедао и Хафн обменивались ложными выпадами, не вступая в сражение. Два роя теперь приближались к системе Минан, где находилась волчья башня. Она служила календарным маяком, облегчающим навигацию, и содержала одни из главных часов, по которым гекзархат отсчитывал время.

Тсейя продолжала перебирать сообщения.

— Вот ещё одно, — сказала она. На этот раз материал касался уничтожения мвеннин, которым занимались Видона. Текста было тоже очень мало.

— Погоди-ка, — сказал Брезан, когда на экране появился ужасающий ролик с вопящим мальчишкой и инструментом из раскаленных изогнутых проводов. Он поставил видео на паузу. — Кто, черт возьми, передает эти материалы Джедао? — Быстрая проверка подтвердила, что этого видео не было в официальных выпусках новостей, но он сомневался, что Джедао мог такое подделать. В углу кадра стояла печать Видона. Мот-сеть считала её подлинной.

Тсейя поджала губы.

— Отличный вопрос, хотя мы мало что можем выяснить. Все исторические хроники говорят о Джедао как о тактике, но ведь он закончил Академию Шуос, прежде чем помчался играть солдата. Думаю, он кое-чему научился по части создания разведывательных сетей, пока был курсантом. Но мне бы хотелось знать, почему ответ гекзархов оказался таким вялым?

— Да какой ещё ответ? — огрызнулся Брезан. — За исключением редких бюллетеней, они ничего не сделали, чтобы возместить ущерб, который он наносит общественному моральному состоянию. — И ведь это с самого начала было нехорошо.

— Да, именно так. — Тсейя вытащила из прически шпильку и принялась вертеть в пальцах. Её волосы рассыпались по плечам. — Разборки с последствиями информационных войн — вот для чего нужны Шуос. Что с Микодезом? Он заснул или как?

Брезан с внезапной тревогой отметил странную фамильярность, с которой она упомянула гекзарха Шуос. Никаких почтительных эпитетов, только имя, как будто они были равны. Насколько высокое положение она занимала до того, как оказалась в опале?

Тсейя постучала шпилькой по ладони, всем своим видом показывая, что хотела бы прижать Микодеза к стенке и заставить его работать.

— Все сходится, — сказала она. — У нас наконец-то появился гекзарх Шуос, способный продержаться на должности дольше, чем один чих, и объем внимания у него как у хорька. Вероятно, в первую же неделю вторжение ему наскучило, и он взамен занялся приготовлением заварного крема.

С того самого дня, когда приключилась «Пурпурная паранойя», Брезан принадлежал к категории людей, которые старались как можно меньше думать о Шуос Микодезе, полагая, что тем самым он избежит внимания гекзарха. Но Брезан всегда помнил, что говорили ему о Микодезе Шуос Зехуни. Он не мог отделаться от мысли, что Тсейя упустила часть картины. Кадеты Шуос не славились готовностью сотрудничать друг с другом. Тот факт, что Микодез убедил своих однокурсников пойти на такое ради победы в учениях, вкупе с сорока двумя годами у власти, предполагал, что он опасно харизматичен, даже если в чем-то и похож на хорька.

— Ну, отсюда мы не можем повлиять на Микодеза, — сказал он. — Разве что ты собираешься с

ним связаться.

— Ни в коем случае.

— Ну, раз так… Я должен ещё на что-то обратить внимание в сложившейся ситуации?

Он сам не знал, ждет ли положительного или отрицательного ответа. К примеру, они знали, что Джедао пополнил запасы на станции Танкут-Главная тринадцать дней назад, хотя Брезан не смел надеяться, что станционщики что-нибудь саботировали. Как ни крути, идея заключалась в том, чтобы уничтожить Джедао с минимальным ущербом для роя. В нескольких системах, расположенных в непосредственной близости, происходили гражданские беспорядки. Туда отправили линзомоты, а это означало, что Рахал предчувствуют столкновение с полноценной ересью.

Тсейя просмотрела подборки.

— Ничего необычного.

Следующие два часа и семьдесят три минуты они почти не разговаривали. Брезан уже начал виновато желать, чтобы что-нибудь взорвалось, просто для разнообразия, когда Тсейя тихо выругалась.

— В чем дело? — спросил он.

— Это плохо кончится, — сказала она и пере-

слала сообщение на его терминал.

— Пожалуйста, не надо сюрпризов.

— Это тебя не удивит, но все равно вызовет сожаление.

Лунный город и орбитальная станция транслировали двойку шестерней, когда Хафн приблизились к их системе. Брезану отчего-то показалось, что красное поле выглядело еще более кровавым, чем то, которым пользовался Джедао. Он ударил кулаком по терминалу и выругался от боли. Тсейя хмуро посмотрел на него.

— Идиоты, — с горечью сказал Брезан. — В этом не было необходимости. Жертвенный Лис спас бы их ради какой-нибудь грандиозной цели, если бы они были в реальной опасности. — Брезан не видел причин для Хафн атаковать эти поселения, кроме желания устрашить граждан. Ни город, ни станция не имели большого военного значения. — Теперь там устроят чистку.

— Посмотри на это с их точки зрения, — сказала Тсейя. — Единственная сила Кел, способная прогнать чужаков, находится под контролем Джедао. Наверное, они решили, что стоит попробовать. — Она отложила шпильку и уставилась на Брезана в задумчивости. — Кстати, об эмблемах — у тебя была возможность зарегистрировать свою?

— О чем ты? — сказал Брезан, прежде чем понял, что она имеет в виду. Он покраснел и отвел глаза, глядя на аквариум, потом на шпильку, куда угодно, только не на ее лицо. — Ты, должно быть, шутишь.

— Ты что, собираешься использовать временную эмблему? — Она имела в виду меч и перо.

Брезан заставил себя посмотреть ей в глаза.

— Не понимаю, почему это вдруг стало таким важным, — сказал он. Может, Андан уделяют особое внимание проецированию правильного образа? — Раз рой всё ещё боеспособен, Джедао не перебил всех офицеров. Там найдется кто-то, чтобы…

— …взять руководство в свои руки?

Ему не понравились насмешливые нотки в ее голосе, но, возможно, ему показалось.

— Послушай, это несущественно.

Тсейя наклонилась и положила ладонь ему на грудь, прямо над эмблемой с крыльями и пламенем.

Он замер.

— Ты хочешь сказать, что это иллюзия? — проговорила она. — Я думала, смысл этой затеи в том, чтобы ты показал Джедао, кто в рое главный, как он это сделал с генералом Кируев.

Брезану отчаянно захотелось вырваться, выйти из командного центра, но Командование Кел предписало ему работать с Тсейей. Будь он проклят, если сдаст назад из-за нескольких слов.

— Это не иллюзия, — сказал он. — Это просто… это просто временно.

Откуда взялась эта враждебная нота в их разговоре?

— Если это все, на что ты способен, у тебя не получится убедить людей следовать за тобой.

Он сердито уставился на неё, не решаясь заговорить.

— Послушай, ты ведь из семьи Кел, верно?

Брезану не понравилось, куда она клонит.

Тсейя ждала. Ее рука не двигалась.

— Да, — сухо ответил он, — хоть я и не понимаю, зачем ты задаешь мне вопросы, ответы на которые тебе известны.

— Две сестры на службе в рядах Кел. Одна из них — в штабе генерала Инессер.

— Продолжай, — сказал Брезан, досчитав до шести, — расскажи мне о моем детстве.

Она улыбнулась, не размыкая губ. В улыбке было маловато дружелюбия.

— Наверное, ты очень разочарован тем, что не можешь рассказать им о своем новом впечатля-

ющем повышении.

Он не смог вовремя подавить гримасу.

— Есть ли подходящий способ сказать семье, что ты — «падающий ястреб»?

Вся ясность мыслей куда-то подевалась. Промелькнуло воспоминание: жар ее губ, изгиб шеи, восхитительная кремовая кожа бедер.

— Ты же знаешь, что нет, — сказал он. Обычно семья узнавала лишь о том, что кто-то был отправлен на обработку или казнен.

— Наверное, приятно быть особым случаем, — добавила она, прежде чем Брезан успел придумать какую-нибудь колкость. — Я тебе сочувствую. Даже представить себе не могу, что тебе уготовлено, когда миссия завершится.

Брезан стиснул зубы. А ведь Андан считались самыми дипломатичными из всех…

— Я Кел, — сказал он, и каждое слово как будто пришлось протаскивать через пламя и шипы. — Я делаю то, что мне приказывают. По собственному выбору, если нужно.

Глаза Тсейи превратились в темные провалы.

— Ты ещё молод, — сказала она, напомнив, что Брезан имеет лишь смутное представление о её возрасте. — Тебе еще долго придется выслушивать приказы. Не имеет значения, насколько

идеально ты их исполнишь и сколько раз это случится. Тебя никогда не примут как настоящего Кел.

Слова Шуос Зехуни вернулись к Брезану с печальной ясностью: «Я не прочь увидеть тебя в рядах Шуос». Не то чтобы он мог понять почему, учитывая его неспособность одержать верх в этом разговоре. То, что он был неудачником как Кел, не означало, что из него получился бы хороший Шуос. Он посмотрел на Тсейю, отказавшись от остроумных возражений, и стал ждать следующего хода.

Агентесса опустила руку.

Брезан стиснул зубы и постарался не вздрогнуть от преждевременного облегчения. Ему не хотелось смотреть на Тсейю. Он все равно заставил себя это сделать.

— Генерал, — тихо произнесла агент без прежней насмешки.

Он не понимал.

— Генерал, — повторила она, — вы поняли, в чем смысл этой миссии?

— Я не Шуос, — сказал Брезан, — но и не настоящий Кел. Почему бы тебе не объяснить мне все на пальцах, чтобы у меня был хоть какой-то шанс понять?

Тсейя проигнорировала его тон, что было к лучшему.

— Мы должны быть готовы сразиться с Джедао, — сказала она. — Если нам не повезет, дело не получится уладить хорошим выстрелом или порабощением. Он не просто солдат, Брезан. Или бывший солдат, если хочешь. Он самый старый из Шуосов — и пускай он сумасшедший, он не тупой. Тот факт, что ты «падающий ястреб», сам по себе не помешает ему заставить тебя поступать так, как захочется. Хроники твердят, что он очень хорошо умеет убеждать людей, доводить их, пока они не капитулируют — или не присоединятся к нему. Ты должен быть готов.

Брезан не мог ничего возразить, но от этого ему не стало легче.

— Ты высказала свою точку зрения.

— На случай, если тебе интересно, — сказала Тсейя, — мне самой придется соблюдать осторожность.

Он не осмелился спросить о ее слабых местах.

— Это было давно, — сказала Тсейя. Ее ладони разжались и снова сжались. — Моя мать — тоже Андан, но мы провели большую часть нашей жизни в спорах. Наша последняя размолвка… закончилась нехорошо.

— Мне жаль, — сказал Брезан, потому что должен был что-то сказать.

— Как я уже сказала, это было очень давно. Я по ней почти не скучаю. — Она одарила его странной улыбкой. — В любом случае будет очень приятно прикончить Жертвенного Лиса. В особенности потому, что моя мать не верит, что я на это способна.

Глава восемнадцатая

— Что же вас так задержало на этот раз? — спросили Зехуни, когда Микодез вошел в их кабинет, где кошачьи игрушки весело чередовались с выполненными тушью рисунками внуков и прочих молодых родственников. — Вы опоздали на четырнадцать минут.

Микодез бросил на Зехуни страдальческий взгляд. По пути к самому удобному дивану он наклонился и погладил более дружелюбную из двух кошек Зехуни, Фенез. Другая, как всегда, пряталась. Фенез по-прежнему страшно напоминала какую-то безобразную, недовязанную вещь. Микодез на собственном опыте узнал, что это животное нельзя ласкать, если оно не удостоит тебя такой чести.

Отдав должное кошке, Микодез сел напротив Зехуни. На столе между ними стоял чайник, расписанный розами, пронзенными кинжалами, — он сам подарил эту штуку Зехуни после того, как анданский убийца чуть их не прикончил. Был также поднос с печеньем и засахаренными цветами. Сегодня Зехуни даже не пытались

отговаривать его от любимых сладостей. Они знали, что после разговоров с племянником у него всегда портится настроение. Ниат, прошедший анданскую подготовку специалиста по контактам, был единственным, кто выжил после инцидента на границе. Инцидент сделал его неуравновешенным. Микодез взял Ниата под опеку, когда собственные родители, не принадлежавшие ни к одной фракции, испугались его принять; андан, не полностью контролирующий порабощение, запросто мог поджарить мозги кому угодно. Будучи гекзархом, Микодез мог его не бояться, а Истрадез был достаточно хорошим актером, чтобы рискнуть, и ему пока что удавалось обманывать Ниата. Одиночество племянника было осязаемым, а семья есть семья.

Микодез захрустел засахаренным цветком, не чувствуя вкуса, а потом сказал:

— Простите за опоздание. С Ниатом всё как обычно. По пути сюда я принял вызов от коммандера тенемота, которому понадобилось срочно прояснить один вопрос касательно этикета.

— Обычного или шуосского? — спросили Зехуни, наливая ему чай. Пахло лимоном и розовыми лепестками. — Кстати, хочу предупредить, что все в офисе считают миндальное печенье невы-

носимо сладким. Если вам оно тоже не нравится, я отдам всё Ниату и проверю, сможет ли он кого-то поработить и заставить это съесть.

— Очень смешно. — Микодез не любил обсуждать состояние племянника ни с кем, кроме Истрадеза и медиков. Наверное, печенье и впрямь ужасное, раз Зехуни вот так упомянули Ниата. Или Зехуни тоже в дурном настроении. В сложившейся ситуации это относилось ко всем. Из вежливости он попробовал печенье и поморщился. — Просто выкиньте его. Никуда не годится.

Зехуни бросили на печенье хмурый взгляд.

— Ну ладно, попробовать стоило.

— Ну так вот, проблема заключалась в шуосском этикете. — То есть она относилась к вопросам вроде того, при каких обстоятельствах позволительно сбросить маскировку и взорвать к чертям ничего не подозревающую цель. Рахал Ируджа ненавидела, когда Микодез такое устраивал без предварительной подачи документов, что на корню убивало всю идею. — Я разобрался. — Он отхлебнул чаю, слегка улыбнулся, почувствовав вкус меда, и постучал пальцем по краю подноса с печеньем. — Полагаю, вы уже продумали свой сценарий, так что можете продолжать.

Чтобы раньше времени не застрять в границах

шаблонной интерпретации событий, Микодез и Зехуни время от времени прогоняли гипотетические сценарии. Учитывая, что и Джедао, и Куджен были на свободе, он счел особенно важным продолжить это упражнение, хотя темой сегодняшнего раунда был первый, а не второй из этой пары. Микодез хотел бы обсудить сценарий с другими главами подразделений, но согласовать с ними графики оказалось сложнее обычного.

— Ладно, — сказали Зехуни. И включили проекцию двух изображений из колоды джен-цзай. Микодез подавил стон. Он мог постоять за себя в этой игре, но она ему надоела до чертиков ещё в бытность кадетом, и с той поры ничего не изменилось.

Первая картинка представляла собой жуткое изображение «Утонувшего генерала». Изогнутые ледяные шипы, рассеянный серебристо-зеленый свет, безумные глаза на потрескавшемся лице. Обычно художники так не увлекались. Этот, решил Микодез, вдохновлялся какой-то поминальной церемонией.

Второй была двойка шестерней, но выполненная в традиционных цветах, серебро на черном. Как и любая другая карта этой масти, она была связана с Нирай до того, как Джедао объявил её

своим символом. Спайрель рассказывала Микодезу, что большинство художников, рисующих эти карты, с ума сходят, пытаясь придумать что-нибудь для ослабления коннотаций, которые Джедао к ней намертво прикрепил. Раньше она означала «шестеренку в машине», символ подчинения Командованию Кел, хотя Микодез сомневался, что оно позволяло себя дурить ещё до Адского Веретена. На этой вариации карты зубцы шестерни украшало символическое обозначение одного миллиона.

— Неужели мы такие старые, что можем больше не беспокоиться о тонкостях? — спросил Микодез.

— Забудем про старость. Я слишком на взводе, чтобы сидеть и выдумывать творческий способ представления выдуманного сценария, когда реальная ситуация настолько плоха, — сказали Зехуни. — Ладно, дело такое. Шуос Джедао убедил ключевых чиновников Шуос в марке Крещендо перейти на его сторону. — Марка Крещендо пересекалась с Отсеченной маркой и маркой Стеклянных ножей, то есть располагалась в тревожащей близости от крепости Вертящихся Монет и Цитадели Глаз. — Он не посягнул на ваше место, но…

Если Зехуни хотели привлечь его внимание, оно и так всецело принадлежало им. Микодез знал, куда клонит его помощник.

— …но он отделился от гекзархата, — сказали Зехуни. Фенез мяукнула и прыгнула на хозяйские колени, а потом начала громко мурлыкать. Микодез всегда знал, что кошки коварнее его собственного народа. Со своей стороны, Зехуни с довольным выражением лица запустили пальцы в пятнистую шерсть. — Другие гекзархи настаивают, чтобы вы побыстрее с этим разобрались. Кел предложили содействие, в основном чтобы разбередить рану, однако ваша репутация понесет значительный ущерб, если вы примете их предложение. Что пошло не так, и как Шуос до этого докатились?

Фенез широко зевнула. Две светящиеся проекции карт джен-цзай отражались желто-зеленым в ее глазах.

— У меня лишь один вопрос по сценарию, — сказал Микодез. — Сам Джедао стал кем-то вроде диктатора? — Мысль была такая забавная, что ему почти захотелось увидеть, как это случится. Если бы не последствия…

Зехуни рассмеялись.

— Чтобы понаблюдать, как вы выкручиваетесь,

я скажу «нет». Он назначил главным кого-то другого, а сам стал его любимым генералом и решателем всевозможных проблем.

— Что ж, — сказал Микодез, — полагаю, даже моему драгоценному ревенанту с суицидальными наклонностями хватит инстинкта самосохранения, чтобы понять, что главной мишенью лучше не быть. Кроме того, в этом случае он смог бы отрицать, что хотел заполучить власть ради неё самой.

— Хватит тянуть, Микодез. Принимайтесь за дело.

Гекзарх поразмыслил над вводными.

— Я постулирую следующее: мы слишком вяло реагируем на пропагандистскую кампанию Джедао. Обычно привлекать внимание к распространяемой болтовне — ошибка, но это в случае, когда есть больше шансов выявить источники. Очевидно, нам никак не удается отследить каналы распространения. Даже сейчас есть косвенные доказательства того, что он занят чем-то необычным. По словам Истрадеза, разведка от этого с ума сходит, и я не удивляюсь. — Он посмотрел на Фенез: кошка явно была не в восторге. — К черту сценарий — меня бесит, что анализ трафика не дал результатов, проясняющих ситуацию. Если

бы наш агент на «Иерархии пиршеств» наткнулась на что-нибудь, она бы сообщила, но это при условии, что ее не убили, не переманили на свою сторону и не превратили в пресс-папье.

— Но ведь это просто распределение, — возразили Зехуни. — Вы не учли эффективность пропаганды. Да, мы видели несколько удач Джедао на уровне планетных систем, но их можно списать на то, что Хафн дышат местным жителям в затылок. Так что вернемся к сценарию. Джедао не смог бы продолжать транслировать информационные выпуски, из которых следует, что он безобиден, как пёс на привязи. Что изменилось?

— Он купит установку для промывки мозгов на черном рынке? — сказал Микодез, припомнив кое-что из едких замечаний Куджена. Не было другого такого знатока промывки мозгов. Жаль, что они так и не узнали, куда подевался гекзарх Нирай.

Зехуни одарили его мрачным взглядом, из-за которого в бытность инструктором славились как тот, кто пожирает тупых кадетов.

— Ладно, — сказал Микодез, посерьезнев. — Я больше не буду придуриваться.

Зехуни пробурчали себе под нос нечто вроде «Так я и поверю».

— Джедао не пропагандист, — продолжил Микодез. — Хотя он усвоил азы и обучился некоторым стилистическим трюкам у Хиаз. У него хорошо получается уговаривать людей, но с якорями у него было преимущество — никто другой не мог услышать, что он говорит, если рядом не было Куджена, а с Кел он мог использовать формационный инстинкт как костыль. Заякорение больше не работает, а Шуосы — недостаточные конформисты, чтобы ими можно было манипулировать так же, как нынешними Кел.

Учитывая всё это, я предполагаю следующее. Прежде всего, он завербовал пропагандиста — или нескольких. Сомневаюсь, что в рое генерала Кируев притаился кто-то с достаточной фантазией для такого дела. Рой попросту не для этого собирали. Так или иначе, Джедао всегда может нанять нужных людей на любой станции. Согласитесь — пусть у него вопиющие проблемы с эго, как у большинства Шуосов, включая меня, но он не стал бы генералом, не научившись делегировать полномочия.

— А как насчет мотивов Джедао?

— Другие гекзархи по умолчанию сошлись на том, что ему нужна старомодная месть, и не стали развивать тему, — сказал Микодез. — А я на

это не куплюсь. Он воюет, потому что таков мир, который ему известен, но при этом он внушает самому себе, будто исправляет что-то по ходу дела. На самом деле ему просто нужен предлог для бойни.

Если ему удастся создать отколовшееся государство, это случится потому, что такова была его цель с самого начала, потому, что таков шаг к какой-то другой цели, либо потому, что он так пустит пыль в глаза, а сам будет добиваться чего-то совсем другого. Сдается мне, по его нынешним результатам уже понятно, что с оценкой побуждений мы налажали. Он ведь не опубликовал никакого манифеста, верно?

— Хорошая попытка, — сказали Зехуни. — Но нет.

— Неужели вы не считаете забавным набросать какой-нибудь фальшивый документ в стиле Джедао? — Микодез начал строить крепость из печенья. Зехуни, привыкшие к такому поведению, вздохнули. — Другая логичная возможность заключается в том, что Джедао требуется нечто иное, но он удовлетворится отделившимся государством как утешительным призом. Поскольку суть нашей тренировки в катастрофическом сценарии, я должен предположить, что этого не

случится, и он захочет нам вломить.

— Да, ему ведь нужен какой-то утешительный приз… — Зехуни опустили кошку на пол. Вместо того чтобы метнуться прочь, Фенез перевернулась на спину и начала смешно извиваться.

— Если говорить о том, что происходит прямо сейчас в реальном мире, — сказал Микодез, — Джедао намекнул, что хочет вернуть расположение гекзархов. Конечно, все помнят, что он казался нормальным с детства и до Адского Веретена, так что пару месяцев хорошего поведения напоказ нельзя считать таким уж намёком, но ведь он всегда любил игры с неравными ставками. В сценарии мы неправильно понимаем угрозу, которую он представляет. Скажем, он свернет налево и получит больше пороговых веятелей, от чего все перейдут в состояние повышенной боевой готовности. Мы пытаемся не допустить, чтобы он помчался куда-то и взорвал ещё миллион людей, потому что, имея дело с массовым убийцей, такое нельзя списывать со счета. А может быть, на самом деле в это время он затеял переговоры с рядом высокопоставленных членов фракции Шуос.

Микодез замолчал.

— Ага… — тихонько проговорили Зехуни,

положив руки на колени, и стали ждать продолжения.

На постройку крепости ушли все печенья, кроме двух.

— Знаете, — наконец сказал Микодез, — послужной список Джедао в качестве наемного убийцы всегда ставил меня в тупик, как будто я должен быть в силах определить, в какой именно момент на протяжении двадцати лет что-то пошло не так. Он не был в восторге от пыток или обольщения, но покорялся приказам наставников. И его служба у Кел. Он производил впечатление общительного человека, но не обзавелся ни друзьями, ни любовниками. Долгое время люди считали, что он живет ради работы, как и многие солдаты, а потом… Досадно, что я не могу разгадать загадку, когда в деле так много информации.

Зехуни покачали головой.

— Знаю, вам нравится думать, что в те времена существовала какая-то хитрая закономерность, которую мы обязаны были вычислить, но признайтесь, мы нарочно вербуем людей, которым не претит сближаться с другими только для того, чтобы всадить им нож в почку. Некоторые из них — порядочные, полезные люди, способные

спасти котёнка или какого-нибудь заложника. А с Джедао нам не повезло. Не то чтобы он оказался единственным нестабильным Шуосом, учитывая, за какие личностные черты мы выбираем новичков, — просто он самый разрушительный из себе подобных.

— Если не притащить Джедао сюда и не заручиться помощью спецов-дознавателей, — сказал Микодез, — мы не сможем разобраться в этом деле. Но суть в том, что мы оцениваем Джедао как военную угрозу, а не политическую. Это проклятие фракции Шуос — да и Кел, если уж на то пошло. Мы видим просто генерала в коробке, а ведь у него могут быть совсем другие идеи в голове теперь, когда он свободен. — Он взял засахаренную фиалку и раздавил ее над крепостью из печенья. — Что я ненавижу в собственных рассуждениях, так это то, что именно такова сейчас наша точка зрения, независимо от того, правильная она или нет.

— Откуда он знает, на кого из Шуосов нацелиться? — сказали Зехуни. — Я не верю кое-чему из того, что заявлял Куджен, но доверяю ему, когда он говорит, что ревенанты слепы и глухи, когда заперты в «черной колыбели». В тех случаях, когда об этом заходила речь, он выглядел слишком

довольным, чтобы это не было правдой. Так или иначе, вы должны это объяснить. Я приму вариант, что несколько дельцов могли бы связаться с Джедао по собственной инициативе, но этого бы не хватило для полномасштабного отделения.

Жаль, что Микодез не мог использовать это ужасное печенье, чтобы кого-то подкупить и отыскать выход из ситуации. Он любил пользоваться чужими мозгами, не говоря уже о чужом печенье. И вообще, почему Зехуни решили, что двум людям нужно столько печенья? Неужели они рассчитывали накормить им ещё и кошек?

— Микодез, — сказали Зехуни, — вы отвлекаетесь.

Гекзарх широко улыбнулся Зехуни, но он знал, что их не проведешь.

— Свобода выбора, — сказал он. — На выбор своих якорей Джедао никогда не мог влиять. Но вербовка Шуосов? Гекзархат велик. Ему просто надо продолжать попытки, пока он не найдет достаточное количество людей, которым предложение покажется привлекательным, а целью будут те, у кого есть причины не сообщать о контакте с изменником вышестоящим властям. Что бы мы ни делали, коррупция бессмертна. Ему мешает изначальное отсутствие агентурной сети,

но всякий раз, когда он разговаривает со станцией или системой любого размера, он может выкачивать из местных информацию. Поскольку у него есть базовая аналитическая подготовка, он знает, что искать, и…

— И что? — сказали Зехуни, когда он прервался.

— Проблема преемника вылезает отовсюду, верно? — спросил Микодез. — Я могу придумать различные варианты для финального сценария. Досадно, что всё раз за разом возвращается к тому, что вся эта фракция держится на соплях и гнилых нитках. Стоит кому-то убрать меня, как все сразу погрузится в привычный хаос, о чем вы не устаете мне напоминать. В общем, проблема в том, что я не могу добиться достаточной сплоченности фракции и сделать так, чтобы люди из вершины пищевой цепи не находили предложение Джедао привлекательным. Раз уж вы упомянули, что он возьмет на себя силовые функции, значит, во главе поставит человека одновременно амбициозного и высокомерного, который будет думать, что способен его контролировать. Много всякого в таком духе происходит… да-да, Зехуни, я знаю, что вы думаете о моих усилиях в этом направлении.

— Но я ведь молчу. — Зехуни пожали плечами. — Я даже не могу возразить против ваших попыток устроить Джедао сеанс психотерапии на расстоянии. Они обречены, но не более, чем все то, что уже пытались предпринять другие.

— Он все равно в последнее время не отвечает на мои вызовы, — сказал Микодез. — Знаете, позвольте-ка мне внести уточнение в сказанное. Если вдуматься, Джедао не нацелен на людей, которые стремятся к власти. Это было бы слишком очевидно и привело бы к ссорам. Впрочем, он бы не стал медлить, решив выстрелить какой-нибудь помехе в голову.

Микодез заглянул в безжалостные глаза Зехуни и глубоко вздохнул.

— Он охотится за идеалистами. За теми, кто мечтает исправить нашу власть. Среди выпускников Академии такие попадаются, хотя самые опасные — те, у кого подобные идеи возникают в период службы. Может статься, он обнаружит того, кто не только думает, что достаточно большая пушка способна устранить все препятствия, но ещё и убежден, что эту «пушку» можно перевоспитать. Все, что нужно сделать Джедао в этот момент — подыграть его фантазиям.

— Ладно. Для наших целей сгодится.

— Джедао ведь ещё не пытался переманить на свою сторону вас, верно?

— Думаете, он мог бы сказать мне что-то полезное, что я мог бы передать вам? На такое везение лучше не рассчитывать. — Зехуни сняли печенье с верхней части крепости, откусили кусочек и поморщились. — Так или иначе, исходя из этого сценария, что мы должны делать по-другому?

— Жаль, нам не хватает фантазии, чтобы выманить побольше средств у проклятых Андан. Такими темпами можно и разориться. — Микодез побарабанил пальцами по колену. — Не повредит заказать дополнительные проверки в регионах, через которые прошел Джедао. Хотя я не могу себе представить, что ему хватает времени на всякую всячину, пусть даже он его и экономит, избавившись от тонны документов, которые обычный генерал должен отсылать Командованию Кел. Кстати говоря, у меня есть соблазн забить на собственную тонну.

— Не говорите ерунды, — сказали Зехуни. Их взгляд на миг затуманился, и это привлекло внимание Микодеза, потому что Зехуни обычно вели себя более собранно. — Микодез. Вы же понимаете, что перед вами долгосрочное решение проблемы с преемником.

— Мы не будем сейчас это обсуждать, — сказал он очень вежливо.

По лицу Зехуни пробежала тень, но они не стали возражать.

Микодез не очень-то обрадовался тому, что тема всплыла опять. Но пока что и так сойдет. Взамен он спросил:

— Я знаю, у гекзархата бывали похожие фиаско, но сколько раз случались полноценные отделения?

— По-крупному — трижды. Первым было то восстание Андан и Рахал во времена гептарха Лиож Генезды, с которым Лиож справились впечатляюще быстро. Затем была та генерал из Кел, чье имя я не могу произнести. Она вступила в союз с какими-то чужаками, которых мы потом разорвали на куски. И последним был ещё один генерал Кел. — На лице Зехуни появилась циничная улыбка. — Люди забывают, что формационный инстинкт существовал не всегда.

— По-вашему, Джедао нацелен на отделение?

— Я в этом сомневаюсь. Он один из нас, Микодез. И убийцы, и солдаты любят действовать из засады. Чем бы он ни занимался, он прилагает все усилия к тому, чтобы нанести по нам удар исподтишка. Мы должны как-то опередить его.

— Я бы сказал, что на нашей стороне численное превосходство, — проговорил Микодез, — только вот на ум приходит Адское Веретено. Увы, если мы сильней положимся на Кел, они от этого лишь сделаются более капризными. И все-таки нам нужно, чтобы кто-то разгромил Хафн, ведь тогда тенемоты смогут нанести удар, не оставляя нас уязвимыми перед отвратительными чужаками. А пока что будем следить одним глазом за политической сферой и посмотрим, что нам это даст.

Зехуни потерли лицо, и тогда Микодез понял, какая усталость овладела его помощником.

— Мне все ещё кажется, что он играет с нами.

— Да, в этом-то все и дело, — уныло ответил гекзарх. — Теперь я знаю, что чувствуют все остальные.

— Не льстите себе, — с улыбкой возразили Зехуни.

Глава девятнадцатая

Кируев получила просьбу коммандера Джанайи после того, как Хафн в третий раз отказались вступать в бой. Они находились в восьми днях пути от системы Минан с её волчьей башней. Кируев болезненно осознавала, что включила дисплей своего терминала ярче, чем кто-либо другой в командном центре. Все вокруг выглядело так, словно кто-то закрасил картину тенями.

Раздражало то, что Джедао снова играл в дженцзай против мот-сети. Кируев, видевшая счет, жалела, что он не проиграл хотя бы раз. Джедао, казалось, был поглощен созерцанием своего расклада.

Джанайя ткнула пальцем в терминал в двенадцатый раз за последние несколько минут, затем пробормотала что-то себе под нос. Она была не единственной, кто был расстроен продолжающимся бегством Хафн. Кел жаждали битвы.

— Лучше бы они где-то остановились, сэр, — сказала Джанайя, и её раздражение от ситуации пересилило желание как можно меньше разговаривать с Джедао и Кируев. — Полагаете, главные

часы в этой башне будут достаточно привлекательной мишенью?

— Они определенно направляются прямо туда, — сказал Джедао. — Даже без учета того, какой счет нам выставят Рахал, если мы повредим часы, календарная дестабилизация в случае, если Хафн их разрушат, не пойдет нам на пользу. Даже если их главная цель где-то в другом месте, они вполне могут разбомбить часы мимоходом.

Кируев изучала карту. Не требовалось быть гениальным стратегом, чтобы заметить некую несообразность, но она не могла подорвать авторитет Джедао перед всей командой. После того как рой Хафн отбросили от Крепости Вертящихся Монет, его, должно быть, простили за отступление к границе. И теперь он, двигаясь зигзагом, неуклонно продвигался в глубь гекзархата.

Кируев могла придумать только две убедительные причины такого поведения. Во-первых, этот рой мог быть приманкой для второго вторжения, и в этом случае Джедао оставил крепость беззащитной перед новым нападением. Правда, способность Хафн использовать призрачную топографию против сил гекзархата больше не была секретом, но это не означало, что они не подготовили другие трюки. Другое объяснение,

к которому она все время возвращалась, хотя ей хотелось стереть его из памяти, состояло в том, что Джедао не просто гнал рой Хафн непонятно куда, а был с врагом в сговоре. Перемещения чужого роя слишком хорошо соответствовали тем планам, в которых Джедао уже признался.

Когда Хафн приблизились к военному форпосту Кел на Терцеле 81–7178, Кируев напряженно ждала, не замедлят ли они движение, не сделают ли круг. Ничего.

Потом Кируев отправилась разглядывать свои полки с разобранными машинами. Взяла часы, которыми восхищался Джедао, пытаясь отвлечься от грызущего изнутри ощущения: казалось, все её кости дрожали и ломались. Рядом с другими людьми она об этом забывала, но в одиночестве — другое дело. Она включила музыку, какую-то жалобную цитру. Это тоже не помогло.

Когда коммандер Джанайя попросила о встрече, Кируев обрадовалась поводу отвлечься, хотя новости, скорее всего, были плохие. Формулировка просьбы была одновременно правильной и какой-то смутной. Кируев положила сломанные часы обратно на полку и дала понять, что примет коммандера через двенадцать минут.

Джанайя пришла почти вовремя, что было для

нее необычно. Это наполнило Кируев дурными предчувствиями.

— Вольно, — сказала она, выйдя навстречу Джанайе, когда входная дверь автоматически открылась, впуская гостью.

Вокруг глаз Джанайи виднелись тонкие морщины.

— Разрешите говорить откровенно, сэр.

— Разрешаю. Можете присесть, если хотите. — Кируев кивком указала на кресло.

Бросив многозначительный взгляд на полки, Джанайя села.

— Я удивлена, что лис позволил вам оставить свои штучки.

— Возможно, — сказала Кируев, — он решил, что мне не помешает напоминание о провале.

— Так это все-таки были вы.

Музыкальная шкатулка. Кел Лю и Кел Мерики, распростёртые замертво. Кируев, по сути, сама направила на них игольник. Она написала уведомления их семьям, которые ей никогда не разрешат отправить. В тот единственный раз, когда она заговорила об этом с Джедао, немертвый генерал отверг эту идею на том основании, что она создаст семьям проблемы с властями гекзархата. Кируев это понимала, но не могла перестать

желать другого.

— Я и не думала, что это секрет, — сказала она.

— Что сделано, то сделано, — сказала Джанайя без всякой сентиментальности. — Но я пришла поговорить не об этом. Сегодня двадцать пятый день, сэр.

Двадцать пятый день с тех пор, как Кируев задействовала оговорку Врэ Талы.

— Это вам придется обсудить с Джедао, — сказала Кируев.

— Вы хорошо играете в джен-цзай, — ответила Джанайя, — но мне по силам распознать блеф. Я могла бы пойти прямо к нему. Но решила сначала выяснить, что у вас на уме.

— Почему бы вам не сказать прямо, командер? — Руки в перчатках стали липкими.

— Джедао понятия не имеет об оговорке Врэ Талы, не так ли? — сказала Джанайя. — Сначала я подумала, что он вас вынудил. Но когда мы сегодня сидели за офицерским столом, рядом с вами не было свечи, отмечающей четверть. Я лису не друг, но он уважает обычаи Кел. Передает чашу, носит свои знаменитые перчатки. Сдается мне, он знает наши традиции лучше нас самих. За исключением, конечно, тех традиций, которые появились после его так называемой казни.

— Это было командное решение, — с юмором сказала Кируев, — и аннулировать его уже поздно. Вы хотите подать официальную жалобу? — К кому Джанайя могла обратиться, если не к ней?

Джанайя хлопнула ладонью по подлокотнику кресла.

— Сэр, я служила с вами четырнадцать лет, — сказала она совершенно ровным голосом. — Я Кел, вы Кел, и я даже пойду за вами в лисью пасть. Но я послужу вам лучше, если вы поможете мне понять, какого черта тут творится. — Забавно, что Кируев привела тот же довод и самому Джедао. — Ради какого важного дела вы убиваете себя?

Кируев открыла рот.

— Если собираетесь пошутить о самоубийстве, не надо. — Пауза. — Сэр.

— Джедао думает, что сможет бросить вызов гекзархам и победить, — сказала Кируев.

— Ну да, — нетерпеливо сказала Джанайя, — именно это наваждение и привело его когда-то в «черную колыбель». Но ведь он сумасшедший. А у вас какое оправдание?

Кируев стянула правую перчатку ровно настолько, чтобы обнажить кожу на запястье — чтобы Джанайя поняла серьезность ее намерений. Кел снимали перчатки только для самоубий-

ственных миссий и любовников, как твердила молва. Кируев надеялась, что план Джедао не был самоубийством, но в каком-то смысле это не имело значения. Она выбрала свой путь.

Джанайя сжала губы.

Удовлетворенная тем, что та всё поняла, Кируев вернула перчатку на место.

— Коммандер, — сказала она, — надеюсь, вы помните Корзину Рэггарда.

Командование Кел поручило Кируев разобраться с ересью в Корзине Рэггарда. По ходу дела приказы изменились. Рахал вносили поправки в календарь, и им нужно было решить проблему побыстрей. В ответ на давление Рахал, Командование Кел разрешило использовать грибковые канистры.

Кируев пыталась отыскать лучший способ, но не могла обойти строгий график. Поскольку у нее не было другого выхода, она приказала запустить канистры. В результате грибок уничтожил в экосфере планеты все, что имело ценность для людей. По расчетам, дезактивация должна была занять больше века. Кируев живо вспомнила, как первые споры пошли в рост, столкнувшись с одной из разновидностей местных морских змей: грибок прорастал губчатыми усиками из-под че-

шуи, пока та не покрылась пурпурно-красными трещинами, грибок затуманил янтарные глаза, грибок выплеснулся из агонизирующих ртов раздутой массой. Начальник штаба поймал ее за просмотром видео снова и снова и заставил прекратить.

— Да, — ответила Джанайя. — Я помню Корзину Рэггарда. Я также помню, что у нас был приказ.

— Хочется думать, что мы в состоянии построить общество, в котором никто никому не прикажет уничтожить собственный народ, — сказала Кируев. На той планете жили не только еретики.

— Это всегда трудно, — сказала Джанайя. Ее лицо не изменилось. — Но философские соображения я оставляю на ваше усмотрение. Моя работа — сражаться там, куда вы укажете. Скажите мне, по-вашему, у Джедао действительно есть шанс, даже если он не собирается потом всех нас предать? Даже при Свечной Арке преимущество врага было всего восемь к одному. Здесь шансы несравненно хуже.

— Давайте я так сформулирую, — сказала Кируев. — На протяжении четырехсот лет он убеждал Командование Кел его не убивать, несмотря на миллион веских причин. Командование Кел —

не из тех, до кого медленно доходит. А потом он сбежал. Может, он и не победит, но лучшей возможности я не вижу. — Кируев встретилась с коммандером взглядом. — Вы, видимо, ужасно разочарованы тем, что я предала Командование Кел.

Не стоило выражаться так откровенно, однако Джанайя лишь пожала плечами.

— Должна признаться, с моей точки зрения, момент для бунта очень неподходящий.

— Это гекзархат, коммандер. Подходящих моментов здесь не бывает.

— Так или иначе, будет много крови. И вы даже не увидите, чем все закончится.

— Кто-то должен был решиться и бросить кости.

Джанайя отрывисто кивнула.

— По крайней мере, расскажите Джедао про свечи.

Странно, что это её так волновало…

— Почему это для вас так важно?

— Четырнадцать лет. Скажите ему. Пусть воздаст вам должное.

Четырнадцать лет — и, кажется, Кируев никогда не понимала, что на уме у Джанайи.

— Я приму это к сведению, — сказала она. — Вы

свободны.

Когда Джанайя ушла, Кируев вернулась к созерцанию часов. Она открыла заднюю дверцу и уставилась на неподвижные части механизма. Ей снова стало холодно, но она могла привыкнуть к холоду. В конце концов, это временно.

Рутинных сражений не бывает, это Кируев поняла, еще будучи лейтенантом несколько десятилетий назад. Тем не менее некоторые ритуалы делали хаос управляемым. Точнее, они давали утешительную иллюзию, что план будет иметь какое-то отношение к реальности, когда реальность решит ударить тебя в глаз.

Кируев позаботилась о том, чтобы попасть в командный центр, когда рой приблизится к обитаемым мирам системы Минан. По пути рой чередовался между двумя оборонительными формациями на случай, если Хафн окажутся способными атаковать быстрее, чем раньше. Рой противника двигался достаточно быстро, чтобы Кел пришлось идти на полном ходу, и это явно не было случайностью. Но и отказаться от погони они тоже не могли.

По большей части Кируев была занята чтением все более запутанных сводок сканирования и перечитыванием анализа передвижений Хафн. Как

сказала в частной беседе начальник штаба Стсан, все это представляло собой тщательно сформулированные вариации на тему: «Ни хрена мы не знаем, что они затеяли». Было еще слишком рано говорить, остановятся ли Хафн в Минане, нападут ли на волчью башню, продолжат ли наступать на Концертную марку или выкинут какой-нибудь совершенно новый фокус. Кроме всего прочего, они перестали оставлять «гусей». Может, иссякли запасы.

Что беспокоило Кируев больше, чем Хафн, так это то, что Джедао не соизволил появиться. Она не могла ему приказывать, но видимое отсутствие интереса к происходящему со стороны немертвого генерала заставляло команду нервничать. Джанайя дважды посмотрела в сторону пустующего кресла Джедао, прежде чем спохватилась.

У Кируев не нашлось предлога послать Джедао сообщение в духе «какого черта вы творите», но сдержанную записку она все равно послала. С его-то репутацией она бы не удивилась, если генерал увлекся игрой в карты, полировкой пистолета или вздремнул, раз уж они не сражаются. Кроме того, оставался открытым вопрос о том, имел ли устав Кел хоть какое-то значение для бывшего офицера в рое, который ударился в бега.

К тому же в интересах Кируев было действовать так, словно не случилось никаких отклонений от нормы, хотя в сложившихся обстоятельствах «норма» тоже ничего не значила.

— Сэр, — сказала Джанайя, когда до башни осталось четыре часа. Старший помощник взглянул на генерала, потом с беспокойством отвернулся. Похоже, даже Мурису эта ситуация действовала на нервы.

— Да, коммандер? — спросила Кируев.

— Куда, по-вашему, подевались все «гуси»?

Это было явно не то, что она хотела спросить.

— Я об этом знаю не больше вашего.

— У меня было бы спокойнее на душе, если бы Хафн всегда придерживались определенных правил.

— Когда они в следующий раз будут советоваться со мной о своих боевых планах, я передам им это.

«Надеюсь, ваш немертвый генерал понимает, что делает», — читалось по лицу Джанайи.

Кируев ей слабо улыбнулась и снова принялась изучать показания сканеров.

— Башня Минан хочет поговорить с генералом Джедао, сэр.

— Переадресуйте вызов генералу, — сказала

Кируев. Она проверила заголовки: любопытно, что волчья башня обратилась к Джедао по званию, которого у него больше не было. Даже если Джедао не хотел находиться в командном центре, этот вызов мог его заинтересовать.

Прошло шесть минут. Дежурный поднял голову с выражением явного недовольства на лице.

— Дайте угадаю, — сказала Кируев. — Генерал не ответил, и башня повторяет запрос.

— Именно так, сэр.

Хотя не стоило исключать, что Джедао смог каким-то образом взломать систему связи, чтобы говорить с людьми, не оставляя следов в мот-сети, Кируев сомневалась, что башня стала бы играть с ними в такие игры.

— Перешлите новый запрос, — мрачно сказала она и приложила к нему заметку с просьбой выдать указания. А потом на всякий случай начала составлять для роя новую формацию.

Улыбка Джанайи сделалась совершенно безмятежной, и это означало, что у неё имеются бронебойные сомнения относительно того, что им удастся выжить.

«У меня тоже», — подумала Кируев. Стратегический отдел разработал три самостоятельных плана, не говоря уже о вариантах на крайний

случай, для защиты системы Минан во время преследования. Джедао не одобрил ни один из них. Кируев подумала, что в непредвиденной ситуации сгодится номер два.

Ещё через двадцать три минуты пришло следующее сообщение из Башни Минан — не запрос, что разрушило надежды Кируев на то, что Джедао тайком улаживает вопрос. Оно пришло в скором времени после того, как дежурный по сканированию доложил, что Хафн меняют курс. Если бы противник продолжал двигаться более-менее в прежнем направлении, они бы миновали систему Паутины, где было два заселенных мира. И планеты Паутины были не единственными в той стороне. Вероятные жертвы вторжения множились с ужасающей быстротой каждый час, на протяжении которого им не удавалось остановить Хафн.

— Есть какие-нибудь признаки… — Кируев пропустила слово «законных», — подразделений Кел в этом районе?

Командование Кел должно было как-то работать над проблемой, хотя она догадывалась, с какими логистическими трудностями это сопряжено. В конце концов, после убийства генерала Чренки этот самый рой пришлось собирать в

спешном порядке в целях обороны, и силы Кел часто оказывались на пределе.

— Я не могу точно идентифицировать ни один рой по формантам, — сказал дежурный по сканированию.

— Местная оборона приведена в боевую готовность, судя по системному трафику, — прибавил дежурный по связи, — но я не вижу признаков присутствия какого-нибудь роя.

— Ну тогда сообщение, — сказала Кируев. — Перешлите его.

Ответ Джедао пришел почти немедленно, и был только текстовым: «Разбирайтесь сами». Дальше шли координаты с отметкой: «Вот здесь подготовьте торжественную встречу врагу».

С чем — с пороговыми веятелями, которые Джедао так ловко заставил выбросить? И, что интересно, он указал место, но не время. Факт присутствия роя Кел в этой системе не был секретом, а если они задержатся, чтобы запустить ракеты, жди беды. У них был запас мин на случай, когда врага удастся подманить, но до сих пор Хафн радостно игнорировали календарные градиенты, так что это тоже не сработает.

— Связь, — сказала она. — Генерал Кируев вызывает всех коммандеров. Хочу знать, сколько

бомб мы сможем разместить для дистанционного подрыва в следующем месте. — Она передала координаты и, проконсультировавшись с картой системы, кое-что просчитала. — Направляйтесь вот сюда. — Второй набор координат и совокупность путевых точек. — Генерал Кируев, конец связи. — Повернувшись к дежурному, она продолжила: — Ну ладно, пока коммандеры заняты делом, давайте послушаем, что говорит Башня.

Сообщение началось с колеса — эмблемы гекзархата, а затем появился серый с бронзовыми глазами волк Рахал. Женщина в кадре выглядела обычным магистратом от безукоризненно зачесанных наверх волос до строгой серой рубашки с бронзовой брошью. А вот согнутый стилус в ее левой руке не был стандартной штуковиной, как и обломки ещё двух на столе перед нею. Рукоять ножа в оплетке едва виднелась на самом краю кадра.

— Говорит верховный магистрат Рахал Заниин из Цитадели Минан, — сказала женщина. У неё был легкий мелодичный акцент, не лишенный привлекательности. Кируев его не опознала, что было неудивительно. — Есть целая куча шаблонных приемов обращения к предателям, которые я вызубрила еще в Академии, но почему бы нам не

забыть об этом, чтобы я смогла перейти к делу.

Заниин сломала стилус, хмуро посмотрела на обломки и отбросила в сторону.

— Полагаю, я обращаюсь к генералу Шуос Джедао и его рою. Я могу только догадываться о ваших мотивах, которые, вероятно, на пять шестых — игры разума, а на одну шестую — желание использовать Кел в качестве боксерской груши. Было бы неплохо, если бы вы согласились поговорить, пока есть время, но так как вы на это не пошли, получайте монолог.

Одной из вещей, которым меня заставили научиться, прежде чем поставили караулить эти часы-переросток, было чтение формантов сканирования. И они совершенно ясны. Хафн направляются вон туда… — Она ткнула пальцем, и видео на миг переключилось на карту, где была изображена система Паутины. — В то время как вы, очевидно, решили остаться здесь. — Ещё одно движение пальцем, и появилась Башня Минан, представленная стандартной эмблемой в виде волка и колокола.

Она продолжила:

— Население Башни и связанных с нею станций составляет около восьмидесяти шести тысяч человек. Паутина-4 — полностью заселенный

мир, там примерно четыре миллиарда. Паутина-3 — скорее, луна с амбициями, и всё же я бы не рассчитывала, что Хафн оставят её в покое. — Заниин добавила более подробную статистику.

— Как я уже сказала, — продолжила она, — мне неизвестно, чего вы хотите добиться. Но если вы пытаетесь сохранить Башню Минан по причинам, относящимся к календарной войне… — Голос Заниин звучал почти твердо, — просто спросите своих Кел. Кое-кто из них точно сумеет меня поддержать. Да, главные часы охренительно дороги в плане сборки и калибровки, да и разбираться с десинхронизацией хода часов будет невесело, это я понимаю. Но можно как-то выкрутиться в отсутствии одних часов. Наша гибель не сильно отбросит вас назад, даже если Хафн вернутся сюда. Люди в системе Паутины… нет другого способа их спасти. Проверьте цифры, Джедао. Пожалуйста.

Кируев подумала, что на этом сообщение заканчивается, но через несколько секунд верховный магистрат Заниин продолжила:

— Нетрудно догадаться, что вы уготовили злую участь тем, кто засунул вас в темный кувшин на четыре столетия. Судя по пропаганде, вы либо считаете, что вся система прогнила, либо приду-

риваетесь, чтобы заручиться поддержкой новых друзей. Я вообще-то надеюсь, что правильный вариант — первый.

Она схватила нож, вынула из ножен и воткнула в стол.

— Ведь дело-то в чем, знаете? Эта система и впрямь дерьмовая. У нас есть целая фракция, посвятившая себя пыткам людей, чтобы остальные могли притвориться, что мы не при делах. Жаль, что любая другая система правления ещё хуже. Знаете, говорят, что при Свечной Арке вы не позволили служителям Доктрины разорвать на части Фонарщика во время импровизированной экстренной поминальной церемонии. Конечно, это было четыреста лет назад, и до одной крупной бойни — не знаю, помните ли вы об этом.

Её взгляд на миг перебежал на что-то за пределами кадра. Она нахмурилась.

— Хафн все ещё направляются в систему Паутины. Кто знает, может, они передумают. Но вы единственный, кто стоит между захватчиками и множеством людей, которые не имеют никакого отношения к тому, что с вами случилось за время вашей неприятной не-жизни.

Мне придется сдаться властям за то, что я затеяла этот разговор. А пока что, если у вас есть

какая-то альтернатива для мира, в котором мы все застряли, непременно покажите её нам, только не в виде множества трупов. Верховный магистрат Заниин, конец связи.

В наступившей беспокойной тишине дежурный по связи сказал:

— Башня Минан направила нам данные сканеров с постов прослушивания в этом регионе, сэр.

Четыре с небольшим миллиарда человек.

Кируев слишком легко получила информацию, которую искала ранее. Рой «Разделенные сферы», которым командовал генерал-майор Кел Джу, был переведен из марки Розетты. Командование Кел вытащило генерала Инессер из марки Высокого Стекла — они, должно быть, в отчаянии. Высокое Стекло было одной из самых опасных границ, и Инессер была не только старшим генералом гекзархата, она также считалась одной из самых грозных. Тому, кто занял ее место в Высоком Стекле, придется нелегко.

Кируев вызвала стратегический отдел.

— Риозу, — сказала она, — перепроверьте для меня эти данные.

Через несколько минут Риозу прислала карту с пометками, совпадающую с картой в голове Кируев. «Разделенные сферы» никак не могли

спасти систему Паутины. Они просто были слишком далеко.

Кируев набрала сообщение для Джедао. «Прошу разъяснить приказы, сэр».

На этот раз ответ занял больше времени. «Хотите победить? Не надо мне опять мешать. Я приду, когда смогу».

«М-да, — подумала Кируев, — но в чем же заключается наша победа?» Неважно. Она уже командовала роем, прежде чем встретила Джедао. Она может сделать это снова.

— Приближаемся к назначенной точке через тридцать восемь минут, — бесцветным голосом произнес дежурный по навигации.

Служба связи проверила данные по бомбам, предоставленные коммандерами, и передала их на терминал Кируев. Ей самой пришлось ещё раз коротко переговорить с Риозу.

— Генерал Кируев, всем мотам, — проговорила она и приказала оставить пугающее количество бомб в координатах, ранее указанных немертвым генералом. Их надлежало взорвать по её команде. — Всем мотам занять места в большой формации «Ножи — это наши стены». Коммандер, отклонитесь от основной опорной точки, пока мы не увидим, что на нас надвигается.

Джанайя резко втянула воздух — она предпочла бы и дальше чередовать две или три формации с эффектом щита, — но отдала необходимые приказы.

— Снова Башня Минан, сэр, — доложил дежурный по связи. — Они пересылают обновленные отчеты сканирования.

— Я впечатлена, что они все еще разговаривают с нами, — заметила Кируев.

— Больше похоже на монолог, — напомнила Джанайя.

Дежурный по вооружению сообщил, что бомбы размещены. В это же самое время показания сканеров недвусмысленно продемонстрировали, что рой Хафн развернулся и направился обратно к Башне.

Понятно. Хафн пытались увести Кел прочь от Минана, в особенности от засады, которую Джедао, в свой черед, сооружал для кого-то. Имело ли это какое-то отношение к аномалиям сканирования, о которых Джедао получал сообщения? И если да, то почему Джедао вел себя так уклончиво в этом отношении?

— Они не попадут в то минное поле, — сказала Джанайя. — Но и на нас не кинутся, если на то пошло.

Кируев ей улыбнулась.

— Никто их и не просит так поступать. — Она спросила дежурного по навигации о предполагаемом времени прибытия Хафн. Тот ответил. Они продолжили ждать. Башня Минан снова и снова присылала обновленные данные сканеров.

— Рой Хафн ускоряется, — доложил дежурный по сканированию и сообщил новое расчетное время прибытия.

За сорок девять минут до того, как Хафн оказались в пределах досягаемости пушек-губителей, началась какофония. Дежурный по сканированию вскричал:

— Прибывает второй вражеский рой!

Слово «прибывает» не очень-то подходило. Более восьмидесяти формантов возникли из ниоткуда с быстротой молнии. Предсказанные Джедао координаты оказались не совсем верными, но достаточно близкими к истине…

Кируев отдала приказ взорвать бомбы и переориентировать рой для боя. На тактическом дисплее взрывы казались гирляндой бледных сфер. Наконец-то битва, о которой они мечтали.

А Джедао, который каким-то образом сумел все это подстроить, так и не появился.

Глава двадцатая

Якорь Нирай Куджена, Нирай Махар, спал, когда его вызвали. Сам Куджен никогда не спал, что было одним из характерных свойств состояния ревенанта. Джедао это ненавидел, а Куджену было наплевать. Будучи живым, он гадал, какими окажутся долгосрочные последствия. Оказалось, что когда ты становишься бестелесным голосом с единственным собеседником — якорем, это творит чудеса с твоим терпением.

Случись все как обычно, Куджен не обратил бы внимания на вызов, пока Махар не проснется сам и не поест, но лишь у некоторых особых агентов Куджена была возможность связаться с ним на этой секретной базе. Это точно не мог быть кто-то из гекзархов. Но идентификатор вызова указывал, что он исходит от Андан Шандаль Йенг. Куджен понятия не имел, что она могла бы ему сказать. Он ей никогда не нравился, в особенности после того, как Махар соблазнил её единственного сына — ныне дочь, — а потом она ему наскучила.

Куджен посмотрел на нынешний объект сво-

его внимания, Эсфареля-12. Мужчина следил за показателями окружающей среды. Эсфарель-12 понятия не имел о том, кем был изначальный Нирай Эсфарель, и не помнил, какие изменения произошли в его внешности согласно указаниям Куджена. У Двенадцатого, как и у оригинала, были непокорные кудри и улыбчивый рот, а также длинные кисти рук, но язык тела стал другим. Куджен перестал его восстанавливать после Пятого. Слишком много возни. Кроме того, разнообразие реакций его развлекало в тех случаях, когда он был в настроении для секса.

Индикатор вызова все никак не исчезал. Куджен вздохнул. Время будить Махара. Куджен заглянул в сны якоря. Для того, кто всегда хорошо питался, Махар был на удивление одержим едой. На этот раз ему снились нежные бамбуковые побеги и полоски мяса в сладком соусе, миски с кусочками фруктов, украшенные съедобными лепестками, ароматный рис, жасминовый чай и всё такое прочее. Со своей стороны, Куджен отчетливо помнил вкус еды. Одним из главных преимуществ состояния ревенанта было то, что голод ему больше не грозил, хотя Махар должен был регулярно питаться — Куджену требовалась действенная марионетка.

Куджен выставил на обеденный стол изображение песочных цветов. На этот раз бегущий песок был зелено-голубым. Он менялся постоянно. Куджен мог контролировать сны Махара в мельчайших подробностях, когда хотел, но сейчас в этом не было нужды. Ему не составило труда убедить Командование Кел в том, что давать Джедао такую же модификацию было бы ужасной идеей. Джедао и так трудно было контролировать.

Куджен подождал, пока Махар пошевелится. Он никуда не спешил. Кроме того, изводить Шандаль Йенг всегда было весело.

Махар сел и потянулся. Простыни запутались у него в ногах. Он начал освобождаться от них.

— Чрезвычайная ситуация? — сонно спросил якорь.

— Просто приведи себя в порядок, — сказал Куджен. — Это либо анданский гекзарх, либо её последний супруг.

— У Шандаль Йенг не столько супруги, сколько социальные соперники, которых она решила уничтожить лично, — сказал Махар.

— Тебе только шестьдесят четыре, — сказал Куджен, когда Махар оделся в шелк и бархат, все черное и серое, с проблесками серебра, и вдел в уши агатовые серьги. — Не рановато ли для

такого цинизма?

— Твои дурные привычки заразительны.

Куджен любезно рассмеялся.

Понятия его якоря о том, что такое «привести себя в порядок», были ужасно замысловатыми. Куджен не возражал. Он по возможности настаивал, чтобы якорями становились красивые мужчины, хорошо разбирающиеся в математике. Если уж ему суждено жить вечно, то можно наслаждаться видом и достойными собеседниками. Что касается внимания к моде, то якоря были разными. Этому нравились оборки и шарфы, а его пристрастие к причудливым узлам было чем-то новеньким. Куджен с юных лет обращал внимание на моду, благодаря своей первой профессии. Он видел, как появлялось и исчезало множество тенденций. В данный момент он поддерживал все, что смущало Шандаль Йенг, а также позволял Махару время от времени развлекаться. Это способствовало более гладким рабочим отношениям.

Куджен не стал списывать собственное нетерпение на неустанное мигание индикатора вызова — один раз в секунду, в соответствии с местным календарем, который он изобрел. Но выражение лица Шандаль Йенг, когда Махар

включил связь, было весьма недвусмысленным. Она в кои-то веки не улыбалась. Она раздражала его куда меньше, когда не улыбалась.

— Я и не знал, что высокие воротнички снова в моде, — сказал Махар. — Иначе разыскал бы портного.

Большинство людей путались и думали о Махаре, как о самом Куджене, и они оба изо всех сил поддерживали эту иллюзию. Куджен мог превратить Махара в свою марионетку, но для этого требовалась серьезная концентрация. В большинстве случаев Махар прекрасно справлялся сам. (Это была ещё одна модификация «черной колыбели», не дозволенная Джедао на период его миссий для Командования Кел. Естественно, для частных нужд Куджен изменял правила. Он и не сомневался, что сумеет перехитрить обычного Шуос.) Подходящие кандидаты на роль долгосрочного якоря были редки и требовали обширной психохирургии и обучения. Куджен позаботился о том, чтобы у него всегда был запас.

Гекзарх Андан устремила на Махара мрачный взгляд.

— Ты хорошо спрятался, — сказала она, — и я рада, что добровольная ссылка не убила твоего интереса к портновским изыскам. Но прямо сей-

час у меня нет желания обсуждать твой выбор моды. — Вот это поворот. Андан гордились тем, как они используют внешность против людей. — До меня дошли слухи, что у тебя есть собственное устройство бессмертия. Не «черная колыбель», а что-то совершенно иное.

— Нам нужно еще раз проверить, нет ли утечек, — раздраженно сказал Куджен Махару, а потом продолжил, обращаясь через него к Шандаль Йенг: — Прежде чем ты разовьешь эту мысль, скажи — что случилось с Файан? Я оставил вместо себя отличную исследовательницу. Я уверен, она достаточно умна, чтобы следовать инструкциям относительно технологии, предназначенной для всех вас.

К его удивлению, она покачала головой.

— Все, кому я плачу за оценку, говорят, что она хороша в своем деле. Ты сделал правильный выбор. Но я решила, что лучше обратиться к учителю, а не к ученику.

— Какая прелесть: это деловое предложение, — проговорил Махар субвокально, чтобы лишь Куджен смог его услышать.

— Я прямо не знаю, — ответил Куджен. — Она посвежела от отчаяния.

Шандаль Йенг расправила плечи.

— Полагаю, ты знаком с моим отпрыском, Андан Неже.

Куджен наконец-то понял, к чему она клонит.

— Речь о том, с кем я спал?

Отношения Неже с матерью всегда были бурными. Шандаль Йенг не желала, чтобы её дитя трахалось с соперником-гекзархом, потому-то Неже так и поступил. Не одобряла она и настойчивого желания Неже обучаться специальным операциям вместо того, чтобы всю жизнь быть чьим-то лизоблюдом.

— Я хочу разделить с ней бессмертие. Возможно, это мой последний шанс вернуть ее.

А-а. Неже, выходит, стал женщиной. Махар пристально посмотрел на Шандаль Йенг.

— Дай угадаю, — сказал он. — Файан наотрез отказала тебе.

Неудивительно. У Файан всегда имелась подспудная склонность к буквоедству.

— Послушай, — сказал Куджен устами Махара, — по моим последним данным, у тебя было шестеро живых… — и признанных, — детей.

— Думаю, ты оценишь мою сдержанность, — высокомерно заметила Шандаль Йенг. — Чего бы это ни стоило…

— Меня не волнуют шесть миллионов способов,

которыми люди губят свою жизнь, — перебил Куджен, — но я, так уж вышло, считаю, что вечность — это очень долго. Я сделаю тебе одолжение, дам хороший совет, а ты прислушаешься ко мне. Во-первых, нельзя подкупом добиться любви. — Он был почти уверен, что Неже требовалась материнская привязанность, а не новомодная роскошь. Даже такая роскошь, как бессмертие. — Во-вторых, стань бессмертной сама и забудь о своих детях, как было задумано изначально — да, я прислушиваюсь к разговорам, когда мне скучно, — или предложи бессмертие всем им. Если решишь окружить себя потомством, Микодез согласится, потому что у него слабость к детям, даже взрослым детям, плюс он займет место в первом ряду, чтобы поглядеть на воцарившийся хаос, а Тсоро всегда была старомодной в том, что касается семьи. Что касается остальных, ты Андан. Ты умеешь быть убедительной.

Если ты поступишь так, как предлагаешь — выделишь одного ребенка, — она тебя возненавидит. Если окажется, что ее братья и сестры были расходным материалом, она всегда будет задаваться вопросом, не откажешься ли ты от неё в следующий раз. В конце концов, она попытается тебя убить или, если повезет, просто уйдет.

Шандаль Йенг прищурилась.

— Какой забавный анализ от человека, которому ни разу не приходилось ужинать со всеми своими детьми, наблюдая, как они грызутся из-за жалких крупиц власти.

Давным-давно, на протяжении своей первой жизни, Куджен произвел на свет несколько отпрысков, но понятия не имел, выжили ли они сами, не говоря уже об их потомках. Он не испытывал желания такое повторять.

— Знаешь, Андан не единственные, кто изучает человеческую природу.

— Может, и так, — сказала она, — но мне нужна Неже. Я нуждаюсь в ней, Куджен. Несмотря на все неприятности, которые она мне причинила, она самая умная из всех моих детей. Не мне объяснять тебе, каково это — оказаться в будущем без семьи.

Просто поразительно, сколько людей за все эти годы пытались опробовать на нём такие доводы, пусть даже теперь никто и не знал, что он был ответственен за смерть матери и сестры.

— Не взывай к моим лучшим качествам. Я несколько веков на досуге занимался тем, что промывал людям мозги. Мне в этом контексте похвастать нечем.

— Это очень интересно, — сказала Шандаль Йенг, — учитывая, что ты только что читал мне нотации на тему семьи. Для математика у тебя ужасные проблемы с логикой.

— Никогда не приписывай иррациональной доброжелательности то, что может объяснить эгоизм, — весело сказал Куджен. — Помни, что ты просишь меня поразмыслить о вечности с тобой и твоим списком гостей. В моих интересах, чтобы ты была в хорошем настроении, чтобы мне не пришлось выслушивать вашу грызню. Ты уж поверь. Что бы ты и твои дети ни ненавидели друг в друге, найдите способ все исправить. Если ты захочешь взять их всех с собой в унылое долгое будущее, наверняка сможешь заручиться поддержкой других гекзархов.

Удачи с Файан, упрямой Файан… но это не его проблема.

— А если я буду настаивать, что хочу только Неже?

— Тогда я не вижу, чем могу помочь.

— Хорошо, Куджен. Я понимаю, ты выше мелочей вроде товарищества…

— Ну не знаю, всегда приятно иметь слушателей, — сказал Куджен Махару.

— Тише, — ответил тот субвокально. — Я хочу

посмотреть, предложит ли она нам что-нибудь хорошее.

— …но я говорила об оплате всерьез. Тебе не надоело зависеть от доброй воли Кел? Похоже, некоторые из твоих активов все еще связаны с ними.

Похоже, аналитики Шандаль Йенг не так хорошо следили за денежными потоками, как это было необходимо. Радостная новость.

— Если бы я захотел, то, уверен, смог бы узнать, сколько ты стоишь, — сказал Махар. — Может быть, ты могла бы предложить мне несколько музеев, набитых картинами, раз пошел такой разговор? — Махар гораздо больше Куджена интересовался изобразительным искусством, вот почему он занимался внутренней отделкой.

— Если у тебя появились новые интересы в этой области, — сказала Шандаль Йенг, — буду только рада направить тебя к предметам, достойным внимания.

— Очень жаль, — сказал Куджен, подыгрывая её заблуждению о том, что он все ещё союзник фракции Кел, которая многое бы отдала, чтобы узнать его местоположение. — Меня больше интересуют большие пушки. Не знаю, ускользнуло ли это от твоего внимания, но когда нужно

дырявить всякие вещи, Кел — беспроигрышный вариант.

— Деньги — куда лучшая защита, чем насилие.

— Когда заканчиваются деньги, — мягко сказал Куджен, — подходит только насилие. — Сам он никогда не был силен в этом деле и потому пользовался людьми вроде Джедао.

— Не советую делать из меня врага, Куджен.

Он знал, что дело дойдет до угроз.

— Если можешь прикончить меня, не ударив саму себя в спину, — сказал он, — пожалуйста, продолжай. Не надо снова доставать Файан. У нее сильная воля, что мне в ней нравится. Я пришлю пару учебников, если захочешь сама порешать уравнения. И больше не звони. Ты не найдешь меня здесь или где-то ещё. А пока мне нужно заняться кое-какими ужасно неэтичными делами.

Выражение лица Шандаль Йенг стало отстраненным. Затем она оборвала связь.

— И подумать только, она хотела, чтобы мы смотрели в лицо вечности в её присутствии, — сказал Куджен.

Махар зевнул, снял шарф и обмотал его вокруг запястья.

— Надо было согласиться. Купил бы её на несколько столетий.

— Если бы я согласился, она бы все равно рано или поздно придумала, за что меня ненавидеть. С некоторыми людьми просто невозможно победить. — Куджен поразмыслил над сказанным. — А ты сам хочешь бессмертия? Настоящего, не такого, как у нас. — Время от времени он предлагал, на случай, если ответ изменится.

Махар усмехнулся.

— В отличие от некоторых людей, я разбираюсь в математике. Не хочу быть подопытным для гребаного прототипа, ты уж прости. Я продолжаю изучать твои проектные спецификации, Куджен, и они выглядят правильными, но я не могу избавиться от чувства, что мы что-то упускаем. Кроме того, я знаю об Эсфареле и Джедао, не забыл? Один годный бессмертный из трех — никудышный показатель успеха.

— Эсфарель был слаб, — небрежно сказал Куджен, — хотя в постели и выглядел великолепно. Джедао по прибытии оказался психом. Это не полноценный эксперимент. И вообще, то была «черная колыбель», а не новый вариант.

— Как скажешь. — Махар размотал шарф, отложил и велел сервитору принести завтрак. Это оказался типичный рацион Кел: рис, огурцы, листья кунжута и маринованное жареное мясо,

нарезанное мелкими кусочками. Он немного поел, моргнул и посмотрел на тарелку. — Я не это хотел заказать. Ты все ещё думаешь про Джедао, не так ли?

Просачивание.

— Он был таким хорошим проектом, — сказал Куджен. — В нем всегда можно было что-то исправить. Или сломать, как захочется.

— О, клянусь звездами. Теперь, когда он разгуливает на свободе, пошли к нему курьера с каким-нибудь блестящим пистолетом-прототипом или хорошей бутылкой виски и своими извинениями. Вам обоим станет лучше. Может, он даже простит тебя за то, что ты засунул его в «черную колыбель». Вы двое можете объединиться и покорить галактику.

Махар, возможно, и разбирался в математике, но не уделял достаточно внимания определенному классу оружия. Как и гекзархи, он пребывал в глубочайшем заблуждении относительно того, что собиралось предпринять орудие под названием «Джедао».

— Когда-нибудь я так и поступлю, — сказал Куджен. — Но не сейчас.

Куджен вспомнил, как Кел впервые доставили генерала Шуос Джедао на станцию, где распола-

галась «черная колыбель», 397 лет назад. Было много мрачных солдат в келских мундирах, черных с золотом. Сам Джедао находился в простом металлическом гробу с прозрачным окном.

— Он под воздействием ударной дозы успокоительных, Нирай-чжо, — сказал капрал Кел, как будто это не было очевидным фактом. — Риск суицида.

— Да что вы говорите… — Его тогдашний якорь, Лиен, подошел к гробу и проверил показания приборов. Куджен его опередил. Джедао был жив, даже если он и выбрал необычайно эффектный маневр для попытки обрести бессмертие.

— Нирай-чжо, — сказал другой голос. Он принадлежал верховному генералу Кел Аниен — худощавой, седоволосой женщине. Она снова и снова тасовала колоду карт, не в силах сохранять неподвижность. — Командование послало меня, чтобы ответить на любые ваши вопросы.

— Хорошо, — коротко сказал Куджен, раз уж ему приходилось играть роль. — Я не смог сделать никаких выводов по той путанице донесений Рахал о сведениях, которые их инквизиторы якобы вытянули из генерала Джедао. Кого мне надо подвергнуть вивисекции, чтобы получить правильный допуск?

Аниен перевернула карту, скривилась и сунула её обратно в колоду. Наконец посмотрела на Лиена.

— Видели бы вы тот допрос, Нирай-чжо, — сказала она. — С одной стороны, это был бардак, а с другой — это было потрясающе. Волки, которым Рахал-чжо поручил это дело, не смогли из него ничего вытянуть. Они параллельно начали спорить с Шуос-чжо о том, насколько приемлемо использовать некоторые шуосские техники для обмана дознавателей и почему эти самые техники надо исключить из учебного плана Академии Шуос. Смотреть, как волки бьются в конвульсиях — отличный способ времяпрепровождения, когда приходишь в себя после ошеломляющей катастрофы.

Куджен всегда подозревал, что Аниен слишком легко всё надоедает, и добром это не кончится. Впрочем, он её понимал.

— Совсем ничего? — уточнил он, потому что надо было убедиться, что Джедао даже намёком не указал на их союз. Он уже посмотрел выдержки из обычного допроса, которые ему соизволили прислать. «Пожалуйста, пристрелите меня», — повторял Джедао снова и снова. — У него же не умер мозг — он был в состоянии сформулировать

фразу в ответ на стимулы. Пусть даже это очень унылая фраза.

— У Джедао необычная реакция на прорицательские техники, — сказала Аниен, посерьезнев. — Он выдавал один и тот же образ на все запросы.

— Дайте угадаю, — проговорил Куджен. — Это был «Жертвенный лис».

Учитывая обстоятельства, выбор очевиден для того, кто в силах маскировать свой сигнификат, чтобы блокировать прорицателей.

— Именно так.

Куджен сжалился над солдатами Кел, которые ожидали приказа, и подсказал Лиену, что делать.

— Следуйте за Техником-24, — велел тот и любезно указал направление. — Она покажет вам, где оставить генерала.

Аниен кивком подтвердила приказ. Кел и их гроб двинулись прочь.

— В файлах по допросу, которые Командование вам прислало, кое-чего не хватает, — проговорила Аниен, когда они остались одни. — Мы пытались не дать этому выйти наружу.

— Пожалуйста, расскажите, — попросил Куджен.

— Я не смогу показать вам видео, и если вы кому-то об этом расскажете, мне придется отрицать, что я такое когда-либо говорила, Нирай-чжо. Но Джедао не с самого начала умолял, чтобы его застрелили. Он как будто не понимал, что случилось. Он… он всё время спрашивал, что с его солдатами. В порядке ли они. И лишь после того, как он понял, что натворил, начались эти мольбы.

Все это время она не переставала играть с картами.

— Вы беспокоитесь о нем, — понял Куджен.

Это был интересный поворот в сравнении с подавляющим большинством Кел, которые желали разорвать потроха Джедао на маленькие извивающиеся кусочки, и с любителями теории заговора, которые думали, что Фонарщики изобрели луч для промывки мозгов. Куджен, так уж вышло, знал: в деле промывки мозгов коротких путей не бывает.

— Не обращайте внимания на тех, кто сыплет обвинениями, Нирай-чжо, — попросила Аниен. — Мы слишком быстро повысили Джедао, слишком сильно надавили на него — и он сломался. — Её губы дрогнули. — Он был великим ястребом-самоубийцей. Неотличимым от

настоящего.

Она отвлеклась. Ему надо было убедить её сделать то, что требовалось.

— Что касается «черной колыбели», — сказал Куджен. — Вы уверены? Я не могу гарантировать, что смогу починить того, кто так изломан.

Аниен бросила на Лиена задумчивый взгляд.

— Насколько вы хороши в тактике, Нирайчжо?

— В настоящей, а не в теории игр с абсолютно рациональными акторами?[7] Не моя сфера, — сказал Куджен. Джедао всегда был по этому поводу раздражающе любезен, как бы сильно Куджен ни подкалывал его из-за сложностей с математикой. — Я работаю с уравнениями, а не с артиллерией.

— Он достаточно хорош для эксперимента, чтобы попытаться, — невыразительно проговорила Аниен. — И кто знает? Он может опять превратиться в полезное оружие.

— До Адского Веретена мне лишь один или два раза довелось перемолвиться с ним парой слов, — солгал Куджен. — Каким он был до того, как сошел с ума?

---

[7] Примечания: 7

Актор — действующий субъект (индивидуальный или коллективный).

— Помимо чрезмерной любви к играм, свойственной лисам, и чрезмерной любви к оружию, свойственной ястребам? Разговорчивым. Отважным. Время от времени — забавным. Солдаты его любили. Ну, до определенного момента.

Она сняла колоду и показала ему верхнюю карту. Двойка шестерней.

— Дурацкий фокус, — сказала Аниен. Куджен не стал уточнять, что большая часть репертуара Джедао ему знакома. — Он обучил меня кое-каким трюкам пару лет назад. Честное слово, Нирай-чжо, я не знаю, что вам надо искать. Никто такого не предвидел. Я бы скорее себя заподозрила в предательстве, чем его.

Куджен услышал её невысказанные слова.

— Я сделаю для него все, что в моих силах, Аниен.

Он мог бы избавиться от нее, если бы она начала мешать, но так было проще — и он с нетерпением ждал момента, когда сможет разобрать Джедао на части.

Куджену стоило догадаться, что после назначения связным верховного генерала Кел Шиан в его жизни появится множество неудобств. Верховный генерал Кел Аниен умерла от редкой формы рака, оставив ему свою коллекцию игральных

карт. Странное наследство для того, кто в строгом смысле слова не имел рук.

Шиан была высокой, смуглой женщиной с широким телосложением. Сила ее движений заставляла задуматься, не разлетится ли из-за них вся станция на куски. Нынешний якорь Куджена, низкорослая мужеформа по имени Уво, находила это пугающим. Куджен её не винил, но это немного отвлекало.

Уво привела Шиан в лабораторию, где находился Джедао. Комната выглядела уныло, если не считать стены, на которой с периодичностью один раз в минуту чередовались необыкновенно яркие фотографии цветов. Форзиция, космея, портулак, азалия и все такое прочее. Это был безобидный способ предоставить Джедао доступ к чему-то цветному, когда они включали портал, который мог на короткое время дать ему ограниченное окно в мир.

— Он здесь, Нирай-чжо? — спросила Шиан, оглядывая терминалы с графиками и показателями. На одном из экранов всё ещё была карточная игра.

— Не совсем, — ответил Куджен, — но это единственная дозволенная ему точка доступа. Я не счел разумным давать ему собственный якорь

без одобрения Командования Кел.

— Я уполномочена принять такое решение.

— Разумеется, — пробормотал Куджен. — Желаете с ним поговорить?

Шиан устремила на него внимательный взгляд.

— Я читала ваши отчеты, но… он стабилен?

Она что, боялась, как бы бестелесный Джедао не воткнул ей гвозди в глаза?

— Стабильней не бывает, — сказал Куджен. — Вы преодолели такой путь — можете все увидеть сами. Должен предупредить, что временные окна зависят от календарной механики — уравнения были в Приложении 5, — так что у вас будет двадцать три минуты на сессию, если начнем сейчас.

— Тогда давайте сделаем это.

Якорь Куджена щелкнул переключателем. Раздался звонок. По комнате пробежала тень. Сквозь черно-серебристую трещину на них уставились девять глаз, желтых, как пламя свечи. Потом тень исчезла, а вместе с ней и глаза.

— Джедао? — спросила Шиан, которую все это не впечатлило.

— Прошу прощения за то, что не могу отдать честь, сэр, — сказал Джедао тем же легким бари-

тоном с протяжным акцентом. Судя по звуку, он стоял в комнате лицом к ним, но при этом оставался невидимым. — Что вам от меня нужно?

— Я здесь, чтобы оценить ваше выздоровление, — сказала она. — Нирай-чжо говорит мне, что вы не дали никаких объяснений своего поведения при Адском Веретене.

— У меня их нет, сэр.

— Вы помните, что случилось? — Она хмуро посмотрела на Уво, словно отвечать должен был якорь.

Джедао медлил.

— Я помню отдельные части, сэр. Они идут не по порядку. Мне показали несколько видео, включая… — Его голос дрогнул. — Включая то, где я застрелил полковника Гизед. Я не… я не понимаю, зачем мне это понадобилось. Не могу поверить, что ее больше нет.

— А теперь Рахал смогут что-нибудь из него вытянуть? — спросила Шиан у Куджена.

— К сожалению, это невозможно, — ответил Куджен. На самом деле это был один из параметров конструкции «черной колыбели». Не то чтобы Шиан когда-нибудь узнала об этом от него. — Никто из нас не спит. Волчье прорицание на нас не действует.

Шиан тихонько выругалась, а потом сказала:

— Чего, по-твоему, я надеюсь тут достичь, Джедао?

— Полагаю, вы здесь для того, чтобы вынести решение, сэр. Я не уверен, почему меня сохранили как ревенанта. Должен был состояться военный трибунал, но я ничего не помню. Я понимаю, что убил многих, включая своих людей. Я готов к вашему приговору.

— Мы сохранили тебе жизнь, — ноздри Шиан раздувались, — потому что Командованию Кел нужны тактики твоего калибра, потому что ты еще можешь «служить» в качестве эксперимента, и потому что гептархат продолжает сталкиваться со многими угрозами.

Мужеформа кашлянула.

— Кстати…

Если бы Шиан прочитала отчет — что она якобы сделала, — все прошло бы гораздо легче.

Шиан сердито посмотрела на Уво.

— Вам есть что сказать, Нирай-чжо?

Куджен решил, что ему надо опять подобрать себе более грозный в физическом смысле якорь. Этот был превосходен во всех других отношениях. За завтраком они чудесно беседовали о гомологических гипотезах, но даже эффект просачивания

не мог преодолеть естественную застенчивость Уво.

— Сэр, — сказал Джедао, — я… я бы не рекомендовал использовать меня для этой цели. Сейчас у меня трудности с тактическими симуляциями. У меня нет никаких оснований полагать, что в боевых условиях дела пойдут лучше.

— Это, должно быть, унизительно для тебя, учитывая твоё прежнее величие, — сказала Шиан.

Голос Джедао прозвучал озадаченно.

— Я хочу служить, сэр, но важно, чтобы вы точно оценили мои возможности.

— А если я решу, что Кел будет лучше, если ты умрешь навсегда?

— Тогда я умру, сэр.

— Ты хочешь умереть, Джедао?

— Я хочу служить, сэр, — повторил он. — Не мне оспаривать ваши приказы.

— Ты счастлив здесь?

— Я жду возможности послужить, сэр. Это все, что имеет значение.

Шиан сама щелкнула переключателем, прогоняя Джедао. Куджен терпеть не мог, когда чужаки прикасались к его оборудованию. Якорь хотел что-то сказать, но Куджен удержал его. Он не хотел ссориться из-за такого, когда были более

важные дела.

Шиан нахмурилась.

— Он почтительный, послушный, скромный и совсем не похож на того самоуверенного ублюдка, который поставил целое состояние на то, что из битвы при Спиральном Потопе его армия выйдет с потерями не выше десяти процентов — и они в итоге составили меньше семи, — сказала она. — Поздравляю, Нирай-чжо, вы превратили его в овцу. От генерала ничего не осталось.

Куджен мог бы улыбнуться. Он нарочно все испортил.

— Вы же хотели безупречного заводного солдатика. Я вам его предоставил. Не могу сделать его лучше, чем есть. Он стабилен и будет служить, как бы плохо с ним ни обращались.

— И судя по вашему отчету, его тактические показатели едва достигают тридцати семи процентилей на всех четырех тренажерах, которые мы предоставили. Белка с миской шариков справилась бы лучше. Когда говорят, что он не потерпел ни одного поражения, вы понимаете, что это значит? Мы не отправляли его на легкие битвы ради забавы. Большинство миссий должны были его убить. Офицер Шуос — всегда в большей степени расходный материал, чем один

из наших. Так уж вышло, что он сделал выбор: стать блестящим тактиком и не умереть. Он понял, как не умереть. Командование Кел ожидало, что при Свечной Арке, при численном перевесе восемь к одному, его уничтожат, а он не просто победил — он разбил врага вдребезги. От этого эксперимента нет никакого толка, если мы не сможем использовать Джедао.

— Это был необходимый компромисс, — возразил Куджен. Надо было внушить ей, что такова правда. — Люди — не куски глины. Приходится работать с тем, что есть. С Джедао вы получаете либо полное послушание, либо ту коробочку в его голове, которая волшебным образом подсказывает поступки противника, чтобы того можно было завязать узлом, но невозможно иметь и то и другое одновременно. Пожалуйста, не спрашивайте, как вложить коробочку обратно, пока он в таком состоянии. Мне это не по силам. Вам понадобится психохирург, который будет одновременно и тактиком. — Эта часть даже была правдой. — Если знаете, где такого найти, пришлите его ко мне. Мы с ним поговорим, как спец со спецом. Чего именно вы от меня ожидаете, верховный генерал?

У Куджена были дурные предчувствия отно-

сительно улыбки Шиан. Когда он был жив, то улыбался так же.

— Он показался мне умиротворенным, — сказала Шиан. — А знаете, что у меня была племянница, которая служила под его началом при Адском Веретене? Я облегчу вам задачу. Если не можете сделать его лучше, сделайте его хуже. Сломайте его. Искалечьте. Он гребаный предатель, Нирай-чжо. Он не заслуживает, чтобы ему вернули жизнь, даже такую, как эта. Он должен страдать.

Куджен недоверчиво рассмеялся.

— Милая моя… — Кел ненавидели снисходительность. — Вы понимаете, что ваши оперативные параметры противоречат сами себе? Вам нужна тряпичная игрушка для пыток или полезный командир?

— Вы же гений, Нирай-чжо, — огрызнулась Шиан. — Нам все Нирай об этом говорят, но, наверное, вы их просто так запрограммировали. Почему бы вам не доказать это остальным? Найдите способ. Сделайте Джедао снова тактиком. И пусть страдает, служа Кел.

— Вам повезло, что я вас презираю, верховный генерал, — сказал Куджен. — Не могу дождаться, когда вы уберетесь с моей базы. Все, что я могу сделать с Джедао, я могу сделать и с вами.

Признайте, Джедао намного сложнее вас.

— Вы так говорите, словно это хорошо, — ответила Шиан. — Попытайтесь что-нибудь выкинуть — и несколько клыкмотов разнесут ваше драгоценное оборудование на радиоактивные кусочки. Вы же знаете, мы, Кел, отлично умеем все ломать. Так или иначе, Нирай-чжо, я вам ясно изложила требования Командования Кел или нужно повторить?

— Нет, все совершенно ясно, — сказал Куджен.

Он получил то, что хотел.

— Нирай-чжо, — сказал Джедао после восьмого раунда джен-цзай, — что вас беспокоит?

Чтобы позволить Джедао играть в эту игру без якоря, требовалось нелепое количество приспособлений, но Куджен помнил, как сильно она нравилась генералу. Неудивительно, что «коробочка» Джедао влияла на его умение играть. Прямо сейчас его результаты были кошмарны. Куджен и сам был неплохим игроком, но ему не следовало побеждать так легко. Между ходами его якорь решал логическую головоломку, поскольку ревенанты могли говорить друг с другом напрямую.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Куджен.

Растерянная пауза.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, Нирайчжо, но разве вас не окружает куча оборудования, которое говорит об этом больше, чем я сам могу почувствовать? Я бы напомнил, как эти приборы называются, но не могу произнести такие слова.

— Не говори ерунды, — сказал Куджен. — О том, что у тебя отличная память, я тоже знаю. — Не считая тех её частей, которые он запер в качестве меры безопасности. Нельзя, чтобы Джедао что-то выболтал Кел, пока он еще уязвим. — Ты знаешь, как они называются — все до единого.

— А математику все равно провалил, — весело сказал Джедао.

Это было правдой. Хотя Джедао обладал превосходной геометрической и пространственной интуицией, его познания в области алгебраических основ календарной механики были в лучшем случае сносными. Куджен задумывался о том, чтобы вылечить дискалькулию, но удобнее было этого не делать.

Куджен посмотрел на главный дисплей. У него были некоторые инструменты, про которые Рахал не знали. И в результатах его измерений главный сигнификат — «Лис, коронованный очами» — никогда не менялся. Это означало, что Джедао не просто пострадал меньше, чем

казалось, он ещё и манипулировал ситуацией. Но пока что Куджену не удалось поймать его с поличным.

С сетью многочисленных вторичных сигнификатов пришлось поработать дополнительно. Куджен изрядно потрудился, чтобы заменить проблемного «Жертвенного лиса» в мотивационных вершинах на более покорный «Кубок розы», тот-что-принимает.

— Джедао, — сказал он. — Мне придется тебя демонтировать. Будет больно.

Куджен знал, как дать верховному генералу Шиан половину того, что она хотела. Сделать Джедао нормальным и полезным, вернуть ему способность, которой он обладал при жизни. Во всех последующих действиях Куджену придется отталкиваться от неё, потому что он недостаточно хорошо понимал это свойство, чтобы вмешиваться в его суть, но такой план можно было воплотить в жизнь. Он мог превратить всепоглощающее чувство вины в желание что-то исправить. Самое трудное — дать Джедао чувство меры. Он обладал критичностью планетарного масштаба.

И конечно, это была лишь половина того, что требовала Шиан. Если Куджен хотел внушить

Кел, что он под них лёг, придется притвориться заложником их желаний.

— Нирай-чжо, — сказал Джедао. — Я создан, чтобы служить. Если такова суть моей службы, неважно, насколько это больно.

Печальный побочный эффект нынешнего состояния Джедао заключался в том, что он перестал быть интересным собеседником. Слава богу, это было временно.

— Прекрати говорить о службе, — сказал Куджен.

Небольшая пауза.

— О чем бы вы хотели поговорить?

— Ты даже не собираешься спросить, почему я должен разобрать тебя на части?

— Это не имеет значения, Нирай-чжо, разве что вы сами мне расскажете. Полагаю, у вас есть для этого веская причина.

Если Куджен не ошибался, Джедао пытался… его утешить.

— Есть одна вещь, которую я могу для тебя сделать, — сказал Куджен, потому что проще было работать со спокойным субъектом, а после некоторого момента Джедао уже не поймет, что его обманули. — Я не говорю, что сейчас ты в значительной степени кукла, пусть даже тебе и

непонятно, о чем речь, но ты и не сходишь с ума от желания покончить с собой. Я могу стереть твою память об этом времени. Ты будешь сломан, но не вспомнишь, что тебя когда-то залатали. Возможно, это уменьшит боль.

— Если это вас порадует, Нирай-чжо…

Раньше Джедао понимал, насколько рискованно говорить такое.

— Я спрашиваю, что предпочтешь ты.

— Я хочу помнить, — сказал Джедао, и его голос внезапно стал твердым.

Итак, он все-таки не до конца утратил понятия о боли, гордости или мерзких сделках. Славно.

— Отлично, — сказал Куджен. — Начнем прямо сейчас.

Он щелкнул переключателем, оставив Джедао в ловушке «черной колыбели» с её сенсорной депривацией.

В течение следующей недели Куджен изменил настройки так, чтобы слышать Джедао, не давая ему услышать себя. В отличие от Эсфареля, генерал не разговаривал сам с собой. Если бы не показания приборов, Куджен мог бы подумать, что его подопытный умер.

Он начал разбирать конструкцию, которую соорудил, чтобы стабилизировать Джедао, наме-

реваясь заново встроить в неё желание умереть.

После семи месяцев и трех дней полной изоляции Джедао нарушил молчание.

— Нирай-чжо? Вы здесь? умоляю…

Его голос дрожал.

Куджен не ответил. Вместо этого он принялся за тщательный труд по подавлению воспоминаний Джедао, раз уж тот сломался. Если Куджену суждено провести вечность в чьем-то обществе, пусть этот кто-то будет приятной компанией. Эсфарель в «черной колыбели» сошел с ума, но с тех пор Куджен придумал кое-что получше. К тому же генерал, раз уж он продержался до сих пор, был более стойким.

Через шестнадцать дней после того, как Джедао заговорил, Куджен заметил, что он бьется в конвульсиях. Приборы это не фиксировали, но он, будучи ревенантом, все чувствовал сам. Эсфарель тоже так делал, когда только стал немертвым и пытался выяснить, как убить себя.

Восемьдесят три дня спустя, когда Куджен уже думал, что может перейти к следующему этапу, Джедао снова заговорил, очень тихо.

— Куджен, пожалуйста. Мне вас не хватает. Здесь так темно. Вы… вы тут?

Это был не страх.

Это было одиночество.

Куджен, так уж вышло, знал: даже монстрам нужно общество. Или, во всяком случае, публика.

— Заткнись, — сказал он с внезапным раздражением. Единственной причиной, по которой они оказались в такой ситуации, была нелепая стратегия Джедао. — Заткнись, заткнись, заткнись.

Джедао все еще не слышал его. Ничего не слышал.

Куджен вернулся к работе.

Куджен задумался о Махаре. Он взял блестящего молодого студента и необратимо его испортил, оказал ему услугу, какой не смог бы оказать никто другой, пообещал ему роскошь, власть и жизнь брата в обмен на использование его тела. С учетом обстоятельств, якорь вел скромную жизнь, но это было его дело.

Куджен четко изложил условия. Он уже давно понял, что в таких вещах лучше быть откровенным. В справедливом мире он должен был превратиться в кучку праха под каким-нибудь камнем, а не торчать среди живых, паразитируя на себе подобных, но справедливость его никогда не заботила.

Давным-давно один наставник сказал ему, что он может сделать много хорошего с его удивительной одаренностью в технических областях. Восстановительная психохирургия беженцев и ветеранов. Новые, лучшие мот-двигатели. Время от времени — статьи об алгебраической топологии. Он мог бы сделать все это — и, в конце концов, сделал, — но ничто не меняло того факта, что однажды он умрет.

Как оказалось, можно починить календарь, чтобы обмануть смерть. Даже Рахал не умели делать с календарем то, что умел Куджен. Конечно, не обошлось без издержек. Календарь сделал поминальные церемонии еще более вездесущими, чем в детстве Куджена.

Бессмертие не превращает человека в чудовище. Оно просто показывает ему самому, каким чудовищем он и так уже является. Нирай Куджен мог бы предупредить своих собратьев-гекзархов, но куда интереснее будет наблюдать, как они сами это обнаружат.

Глава двадцать первая

Кируев с трудом удержалась, чтобы не уставиться на дверь в командный центр. Продолжающееся отсутствие Джедао во время участия в боевой операции было проблемой, но если Кируев оцепенеет, станет ещё хуже. Кроме того, инструкции Джедао, хоть и требующие большой веры, были недвусмысленны.

Первый рой Хафн (как он теперь обозначался на тактическом дисплее) всё ещё направлялся в их сторону со стороны Паутины. На пути противник должен свернуть к Башне Минан. Второй рой Хафн все ещё пребывал в беспорядке после того, как бомбы уничтожили часть его левого нижнего фланга (относительно ориентации роя и его оси движения), но она не могла рассчитывать на то, что это продлится долго.

Со своей стороны, Минан имела стандартную защиту для волчьей башни. Хорошая новость заключалась в том, что они находились глубоко внутри пространства гекзархата с его благоприятной топологией. Раздражающая способность Хафн использовать собственную экзотику в

гекзархате не мешала Башне Минан применять защиту в соответствии с высоким календарем. Плохая новость подразумевала, что её оборонные системы не были созданы для продолжительного использования. Никто не ожидал, что захватчик заберется так далеко в глубь их космоса, пусть это и была пограничная провинция.

— Мы вступим в бой, генерал? — спросила Джанайя.

— Всем подразделениям — вывесить знамя «Двойка шестерней», — сказала Кируев, стараясь говорить бесстрастно. — Активируйте основную опорную точку и будем сближаться, но осторожно. — Она уточнила параметры. Как и большинство щитовых формаций, «Ножи — это наши стены» давала лишь кратковременную защиту, но лучше так, чем позволить Хафн их отдубасить. — Сканирование, что там происходит?

— По нашим оценкам, тридцать мотов Хафн из восьмидесяти двух мертвы или выведены из строя, — ответил дежурный. — Я различаю четыре типа мот-двигателей, два из которых мне незнакомы. — Знакомыми были «сирени» и «магнолии». — Видимо, это какие-то вспомогательные суда, учитывая их расположение далеко позади боевых кораблей.

Дежурный по оружию, до сих пор хранивший молчание, внезапно заговорил:

— Сэр, идут еще моты. Посмотрите, как они перегруппировываются, чтобы очистить территорию для союзников.

Кируев согласилась. Второй рой Хафн не собирался в знакомую конфигурацию «две тарелки с перемычкой». Его боемоты образовывали что-то вроде полукруглого панциря вокруг скопления медленно движущихся кораблей.

«Иерархия пиршеств» достигла опорной точки формации, и эффект щита включился. Он был незаметен человеческим глазом, и Кируев из-за этого нервничала, когда была моложе, но данные сканеров показывали, что все в порядке. Хафн, похоже, обнаружили щит. Выпустив первый залп ракет, похожий на ливень заблудившихся звёзд, они прекратили огонь.

— Сэр! — крикнул дежурный по сканированию. — Вот они.

Рядом с Вторым роем Хафн возникли новые корабли противника. Одна группа имела несчастье материализоваться почти вплотную к поврежденному ранее моту. Он сгинул в ужасной вспышке и поджег ещё два ближайших корабля.

В рое Кел было сто пять мотов. К битве при-

соединились более ста пятидесяти мотов Хафн, и это не считая те семьдесят один, что мчались обратно к ним и могли ударить известным экзотическим оружием, при сохранении нынешнего ускорения, уже через двадцать четыре минуты.

Весь командный центр был залит огнями — красными и золотыми, золотыми и красными. Иногда Кируев думала, что Кел до мозга костей боятся умереть во тьме, где ни одна свеча не заменит погребальный костер.

«Разберитесь с этим», — сказал Джедао. Значит, если рассматривать ситуацию в целом как особенно смертоносные учения, он считал, что у Кируев есть и знания, и ресурсы, необходимые для победы. Обычно Кируев не применяла такой метаанализ к реальной жизни, но все знали, что Джедао склонен думать обо всем, как о игре.

Она понятия не имела, чем он так занят. Но зато знала, как поступить с Хафн. Первый рой сделал все возможное, чтобы увести противника от точки прибытия Второго, и она не думала, что это уловка. Они повернули только тогда, когда стало ясно, что Кел на это не купятся. Второй рой — не просто подкрепление. В нем было что-то жизненно важное для Хафн. Кируев не собиралась позволить им этим воспользоваться.

У них осталось всего шесть минут до окончания работы щита. Кируев установила новые путевые точки и передала их Джанайе и дежурному по навигации.

— Связь, — сказала она, — вызовите мне командера Гериона.

Глава Второй тактической ответил немедленно.

— Сэр, — сказал он, не в силах скрыть беспокойство.

«Я тоже не знаю, что задумал лис», — подумала Кируев. Не было смысла давать объяснения, которых у нее не было; это не её обязанность.

— Коммандер, — сказала она, — я отсоединяю Вторую тактическую. Я пометила моты, которые как будто бы находятся под защитой Второго роя Хафн. Ваша задача — оказывать на них давление, в том числе испепелить, если удастся преодолеть защиту. Я считаю, что помеченные подразделения — вспомогательные, но при сближении вы, несомненно, окажетесь под сильным огнем. Примите любые меры, какие сочтете необходимыми, и не беспокойтесь об остальном рое, пока я вас не призову.

Герион отдал честь.

— Естественно, сэр.

— Приступайте, — сказала Кируев, холодно осознавая, что если противник подготовил какие-то неприятные сюрпризы, Вторая тактическая столкнется с ними первой. Но кто-то всегда должен идти первым.

— Сэр, — доложил дежурный по вооружению, — щиты отключатся через три минуты. — Действительно, распад щитов проявлялся в виде серебристо-голубого светового переплетения, похожего на трещины в полом эллипсоиде, содержащем рой.

Хафн не бездельничали. Сканеры сообщали о шквале кинетических снарядов, от которых в местах ударов щиты покрывались волдырями. Куски мертвого металла сплющивались в раскаленные монеты и рикошетом улетали прочь. Конфигурация Второго роя стала более плоской. Кируев не понимала, что это значит, и дежурный по Доктрине не мог ничего прояснить.

— Всем тактическим группам… — Герион должен был понять, что это к нему не относится. — Перестроиться в «Горы никогда не шепчут». Рассчитайте время модулирования так, чтобы Вторая тактическая успела пройти.

Вторая тактическая вышла из состава формации. Остальные моты Кел маневрировали, меняя

позиции, чтобы сгладить негативный эффект. Судя по пирамидальному ведущему элементу, Кируев предположила, что Герион собирается использовать «Очи зимы», чтобы пробиться сквозь вражеские ряды.

— Наша очередь, — сказала Кируев.

— Сверху или снизу, сэр? — спросила Джанайя.

Это в любом случае была ловушка, но Кируев не могла безоглядно броситься вперед. Она произвела расчеты. Разрывная атака Хафн насадит их на кол, если они попробуют такой маневр.

— Снизу, — сказала генерал. Новые путевые точки. Джанайя предложила поправки. Она приняла.

Рой Хафн отреагировал с пугающей живостью на то, как пепломот наклонился по отношению к плоскости их собственного движения. Моты противника выполнили красивый маневр, разделившись по диагонали на две направленные в разные стороны решетки из кораблей, каждая из которых была снабжена выступом. Если бы кто-то нарисовал лучи, продолжив эти выступы, они пересеклись бы в точке, расположенной прямо перед «Иерархией пиршеств».

— Отмена! — рявкнула Кируев. — Развернуть рой… — Не было времени выбрать точные

координаты. Вместо этого она нарисовала на тактическом дисплее кривую, которую Джанайя превратила в необходимый маневр уклонения. На панели терминала вспыхнули огоньки, сигнализируя, что коммандеры мотов приняли приказ. — Доктрина, — продолжила генерал, — побыстрей с уравнениями! Объясните нам, что делает эта штука.

У дежурной по доктрине был затравленный вид.

— Да, сэр, — ответила она, не отрывая взгляда от терминала.

Вторая тактическая благополучно удалилась. Кируев пожелала им удачи, но у неё самой были дела поважнее.

Первый рой Хафн практически дышал в затылок Башне Минан. Сканеры подтвердили, что башня активировала щиты. Проблема заключалась не в источнике топлива для них, а в том, что они быстро разрушались при любом продолжительном обстреле. Небольшая заметка на одном из субдисплеев Кируев сообщила, что Башня Минан продолжает передавать данные сканирования — впрочем, они мало что добавляли к тому, что она и так уже знала о текущей ситуации. Магистрат не звала на помощь, но это

соответствовало ее предыдущему поведению. Кируев оценила, что её не пытаются отвлечь в разгар битвы. Так или иначе, Кируев не думала, что Минан в серьезной опасности. Хафн-Один собирался напасть на Башню лишь мимоходом, в последней попытке отвлечь Кел от Хафна-Два, а потом сосредоточиться на главном противнике.

Кел уже наполовину развернулись, когда Кируев вдруг захлестнуло дурное предчувствие: она сделала именно то, чего хотел генерал Хафн. Но ощущение, что в месте пересечения «лучей» нельзя находиться, было столь же сильным. Это был достойный способ загнать противника в угол — подсунуть ему ситуацию с двумя одинаково ужасными вариантами действий.

Позже, анализируя боевые журналы, генерал поняла, что на самом деле ловушка захлопнулась только девять секунд спустя, но она этого не заметила.

— Нарушение формации, — отрывисто сказал дежурный по сканированию, в то время как дежурный по связи передал тот же тревожный сигнал, поступивший от командующих тактическими группами номер три и пять.

Кируев сама это поняла по внезапному разрушению формационной защиты. Дежурная по

доктрине что-то сказала вдогонку. Это уже не имело никакого смысла.

— Следующие подразделения не отвечают на приказы… — Дежурный по связи, со списком. Кируев проверила цифры. Четырнадцать знамемотов на тактическом дисплее теперь были помечены значком «падающий ястреб». Она никогда не видела их так много одновременно, даже на учениях.

Одно дело, если атака Хафн как-то вырубила эти моты, и интерфейс дал сбой, пытаясь отобразить происходящее. Но «падающие ястребы», покинув формацию, направились прямиком к «Иерархии пиршеств». Более того, они построились в нечто, напоминающее конфигурацию Хафн, а не формацию Кел.

— Всем мотам, — сказала Кируев, пересылая список, полученный от дежурного по связи. — Следующие подразделения должны рассматриваться как враждебные. Пятая тактическая, их уничтожение — ваша приоритетная задача.

От формации остался только каркас. Если будут новые потери, ей придется перейти на формацию с меньшим количеством ключевых элементов.

— Остальным подразделениям — помогать по возможности.

Пятая тактическая группа заняла позицию между «падающими ястребами» и командным мотом и открыла огонь.

Учитывая то, как плохо, когда четырнадцать коммандеров Кел выходят из-под контроля (шутки в сторону), Кируев чувствовала себя ужасно спокойно. Это было несправедливо. Она знала, что сама все равно умрет. Но, не испытывая эмоций по поводу собственной смерти, она могла бы хоть как-то отреагировать на то, что происходило с роем.

Внимание генерала привлекла Джанайя: коммандер сжимала и разжимала кулаки, её плечи и шея были напряжены. Кируев такого от неё не ожидала. Обычно Джанайю было трудно вывести из равновесия.

— Коммандер, — тихо сказала Кируев и, когда женщина не ответила, повторила громче: — Коммандер!

Джанайя избегала смотреть ей в глаза.

— Что, если они смогут это повторить, сэр? — В ее голосе безошибочно слышалась паника.

Кируев едва не выругалась сквозь зубы. Об этом думали все, и вопрос, как избежать ещё одного такого удара, был важным, но это не значило, что можно говорить о своем страхе вслух. Джанайе

стоило подумать дважды. Даже простому солдату такое не помешало бы. Коммандер пепломота выбрала крайне неподходящий момент для нервного срыва.

— Соберитесь, коммандер, — сказала Кируев. Если Джанайю получится успокоить быстро…

— Сэр, — ответила та, повысив голос, — они опять нас атакуют, мы все в опасности…

Не повезло. Кируев сама виновата в том, что неверно оценила коммандера: всегда правильная, всегда идеальная Кел — ну конечно, она больше всех была подвержена срывам.

— Коммандер Джанайя, — сказала Кируев, пытаясь встретиться с женщиной взглядом, хотя ей надо было следить за показаниями сканеров и тактическими данными, — вы освобождены от дежурства. Полковник Мурис, примите командование на время операции.

На затянувшуюся секунду Кируев испугалась, что Джанайя оцепенеет, и её придется выводить из командного центра. Но коммандер встала, отдала честь и вышла с побелевшим лицом.

Кируев не могла уделять ей больше внимания, но понимала: если они выживут, придется заново оценить офицерские качества Джанайи. Они служили вместе долго. Она не понимала, до какой

степени привыкла полагаться на эту женщину. Пока Мурис занимал место коммандера, Кируев оценила позицию Второй тактической.

— Сэр, — сказал дежурный по сканированию, прерывая её попытки понять, чего Герион надеется добиться с помощью «Черной линзы», — вам следует просмотреть форманты «падающих ястребов». Взгляните на результаты сравнительного анализа…

Кируев не нужно было просить дважды. Она научилась читать данные сканеров под руководством одного из самых требовательных (чтоб не сказать скучных) инструкторов Академии Кел, и у неё имелись достаточные познания относительно того, какие стандартные очертания может принимать формант келского военного мот-двигателя. Форманты «падающих ястребов» изменились. Сканеры отображали их до жути похожими на двигатели Хафн.

— Пятая тактическая может предоставить визуальное подтверждение? — резко спросила она.

Пятая тактическая подчинилась. Через полминуты прибыла подборка видеороликов. Офицер по сканированию ведущего мота группы пометил самые примечательные элементы изображения, запечатленного дронами, которые выслал один

из знамемотов, чтобы изучить противника с близкого расстояния.

Один кадр оказался особенно четким. Знамемот «Отсчет до урагана» должен был быть черным с золотом, от названия вдоль хребта до келских мотивов в виде птиц и пламени. Но огромные участки его крыльев — там, где те были видны, — позеленели и приобрели перламутровый отблеск, словно отравленные жемчужины. Ещё более тревожным было то, что зелёное пространство поросло прозрачными жилами. На видео они пульсировали. Кируев вспомнила мальчика, сшитого с птицами и цветами, бесконечную вереницу красных пауков, что ползли по кристально чистым венам, соединяющим его с «гробом». Она не могла понять, ползает ли что-то внутри жил зараженного мота. Что ж, по крайней мере она не потратила время на то, чтобы в ручном режиме, через «первичное гнездо», попытаться подчинить сети мотов-беглецов «Иерархии пиршеств». Она теперь была почти уверена, что это бы не сработало.

Кируев приказала рою принять формацию из Вторичного лексикона. Модулирование получилось грубым, как она и предполагала, но ей удалось сохранить бесстрастное выражение

лица. Обычно Кел старались не допустить, чтобы вражеские элементы материализовались внутри формации.

На терминале замигали индикаторы обновлений, требуя внимания. Что её больше всего заинтересовало, так это донесение коммандера Гемета из Четвертой тактической, включающее список уничтоженных мотов. «Стрекозий гром». «Три кружащиеся шестерни». «Песнь почернелых камней». «Кровь оленя».

Она набрала на терминале новые указания, управляя геометрией роя с большей помощью сети, чем обычно. Как правило, Кируев полагалась на Джанайю, которая заполняла пробелы, но ей не доводилось часто так работать с Мурисом. Она хотела оставить хоть какую-то допустимую погрешность.

— Сэр, вам надо это увидеть, — сказала дежурная по доктрине во время одного из редких затиший. Её громкий голос был подобен удару молота. — Кажется, нам удалось изолировать конфигурацию Хафн.

Уравнения, анимированные диаграммы. Хафн не факторизировали свои конфигурации так, как это делали Кел с формациями. Но Кируев теперь видела, где копье предателя (как Доктрина его

обозначила) было спрятано в выступе решетки из вражеских мотов. Стоило предположить, что враг повторит маневр, если сумеет.

Первый рой Хафн теперь находился в зоне досягаемости самых дальнобойных орудий Кел. Как и предсказывала Кируев, они нанесли удар по Башне Минан лишь мимоходом. Кел развернулись, чтобы не оказаться зажатыми между двумя вражескими роями. Пятая тактическая группа с некоторым успехом расправлялась с «падающими ястребами»: им удалось уничтожить шестерых предателей из четырнадцати. Кируев поймала себя на размышлениях о том, что стало с экипажами этих мотов, и заставила себя выкинуть эти мысли из головы. С этим можно разобраться после битвы.

Вторая тактическая под командованием Гериона потеряла два мота, «Столп разбитых черепов» и «Штормовую пропасть». Кируев нахмурилась. Неужели Герион устроил то, о чем она подумала? Генерал потратила драгоценные секунды, просматривая боевые донесения. Ну да, вот оно. Это были осознанные жертвы, а не потери.

Она уполномочила Гериона делать то, что он считал необходимым. Формация, которую использовал Герион, «Удар Киоры», была од-

новременно гибкой и изменчивой. Герион уже использовал порожденные ею адские удары, чтобы уничтожить пять мотов Хафн, но в процессе сжигал собственные знамемоты. Существовал некоторый шанс, что формация целиком дестабилизируется, и все они испарятся на подходе к противнику.

Либо Хафн распознали «Удар Киоры», либо быстро прониклись к нему уважением. Они изо всех сил старались не подпускать Вторую тактическую к целям, которые Кируев наметила для Гериона. Внушало некоторый оптимизм то, что они — пока что — не опробовали копье предателя на тактической группе.

Кируев только что отдала приказ рою сменить фронт, развернувшись навстречу Первому рою Хафн, как вдруг в командном центре воцарилась тишина. Она оглянулась и увидела Джедао, у которого за спиной закрывались входные двери. Он не улыбался. Как и все остальные.

Кируев поднялась и отдала честь, но не слишком быстро.

— Сэр, — сказала она более холодно, чем намеревалась, хотя и вполовину не так, как чувствовала. — Жду указаний.

«Я не сержусь, — подумала она. — Я не сержусь».

Если повторить это в уме достаточно много раз, может, оно даже станет правдой.

— Вы хорошо поработали, генерал, — сказал Джедао. Он ответил на приветствие. Лишь тогда Кируев заметила, что глаза у него налиты кровью. Джедао занял свое место. — Вам не нужно беспокоиться о том, что еще больше мотов перейдут на сторону врага, — добавил он, не объясняя, откуда ему это известно. — Хафн почти наверняка приберегли эту атаку для другой цели, но вы заставили их запаниковать, и они выстрелили раньше времени.

Коммандер Мурис тихо переговаривался с дежурным по связи об искажении формации: три знамемота в Шестой тактической отошли от линии расположения кораблей, совершая маневр уклонения от снарядов, которые проникли сквозь брешь в щите. Прервавшись, Мурис посмотрел на Джедао. Тот поднял бровь, глядя на Кируев, и она сказала вполголоса:

— Коммандеру Джанайе нездоровится, сэр.

Джедао знаком велел Мурису продолжать.

— Коммандер Герион вынудил Второй рой Хафн занять оборону, — сказала Кируев, — но Вторая тактическая, скорее всего, сгорит ещё до того, как достигнет намеченных целей. Без

противодействия разрушительной атаке мы не можем продолжать, не рискуя значительными потерями — и эти потери вряд ли принесут нам много шансов на успех.

— Есть другой способ, — сказал Джедао. — И это не критика. Вам неоткуда было знать. Связь, соедините меня с коммандерами мотов. — Дежурный сообщил, что линия открыта. — Джедао — всем подразделениям. Я могу вам сказать в точности, что замыслил Второй рой Хафн. Вы видели, как они сюда прыгнули. Они лезут из кожи вон, чтобы увести эти вспомогательные корабли отсюда до того, как мы их уничтожим. То, что они защищают, очень плохо для гекзархата. Оно позволит им создать оперативную базу в пределах наших границ. Прыжок Хафн требует, чтобы моты находились в определенной конфигурации. Она выступает в качестве триггера, если можно так выразиться. Затем требуется некоторое время, чтобы прыжок произошел. Сейчас они делают обманные маневры, скрывая истинную цель. Но взгляните на это…

На одном из дисплеев Кируев появился лист бумаги. Он был также направлен Доктрине. Диаграмма была удивительно внятной, но сопутствующие уравнения с тем же успехом могли

быть написаны морской пеной. Кируев с трудом угадывала целочисленные ключи Хафн, сопоставляя их с тем, что помнила из инструктажа, проведенного Командованием Кел целую жизнь назад. Она встретилась взглядом с Джедао, гадая, где, черт возьми, он разыскал команду ручных Нирай. Но момент для расспросов был неподходящий.

И все равно Джедао на неё не смотрел. Он продолжал обращаться к рою.

— При удачном стечении обстоятельств можно испортить противнику прыжок. Для операции мне требуется шестнадцать знамемотов, поскольку двигатели разведмотов недостаточно мощны. Когда я говорю «испортить», то имею в виду, что прыжок переводит моты Хафн в сигнал, который затем проходит через пространство, очень слабо связанное с нашим.

Аномалии сканирования. Кируев вспомнила.

— Можно исковеркать сигнал, чтобы его нельзя было восстановить. У нас есть хорошее представление о вражеских пределах исправления ошибок. — Джедао почти небрежным жестом что-то переключил на терминале. Высветился соответствующий раздел документа.

— Мне нужно шестнадцать знамемотов… —

повторил Джедао, и его голос дрогнул. — Но я не буду приказывать вам взяться за дело, если только это не станет неизбежным. Мне нужны добровольцы. — Тут он все же улыбнулся, но его взгляд оставался мрачным. — Потому что, если это сработает, никто оттуда не вернется. Ни шестнадцать мотов, ни Хафн. У вас двенадцать минут, чтобы принять решение и эвакуировать как можно больше несущественного персонала. После этого я попрошу генерала Кируев выбрать по жребию.

Кируев прибегла к личному сообщению и подумала, что если бы это была учебная симуляция, ей бы урезали целый балл. «Мы Кел, сэр. Используйте нас как Кел».

Джедао ответил, как будто они были двумя кадетами в задней части класса: «Вы прежде всего люди. Вы заслуживаете возможности выбирать».

Кируев не понимала, как может армия действовать по такому принципу и, если уж на то пошло, откуда у старейшего солдата гекзархата столь непостижимые идеи.

Прошли двадцать три секунды. Мурис в высшей степени эффективно руководил маневрами роя. Два роя Хафн соединились друг с другом. Ещё два мота Гериона догорали.

— У вас никогда не было причин доверять мне, — продолжил Джедао, как будто он и не делал паузы. — Вы и сейчас мне не доверяете. Но одно я могу вам обещать точно: я знаю, как выигрывать битвы. Вот и все, что я могу сделать для гекзархата. А это битва, которой не избежать. Потому что Хафн здесь не только для того, чтобы завоевать территорию. Они здесь, чтобы уничтожать миры; они здесь, чтобы не дать нам выполнить свой долг. Мы в состоянии не позволить им добиться желаемого. Сделайте свой выбор, каким бы он ни был, но побыстрей.

Кируев уже отобрала шестнадцать знамемотов по жребию.

Дежурный по связи принял два вызова для Джедао. Потом пять. К тому моменту, когда истекли двенадцать минут, у них было одиннадцать добровольцев.

Кируев вычеркнула последние одиннадцать мотов из своего списка и передала остальные Джедао.

Джедао уже подготовил приказ о дальнейших перемещениях. На самом деле Кируев не узнала формацию, которую он выбрал, и её охватила уверенность в том, что память не подводит. Она знала, что лучше не спрашивать. Джедао заметил

выражение её лица и сжалился. В документе, который он передал, содержались новые сложнейшие математические расчеты.

«У меня нет времени проверять выводы», — в раздражении на саму себя подумала Кируев. Она убедилась, что Доктрина тоже получила копию, и попросила быстро все пересчитать, если это возможно.

Хафн дрогнули при виде нестандартной формации. Но, несмотря ни на что, они намеревались довершить начатое. Вокруг вспомогательных кораблей возникло некое подобие паутины из льда и железа. Подразделение вражеских мотов преградило путь Второй тактической.

Герион выслушал речь Джедао. Когда шестнадцать назначенных знамемотов рванулись к паутине, Вторая тактическая произвела на свет полыхающую колонну, которая рассекла часть преграды, чтобы облегчить им проход. Это произвело неожиданный эффект: как раз в тот момент, когда шестнадцать мотов проникли в паутину, она озарилась внутренним светом и как будто бы… сдвинулась.

— Какой ужас, сэр, — сказал дежурный по сканированию, потыкав пальцем в дисплеи. — У меня паутина на экранах, и все эти моты — они

застыли, как статуи, но все форманты исчезли. Как будто они призраки.

— На самом деле, нечто противоположное, — очень тихо проговорил Джедао. — Но да.

От Второй тактической не осталось ничего, кроме рассеянного красно-бронзового света, который быстро угасал.

— Второй рой Хафн покидает Первый, — сказала Кируев, наблюдая, как они отделяются друг от друга. Любопытно: перемещения Первого роя стали сдержанными и какими-то вялыми. А вот Второй попросту удирал.

— Да, я вижу, — сказал Джедао. — Связь, соедините меня с коммандером Дахаритом. Я отделяю Шестую тактическую для устранения Первого роя. Не думаю, что они доставят вам какие-то неприятности. Посмотрите, сможете ли вы захватить что-нибудь неповрежденное для анализа. Все остальные, соберитесь в «Драконий прилив». Мы позаботимся о том, чтобы Второй рой не сбежал.

Второй рой, как оказалось, тоже не доставил никаких проблем. Лишь когда основной рой Кел воссоединился с Шестой тактической, у Кируев появилась возможность поговорить с Джедао. Она не попросила о встрече; в этом не было необ-

ходимости. Джедао вызвал ее к себе. На столе перед ним лежала колода джен-цзай.

— У вас есть целый список вещей, которые вы хотите сказать, — проговорил он. — Приступайте.

— Во время боя рой заслуживал вашего полного внимания, сэр.

— Он и получил мое полное внимание, — ответил немертвый генерал. — Я занимался проектом, который важен для всей кампании. — Он сел и, прежде чем закинуть ноги на стол, подвинул часть карт. Две слетели на пол.

— Вы подвергли рой риску.

— Хотите признаться в собственной некомпетентности?

— Хочу сказать, что из нас двоих вы лучший полководец.

Веки Джедао слегка опустились. Кируев не могла понять, сердится он или нет.

— В этом нет вашей вины, — сказал Джедао, — но вы находитесь очень далеко от поля битвы.

Кируев заставила себя не сжимать кулаки.

— Я не жду, что вы расскажете мне все, но моя полезность вам становится крайне ограниченной. — Увидев, что Джедао продолжает смотреть на неё с холодностью во взгляде, Кируев приба-

вила: — Я не понимаю, что вы собираетесь делать с коммандером Джанайей.

— Я просмотрел записи, — сказал Джедао, — и согласен с вашей оценкой. Она сломалась именно потому, что является очень хорошим Кел. С вами этого не случилось, потому что — извините — вы не столь безупречны в этом смысле.

— Знаю, — сказала Кируев. Джанайя твердо верила в важность преданности и формационного инстинкта. Её ужас при мысли о превращении в «падающего ястреба» был очевидной вещью. — Но она по-прежнему не в себе, и это проблема.

Джедао побарабанил пальцами по собственному колену.

— Лучше я с ней поговорю, когда у нас будет немного больше свободного времени, но пока придется оставить Муриса в качестве коммандера. Я прикажу Джанайе явиться в лазарет для оценки состояния и консультаций.

Кируев не стала напоминать, что Джедао мог бы разобраться с Джанайей напрямую, если бы пребывал в командном центре в соответствующий момент.

— Кто предоставил вам математические расчеты? — спросила она. — По формациям и анализу метода перемещения, который использовали

Хафн?

— Я находился здесь, — сказал Джедао, — потому что предпочел бы сохранить это в тайне от вас.

Кируев прикинула, стоит ли настаивать на ответе, и решила, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Вы попросили о добровольцах.

— Да, мы оба это видели.

— Изначально вы взяли рой под контроль силой, — продолжила она. — Это мы тоже видели оба. Почему сейчас так важно, чтобы Кел служили по собственному выбору?

— А разве это такой плохой навык, чтобы ему не стоило научиться, генерал?

Кируев посмотрела на карты на полу, потом — на невозмутимое лицо Джедао.

— Если вы не хотели, чтобы мы вели себя как Кел, сэр, то почему…

— Вы уже доверились самому ненадежному генералу в истории Кел, — сказал Джедао. — Потерпите ещё немного и сами увидите, к чему всё идет.

— Я к вашим услугам, сэр, — сказала Кируев и удивилась, отчего глаза Джедао стали такими печальными.

Глава двадцать вторая

Брезан по настоянию Тсейи кормил вместе с нею птиц, пока их мот «Под сенью орхидеи» приближался к келскому рою. Тсейя продолжала называть его роем «Двойка шестерней». Это было верно, и все же Брезан чувствовал, что иной раз реальности стоит дать по зубам, пусть даже мысленно, и сам называл его роем «Лебединый узел». Они больше не получали текущие обновления из анданских источников, поскольку это могло выдать их присутствие. Как бы там ни было, собственные сканеры демонстрировали, что Джедао и Хафн кружатся в танце. Брезан и Тсейя хотели держаться поблизости, но не переусердствовать — мало ли что случится.

Когда Брезан не сумел выдать одной из птиц очередное угощение, она издала дребезжащий звук и вывернула голову почти на сто восемьдесят градусов, чтобы уставиться на него. Брезан был убежден, что шеи, какими бы длинными, стройными и изящными они ни были, не должны вот так скручиваться, словно штопор.

— Честное слово, нам бы стоило самим наблю-

дать за ситуацией, — сказал он Тсейе, стараясь не думать о том, как сильно клюв птицы напоминает копье.

Тсейя болтала босыми ногами в крошечном ручье, явно не заботясь о том, что ей могут откусить пальцы. Сегодня она заплела волосы в косы, которые ниспадали на вязаную шелковую шаль.

— Когда я училась в Академии, меня вынудили кое-что прочитать о нескольких битвах, которые вели Кел, — безмятежно проговорила агентесса. — Кое-какие из них длятся дольше, чем наши бесконечные званые обеды. Два роя еще даже не показали друг другу знамена. Я бы сказала, что нет смысла заводиться, но, насколько я могу судить, ты всегда на взводе.

Брезан сердито уставился на свою партнершу по миссии. Птица продолжала печально глядеть в его сторону, вместо того, чтобы выбрать себе более удобную мишень — ну ясное дело, ее специально обучили изводить невинных Кел. Он выудил из контейнера ещё одно лакомство и осторожно протянул. С величайшей деликатностью птица выхватила кусочек из его руки и проглотила.

— Кажется, ты больше боишься ручного журавля, чем Джедао, — добавила Тсейя. — Как-то это…

шиворот-навыворот, не находишь?

Брезан искоса взглянул на агентессу, но увидел на ее лице только искренний интерес.

— Известный враг предпочтительнее? — предположил он. — Впрочем, я и не понимал, сколь многое о нём умалчивалось в Академии Кел.

Во время путешествия Тсейя старательно изучала их потенциальную жертву. Кое-какие записи они просмотрели вместе. В Академии Кел Брезан ознакомился с такими известными эпизодами, как бой при Адском Веретене и передача Джедао в ведомство Командования Кел, посредством которой гептарх Шуос Хиаз полностью от него отказалась. Одно видео даже демонстрировало, как его награждают какой-то медалью, и это очень смущало. Награждение случилось почти за десять лет до бойни.

Как узнал Брезан, эти записи составляли лишь малую часть доступного материала. Например, Тсейя раскопала обрывок съемки какого-то официального обеда, где Джедао усадили рядом с лиожским поэтом, который имел смутное представление о стихах его сестры. Брезан даже не догадывался, что у Джедао когда-либо была сестра, не говоря уже о том, что она оказалась поэтессой. Он невольно задумался, раздражала

ли она когда-нибудь Джедао так же, как Миузан его. Тсейя также нашла записку, которую Джедао написал одной из своих любовниц, Магистрату. Письмо было кратким, официальным и касалось какой-то ключ-карты. Брезан счел бы выбор выражений ужасно холодным, не объясни ему Тсейя, что в те времена именно этого и требовал протокол. Как бы там ни было, Брезану очень не нравилось думать о Джедао как о живом человеке, а не как об игровой фигуре, которая обрела чрезмерные полномочия. Было слишком тревожно осознавать, что кто-то мог натворить все то, что устроил Джедао, действуя целенаправленно.

У Тсейи был задумчивый вид.

— По Жертвенному Лису у нас много всего, — проговорила она, — и, сдается мне, лишь малую часть от этого можно охарактеризовать как то, чего можно ожидать от офицера Кел. Жаль только, что не хватает самой полезной детали.

Причины его безумия.

— А я сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь был сумасшедшим, — заявил Брезан, вспоминая, каким безупречно расслабленным выглядел немертвый генерал в своем украденном теле.

— Что ж, — сказала Тсейя, — хотела бы я заявить, что надеюсь во всем разобраться, но раз

из него тогда ничего не вытянули, мои шансы не лучше. Проклятые Шуосы.

Брезан угостил вторую птицу лакомством. Она качнула головой, словно в знак благодарности.

— А эти твои любимцы не разжиреют? — спросил он. Аппетит у существ явно не уменьшился.

Тсейя беспомощно рассмеялась.

— Ты безнадежен. Поскольку мой план заставить тебя расслабиться прискорбным образом провалился, почему бы нам не попробовать что-нибудь еще? Можем устроиться в командном центре, чтобы вогнать себя в уныние по поводу того, что нам предстоит, просматривая записи старых дуэлей Джедао.

— Валяй, сделай мне больно… — сказал Брезан. В какой-то момент он поведал ей о том, какие разгромные поражения терпел от Миузан во всем, что касалось спорта. С другой стороны, лучше уж сидеть в командном центре — там его не будут донимать эти птицы с противоестественно длинными и тонкими шеями. — Ну ладно, раз уж ты предложила, давай так и сделаем.

Тсейя бросила последнее лакомство к двум искусно переплетенным друг с дружкой деревьям в кадках. Птицы устремились туда же.

— Идём, — сказала она.

Брезана тревожило, что Тсейя везде и всюду ходит босиком. Казалось, произведя первое впечатление в качестве члена фракции Андан, она больше не чувствовала себя обязанной соблюдать приличия. Когда он упомянул об этом, она только улыбнулась и сказала: «Суть протокола в том, чтобы произвести впечатление, так или иначе. Может быть, я просто пытаюсь убаюкать тебя, внушив ложное ощущение безопасности?»

Ее слова напомнили Брезану, что когда большинство людей беспокоятся о том, что их могут ударить ножом в спину, втянуть в интригу или перехитрить, они беспокоятся не только о лисах из фракции Шуос. Если у них есть хоть капля здравого смысла, они не спускают глаз с Андан. «Я наименее полезный генерал Кел в истории, если тебе нужна пешка по дешевке, — сказал он ей. — А если тебе скучно, что ж, ты и так уже затащила меня в постель».

Тсейя фыркнула, но не ответила на колкость.

Они вошли в командный центр с аквариумом. Терминалы пестрели отчетами о состоянии дел.

— Я уверена, что ты легко мог бы убить меня, если бы тебе пришлось, — небрежно проговорила Тсейя, садясь.

Брезан напрягся.

— Не надо, — сказал он. — Это не смешно.

Тсейя открыла рот, увидела его лицо, закрыла рот.

— На что похожа твоя семья? — спросила она ни с того ни с сего.

— Моя что? — Брезан заглянул в отчет о состоянии, поскольку это было то, что он понимал — и прямо сейчас он нуждался в чем-то понятном. К несчастью, отчеты демонстрировали всего лишь то, что два роя выполняли маневры. «Лебединый узел» как будто не горел желанием преследовать Хафн, но кто знает, какой барочно-замысловатый план привел в действие Джедао. Если это означало поменьше погонь, Брезан ничуть не возражал.

— Твоя семья. — Тсейя уперлась руками в колени и слегка наклонилась вперед.

Интересно, почему это так важно для нее?

«Я недостаточно хитер для этого задания», — подумал Брезан.

— Уверен, мы бы тебе наскучили, — сказал он, не сомневаясь, что о главном она уже прочитала. — Мой старший отец уже был в отставке к тому времени, когда я повзрослел достаточно, чтобы соображать, но, впрочем, родительские обязанности выполняли большей частью два

младших отца. Один из них восстанавливает антикварное оружие, что объясняет его партнерство с кем-то из фракции Кел. Другой делает вырезные бумажные иллюстрации для детских книг. Однажды на меня накричали за то, что я испортил его лучшие ножницы.

Он уже рассказывал ей о своих сестрах, но она продолжала смотреть выжидающе.

— Мою старшую сестру зовут Кериезан. Я её почти не вижу, да и в детстве мы мало общались, что автоматически делало её привлекательнее близняшек. Она намного старше, и у неё двое детей. Кажется, она собиралась завести ещё одного ребенка. Что касается близняшек, то Миузан из них самая неуемная. С Ганазан, будь она сама по себе, я бы справился — она довольно спокойный человек, — но она всегда по умолчанию принимала сторону Миузан.

Тсейя продолжала молчать. Чувствуя себя загнанным в угол, Брезан сказал:

— Мы ссорились из-за глупостей вроде кому чистить оружие и кому выбирать, какие драмы смотреть вместе. Мой старший отец считал, что это надо делать всем вместе — понятия не имею, почему. Честно говоря, мы очень заурядные. Позор достался мне одному. Если бы «падающих

ястребов» было легко выявить заранее, я… я бы вообще не попал в Академию Кел.

Если уж на то пошло, он понятия не имел, что Командование Кел сказало его родителям, если вообще что-то сказало. Он не осмелился спросить. Если ему повезет, Командование предпочло промолчать. Его семья, вероятно, решила, что он мертв или находится под контролем Джедао. Правда была ненамного лучше.

— Твоя семья очень отличается от моей, — сказала Тсейя. — Пожалуйста, не думаю, что все анданские семьи интересуются только ядами и притворством. Везде по-разному.

Брезан задался вопросом, захочет ли она углубиться в подробности, и сам не понял, огорчился или обрадовался, когда этого не случилось. Может, Тсейе просто нужно было отвлечься.

— Ты хотела посмотреть какие-то дуэли? — спросил он, созерцая статусные индикаторы. По-прежнему ничего полезного.

— Да, я выберу одну наугад, — сказала Тсейя, немного оживившись.

Сеть с радостью сделала выбор за них: на видео был Джедао тех времен, когда он руководил тактической группой, а его противником оказалась гибкая длинноволосая Шуос, оскорбленная

каким-то нарушением этикета, которое Тсейя, несомненно, поняла, но вот Брезан — ничуточки. Было странно изучать Джедао в собственном теле — худощавом, мужском, с лицом, которое оставалось непримечательным, пока он не улыбался; но Брезан узнал движения Черис-Джедао, памятные по командному центру «Лебединого узла», и ещё узнал улыбку. Также было странно видеть Джедао с эмблемой коммандера тактической группы, включающей звезду и пламя, а не с генеральскими крыльями. Брезан напомнил себе, что Командование Кел в любом случае наконец-то уволило ревенанта.

Джедао и его противница, Шуос Маграх, оценивали друг друга так, что казались братом и сестрой.

— Маграх была наемной убийцей, так что у них одинаковая подготовка, — объяснила Тсейя, когда Брезан сказал об этом вслух. — Были предположения, что она пыталась ранить или убить Джедао по своим собственным причинам.

А Брезан-то думал, что правильно расположил события на временной шкале.

— Разве в то время его не любили?

Тсейя пожала плечами.

— Это сложно. Многим сослуживцам-Кел он

нравился, но другие считали, что ему просто повезло, и возмущались тем, как быстро его повысили. Шуосы считали его чудаком. Посмотри на все с их точки зрения. Сразу же после Академии его карьера стремительно взлетела, он очутился прямиком в аппарате гептарха, блистательно проявил себя в качестве убийцы, потом занялся работой с маленькими подразделениями и продемонстрировал ещё более впечатляющие результаты. А потом — как показалось остальным — военщина засела у него в башке, и он все бросил, чтобы погнаться следом за Кел. Непостижимо, но гептарх Шуос Хиаз его отпустила. Может, в конце концов решила, что он ей не подходит. Только подумай, от скольких неприятностей она избавила бы всех нас, если бы просто заперла его где-нибудь, пока не перебесится.

Поединок развивался, на экране был лучший раунд из семи. Брезан мог разобраться в происходящем, только просматривая замедленные повторы. Он уже знал об экстраординарных рефлексах Джедао, но Маграх была столь же быстрой.

— Ты не поверишь, до какой степени неполноценным я себя чувствую, — сказал Брезан.

Тсейя пнула его в голень.

— Не думаю, что работа убийцы по найму пришлась бы тебе по нраву.

— Если бы у меня были навыки убийцы, я мог бы застрелить Джедао до того, как он зашел так далеко.

— Жизнь не ограничивается умением решать проблемы меткой стрельбой, — возразила Тсейя. — Нам просто придется на этот раз сделать все правильно. Для человека, который так хорошо обращается с оружием, у Джедао много слабостей. Нет, я больше беспокоюсь о том, как бы подобраться достаточно близко, чтобы порабощение сработало, чем о том, что Джедао даст сдачи.

— Не уверен, что это отношение поспособствует нашему выживанию в долгосрочной перспективе.

Она улыбнулась ему уголком рта.

— Кто-то из нас должен быть оптимистом.

Мот-сеть прервала их уведомлением: рой Джедао транслировал знамя «Двойка шестерней».

— Нам лучше приготовиться, — сказала Тсейя.

Брезан выключил запись поединка, мимоходом отметив, что счет был 2–2, и задавшись вопросом, не параноик ли он, раз думает, что Джедао мог это подстроить. Он отвернулся. Ему больше всего на свете хотелось быть частью разворачивающейся

битвы, он жаждал сражаться.

— Брезан, — сказала Тсейя. — Брезан. Мы тоже сражаемся, особым образом.

Не стоило и пытаться объяснить ей, что быть Кел не означало сражаться особым образом, как сделал он во время упражнения Пурпур-53. Это означало сражаться в точности так же, как все остальные Кел. Разумеется, будучи «падающим ястребом», он не мог читать Тсейе лекции по поводу доктрины Кел. Вместо этого он сказал:

— Я исполню свой долг.

Потому что это, разумеется, было неоспоримо.

Для миссии у Тсейи имелась имитация келской униформы. Он не смотрел, как она одевается — он не мог такое вынести, — но вынужден был согласиться, что в любой другой одежде на моте Кел она будет выделяться, в особенности после того, как Джедао выгнал весь прикомандированный персонал. Они тихо переоделись. Брезан знал, что Андан заботит эстетика даже таких утилитарных предметов, как скафандры, но одно дело знать, а другое — носить их самому. Впрочем, учитывая развитие событий в этом году, изящные завитушки были наименьшей из его проблем.

Из них двоих Тсейя была лучшим пилотом. Брезан наблюдал за ней достаточно долго, что-

бы понять: дело не только в глубине познаний относительно того, как надо обращаться с шелкомотом. К счастью, она была на его стороне — во всяком случае, в данный момент скорее на его стороне, чем наоборот.

По мере приближения он едва сдерживался, чтобы не комментировать события шепотом, как будто Кел в рое могли бы услышать его сквозь вакуум. Тсейя, сосредоточенная на задании, ничего подобного не испытывала. Большим пальцем ноги она громко постукивала по опоре терминала.

От того, что они находились на борту шелкомота, ожидание не становилось менее мучительным. Брезан наблюдал за роями Кел и Хафн на экранах, ворча, как вдруг появился второй рой противника. Он даже не понимал, как описать увиденное, и не думал, что множество формантов — даже искаженных чужеродных формантов — могут оказаться неисправностью системы сканирования.

— Тсейя…

— Я их вижу, — сказала агентесса. Она не изменила курс — в основном потому, что главная часть роя Джедао была занята тем, что строилась в формацию, угрожающую вновь прибывшим. Брезан понятия не имел, откуда Джедао узнал, что

они здесь появятся. Никто и никогда не говорил, что Джедао умеет извлекать из систем сканирования дополнительную информацию, но нельзя было исключать, что он припас какие-то трюки.

Брезан с трудом оторвал взгляд от подсвеченного треугольника на дисплее, изображавшего «Иерархию пиршеств». «Мы освободим всех вас от Жертвенного Лиса, — свирепо подумал он, стараясь не думать, выжила ли генерал Киру-ев. — И тогда я лично убью Джедао, и разорву его на столько кусков, что нечего будет сжигать».

Один из бывших любовников Брезана, парфюмер, однажды спросил, что его так привлекает в жестокости профессии. И неважно, что как штабной офицер он ничего жестокого не видел собственными глазами. Брезану не хотелось признаваться в подобном, но он испытывал определенное удовлетворение от того, что преодолевал препятствия при помощи силы.

«Сосредоточься», — напомнил он себе. Они еще не заняли позиции, а Джедао все еще представлял угрозу. Он взглянул на Тсейю. Все еще поглощена своей задачей. Хорошо.

Битва разворачивалась очень странно. Он понял, что Хафн каким-то образом взяли под контроль четырнадцать знамемотов Кел. Джедао

увидел это раньше Брезана и опасным образом сократил большую формацию, чтобы высвободить тактическую группу, которая занялась устранением подразделений, переметнувшихся на сторону врага. Брезан старался дышать глубоко и ровно, чтобы справиться с тошнотой при мысли о Кел, вновь ставших предателями не по своей воле, о том, что они при этом чувствовали…

Нет. Дело не в этом. Он вспомнил сбивающую с толку преданность в глазах генерала Кируев, в глазах коммандера Джанайи. Сам Брезан испытал ужас только потому, что у него не было формационного инстинкта, который внушил бы мысль, что в окружающем его мире все идет как положено. Гекзарх Кел его предупреждала, но он был не готов понять её слова.

— Эта обособленная группа — она что, горит?

Брезан осознал, что Тсейя обращается к нему, и посмотрел на тактический дисплей.

— Да, — ответил он ровным голосом. Каким несчастным коммандером пожертвовал Джедао? Конечно, любой из них был готов послать людей на смерть. Но Брезан ничего не мог с собой поделать. — Кажется, эта группа наседает на корабли, которые Хафн пытаются защищать.

— Понятно, — сказала Тсейя. Теперь она вела

их сквозь фейерверки.

Они обсудили, как справиться с ситуацией, учитывая, что битва все усложняет. Если устранить Джедао во время сражения, это навредит шансам роя на выживание. Раз уж Джедао продолжает бороться с захватчиками, они вполне могут позволить ему завершить битву. Брезан прослужил под началом генерала Кируев достаточно долго, чтобы верить в ее компетентность, но они не знали наверняка, что женщина жива. Со своей стороны, Брезан не был подготовлен к выполнению этой задачи.

Поэтому они решили проникнуть на борт командного мота и подстеречь Джедао, когда он вернется в свою каюту, чтобы отдохнуть. Теоретически наличие тела, даже чужого, означало, что ублюдок должен время от времени спать. И был шанс, пусть даже небольшой, что ревенант ослабит бдительность в достаточной мере для их успеха.

Хотя Брезан половину карьеры прослужил на моте, он всегда ненавидел в космических боях одну вещь, а именно иллюзорное чувство изоляции. Можно было почти вообразить, что темнота с её бездонным взглядом — некий защитный покров; можно было перепутать время от времени

наступающую тишину с указанием на то, что враг пройдет мимо. Но на самом деле Вселенная отлично знала, как врезать под дых тому, кто слишком много о себе возомнил. Во время первого назначения Брезана на знамемот, в сражении с налетчиками-таурагами, выстрелом из рельсотрона пробило ослабевшие формационные щиты и корпус мота и рассекло женщину рядом с ним напополам.

— Поехали, — промурлыкала Тсейя себе под нос. Брезан вздрогнул, но она разговаривала с мотом. Они теперь находились посреди зоны боевых действий. Тсейя явно знала о формационной механике больше, чем обычно показывала. Иначе она не смогла бы предугадывать действия Джедао, и их бы сбили ещё на подлете. Она уже пробралась через щиты, воспользовавшись модуляционными промежутками и способностью шелкомота ускоряться рывками, очень быстро.

Брезан увеличил субдисплей, на котором отображались данные оптических устройств. С такого расстояния лишь золотая краска, нерегулярно мерцающая в свете щитовых эффектов и огня противника, позволяла отличить пепломот от окружающей его пустоты.

— Скоро моты спарятся, — сказала Тсейя. — Го-

тов? Тебе это не понравится. Мне вот никогда не нравилось.

Оба ещё раз проверили паутинные ремни, и Брезан кивнул. Он был рад, что наконец-то что-то происходит, хотя знал, что через несколько минут будет чувствовать себя совсем иначе.

Тсейя была права. Несмотря на всю ее ловкость как пилота, от маневра спаривания все кости в теле Брезана завибрировали так, словно хотели вырваться из плоти. Шелкомот прикрепил себя паутиной к точке проникновения, а потом, содрогаясь, начал медленно приближаться к «Иерархии пиршеств». Затем он выпустил яйца, которые вылупились и сотворили мост из металлического кружева, а также бурильщика, который должен был прогрызть путь через корпус пепломота.

Бурильщик старательно изверг пузырь, которым покрыл себя и точку прорыва, а потом принялся за работу. Они ждали в молчании. Брезану все время хотелось стукнуть по экрану с индикаторами прогресса, хоть это и было иррациональное желание. Тсейя не выказывала нетерпения.

— Все идет как надо, — сказала она наконец, и он согласился. — Пошли.

После шелкомота с его обилием птиц, неуместных рыб и изящных деревьев, строго утилитарный шлюз почти разочаровывал. Углы рта Тсейи дрогнули, когда она заметила, какое у Брезана лицо, но агентесса ничего не сказала. Расстояние между «Под сенью орхидеи» и «Иерархией пиршеств» было небольшим, но опасным. Невзирая ни на какие страховочные тросы, можно было проявить небрежность и провалиться сквозь отверстие в несовершенном металлическом переплетении. И все же Брезан сталкивался с такой опасностью раньше, поэтому он быстро завершил переход, добравшись до пузыря из металлопены.

Тсейя немного задержалась, и Брезан подумал, уж не заметила ли она что-нибудь неладное. Потом агентесса тоже перешла на другую сторону. Пузырь открылся, пропуская обоих, и пришлось войти вместе, прижавшись друг к другу из-за его небольшого размера. У них за спиной он закрылся, а впереди разверзлась дыра в корпусе «Иерархии пиршеств».

Они оказались в коридоре. Брезан резко огляделся, но никого не увидел. Он рассчитывал ощутить нечто большее, чем острую как нож отчужденность.

— У меня нет доступа к сети, — проговорил

он тихо. Не стоило ожидать иного. Но если бы Джедао проявил небрежность, они могли бы хоть выяснить, каков нынешний план коридоров мота.

Единственным ответом Тсейи был короткий кивок. Она дышала неглубоко, и её лицо было слишком бледным.

— Тсейя?

— Я в порядке, — сказала она слабым голосом.

Следовало бы спросить её о неуместных фобиях, вроде тех, наличие которых он раньше проверял для генерала, только вот для этой миссии Тсейю выбрал не Брезан. Кроме того, ему так и не показали её досье, хотя она-то его собственное точно видела. В конце концов, он подчинялся ей, а не наоборот.

— Надо двигаться дальше, — сказала Тсейя решительней. Вот и хорошо, и без разницы, есть ли у неё боязнь открытого пространства или вакуума. Она совершила переход, и теперь им предстояло застрелить архипредателя.

Они сбросили скафандры и засунули в пролом. Если кто-то найдет это место раньше, чем они найдут Джедао, с ними все равно покончено. И все же ему было неприятно видеть Тсейю в униформе Кел. А что касается самого Брезана,

то казалось, что гребаные генеральские знаки отличия транслируют их положение на весь знамемот.

Руководствуясь наилучшими соображениями о том, где могли находиться покои Джедао, он двинулся вперед, ведя их по сбивающим с толку одинаковым коридорам. Было трудно не видеть некоего самодовольства на мордах вездесущих нарисованных ястребов. «Если мне однажды позволят декорировать мот, — подумал Брезан, — я велю выкрасить его сплошным цветом, и пусть это будет скучно на вид». А если серьезно, он привык принимать переменную компоновку отсеков как должное. Тот факт, что у него теперь не было доступа к главной карте, беспокоило сильней, чем Брезан был готов признаться самому себе.

Какое-то дребезжание заставило обоих напрячься, но это был всего лишь сервитор, несущий ящик с инструментами, — он занимался рутинным техобслуживанием, которое не требовало одобрения человека-техника. Сервитор, дельтаформа, обращал на них не больше внимания, чем Брезан на плитку на полу. Тсейя в задумчивости взглянула на робота, но Брезан жестом велел ей не отставать. Если не считать шлюза, она справлялась отлично. Он надеялся

лишь на то, чтобы и самому не оплошать.

Первых Кел они повстречали за пределами того, что должно было быть дуэльным залом; Джедао не потрудился изменить нарисованных ястребов с мечами в лапах на что-то другое. У двух Кел, солдата и капрала, были замученные лица людей, которые хотят лишь поспать. Они почти что прошли мимо Брезана и Тсейи.

— Вижу, дисциплина здесь пошла ко всем чертям, — едко заметил Брезан. Он узнал их: Кел Осара и капрал Мерез. Ни тот ни другой не доставят им хлопот, если только они не окажутся настолько глупы, чтобы вызвать Мереза на состязание в выпивке. Брезану доводилось слышать, как один сержант клялся, дескать, этого человека невозможно напоить, не прибегая к помощи каких-нибудь веществ.

Оба Кел от неожиданности дернулись. Осара, более сообразительная, отсалютовала, и её лицо побледнело. Это было очень по-келски, и на самом деле ничто другое ей было не по силам. Она была в состоянии понять, что происходит нечто неправильное, раз Брезан оказался здесь, да ещё и с такими знаками отличия, но он не приказал ей думать, поэтому она и не собиралась начинать.

А вот Мерез попытался разобраться в ситуации.

Он посмотрел на эмблему с крыльями и пламенем, затем отдал честь, но гораздо медленнее.

Прежде чем Мерез смог сформулировать вопрос, Брезан резко спросил:

— Генерал Кируев ещё жива?

— Да, сэр, — ответили оба.

Он хотел порадоваться ответу, но у него не было никаких гарантий относительно состояния генерала.

— Она здорова?

Они замялись.

— Она жива, сэр, — сказал капрал.

Чудесно… Он хотел бы разобраться, но им надлежало убить лиса.

— Джедао?

На этот раз никаких колебаний.

— Жив, сэр.

Проклятье.

— Мне нужны указания, где скрывается Джедао, — сказал Брезан, — а потом хочу попасть к генералу.

Мерез выдал ему координаты. Оказалось, что Джедао выделил Кируев апартаменты рядом со своими. Брезану было противно думать о том, что это подразумевало.

— Ладно, — сказал он обоим. — Идите прямо в

казармы и оставайтесь там. Ни с кем не разговаривайте, пока я не отменю приказ. Ступайте.

Оба Кел зашагали прочь. На мгновение глаза Осары вспыхнули от изумления. Когда солдат и капрал скрылись за углом, Тсейя пробормотала:

— Будем надеяться, они по дороге никого не встретят.

— Мы ничего не можем с этим поделать, — сказал Брезан.

Они добрались до каюты Джедао без дальнейших происшествий, пусть даже им самим казалось иначе. Брезан бросил взгляд на двери в другом конце коридора, ведущие в покои Кируев, как будто генерал собиралась выйти им навстречу. Вряд ли. Он кивнул Тсейе.

Многое может пойти не так, если попытаться взломать полноценную мот-сеть, в особенности такую, за которой следит Шуос — по этой причине до сих пор ни один из них это не пробовал. Но теперь момент настал. У Тсейи был опыт ныряния в сеть. Она достала хакерское устройство в виде кольца с невероятно большим опалом-кабошоном, окруженным бриллиантами, которое она ранее описала как «соответствующее представлениям моей матери о моде», и наклонила голову, прислушиваясь к чему-то, что могла слышать

только она.

Брезан уже начал опасаться, что кто-нибудь появится в том или другом конце коридора, как вдруг дверь тихо открылась. Тсейя выпрямилась и кивнула ему. Брезан вытащил пистолет. С того места, где стоял, он проверил помещение, затем пробежал внутрь, свернул налево и повторил проверку. В комнате не было ничего интересного, кроме колоды джен-цзай и нескольких фишек на столе.

— Чисто, — тихо сказал он.

Но, увы, их попытки действовать скрытно оказались недостаточно хороши.

— Я здесь, — донесся ужасно знакомый голос. В другом конце салона открылась дверь. Джедао был частично виден через проем, включая половину улыбки.

Брезан не смог сдержаться. Он прицелился и выстрелил трижды. Пули с визгом отрикошетили, что-то в соседней комнате разлетелось вдребезги. Джедао снова спрятался, быстрый как ртуть.

— Если вы всерьез собирались убить меня, взорвали бы тут все, как Командование-мать-его-Кел уже сделало с другим пепломотом. Хватит тратить ваши пули и мое время, давайте поговорим

как цивилизованные люди.

Если это предлагал сам Джедао, такой поворот не мог сработать в их пользу. Это точно уловка. Но так у Тсейи появлялся шанс, чтобы…

— Дайте слово, — продолжил ревенант. Теперь он диктовал условия. — Я оставлю оружие здесь. А ты, Брезан, можешь оставить себе все, что пожелаешь.

Брезана охватила мучительная неуверенность. Единственным, что не давало ему войти туда, было воспоминание о жгучей боли в руке, и ещё — обжигающее осознание того, что Джедао как убийца намного лучше. Тсейя ничего не говорила и, похоже, не собиралась покидать коридор, пока это было опасно, поэтому он решил придерживаться изначального плана.

— Ладно, — грубо сказал Брезан и спрятал пистолет с самоубийственной честностью. — Выходи.

Он согласился не стрелять. Он ничего не говорил о другом оружии. Джедао был не настолько глуп, чтобы не заметить лазейку, и в любом случае Шуос ожидал бы, что все будут лгать так же, как и он. Они оба намеревались предать друг друга. Вопрос в том, кто быстрее.

Он может не выжить. Но ему было приказано

дать Тсейе шанс. В кои-то веки он выполнит чертов приказ.

Джедао неспешным шагом вышел из комнаты. Эта проклятая кривая улыбка. Брезан сжал левую руку в кулак, жалея, что не может разбить лису физиономию. Джедао заметил знаки отличия Брезана. Его глаза расширились. Потом он тихо рассмеялся.

— И люди жаловались, что я получил повышение слишком быстро… Что ж, поздравляю. Как вам нравятся привилегии ранга, генерал?

Затем глаза Джедао сузились, и он посмотрел через плечо Брезана. Брезан сначала не осмелился обернуться, но услышал шаги Тсейи. Она могла ходить тихо, когда хотела. То, что она этого не сделала, свидетельствовало о ее уверенности в собственных силах.

Брезан почувствовал жар ее присутствия и, к своему стыду, ощутил, как кровь приливает к шее от осознания, что она так близко, даже если ее внимание сосредоточено на другом мужчине. Несмотря на свое первоначальное намерение, он медленно повернулся, чтобы посмотреть. Он хотел бы провести руками по ее волосам, чьи локоны высвободились из серебряных заколок; он изумился тому, как ее глаза стали розово-голу-

быми, глубокими, как море; он хотел бы, чтобы этот лепестковый взгляд был сосредоточен на нем, даже зная, что это означало бы.

Затем он снова посмотрел на Джедао, что и должен был делать все это время. Джедао наблюдал за Тсейей сквозь опущенные ресницы. Брезан очень цинично спросил себя, когда Джедао в последний раз сближался с человеком не для того, чтобы его убить. Напряженность взгляда Джедао его встревожила, но Тсейя ничем не выказывала беспокойства.

Медленно и грациозно, не обращая внимания на Брезана, Джедао направился к Тсейе. Он сказал что-то ласковое на языке, которого Брезан не знал. Тсейя ответила на том же языке. Брезан занял позицию, стараясь не двигаться слишком резко, хотя и понимал: преодолеть эффект порабощения так уж легко.

Брезан сделал выпад, но Джедао уже не было на прежнем месте. Он метнулся вокруг Брезана и ударил Тсейю по затылку. Борьба закончилась так быстро, что Тсейя рухнула в объятия Джедао быстрей, чем Брезан успел среагировать.

Брезан обнаружил, что выхватил пистолет, но это не принесло ему никакой пользы. А стоило поучиться на своих ошибках.

— Не надо, — сказал Джедао, судя по голосу, ничуть не порабощенный. — Она жива, пусть даже ей и понадобится медицинская помощь. Я бы предпочел не убивать ее без необходимости. Особенно не из-за такого дурацкого стечения обстоятельств.

Брезан уставился на Джедао, потом на Тсейю, потом снова на Джедао. Порабощение должно было сработать, если только…

Если только Джедао не был Джедао.

Его разыграли. С самого начала.

И это означало, что по его вине они оказались в руках человека, ещё более опасного, чем немертвый генерал.

Глава двадцать третья

Черис бесцеремонно бросила Тсейю на пол. Рванулась вперед. Досадный факт: она двигалась, как ртуть, с той же быстротой, которую Брезан заметил в записях прижизненных поединков Джедао. Брезан сопротивлялся, но она уже вцепилась ему в горло мертвой хваткой.

«Замечательно… — подумал он, когда мир начал погружаться во тьму. — Меня уделала *пехота* Кел…»

Когда Брезан пришел в себя, он был искусно связан паучьими ремнями. Черис усадила его в кресло, которое при других обстоятельствах было бы просто роскошным. По крайней мере, это не было одно из кресел генерала Кируев — антикварное, с подозрительными отверстиями на подлокотниках, которые выглядели так, словно у генерала была нервная привычка дырявить их отвертками. Брезан вряд ли смог бы это вынести.

Сама Черис оседлала стул, повернутый спинкой к Брезану.

— Я боялась, что ты останешься в отключке на всю ночь, — сообщила она. — Не трудись звать

на помощь. Никто не услышит. Формационный инстинкт — такое дело… Я не могу рисковать.

Она все еще говорила с акцентом Джедао.

— Мы оба знаем, кто ты. — Брезан попытался пустить в ход свой лучший сдержанный голос, но получилось какое-то карканье. — Можешь перестать притворяться.

— Это сложный вопрос, — возразила она. — И ты, похоже, запутался, кто кого допрашивает. Почему ты пытался меня убить?

Надо было ему держать рот на замке. Это уже превращается в тенденцию. С другой стороны, вопрос не сложный.

— Мне казалось, это очевидно. Ты захватила рой моего генерала под видом Шуос Джедао. А у него, если вдруг ты проспала этот урок, репутация человека, вокруг которого все погибают. Надо быть чокнутым, чтобы по доброй воле оставить тебя за главную.

Черис одарила его улыбкой Джедао.

— Вижу, тактичность не относится к числу твоих сильных сторон, но ты не тупой. Как ты и сказал, мы оба знаем, что я не Джедао, иначе попытка твоей анданской подружки увенчалась бы успехом.

— Что ты с ней сделала? — спросил Брезан, не

успев прикусить язык.

Черис подняла бровь.

— Джедао бы её убил, но она не мертва. На большее не рассчитывай.

Брезан ей поверил, но кто знает, в каком состоянии Тсейя…

— Ты приложила чертовски много усилий, чтобы быть убедительным Джедао, — сказал Брезан, вспоминая, как все начиналось. Может, лучше ее разговорить. Вдруг она о чем-то проболтается.

— Хочешь верь, хочешь нет, но это побочный эффект того, что сделало со мной Командование Кел. В любом случае попробуем еще раз. Почему ты пытался убить меня?

Странное дело, но она, похоже, не принимала покушение близко к сердцу. Её интересовали его мотивы. Зачем? Почему это так важно? Она могла убить его без всяких проблем. Если уж на то пошло, она могла бы сделать это и в первый раз. Подоплека происходящего нравилась ему все меньше и меньше.

Черис терпеливо наблюдала.

— Кем бы ты ни была на самом деле, — сказал Брезан, — ты захватила рой моего генерала. Какого хрена я должен был делать? Позволить тебе смыться со всеми этими мотами?

Черис постучала кончиком пальца по спинке стула.

— А для чего нужен рой?

— Ты знаешь ответ на вопрос. Зачем мы вообще ведем этот разговор?

— Неужели все генералы так плохо дают прямые ответы? — едко поинтересовалась Черис. — А вопрос-то, между прочим, не трудный.

— У нас был приказ сражаться с Хафн, — сказал Брезан, подавляя желание броситься на Черис — он ведь прекрасно понимал, чем это закончится. — И мы бы с этим прекрасно справились без твоего вмешательства.

— Большей частью да, — сказала Черис, — но с одним исключением. Это исключение убило бы всех вас. Впрочем, ладно. Вы двое, видимо, отслеживали движения роя, чтобы попасть на борт командного мота. Я могу лишь предположить, что вы также наблюдали за его действиями. Это, несомненно, сказало тебе все о том, как я беспорядочно взрываю моты, обрушиваю их на города или заполняю ядовитым газом.

— Ценю твой сарказм, — огрызнулся Брезан. — Я осведомлен о том, какой успех тебе сопутствовал. — Он не был уверен, что хочет знать, какую часть этого успеха можно отнести на счет того,

кто был до недавнего времени пехотным капитаном. — Я также осведомлен, что ты сражалась с Хафн вполсилы, как будто Командование Кел держало тебя на поводке. Но я отказываюсь верить, что ты делаешь это ради гекзархата.

— Да, полагаю, выгода гекзархата очень важна для тебя, — сухо сказала Черис. Ее кулаки сжались.

Брезан обратил внимание не на ее руки, а на тон голоса. Вот тебе раз, неужели она что-то уловила? Он совершенно не нуждался в том, чтобы она поняла, какие у него бывают опасные еретические мысли по отношению к властям.

— Ты ужасный лжец, — прибавила она, хотя Брезан не сказал ни слова. Его сердце сжалось. — Ты заботишься о рое; вот и славно. Сам увидишь, что я оберегала Кел лучше, чем это могло бы сделать Командование.

— И поэтому ты послала ту тактическую группу сражаться в самоубийственной формации, — парировал Брезан, хотя провоцировать Черис было плохой идеей.

— Это сделал коммандер Герион, — возразила Черис.

Брезан сдержал ругательство. Герион ему нравился, и не только потому, что коммандер

оценил его жареного фаршированного фазана в тот единственный раз, когда Брезан пригласил его на обед.

— Он хорошо служил, — сказала Черис без видимой иронии. — Кто-то должен был сражаться, Брезан. Ничего с этим не поделаешь. Герион выбрал, как выполнить свою миссию. «Удар Киоры» был его выбором, и он достиг намеченной цели. Итак, спрошу еще раз. Почему ты пытался убить меня?

Брезан уставился на нее. Жаль, что у неё отлично получалось выглядеть невозмутимой. Наверное, так бывает, когда у тебя все козыри на руках.

— Я Кел, — процедил он сквозь зубы. Он вспомнил самодовольных ястребов, крылья из витков дыма, обжигающий взгляд золотых глаз. — У меня приказ.

Черис беззвучно рассмеялась.

— Мы «падающие ястребы». Если ты следуешь приказам, это потому, что сам так решил. И мы возвращаемся к вопросу, который я все время задаю, но ты уходишь от ответа. Почему ты пытался убить меня?

Брезан не мог даже сжать кулак. У него закончились уклончивые ответы.

— Не знаю, — сказал он, ненавидя себя за то, каким измученным прозвучал голос. Когда Черис не ответила, он продолжил, громче: — Ну не знаю я, понятно? Ты это хотела услышать?

— Я выполняла приказы Командования Кел, в точности как ты, — сказала Черис. — Но есть вариант получше. Я его не видела, пока Джедао не показал. — Когда Брезан уставился на неё, она добавила: — Джедао был злом, но это не означает автоматическую неправоту во всех вопросах. — Она встала и начала отстегивать ремни. — Вот что сейчас будет. Я передам тебе руководство роем, и можешь поговорить с товарищами. Уверена, они беспокоились о твоей судьбе. Спроси, как управляли роем, и сопоставь это с тем, как обошлись с тобой. Формационный инстинкт обеспечит честные ответы с их стороны. — Последний ремень отстегнулся. — Потом возвращайся и скажи мне в лицо, почему хочешь меня убить. Поскольку ты станешь командиром роя, сомневаюсь, что я буду представлять для тебя какую-то угрозу.

Брезан не смел пошевелиться, но, осторожно напрягая мышцы, понял, что действительно свободен.

— Они понятия не имеют, кто ты, не так ли?

— Я знала, что ты и об этом догадаешься, — сказала Черис как ни в чем не бывало. — Запри меня, где хочешь. Мне нужно кое-что обдумать. В конце концов, если бы ты хотел убить меня, ты бы уже это сделал.

Брезан открыл рот, сам не понимая, зачем позволяет ей трепаться, раз уж она его освободила, затем закрыл его.

— Дай мне слово, что будешь сидеть взаперти, пока я не вернусь.

Командование Кел с удовольствием развесит его по частям на какой-нибудь неприукрашенной стене, когда узнает, что он задумал. Они понимали, что он может толковать свои приказы свободно, однако Брезан преступил черту оправданных действий.

— Даю слово, — сказала Черис. Она положила руку на рукоять календарного меча, которого не носила — ритуальный жест, которым Кел не пользовались больше поколения. — Можешь начать со своего генерала. Она, вероятно, отдыхает.

— Дай мне доступ к мот-сети, — сказал Брезан.

— Ну разумеется.

Черис пробормотала кодовую фразу на незнакомом языке, не заботясь о том, что он слышит — впрочем, вряд ли у неё появится новая

возможность использовать этот пароль.

Брезан моргнул, когда мот-сеть снова начала разговаривать с его аугментом. Понадобилась всего секунда, чтобы проверить главную карту и убедить терминал выдать текущий лист нарядов.

— Если окажется, что это все-таки часть какого-то шуосского гамбита, — проговорил Брезан, — я пошлю тебя Командованию Кел по частям.

Угроза не произвела на нее впечатления. Учитывая то, что она уже сделала, будучи обреченной, ничего удивительного.

Брезан встал. Его мышцы протестовали, но он пробыл связанным не так уж долго. Он оглянулся на Черис, которая перебралась на кушетку и включила… это что, дуэльная драма? С танцорами? Лучше не спрашивать.

Хотя Брезан почти ожидал, что в коридоре на него накинутся еретики-Кел, за порогом простиралась лишь дразнящая пустота. И со стен глядели все те же самодовольные нарисованные ястребы.

У него два варианта. Можно навестить генерала Кируев, как предлагала Черис, или пойти за Тсейей, если сеть не лжет о её местонахождении. Тсейя не одобрит, что он разговаривал с Черис,

но может знать, чего требует ситуация. С другой стороны, Брезан чувствовал себя обязанным выяснить, насколько правдивы утверждения Черис.

К черту всё. Лучше разобраться, пока есть такая возможность. Он прошел по коридору, не очень далеко, и остановился перед дверью генерала.

— Прошу разрешения о встрече с генералом Кируев.

Последовала долгая пауза. Брезан уже собирался повторить запрос, когда дверь открылась. Он вошел и только тогда понял, что забыл упомянуть о своем новом звании.

— Брезан, — сказала Кируев, а потом, увидев эмблему с крыльями и пламенем, прибавила: — Сэр.

Прекратив переставлять на полках свою бесконечную коллекцию штуковин, она повернулась к Брезану как следует и отдала честь.

Брезан не обратил внимания ни на её устройства, ни на салют. Седая прядь в волосах Кируев сделалась шире, а сама женщина выглядела худой и болезненной. Брезан подавил рычание.

Рот Кируев скривился.

— Раз вы здесь, — сказала она, — значит, Командование Кел каким-то образом умудрилось

вас прислать, и Джедао больше нет. — Она попыталась дотянуться до своего пистолета, но руку свело судорогой, и кисть затряслась.

«Она пытается убить меня из-за Джедао?!» — подумал Брезан, не веря собственным глазам.

— Отставить, с… генерал, — сказал он. Кируев застыла. Брезан не приказал ей сдать оружие, что почти наверняка было ошибкой, но он не хотел полностью лишать ее достоинства. — Что, черт возьми, с вами случилось?

— Пожалуйста, конкретнее, сэр, — ледяным тоном произнесла Кируев.

Что ж, если она так ставит вопрос…

— Выглядите так, словно вас отравили. Что происходит?

— Я задействовала оговорку Врэ Талы от имени Джедао, когда Командование Кел отозвало его полномочия, — сказала Кируев.

— Он заставил вас пойти на такой шаг?! — ужаснулся Брезан. Так вот почему Кируев выглядела больной — она и была больна. Она умирала.

— Меня никто не заставлял, сэр. Я это сделала добровольно. Можете меня пристрелить, если хотите. Это больше не имеет значения.

Колючее отчаяние в глазах Кируев ранило Брезана.

— Я задаю не те вопросы, — сказал он. — *Почему* вы сделали это добровольно?

Тишина.

Отлично. Брезану придется давить на женщину, которая, по всем правам, должна быть его командиром.

— Отвечайте на вопрос, генерал.

Кируев резко вдохнула и кивнула.

— Потому что он достоин верной службы, — сказала она. — Потому что первое, что я попыталась сделать, это убить его с помощью самодельного устройства…

Брезан скрыл изумление.

— …но попытка провалилась. Я убила Лю и Мерики.

— Мне очень жаль, — сказал Брезан. Услышанное казалось не совсем реальным. Лю с его легкой склонностью к азартным играм, Мерики с её оравой детей…

Кируев продолжала, словно не слыша Брезана.

— После этого генерал Джедао увел меня, чтобы поговорить наедине. Он знал, что я виновна. Он отчитал меня за то, что я убила не тех, предупредил, чтобы я больше не лажала, и попросил ему послужить. Я так и сделала.

Я знаю, что говорят уроки истории. Я знаю, что

он сделал. Но за то время, пока Джедао командовал роем, он действовал по отношению к Кел более благородно, чем это обычно делает Командование Кел. — Кируев отвернулась, потом снова посмотрела на него. Её сопротивление ослабевало. — Полагаю, вы его уже устранили. Иначе вас бы здесь не было. Так вперед, сэр, закончите начатое. — Её голос смягчился. — Как бы там ни было, я рада, что вы живы.

И тут Брезану пришло в голову, что Кируев жаждет смерти. Ему захотелось спросить, не побочный ли это эффект Врэ Талы — такие слухи ходили давно, — но он не смог этого сделать, потому что заподозрил, что ответ ему не понравится. Вместо этого он проговорил:

— Что, если я скажу, что нас обманули? Что вы на самом деле следовали не за Джедао?

Кируев замолчала. Потом сказала:

— Это ведь вы указали на тот факт, что бывшая капитан Черис не обладает такими снайперскими навыками. Разве что ей повезло. Если, конечно, вы на это намекаете.

— Я чертовски мало знаю о том, как именно Джедао воскрешали всякий раз, когда Командование Кел желало отправить его в бой, — сказал Брезан. — А вы?

— У меня никогда не было доступа к таким сведениям, сэр.

Он видел, что Кируев настроена скептически.

— Я пришел сюда не один, — сказал Брезан, но не получил никакой реакции. Кируев такого ожидала. — Меня послали в качестве подкрепления для агента Андан. — Вот тут ее глаза вспыхнули. — Агентесса не смогла даже замедлить Черис.

— Может, Джедао просто сошел с ума — или обезумел сильней, чем прежде — от того, что завладел телом Черис?

— Меня не было на моте все это время, — сказал Брезан, думая о том, какими здравыми были речи Черис. Ходили слухи, что Шуос обучили некоторых своих агентов умению сопротивляться порабощению, но Тсейя не думала, что это ей помешает. — Вот вы мне и скажите. Человек, которому вы служили. Его поведение казалось вам поведением сумасшедшего?

— Ну, — очень сухим голосом произнесла Кируев, — в нынешних условиях честный образ действий всегда кажется чем-то безумным. Но я вас поняла, сэр. В любом случае это не имеет значения.

Это застало Брезана врасплох.

— Не понял.

Кируев поджала губы.

— Джедао мертв?

— Нет, — сказал Брезан и встревожился от того, как его порадовал тот факт, что лицо Кируев чуть просветлело. — Черис меня одолела. Сидит сейчас в своей каюте под арестом. Но она убедила меня оценить свои действия исходя из состояния роя в целом.

— Это интересный ход, — сказала Кируев, — учитывая, что у меня нет выбора и я обязана вам подчиниться. Вы уверены, что ей можно доверять?

Да, вот оно: формационный инстинкт взял своё, и её преданность перераспределилась. «Я не хотел, чтобы так вышло», — подумал Брезан, понимая, что говорить такое вслух не надо.

— Может, она надеялась, что я приду к тем же выводам, что и вы.

— Вас отпустили и не убили, сэр, — заметила Кируев, как будто Брезану нужно было об этом напоминать. — Я вижу закономерность.

— Я едва успел осмотреться на «Иерархии пиршеств», — сказал Брезан. — Мне бы хотелось обойти корабль в вашей компании, чтобы не вызвать слишком большой суеты.

— Просто прикажите, сэр.

Брезан напомнил себе, что не стоит пререкаться из-за того, в чем у Кируев нет выбора.

— Черис дала вам какие-нибудь указания относительно ее конечной цели?

— Я знаю лишь то, что мы должны были сражаться с Хафн — вы об этом наверняка догадались, — и что, возможно, она вела и какую-то более крупную игру. Никаких других подробностей мне не сообщили.

— Пусть и не подробности, — сказал Брезан, — но что угодно, любая деталь… — Он и не заметил, когда стал надеяться, что у лисы-Черис был какой-то план. — Ведь не намеревалась же она затеять войну с гекзархами с одним роем, пусть и таким большим.

— Она как-то сказала, что я смотрю не на то поле боя, — призналась Кируев. — Но это мог быть обманный маневр.

— Думаете, она блефовала?

— Нет, — ответила Кируев без намека на колебания. — Нет, я так не думаю.

Брезан на мгновение задумался.

— Для начала я хочу увидеть членов штаба и глав подразделений, а также коммандера Джанайю.

— Сэр, вы должны знать, что она отстранена от службы. Действующий коммандер — Мурис. Мне восстановить Джанайю на посту?

И с чего он взял, что разобрался в ситуации?

— Что случилось?

— У неё был нервный срыв, сэр, — сказала Кируев и не стала вдаваться в подробности.

— Придется вникнуть в это позже, — мрачно решил Брезан. Статус роя был проблемой первостепенной важности. — Что ж, пусть будет коммандер Мурис.

— Как пожелаете, сэр. Я все устрою.

Кируев, несомненно, видела, как плохо Брезан подготовлен к такому повороту событий, но она никак это не прокомментировала. Конечно, она не могла вести себя иначе — это было бы неподчинение. Брезан в бессильной ярости смотрел, как Кируев рассылает указания, даже не зная, на кого он злится. Может быть, на себя.

Они направились в конференц-зал пораньше на том основании, что было лучше оказаться там первыми. Брезан с трудом сдерживался, чтобы не вздрагивать от поступи Кируев — не потому что он ощущал нечто неправильное, но потому, что все время ожидал, что что-то пойдет не так. Генерал кашлянула, когда Брезан машинально

занял свое прежнее место за столом. Он покраснел и решил остаться стоять, а Кируев медленно опустилась в кресло рядом с тем, что было во главе стола.

Первым прибыл коммандер Мурис. Он без малейших промедлений отдал честь и по кивку Брезана направился к месту напротив Кируев. Потом пришли большинство штабных офицеров. Последним был медик, смотревший на Брезана с нескрываемым скептицизмом.

Когда все расселись, Брезан сказал:

— Я понимаю, это чертовски странная ситуация, но то, что мне нужно от вас, очень просто. Я хочу честных оценок того, как обращались с роем после переворота, устроенного Джедао. — Он не объяснил ни своего присутствия, ни того, какого хрена ему понадобилась эта информация. По крайней мере, видимая покорность генерала Кируев придавала ему некий вес. — Будем двигаться по часовой стрелке, начиная с коммандера. Я уже выслушал доклад генерала Кируев в частном порядке.

— Сэр, — сказал Мурис. И приступил к отчету. Его ясная и лаконичная манера говорить не изменилась, и Брезан не мог не восхититься его хладнокровием. Хотя встреча записывалась, Бре-

зан делал заметки, потому что иначе не смог бы сосредоточиться на том, что говорил Мурис.

Невозможно было избавиться от ощущения, что собравшиеся в зале офицеры излучают грусть. Но они должны были выполнять его приказы, потому что потеряли способность сопротивляться в тот самый момент, когда вошли и увидели знаки отличия верховного генерала. Кируев попыталась, но не смогла противостоять прямому приказу. В середине рассказа Муриса о первом сражении с Хафн Брезан рассеянно подумал, что было бы ужасно легко привыкнуть к тому, как люди смотрят на тебя с подобной преданностью — наверное, так и случалось с верховными генералами, а также с генералами, которые противоестественным образом накопили четыреста лет выслуги. Он уж точно не помнил ничего такого за время своей обычной карьеры.

Кел Черис обладала властью над роем, и отказалась от неё в рамках… риторического гамбита. Кто она на самом деле и что за игру затеяла?

Одно ясно: если он хочет в этом разобраться, придется вернуться к ней.

Глава двадцать четвертая

Кируев с трудом сохраняла сосредоточенность во время встречи под руководством верховного генерала Брезана: отчасти потому что она, как и все, кроме самого Брезана, знала, через что прошел рой, но ещё и благодаря подкрадывающейся смертельной усталости. Истекла едва ли четверть срока, отпущенного оговоркой Врэ Талы, а ей уже так плохо. Как же кто-то доживал до сотого дня? Общаясь с людьми, она чувствовала себя лучше. С другой стороны, сидя в конференц-зале, было слишком легко поддаться иллюзии, что она постепенно становится не более живой, чем стены, воздух и пыль, кружащаяся в лучах света.

Она встрепенулась, когда Брезан отдал приказ относительно Черис, главным образом из-за формулировки «если увидите, что Джедао бродит где-нибудь, нарушив слово и покинув каюту, пристрелите его». Интересно, что Брезан не раскрыл личность Черис — возможно, потому что история была слишком невероятной, чтобы кто-то мог в нее поверить. Потом Брезан отпустил всех и раздраженно посмотрел на Кируев. Брезан никогда

не умел скрывать своих мыслей.

— Генерал, — сказал Брезан, — я хотел бы осмотреть мот, если только вы не считаете это нецелесообразным в данный момент.

Тактичный способ позволить ей отпроситься, хотя Кируев и не собиралась этого делать. Вернувшись в каюту, она бы просто погрузилась в сон, чтобы ни о чем не думать, а просто лежать грудой костей, витков и изгибов.

— Не вижу причин медлить, сэр. Уверены, что вам не нужен настоящий эскорт?

Брезан вздрогнул, как она и ожидала, но протокол надо было соблюсти.

— По-вашему, я в опасности?

— Только не со стороны Кел, — сказала Кируев. Конечно, вопрос о том, относилась ли Черис к этой категории, оставался открытым.

Брезан ничего не сказал в ответ, но наверняка подумал об участи своей анданской подруги.

— Значит, начнем с командного центра, — решил он.

Сделал два шага к двери и остановился. Не поворачиваясь лицом к Кируев, спросил:

— Почему?

Брезан ведь понимал, что не добьется результата с таким неопределенным вопросом? Одна

из первых вещей, которым учили офицеров, заключалась в том, что непокорные рядовые могли запутать командира, воспользовавшись лазейками — стоило только захотеть. Кируев честно призналась:

— Я не понимаю вопроса, сэр.

Брезан обернулся — глаза его сузились, ноздри раздулись. Он искал потенциальную жертву. Но, будучи самим собой, еще не понял, что любой в рое мог стать такой жертвой, если бы верховный генерал того пожелал.

— Не догадываетесь? Я понимаю суть формационного инстинкта. Я не понимаю, каким образом вы позволили себе сделаться пешкой Черис после того, как получили свободу.

— Сэр, — проговорила Кируев, — мне кажется, вы хотите узнать, как позволили ей сделать то же самое с собой. Моя история вам уже известна. Но вот вы здесь — и вы осведомлены о том, что другая Кел, такой же «падающий ястреб», сумела вырваться на свободу и делает то, что ей в голову взбредет.

— Если бы вы пустили ей пулю в лоб, когда Командование Кел лишило Джедао звания, — проговорил Брезан, повышая голос, — нам бы не пришлось…

Он резко замолчал.

— А что, по-вашему, могло случиться со мной за время вашего отсутствия? — устало спросила Кируев. — Я человек, сэр. Люди ломаются. Иногда это происходит очень просто. Если вы разочарованы, простите. Можете принять любые дисциплинарные меры, какие сочтете нужными. Но я решила, что для меня важнее всего. — Она выдержала паузу, собирая воедино все причины, какие были; память её уже подводила. — Меня не волнует, что у Черис никогда не было шанса победить гекзархат. Я хотела умереть, зная, что кто-то верит в мир, который достаточно хорош, чтобы бороться за него.

Брезан взглянул на неё с непроницаемым лицом, потом сказал:

— Пойдемте, генерал.

Кируев двинулась следом, подстраиваясь под его шаг. Они в молчании шли по коридорам пепломота. Брезан, похоже, открыл в себе художественного критика — так или иначе, его что-то беспокоило в нарисованных тушью картинах. Поскольку Кируев не спросили, что она думает по этому поводу, это её не касалось. Что бы ни говорили о формационном инстинкте, осознание того, что кто-то другой должен решать, что

делать, успокаивало. Она облажалась только потому, что получила слишком высокое повышение.

Коммандер Мурис отсалютовал Брезану чуть ли не до того, как двери открылись, впуская их. Сеть проинформировала его об их приближении. Мурис избегал смотреть на Кируев. Это было вполне разумно: с точки зрения Муриса, Брезан водил Кируев туда-сюда на глазах у всех, чтобы позже казнить её за государственную измену. У Кируев не было убедительной защиты от такого обвинения.

Хотя рой и не двигался, Брезан мог наблюдать за тем, как Мурис изучает отчеты о послебоевом ремонте и потерях, а также отвечает на поступающие время от времени вызовы от коммандеров других мотов. Доктрина и инженерный отсек занимались разбором останков, которые сумели заполучить после сражения с Хафн, пытаясь выяснить, что за вспомогательные корабли обороняли моты противника. Дежурные офицеры отрабатывали свой долг, тихо переговариваясь. Брезан задержался в командном центре на тридцать восемь минут, и выражение его лица становилось все более отстраненным. Затем он вежливо кивнул Мурису, поблагодарил его за

работу и ушел.

Они прошли через основные отсеки. Брезан дольше всего задержался в медицинском, хотя после этой битвы на «Иерархии пиршеств» было мало жертв, а один из солдат в лазарете и вовсе попал туда из-за банальной бактериальной инфекции. Затем Брезан остановился у дуэльного зала, и Кируев подумала, не собирается ли верховный генерал бросить ей вызов. Он, несомненно, победит. Даже будучи здоровой, в спорте Кируев демонстрировала лишь минимально необходимые результаты. А вот Брезан проявлял в этом смысле кое-какой неподдельный энтузиазм. Но нет, он просто занял место в заднем ряду, подальше от прочих зрителей, после того, как отмахнулся от приветствий. Кируев с любопытством посмотрела на него. Брезан нетерпеливым жестом пригласил ее сесть рядом. Несколько человек разминались, и только одна пара вела учебный бой, демонстрируя скорее выносливость, чем мастерство.

— Вы смотрели записи дуэлей Джедао, генерал?

Кируев была тронута тем, как часто Брезан обращался к ней по званию, как будто это могло восстановить их профессиональные отношения

в прежнем виде.

— Раз или два, сэр, — ответила Кируев. — Я помню, что он был хорош, но это все. А что, вы собираетесь драться с Джедао? — Она решила, что будет называть того, кто захватил рой, этим именем, пока Брезан не прикажет иначе.

— Предположительно, коллега Джедао была в этом плане самой настоящей посредственностью, — сказал Брезан, имея в виду Черис, — хоть это и не достаточная причина, чтобы дуэли не превратились в хобби. Но с Джедао все совсем иначе.

Кируев почувствовала, что она не должна отвечать на эти слова, поэтому промолчала. Что бы Командование Кел ни сделало с Черис, теперь они наверняка сожалели об этом.

— Я должен был уже убить вас, — резко сказал Брезан.

— Да, после тщательного допроса, — согласилась Кируев. — Еще не поздно.

Импульсивность была самым главным недостатком Брезана. А ещё в той ситуации, когда кто-то указывал ему на цель, он забывал про остальное, сосредоточившись на ней. Никакого стратегического видения. Будь Брезан строевым офицером, Кируев определила бы его в катего-

рию «использовать с осторожностью»: отлично подходит для специальных миссий благодаря склонности нестандартно мыслить, полезен как руководитель тактической группы, если обеспечить тщательный присмотр, но, ради всего святого, никаких дальнейших повышений. Командование Кел не ошиблось: в этом конкретном случае повышение было ключом к выполнению особого задания. Если Брезан всецело положится на стратегический отдел, когда снова появятся Хафн, у него все получится.

— Мне все равно, если меня тоже казнят, — сказал Брезан через некоторое время, хотя оба знали, что простая казнь была бы милосердным вариантом. — То, что я сделал… Я хотел поступить правильно. Мне казалось, это просто. Ну как ещё можно поступить с психопатом, массовым убийцей, который украл целый рой? — Он рассеянно смотрел на шипение и сверкание календарных мечей. — Я недостаточно разбираюсь в тактике роя, чтобы понять стилистические различия. Джедао сражается, как всегда?

— Это сложно, — сказала Кируев, — поскольку его участие в битвах после «черной колыбели» засекречено, и мы точно не знаем, как именно он себя вёл, но я осмелюсь заметить, что все чувству-

ют себя сбитыми с толку. Сэр, если вам нужны ещё сведения, вы знаете, кого надо спросить. Остается лишь надеяться, что Джедао захочет сказать вам правду. Определенно, он может быть очень хорошим лжецом, когда пожелает.

— Да, — сказал Брезан, — вы правы.

Тем не менее прежде чем уйти, он задержался ещё на девять минут, пока другие дуэлянты не начали тренировку.

Потом Брезан остановился у терминала в одном из салонов, чтобы проверить, не покидала ли Черис свои покои.

— Не то чтобы Джедао не мог как-то перехитрить мот-сеть, — объяснил он, — но если бы я действительно верил, что он на такое способен, не оставил бы его под домашним арестом.

— Все равно позвольте мне войти первой, — попросила Кируев. — Просто на всякий случай.

Брезан издал болезненный звук.

— Когда-то вы ему доверяли…

Кируев не поняла, как одно связано с другим.

— Речь о вашей безопасности, сэр.

— Послушайте, — сказал Брезан, — если бы Джедао хотел нам навредить, стоило бы побеспокоиться о том, как бы он тут все не взорвал, а не о том, что он может перестрелять нас по

одиночке.

— Вы что, оставили с ним взрывчатку? — резко спросила Кируев.

— Нет, но…

— Нет необходимости приписывать ему сверхъестественные силы, сэр. Или не принимать разумных мер предосторожности.

Брезан поморщился.

— Судя по тому, как прошел мой год, я не могу ничего исключать.

Он быстро миновал остаток пути до двери Черис и попросил его впустить. Руку при этом держал далеко от пистолета. Учитывая, с чего все началось, это было весьма логично.

Через несколько мгновений дверь открылась. Брезан вошел без колебаний. Черис поднялась ему навстречу, хотя и не отдала честь. Она переоделась в неожиданно праздничное платье цвета лаванды и надела кулон в виде ворона, тот самый, который Кируев видела однажды, перед тем, как «Джедао» принялся опасно играть с пистолетом. Кулон должен был что-то значить для нее, но сейчас не время спрашивать. Кируев так привыкла видеть ее в форме Кел, что ей показалось, будто черты лица Черис изменились — или изменился ее силуэт; она стала кем-то, кого Кируев никогда

не встречала.

— Ты принял решение? — спросила Черис у Брезана.

— Кое-что осталось невыясненным, — ответил тот. Он не улыбался, но как-то иронично кривил губы.

— Я слушаю, — кивнула Черис.

Брезан кивнул Кируев.

— Генерал, я уверен, у вас есть свои вопросы к нашему незваному гостю. Хочу, чтобы вы их задали, как будто меня здесь нет.

Кируев судорожно втянула воздух, не способная даже принять приказ должным образом.

— А ты учишься быть жестоким, как я погляжу, — заметила Черис, обращаясь к Брезану.

Кируев посмотрела на неё.

— Джедао? — спросила она.

Улыбка была прежней, но на этот раз печальной.

— Если это то, кто я есть.

— Хоть что-нибудь было реальным? — спросила Кируев.

— Все было достаточно реальным, — сказала Черис. — Я все, что осталось от Шуос Джедао. Командование Кел прикрепило ко мне его призрак. Можете догадаться, какие получились побочные

эффекты. Когда он, в конце концов, умер, то передал мне свои воспоминания. Гекзархи не зря беспокоятся.

Кируев соображала с трудом. Черис терпеливо ждала, пока генерал сформулирует следующий вопрос. Не так давно Кируев подчинялась Черис, хотя воспоминания об этой верности уже таяли и вскоре должны были исчезнуть, оставив после себя лишь загадочную тень.

— Существовал ли когда-нибудь шанс уничтожить гекзархов? — спросила она, сама не зная, какой ответ хочет услышать. Ведь на этот счет и Брезан, похоже, сомневался.

— Брезан, — сказала Черис, — почему бы тебе самому не спросить меня прямо, вместо того чтобы делать с ней такое? Я с тем же успехом могу дать нужные ответы и тебе.

— Потому что это ей ты причинила боль, — ответил Брезан. — Потому что она умирает за дело, суть которого ты так и не потрудилась объяснить.

— Брезан…

— Ты с нею так поступила — тебе не кажется, что ты у неё в долгу?

— Я не просила, чтобы она…

— Но она это сделала. Тебе не кажется, что

стоит хотя бы объяснить, на хрена все это было, прежде чем генерал упадет замертво? — Брезан теперь кричал.

— Брезан, — проговорила Черис ледяным тоном. — Посмотри на неё. Ты Кел. Ты не должен выходить из себя в присутствии подчиненных.

Кируев дышала с трудом, сама не понимая, почему. Ей с трудом удавалось смотреть на верховного генерала, как будто он был окружен пламенем, как будто в каждом промежутке между его молекулами таилась смерть.

Брезан едва не подавился словами, которые намеревался произнести.

— Ладно. Я признаю, что ты не превратила рой в погребальный костер. И ты сражалась с захватчиками. Но это недостаточное оправдание для использования людей в качестве игровых фишек. Скажи мне, в чем заключается твой чертов план, и на хрена нужна была вся эта безумная прогулка, или я скормлю тебя весьма взбешённой агентессе Андан. Она и мне голову оторвет, но чтобы избавиться от тебя, оно того стоит. Так что давай, говори — и объясни все как следует.

— Подумать только, — заметила Черис, — весь этот пыл — ради системы, которой ты даже не хранишь верность. Представь себе, кем бы ты мог

стать на службе тому, во что бы действительно верил.

Брезан явно сдержался, чтобы не ударить ее.

— Нам нужен новый календарь, — сказала Черис.

Брезан и Кируев невольно переглянулись. Потом он сказал:

— Гекзархат провел почти тысячелетие, сокрушая ереси, при этом некоторые получали значительную поддержку на местах. Черт, разве Фонарщики не были еретиками?

— В строгом смысле слова, их государство было сателлитом, но не частью гептархата, — уточнила Черис. — В исторических хрониках по этому поводу часто путаница.

— Это все равно к делу не относится, — отрезал Брезан. — Ты же не сможешь навязать новый календарь достаточно большой части гекзархата, чтобы что-то изменить. Не говоря уже… — Он осекся и побледнел.

— Сэр? — спросила Кируев.

На губах Черис появилась тень улыбки. Это не предвещало ничего хорошего.

— Так вот в чем все дело, мать твою? — спросил Брезан у неё. Потом прибавил, повернувшись к Кируев: — Это же в её гребаном досье. Оно там

было с самого начала. Она математик! То есть феноменально хороший математик, Нирай хотели её завербовать, и это была её специальность в Академии.

— Да, — ответила Черис. — Не стану отрицать, быть Джедао часто оказывалось полезным, но я задумала этот спектакль как отвлекающий маневр. Джедао мог вести календарную войну, только если использовал компьютер, или пока кто-то другой жонглировал для него конгруэнтностями. Всякий раз, когда он вступал в игру, люди начинали думать только о том, где случится следующая резня, а не о математическом надувательстве. Скажу тебе правду, Брезан: сброс календаря случится через пятнадцать дней, как бы ты со мной ни поступил.

Это, конечно, поубавило уверенности в Брезане.

— Великолепно, — прорычал он. — Ты призналась, что разгуливаешь с частями невероятно кровожадного массового убийцы в собственной голове. Теперь ты пытаешься убедить меня, что этот твой новый календарь будет лучше существующего? Потому что… потому что каким бы ни был плохим гекзархат со всеми его поминальными церемониями, самоубийственными

формациями и Командованием Кел, которое с каждым поколением становится всё безумнее — как бы плохо ни было все это, я не питаю иллюзий, что хуже не бывает. Ты хоть представляешь себе, какой воцарится хаос, если уничтожить нашу технологическую базу?

— Я разработала новый календарь таким, чтобы он был совместим с большей частью существующих экзотических технологий, — сказала Черис. — В особенности связью и мот-двигателями.

Брезан хмуро посмотрел на нее.

— Я не Рахал и не математик класса Нирай, но из сказанного следует, что связанные социальные структуры должны оставаться похожими. Это не улучшение.

— Ты не видел, какую теорему я вывела из постулатов, — устало сказала Черис. — Да, ты прав. Календарь не сделает так, что все Видона возьмут и исчезнут. Не заставит людей забыть о поминальных церемониях, не изменит тех, кто считает, что ритуальные пытки — это увлекательно. Не превратит гекзархов в людей, с которыми мне хотелось бы познакомиться. Что он сделает, так это позволит людям выбирать, какие экзотические эффекты будут к ним приме-

няться. И всё.

Кируев тщательно осмыслила услышанное.

— Сэр, — сказала она Брезану, — вы должны её остановить. Если она это сделает, то уничтожит Кел. Без формационного инстинкта…

— Кел существовали в качестве элитных войск ещё до того, как формационный инстинкт придумали, — перебила Черис. — Я это помню. Все можно вернуть, если Кел решат, что оно того стоит.

К ужасу Кируев, Брезан глядел на Черис изучающе.

— Если ты мне хоть в чем-то солгала, — сказал он, — я никогда тебя не прощу.

— Сэр… — запротестовала Кируев.

Мускулы на челюсти Брезана вздрогнули.

— Кируев, — сказал он, — когда она больше не была выше вас по званию, когда у вас впервые появилась возможность выбирать между нею и Командованием Кел, вы выбрали её! Вы выбрали Врэ Талу. Вы что-то увидели в ней, в том, что она делала. Вы помните, что это было?

Это было все равно что пытаться смотреть сквозь линзу из тумана.

— Я Кел, — сказала Кируев. — Вы сейчас здесь, сэр. Я служу вам. Я понимаю, что совершила

ошибку. Я приму любые последствия согласно вашему решению.

Брезан резко отвернулся.

— Я могу приказать вам сделать практически все, что угодно, — свирепо проговорил он, — и вы даже не увидите в этом ничего плохого.

— Тогда я жду ваших приказаний, — сказала Кируев, потому что это был самый правильный ответ, который она могла придумать.

Брезан сердито потер глаза, но ничего не сказал в ответ.

— Черис, — проговорил он, — как ты предлагаешь устроить календарный всплеск? Я полагаю, что именно календарный всплеск ты и задумала. Это должно быть что-то очень серьезное.

— Рахал, как и все прочие, в вопросах техобслуживания полагаются на сервиторов, — сказала Черис. — Это относится и к управляющим часам.

Она намеренно не стала продолжать.

— Ты же не намекаешь, что в твоем распоряжении легион вероломных Рахал, готовых пойти против… — Брезан опять побледнел. Обвел комнату взглядом, как будто бы с высоты сервитора. — Сервиторы? Но они же не… — Он сглотнул. — Им можно доверять?

Черис скрестила руки на груди.

— Брезан, — сказала она, — сервитор когда-нибудь причинял тебе вред? Или кому-то другому, если на то пошло?

После затянувшейся паузы он сказал:

— Ладно, признаю твой довод. Но почему? Чего они хотят?

— Они индивиды, — едко заметила Черис. — Я не возьмусь говорить за каждого из них.

Кируев вспомнила сервиторов, которые вечно околачивались в каюте Черис, когда она играла роль Джедао. Кируев ни разу не задумалась, что они там делают. Большинство людей уделяли сервиторам не больше внимания, чем обоям. Если бы они захотели перебить людей, пока те спят, преуспели бы давным-давно. Это характеризовало их лучше, чем людей.

Однако Брезан ещё не закончил допрашивать Черис.

— Этим ты разберешься с календарными значениями, но для полноценного сброса придется устроить что-то чертовски зрелищное. Ну и как ты поступишь? Нацелишь на гекзархов какие-нибудь пыточные лучи?

Черис бросила на него мрачный взгляд.

— Никаких пыток. Но Командованию Кел придет конец.

Кируев выхватила пистолет.

— Отставить, — прошипел Брезан.

Генерал вложила оружие в кобуру, хотя ей этого не хотелось.

— Это государственная измена.

— Все, что тут случилось — государственная измена, — отрезал Брезан, но лучше не стало. — Я с ней ещё не закончил.

— Итак, ты хочешь поглядеть, получится ли у меня, — сказала Черис Брезану.

— Мне надоело служить тому, во что я даже не верю, — признался Брезан. — Какого черта. Пятнадцать дней, говоришь? Я хочу знать время с точностью до часа, мать твою, и я хочу увидеть расчеты, чтобы кто-то — не я — смог их проверить. Если ничего не случится, если ничего не изменится, я сожгу тебя и притащу Командованию Кел. А потом, если они не повесят мой труп рядом с твоим, проведу остаток своей сраной карьеры, помогая им подавить любое восстание, на какое укажут.

— А как же агентесса Андан? — спросила Черис. — Что будет с ней?

— Я оставил её под арестом, — отрешенно проговорил Брезан. — Она заявила, будто находится в опале, но нельзя исключать, что она лгала,

желая ослабить мою бдительность. — Тут он покраснел, и Кируев поняла, в каких отношениях они состояли. — Входить в ее камеру небезопасно для любого, э-э, человека. Надо будет потом придумать, где её отпустить.

— Ты должен был доложить об успехе?

— Они ждут вестей от неё, не от меня. Уверен, нет никого способа заручиться её поддержкой. Насколько я знаю, она лояльна гекзархату. И… у меня нет рычагов воздействия. — Его глаза потемнели. — Её шелкомот спарился с «Иерархией пиршеств». Мне надо с этим что-то сделать, прежде чем мы отправимся туда, куда нас черти понесут.

— Уверена, что мы прогнали Хафн, — сказала Черис. — Нельзя исключать, что у них имеется ещё один резервный рой, но я заглянула в анализ, который провела Доктрина. У Хафн было огромное количество тех гробов, но они быстро все потратили. Я посмотрела на то, что мы сумели выяснить об их календаре, и вычислила, что к чему. Те люди, сшитые с птицами и цветами, служат источником энергии. Вот почему Хафн могли пользоваться своим собственным экзотическим оружием в условиях высокой календарной местности. К счастью для нас, их запасы подошли к

концу, и они не сумели соединиться с роем, чья специализация — материально-техническое обеспечение.

Так вот что это были за таинственные вспомогательные суда…

— Они используют людей как источник энергии?! — с отвращением проговорил Брезан. На совещании, которое он созвал, ему показали видео с «гробами».

— Как и мы, — заметила Черис. — Только у нас это называется «самоубийственная формация».

— Это не одно и то же.

Черис молчала ровно столько времени, сколько потребовалось Брезану, чтобы все понять.

— В любом случае, — сказал он, не в силах встретиться с ней взглядом, — поскольку эта граница открыта настежь, не помешает тут какое-то время посидеть в дозоре. По крайней мере, до тех пор, пока не появятся те Кел, которые не «падающие ястребы», и не станут нарываться.

Кируев слушала, как два «падающих ястреба» обсуждают тыловое обеспечение, и спрашивала себя, возможно ли такое, чтобы её мир перевернулся ещё сильней. Что ж, через пятнадцать дней она всё узнает.

Глава двадцать пятая

Одна из важных особенностей Цитадели Глаз была также одним из её самых больших недостатков: повсеместное внимание к безопасности. Было 03.67, и Шуос Микодез всерьез размышлял, есть ли у него шанс проскользнуть мимо собственной охраны в одну из закрытых секций Архива. Давным-давно ходили слухи, что один из старых гептархов припрятал коллекцию еретической календарной эротики. То, каким образом можно сделать абстрактную алгебру эротичной, должно было остаться загадкой, над которой будет корпеть следующий гекзарх Шуос, потому что Микодез не мог придумать, как пройти через этот контрольный пункт, не разозлив агента, чья способность заваривать идеальный чай из шести лепестков не имела себе равных. Ну что ж, эта миссия, вероятно, казалась хорошей идеей только из-за времени суток и того факта, что за последние семьдесят пять часов он спал всего пять.

Три красных огонька зажглись треугольником. Мот-сеть сказала:

— Высоко-высокоприоритетное сообщение.

Формулировка была дурацкая, но ни у кого никак не доходили руки исправить это уведомление, да к тому же в большинстве случаев оно оказывалось ложной тревогой. Микодезу захотелось, чтобы его включали нарочно, для поддержания бдительности сотрудников; но не тут-то было.

Вспыхнул ещё один набор огоньков.

— Микодез, да проснитесь вы уже, — послышался раздраженный голос Шуос Зехуни. — Пришло сообщение с красным кодом девятого уровня — пакет данных, переданный через жучка, которого мы внедрили в рой «Двойка шестерней». Микодез…

— Открыть канал связи, — сказал он сети. — Я не сплю. Вы, на самом-то деле, понятия не имеете, до какой степени я не сплю.

— Что за хрень, Микодез? Опять занимаетесь своими интригами сутки напролет, вместо того, чтобы спать, как нормальный человек? Вам, знаете ли, уже не восемнадцать.

Ну что нашло на Зехуни, с чего вдруг ассистент начал костерить гекзарха, толком не поприветствовав?

— Просто передайте мне это проклятое сооб-

щение.

— Честное слово, Микодез, я подговорю Истрадеза, чтобы подсыпал вам снотворного.

Не успел Микодез сказать в ответ что-нибудь ехидное, как сообщение пришло. Один из жучков, которых они внедрили на борт «Иерархии пиршеств» во время стоянки на станции Танкут-Главная, наконец-то принес плоды. В донесении говорилось, что верховный генерал Кел Брезан — тот «падающий ястреб», что не так давно связывался с Зехуни, забавно, как он прославился, — захватил рой. Сама по себе эта новость ничего не стоила. Они уже знали о миссии Кел-Андан, и неудивительно, что анданская половина залегла на дно.

Нет, важным было то, что верховный генерал распространил по рою инструкцию в связи с запланированным календарным всплеском, который был нацелен на то, чтобы сделать формационный инстинкт добровольным. В донесении содержалось кое-что из соответствующих математических расчетов. Более того, всплеск должен был быть активирован посредством атаки на Командование Кел. Микодез подумал, что Брезан своим поступком губит всех честных «падающих ястребов», где бы те ни находились.

— Зехуни, вы ещё здесь? — спросил гекзарх.

Канал связи услужливо обновился и переключился в видеорежим. Даже в такой час Шуос Зехуни выглядели свежо и бодро, их униформа была безупречна.

— Вы прекрасно знаете, что единственный человек в Цитадели, у которого дела со сном обстоят ещё хуже, чем у вас, это я, — сказали они. — И прежде чем вы спросите: насколько я могу судить, это донесение попало сразу ко мне. Если кто-то способен его перехватить и расшифровать, у нас такие серьезные проблемы, что стоит провести несколько экстренных совещаний.

— Нас провели, — сказал Микодез, просмотрев краткое содержание донесения. — Аджевен Черис обладает математическими способностями, позволяющими спроектировать календарный всплеск такого масштаба. Джедао сам по себе никогда бы с этим не справился, и мы бы узнали, если бы с ним связывался Куджен.

Лицо у Зехуни было задумчивое.

— Гекзархат предоставил Черис множество возможностей, чтобы пересмотреть свои представления о лояльности. Надо было позаботиться о том, чтобы она погибла вместе с роем возле Крепости Рассыпанных Игл.

— Да, — согласился Микодез, — но Куджен настоял на том, чтобы забрать её, и поскольку он проверял для нас некоторые весьма важные криптологические результаты, я счел неразумным его злить. Никто не догадывался, что он впервые за несколько веков возьмет да и уйдет в отпуск. В любом случае меня не волнует то, что могло случиться, но не случилось. Мы должны решить, что делать в сложившейся ситуации.

— У нас есть тенемоты в ожидании приказов, и мы предупреждены о развитии событий, — сказали Зехуни. — Если мы готовы потерять большую часть роя, можно уничтожить «Иерархию пиршеств». Что касается Командования Кел, я изучаю сводки и не могу понять одного — как, клянусь жизнью, Черис, если её ещё можно так называть, собирается преодолеть келскую паранойю многовековой выдержки…

Шуос называет Кел параноиками. День удался, пусть час и ранний.

— …но если мы им сообщим, они, возможно, заметят то, что мы упускаем. — Тон Зехуни сделался пренебрежительным. — Ирония в том, что даже если угроза реальна, гекзарх Кел выживет.

Все гекзархи отправятся на станцию «Мави 514–11», где Файан соорудила свой прибор бессмертия.

Микодез уже планировал послать двойника. Он не нуждался в бессмертии, но отказываться было бы слишком подозрительно.

— Знаете, — сказал он, — это один из вариантов, но не единственно возможный.

Его ассистент на миг застыл.

— Если это шуосская шутка, которую мне не доводилось слышать, — наконец проговорили Зехуни, — то да, мне не доводилось её слышать. Но идея ужасная, и, возможно, вам бы стоило немного поспать.

— Я не шучу, — возразил Микодез. — Однако наше окно возможностей действительно ограниченно. Я понимаю, что это вся информация о календарном всплеске, какая у нас есть, но все равно, пусть все наши математики займутся этой проблемой. Что случится, если привести в действие подобный всплеск? Не может быть такого, чтобы дело ограничилось формационным инстинктом. Даже Джедао с его одержимостью Кел не построил бы игру на одном лишь этом факте, и пускай Черис очень хорошо удается изображать мертвеца, у нас достаточно доказательств того, что она совершает ходы на нескольких игровых досках одновременно. Нам нужна более полная картина, чтобы принять более обоснованное

решение.

— Вы регулярно меня пугаете, — тихо проговорили Зехуни, — но такого ещё не бывало.

Микодез поднял бровь.

— Вы могли убить меня, когда мне было восемнадцать, но не сделали этого.

В восемнадцать лет Микодез был шуосским кадетом-второкурсником. С самого Адского Веретена Академия Шуос перестала принимать потенциальных учеников, которые демонстрировали тот же сигнификат, какой был у Джедао — «Девятихвостый лис, коронованный очами». Не важно, что на протяжении нескольких поколений до того Шуос, коронованные очами, умудрялись вести жизнь, в которой не находилось места государственной измене и резне. Что касается Шуос, у которых этот сигнификат появился позже, то их подвергли чистке.

Микодез поступил в Академию с сигнификатом «Улыбающийся девятихвостый лис». Но во время одной из периодических инспекций выяснилось, что сигнификат у него переменный. Необычная, но не неслыханная вещь, в особенности среди Шуос и Андан. Эту способность даже можно было до некоторой степени выработать путем тренировок, чтобы использовать потом для работы под

прикрытием. Увы, но инспекция зафиксировала ещё и краткий сдвиг в сторону «Коронованного очами». Зехуни, как старшему инструктору, поручили вместе с командой убийц решить судьбу Микодеза.

— Думаю, меня адекватно наказали за ошибочное решение, — сказали Зехуни, глядя на Микодеза без улыбки. — Сорок лет стабильности во фракции Шуос. Вам попросту не понять, каково было быть одним из Шуос до того. Вы предлагаете перевернуть весь гекзархат вверх тормашками. И вас это нисколько не беспокоит?

— Лишь в том случае, если Черис потерпит неудачу, — парировал Микодез. — Вы отдали математикам приказ на марш?

— Досадно, что вы спрашиваете, — ответили Зехуни. — Разумеется, да. А ещё я угощу их на завтрак тем, что пожелают, потому что у меня нет сомнений, что вы не хотите полагаться на капризных математиков в том, что касается важных политических результатов, которые нужны срочно.

— Рад, что могу рассчитывать на ваш здравый смысл и не заморачиваться собственным.

Зехуни фыркнули.

— Ладно, присмотрите за математиками. Я

слышал, что проверить чью-то работу проще, чем все вычеркнуть и начать с начала, но это не моя сфера. — Он даже не надеялся, что вводный курс календарной математики, который читали всем кадетам, позволит разобраться в том, что задумала Черис. — А я пока что вникну в план моих коллег, чтобы проверить, не внес ли кто-то в него изменения в последнюю минуту, о которых мне стоит знать.

— Вам бы стоило вместо этого поспать.

Микодез вперил взгляд в своего помощника.

— Зехуни-йе, — проговорил он, используя почтительное обращение к инструктору, — мы имеем дело с государственной изменой и календарным сбоем, который может оказаться почти таким же серьезным, как тот, что случился из-за Адского Веретена, — и вы думаете, что я сумею заснуть?

Зехуни вздохнули.

— Ладно. Но все же отдохните, когда получится, а я буду держать вас в курсе относительно всех событий. Я распоряжусь, чтобы завтрак прислали, иначе вы точно забудете поесть.

— Такое случилось восемь лет назад! — запротестовал он. — Истрадез все продолжает меня доставать. Может, хоть вы об этом забудете?

— Заткнитесь и принимайтесь за работу.

Микодез широко улыбнулся Зехуни.

— Вот это я понимаю, первоклассная мотивация. — И он отключился, лишая Зехуни шанса на ответную колкость. Гекзарх знал, что они ненавидят, когда он так поступает, и потому приберегал это для особых случаев. Ну что ещё тут можно сказать, кроме «о, и кстати — нашей власти и нашему образу жизни может прийти конец через четырнадцать дней»?

Завтрак прибыл быстро: его принесла неулыбчивая охранница, которая отказалась от хурмовой конфеты с подноса, который ей протянул Микодез. В другой день он позабавился бы, заставив её принять угощение, но Зехуни об этом узнают и наорут на него, дескать, зачем изводить сотрудников. Кроме того, конфеты нравились ему самому.

Он съел лишь треть того, что было на подносе — в основном потому, что Зехуни, похоже, решили, что ему нужно намного больше топлива, чем на самом деле. В прошлый раз, когда он предложил им отправиться в отпуск и побаловать внуков (четверо, и пятый на подходе), они отомстили, испортив некритичные пользовательские настройки его сетевого интерфейса. Ну и поделом

ему. В драмах люди остерегались убийц и диверсантов из фракции Шуос, но на самом деле стоило держаться подальше от бюрократов.

Пока Микодез ел, он велел сети провести кое-какие поиски. Налил себе еще цитрусового чая, просматривая результаты, иногда применяя дополнительные фильтры — не то чтобы это сильно помогло. Ничего нового с Рахал, но он предпочитал проверять их первым делом, чтобы потом о них не вспоминать. Ну и ещё сохранялся шанс, что они его удивят. Как-то раз один магистрат Рахал попытался привести кулинарные меры в соответствие с какой-то неясной леммой. Этот эксперимент продлился недолго.

Затем Шуос, потому что общепринятая мудрость — дескать, Шуос сами себе злейшие враги — имела в своей основе немало истины. Микодез воздержался от обычных дел в духе одобрения повышений, понижений и устранений; это могло подождать. Интересно, что комендант Третьей Академии Шуос все ещё не мог определиться, стоит ли посягать на кресло гекзарха. Микодез посетовал, что этот человек никак не может принять решение. Было трудно найти хороших комендантов, не говоря уже о преданных. И все-таки ничто из этих дел не требовало срочности.

С Андан вышло интереснее. Один из его старших аналитиков считал, что Шандаль Йенг обнаружила кое-какие источники информации Шуос и теперь скармливала им ложные сведения. И ещё Шандаль Йенг проводила много времени за скрупулезно продуманными трапезами со своими потомками и нынешним супругом. Микодез вспомнил, как много лет назад присутствовал на одном таком ужине с Нирай Кудженом. Разговор зашел о музейных экспонатах, и Микодез развлекался тем, что обдумывал какую-то интригу. Куджен, который мог проявлять удивительный пыл по отношению к красивой архитектуре, но не заботился о содержимом зданий, весь вечер соблазнял одного из сыновей Шандаль Йенг, Неже. А что думал об этом его тогдашний якорь, поди разбери. Но нетрудно было догадаться, что Шандаль Йенг жаждет втереться в доверие к Куджену из-за бессмертия. Жаль, что Микодез не сумел подслушать, о чем они говорили поздно ночью. Судя по их поведению на следующий день, ссора, должно быть, вышла захватывающая.

Как обычно с Андан, активности было много, но ни одна не достигала красного кода девятого уровня. Это привело Микодеза к следующей фракции, Нирай. Нынешний гекзарх не вызывала у

него беспокойства. Файан была наделена тревожащей честностью, которая однажды должна была обречь её на гибель, невзирая ни на какую бесконечную жизнь. К несчастью, Нирай Куджен умудрился исчезнуть так основательно, что ни один из агентов Микодеза не сумел даже к этому моменту разнюхать его нынешнее местоположение, и надеяться, что кто-то подстрелил его из гениального пистолета, было как-то чересчур. Микодезу по должности полагалось быть параноиком, но он мало кого боялся в гекзархате. Куджен был одним из этих немногих людей. Так или иначе, пока не поступят новые сведения, гекзарх Шуос больше ничего не сможет сделать. Он отбросил идею, что Черис и Куджен сговорились, но это мало что меняло. Учитывая, какие личности были замешаны в этой истории, он не мог себе вообразить, что подобный сговор продлился бы долго.

Кел и Видона вели себя как обычно. Насколько Микодез мог судить, Кел занимались тыловым обеспечением. Видона решали внутренние проблемы, связанные с толкованием поминальной церемонии, в которой обнаружили некую мошенническую подоплеку. Они хотели во всем разобраться, прежде чем известие дойдет до Ра-

хал Ируджи. Да уж, захватывающее чтение перед сном для любителей этого дела.

Зехуни были правы. Остаток дня прошел тихо. Следующие пять Микодез продержался с помощью лекарств. Если точнее, он принимал снотворное.

Зеленая луковица чувствовала себя превосходно, поскольку он очень старался вовремя поливать своего питомца.

Вечером пятого дня Микодез получил вызов по шестой линии, когда был в душе. Это было в особенности удивительно, потому что в строгом смысле слова ему полагалось медитировать в рамках поминальной церемонии, и поэтому он думал, что находится в безопасности хотя бы от этой самой линии.

— А ничего, что я занят? — спросил он у сети. — Пусть подождут, я буду через три минуты.

Но понадобилось пять, потому что одна проклятая пуговица на форме его ненавидела. Следовало вернуться к старомодным — и неумным — тканям вместо этой программируемой ерунды, которой так увлекаются Кел.

— Ладно, — сказал Микодез, приведя себя в минимально презентабельный вид, — соединяй.

Через несколько секунд пять других гекзархов

уставились на него. Окинув его внимательным взглядом, Рахал Ируджа спросила:

— Микодез, это у вас с волос вода капает?

Ну конечно, она не одобряла такого поведения. Ируджа удивительным образом походила на одного из отцов Микодеза, но он знал, что этого лучше не говорить вслух.

— Послушайте, гекзарх, — сказал он. — Я выбирал между одеждой и феном. Вы правда хотели бы, чтобы я сделал иной выбор?

— Неужели вся Цитадель Глаз управляется схожим образом?

— Гекзарх, — сказал Микодез, — будьте благоразумны. Я нанимаю персонал, как можно меньше похожий на меня, иначе мы бы вообще ничего не сумели достичь.

— Поговорим позже, — сказала она, и Микодез мысленно застонал: у Ируджи была отличная память. — Гекзарх Тсоро хочет объявить об изменении планов.

— Я извиняюсь за позднее уведомление, — сказала Кел Тсоро. Микодез был не единственным, кто вздрогнул; не было смысла скрывать реакцию. Тсоро использовала архаичную версию местоимения первого лица — особое, единственное число, — вместо столь же архаичного

множественного числа, к которому коллективный разум прибегал на протяжении столетий. (В современном высоком языке единственное и множественное число почти не различались.) Судя по сардоническому изгибу ее губ, Тсоро понимала, какой эффект произвела. — Обсуждение заняло время и его нельзя было ускорить. От имени Кел я отказываюсь от бессмертия.

Нирай Файан выглядела так, словно ей дали пощечину, но она, похоже, думала, что бессмертие может послужить некоей гуманитарной цели, а не закрепить существующие властные структуры или разжечь войны.

— Объяснитесь, — холодно проговорила Ируджа.

— Рахал, — сказала Тсоро, — пусть я выражаю волю Кел, но сама по-прежнему остаюсь Кел. Кел созданы, чтобы служить. Смерть — часть этой службы. Я не прикажу своим солдатам рисковать жизнью, если сама смогу жить вечно, и не буду давить на нижестоящих офицеров, лишая их возможности надеяться на повышение.

Видона Пса, похоже, не мог определиться между восхищением и недоверием.

— Тсоро, — сказал он, — это все очень благородно, но мало у кого из Кел есть шанс стать

генералом, не говоря уже о гекзархе. Может, это то, что ты чувствуешь сейчас, но спустя десятилетия, когда смерть постучится в твою дверь…

— Смерть, — перебила Тсоро, как будто выплюнув это слово. — Да что вы знаете о смерти, Видона? Шрамы исчезли, но однажды я получила пулю, которая едва не задела мое сердце. Я была младшим лейтенантом в битве настолько маленькой, что даже я не запомнила бы ее название, если бы чуть не погибла. Это было давно, но я помню. Я скорее умру, чем забуду. Если я буду жить вечно, то, конечно, забуду.

Ируджу происходящее с виду не тронуло. Она лишь спросила:

— Вы намерены послать кого-то вместо себя? Подчиненного?

— Я отказываюсь, — сказала Тсоро, — от имени всех Кел.

Неудивительно, что спор, о котором говорила Тсоро, занял так много времени. Ей пришлось усмирить каждого несогласного в коллективном разуме. Формационный инстинкт — это одно, и все же перспектива бессмертия была бы чертовски хорошим стимулом даже для компонента композита. Так или иначе, поскольку она победила, иерархия Кел и крайний консерва-

тизм коллективного разума теперь работали в ее пользу.

Конечно, если план Черис реален, она обезглавит Кел. Микодез мог предупредить Тсоро прямо сейчас, но у него оставалось еще немного времени, и он был полон решимости услышать ответ от своих математиков, если такое представится возможным. Если он решит помешать Черис, то всегда сможет созвать еще одну встречу, на этот раз с сухими волосами.

Андан Шандаль Йенг заговорила впервые.

— Это ваш погребальный костер, Тсоро, — сказала она, — но мы почтим его.

Презрение в глазах Тсоро было слабым, но недостаточно слабым.

— Честь не существует, — сказала она. — Только долг.

— У кого-нибудь ещё есть неожиданные объявления, о которых нам следует узнать, прежде чем мы отправим Файан проводить повторную калибровку? — спросила Ируджа. Она наблюдала за Микодезом. — Кстати, а почему вы пренебрегли поминальной церемонией?

Было бессмысленно надеяться, что она о таком забудет. Жаль, он не знал, какое оправдание предоставила Ирудже Кел Тсоро — мог бы ис-

пользовать его для вдохновения.

— Мой старший брат прислал мне мыло ручной работы, и я должен был его опробовать, — сказал Микодез. — Хотите кусочек? Если только у вас нет аллергии на сливовый цвет или чего-то в этом духе.

— В следующий раз, когда в Волчьем Чертоге будет нехватка мыла, я обращусь к вам, — сухо проговорила Ируджа. — Не попадайтесь мне на этом снова. Ну ладно. Что-нибудь ещё? — Тишина. — Тогда, полагаю, мы можем вернуться к своим обязанностям.

Видона Пса ухмылялся Микодезу, но это было все. Конференция завершилась.

Индикатор вызова по седьмой линии мигал, и было понятно, что если он не ответит, Зехуни пойдут напролом.

— Включай, — сказал Микодез сети. Когда на субдисплее появилось лицо Зехуни, он прибавил: — Я так понимаю, вы все это слышали.

— Если не хотите, чтобы за вами шпионили, — сказали Зехуни без всякого сочувствия, — надо было стать механиком или кондитером.

— Вы так говорите только потому, что никогда не видели меня с отверткой в руках, — парировал Микодез. — Или кухонной лопаткой, если на то

пошло. Шутки в сторону. Что у вас на уме? Пожалуйста, скажите, что кто-то извлек некий смысл из проклятых уравнений Черис.

Зехуни покачали головой.

— Чжао думает, у неё имеется какой-то план, но остальные склонны считать, что она следует неправильным путем. — Потом они замолчали и нахмурились.

Рука Микодеза была вне поля зрения камеры, и он уже начал вводить определенные коды, на всякий случай.

— Ну же, говорите.

— Забудьте про математиков, — сказали Зехуни. Их лицо было спокойным. — Вы этот разговор все время откладываете, но он должен состояться сейчас. Не посылайте двойника. Не разыгрывайте из себя Тсоро. Вы должны принять бессмертие.

— Не понимаю, почему вы так переживаете, — сказал Микодез. Нахлынуло спокойствие, словно весь он снаружи и изнутри состоял из чего-то прозрачного и хрупкого. Вот и наказание за то, что он так долго принимал своего помощника как нечто само собой разумеющееся. Сперва Черис, теперь это. Он становится небрежным.

Улыбка Зехуни была остра, словно нож. Вокруг рта и в уголках глаз залегли морщины. Микодез

внезапно вспомнил, сколько лет этому человеку.

— Микодез, вспомните мои слова. Сорок лет стабильности во фракции Шуос. Мало кому из гекзархов удавалось такого добиться.

— Я не утверждаю, что у нас нет большой проблемы с преемственностью, — сказал Микодез, — но это не способ её решить. Вспомните: гептарх Хиаз продержалась добрых шесть десятилетий, и она несет ответственность за множество губительных решений.

Вопрос был в том, насколько сильны эмоции Зехуни по поводу происходящего, чтобы предать гекзарха. Поддержка ассистента имела решающее значение в его приходе к власти. Зехуни были в уникальном положении, поскольку обладали возможностью его уничтожить. И теперь они могли поддержать нового кандидата — у них должен быть соответствующий список. Микодез бы так поступил на их месте.

— Поверь я, что вы — новая Хиаз, — сказали Зехуни, — вы бы не дождались моей поддержки. Ну отдайте мне должное хоть в малом. Прошу, измените свое мнение, Микодез. Без сильного голоса Шуос кто сможет уравновесить Андан и Рахал?

— Зехуни-шей, — сказал гекзарх. На этот раз он использовал не почтительное обращение к

наставнику, а то, которым иногда пользовались любовники, хотя как раз в этом качестве они друг друга не познали. — Послушайте. Нам известно о трех людях, которые оказались в «черной колыбели». Я так и не сумел выяснить детали, но Нирай Эсфарель нашел существование в виде призрака настолько невыносимым, что убедил свой якорь убить их обоих.

Он немного помолчал в задумчивости.

— А вот Нирай Куджен… Куджен считает, что быть паразитом очень забавно, и он продолжит цепляться за жизнь до тех пор, пока не распадутся последние атомы Вселенной. Он дал нам поминальные церемонии, а вместе с ними и мотдвигатели. Он дал нам формационный инстинкт. Он появится с новыми подарками. Я один из немногих людей в гекзархате, кому он по-настоящему нравится, но мы не можем позволить себе больше принимать его дары.

А еще есть Джедао. Я не знаю, в какой момент Джедао перестал считать себя человеком, но как только он решил, что превратился в орудие, все остальные сделались мишенями. — Микодез мрачно улыбнулся. — Вот вам трое бессмертных, кому ни за что на свете не следовало становиться таковыми.

Зехуни положили подбородок на руки.

— Проблема с вашей линией рассуждений — «черная колыбель». Мне наплевать, что там Куджен говорит о стабилизирующих эффектах — длительная изоляция сведет с ума кого угодно. У метода Файан такой особенности нет. Математическая часть, похоже, в порядке. Вечная молодость, бесконечная жизнь — кто бы этого не хотел?

— Мне послать вас вместо себя? — спросил Микодез. — Я серьезно. Это никакая не государственная тайна: вы клей, который не дает этому месту развалиться на части. А я просто мишень для скучающих убийц.

— Вы единственный, кто так считает, — парировали Зехуни. — И нет, спасибо, я лучше оставлю вечность с людьми вроде Видона Пса тому, кто к ней психологически готов. Говорят, он вечно опаздывает с документами.

Микодез побарабанил пальцами по столу, затем набрал несколько команд. Команды были простыми. А вот многочисленные переопределения, которые требовались для их запуска — совсем другое дело. Он их именно такими и задумал.

— Микодез, что вы… — Дыхание Зехуни сбилось. — Какого хрена, Микодез? Я же учил тебя

никогда не…

Он дал Зехуни доступ ко всем чрезвычайным протоколам, целью которых было устранение ассистента.

— Кажется, это всё, — ровным голосом произнес гекзарх. — Но, возможно, я о чем-то забыл, и совершенно точно кто-то из подчиненных придумал что-нибудь этакое просто ради забавы. Пожалуйста, скажите, что вы и так кое-что из этого взломали.

— Кое-что, — был ответ. — Но не всё. Что с вами такое сегодня? Вы никому не можете доверять целиком и полностью, в особенности мне! Если вам нужно устроить мое «самоубийство»…

— Зехуни! — Микодез не осознавал, что хлопнул ладонями по столу, пока мгновение спустя их не пронзила боль. Учитывая, что хранилось в этом столе — отличный способ заигрывать со смертью. — Вам нужна такая вот вечность? Под властью человека, который готов пырнуть любого, кто посмотрит на него косо? Ведь к этому все и придет.

— Служба безопасности предотвратила покушение на вас четыре часа назад, — многозначительно сказали Зехуни. — Единственная причина, по которой вы не получили уведомление — то, что у

нас есть проблемы посерьезнее. Мы уже живем в реальности, которую вы описываете.

— А убить вас из-за наших политических разногласий? В реальности, где мы живем, и это возможно?

— Вы всегда предпочитали превращать людей в ресурсы, а не во врагов, но не всем это по нраву.

Микодез изучил лицо Зехуни, ища признаки того, что они собираются его предать. Он очень хорошо читал людей, но Зехуни отлично умели скрывать свои мысли — в джен-цзай они обычно выигрывали, — так что ничего не вышло.

— Зехуни, — сказал он, — в любом случае изоляция в «черной колыбели» к делу не относится. Благодаря нарциссической убежденности Куджена в том, что вселенная без него не справится, у нас есть технология, позволяющая врезать смерти по зубам. Так что, несомненно, с прискорбной тенденцией тела портиться ввиду течения времени покончено. Что бесит лично меня, так это одержимость людей решением не той проблемы. Ну, Куджен-то психопат, от него я и не жду ничего лучшего, но что толку в бессмертии, если никто так и не исправил линии разлома в человеческих сердцах?

— Микодез…

— В той вечности, что нам светит, Ируджа будет неустанно суетиться из-за мелочей, игнорируя суть последнего кризиса, — перебил гекзарх. — А Шандаль Йенг — цепляться за свои шелка, чтобы ими возместить любовь детей, которую не купишь. Нирай Файан будет пытаться решить наши проблемы, швыряясь в них уравнениями. Видона Пса — изобретать все более мучительные поминальные церемонии, потому что еретики всякий раз будут подбираться все ближе к тому, чтобы уничтожить систему, а он убежден, что жестокое обращение способно поколебать их решимость. А я? Я буду тыкать в людей ножами, потому что руководить фракцией почти таких же параноиков, как я сам — единственное развлечение, способное меня заинтересовать. Думаете, я не знаю, насколько плоха моя концентрация, даже при таком количестве лекарств? По крайней мере, у Кел хватило ума отказаться от бессмертия. Может, взорвать систему и хуже, чем позволить кучке бессмертных психов властвовать над всеми, но я чертовски уверен, что не собираюсь становиться одним из них.

— Я не планирую вас предать, — мягко проговорили Зехуни.

А ведь Микодез их об этом не спрашивал.

— Я совершил много ужасных поступков, — сказал он. — Я поступал таким образом, потому что альтернатива всегда была хуже. Если бы я убедился, что превращение в параноидального монстра поможет исправить ситуацию, не стал бы медлить. Но оно не поможет, вот и всё.

— Ладно, — сказали Зехуни. — Сделаем по-вашему. Я лишь надеюсь, что вы правы.

— Я тоже, — ответил Микодез.

— Проверю, как там дела у математиков.

— Хорошо.

Когда Зехуни отключились, Микодез начал перебирать оружие, что лежало в столе, гадая, когда же он умудрился потерять счет своим запасам.

Глава двадцать шестая

Сервитор принес Микодезу завтрак не в один из кабинетов, а в Оружейную комнату. Комната имела официальное название, которым никто больше не пользовался, даже Зехуни, хотя обычно они соблюдали протокол. Когда Микодез в последний раз спросил их об этом, они пробормотали что-то о дурных приметах. Зехуни не были суеверны во многих отношениях, но в этом случае, как полагал гекзарх, подобная щепетильность было оправданной.

На втором десятилетии в качестве гекзарха Микодез хитростью заставил свою пехотную дивизию выкрасть для него коллекцию оружия, раньше принадлежавшую Джедао. При жизни Джедао обычно предпочитал использовать собственное оружие, а не стандартное келское, и это ему позволялось из вежливости к Шуос, невзирая на трудности с материально-техническим обеспечением. Джедао накапливал оружие с энтузиазмом, которого можно было ожидать от бывшего убийцы, даже если большую часть времени пистолеты оставались взаперти. В кон-

це концов, вряд ли было бы практично таскать частный арсенал с задания на задание.

Когда Джедао арестовали после Адского Веретена, Кел конфисковали все его имущество и перерыли в поисках улик. Микодез знал эту старую печальную историю. Джедао не сделал ничего предосудительного, прежде чем внезапно сошел с ума. Он был образцовым офицером. Он любил оружие, что не считалось преступлением в его профессии; он любил алкоголь, особенно виски — черта, свойственная многим людям, которые были и не были солдатами; ему была свойственна настоящая страсть к дуэлям. Микодез знал из достоверных источников, что виски Джедао впустую потратили лабораторные техники. Он мог только надеяться, что они выпили хоть немного, а не пустили все на опыты. А еще после генерала осталась скромная коллекция настольных и карточных игр, включая несколько трофейных экспонатов, достаточно красивых, чтобы выставлять их в музее.

Так или иначе, Микодезу было особенно трудно заставить тогдашнего гекзарха Кел принять его всерьез. (До того как Тсоро займет эту должность, оставалось ещё восемь лет.) Вместо того чтобы предаваться мрачным мыслям по поводу отсут-

ствия уважения со стороны 130-летнего вояки, Микодез решил совершить поступок, который заставит Кел Вауру оценить его по-новому. Это была не единственная причина. Он нуждался в том, чтобы и собственные люди начали воспринимать его всерьез. Задание, которое многие считали невыполнимым, заставило отдел спецопераций лезть из кожи вон, едва они поняли, что Микодез готов перевернуть дивизию вверх дном, если его подведут.

(«А мне-то казалось, вы хотите с ними подружиться», — заметили Зехуни.

«Иногда страх мотивирует лучше, — парировал Микодез. — Хотите, продемонстрирую?» В тот период он был более вспыльчивым. Лекарства, которые улучшили его концентрацию, помогли справиться и с этой проблемой.)

Большая часть Цитадели Глаз по иронии судьбы не была декорирована в цветах фракции Шуос на том основании, что даже если ассоциации с убийцами не заставляли людей напрягаться, красный мог бы это сделать сам по себе. Микодеза всегда забавляло, как много драм изображали убийц одетыми в красное, словно те пытались выделиться, а не кутались в уродливые неприметельные пальто, чтобы смешаться с местными

жителями. Когда Микодез не надевал форму, он предпочитал спокойные оттенки зеленого.

А вот Оружейная комната была багрово-красной с золотыми акцентами. Ничто другое не подошло бы. Красные стены с темно-красными гобеленами отражались в стволах пистолетов, придавая их блеску нездоровый оттенок.

Микодез прошелся по комнате и остановился над тем, что ему нравилось больше всего — центральным экспонатом коллекции, «Паттернером-52», любимым пистолетом Джедао. Блистательный тактик его повсюду таскал с собой и использовал, чтобы перебить свой штаб на командном моте при Адском Веретене. Микодез не собирался вынимать оружие из футляра, чтобы поиграть с ним, но изучил рукоять, на которой была выгравирована печально известная двойка шестерней.

Сеть издала мелодичный звук.

— Фу, какой ты мрачный, — сказал Истрадез от двери. Он подошел к Микодезу и нахмурился, глядя на «Паттернер-52». — Надо послать эту штуку Джедао в подарок и посмотреть, станет ли он более восприимчивым к твоим попыткам терапии на расстоянии. Признайся, один вшивый пистолет не сделает Джедао более смертоносным.

— Ну, есть ещё психологический фактор, — возразил Микодез. — Кроме того, коллекция стоит дороже, если сохранить её целиком.

Истрадез фыркнул.

— Можно подумать, ты собираешься её продавать.

— Шутишь? Мы же вечно на мели. — Фракция Андан раздражала Микодеза ещё и тем, что — если верить донесениям его финансовых шпионов — могла позволить себе что угодно. Несмотря на все свои успехи в качестве гекзарха, он был вынужден постоянно изыскивать средства для пополнения бюджета.

— Удивлен, что ты не заставляешь меня чаще заниматься финансами.

— Не искушай меня, — огрызнулся Микодез. — Это слишком важная вещь, чтобы поручать её кому-то другому.

Истрадез криво улыбнулся.

— Ну да, разумеется. — Он широко зевнул и потянулся сначала в одну сторону, потом в другую. — Должен признаться, это хорошая коллекция, пусть я и узнаю только половину экспонатов. Жаль, что мало у кого есть допуск, чтобы прийти сюда и оценить её.

— Я надеялся, что ты увидишь здесь что-то, чего

не вижу я, — сказал Микодез.

— Хочешь, чтобы я прочитал тебе будущее по россыпи винтовок и револьверов, как по чайным листьям? Не думаю, что это возможно. Кроме того… — Истрадез лениво оперся о край витрины «Паттернера», от чего включился информационный дисплей. — Я последние несколько десятилетий учился думать, как ты. Разучиться на удивление трудно.

Микодез заметил легкое напряжение в плечах Истрадеза. Тихо, но не бесшумно он скользнул за спину брата и начал растирать ему плечи. Истрадез вздохнул и медленно расслабился под прикосновением Микодеза.

— Надеюсь, ты не собираешься подвергнуть меня одному из этих неприятных тестов на память после того, как мы покинем эту комнату к ужину, — пробормотал брат. Микодез почувствовал сквозь ладони, как он дрожит. — Но я обещаю, что сделал домашнее задание. Я здесь, чтобы попросить об одолжении.

— Опять подружки? — спросил Микодез. Цитадель была хорошо укомплектована куртизанками с различными специальностями. В перерывах между миссиями Истрадез всегда пользовался возможностью побаловать себя. Если бы он сде-

лал это, будучи Микодезом, кто-то заметил бы несоответствие. — Если ты пресытился, у меня исчерпались…

— Дело не в этом. — Истрадез с безупречным достоинством выскользнул из-под рук Микодеза, повернулся к нему лицом и, склонив голову, опустился на колени. — Гекзарх.

Полный поклон гекзарху выглядел настолько неуместным, что Микодез резко втянул в себя воздух.

— Истра…

Истрадез не поднял глаз.

— Покорно прошу рассмотреть мою кандидатуру для миссии. Я не состою во фракции Шуос, но, судя по всему, существуют прецеденты, позволяющие использовать внешних агентов.

У Микодеза появилось дурное предчувствие насчет того, к чему все это ведет.

— Встань, — сказал он грубее, чем намеревался. — Нет необходимости делать это на коленях.

— Очень мило с твоей стороны заботиться о моих коленях, — сказал Истрадез с таким серьезным лицом, что Микодез не понял, издевается ли брат над ним. — Но я не шучу. Гекзарх, ты держишь меня в резерве, но я считаю, что более квалифицированного человека для этой миссии

быть попросту не может.

— И о какой же миссии идет речь?

Было жестоко вынуждать Истрадеза сказать ему это в лицо. Тем не менее Микодез должен был убедиться.

Он почти ожидал, что брат вот-вот потеряет самообладание, ожидал, что на отражении собственного лица появится знакомая кривая ухмылка. Но нет: Истрадез опустил ресницы, и его рука слегка сжалась на правом колене.

— Я слышал, что готовится покушение на гекзархов.

— У тебя нет доступа к этой информации, — сказал Микодез после секундного замешательства.

— Я соблазнил кое-кого из твоих сотрудников, — сказал Истрадез. — Время от времени попадаются люди, которые хотели бы переспать с кем-то, кто выглядит так же хорошо, как мы. Кажется, они даже не понимают, какие секреты выбалтывают в таких обстоятельствах.

«Кое-кто», возможно, был не один. Надо будет с этим разобраться позже.

— Это очень интересно, — сказал Микодез, не кривя душой. — Но ответ отрицательный.

— Гекзарх, — продолжил Истрадез самым официальным тоном, — я понимаю, что это само-

убийственная миссия.

— Ты слышал, что я сказал.

Истрадез судорожно втянул воздух.

— Я осознаю, что моя полезность для тебя подходит к концу. Я прошу напоследок…

— Нет, Истрадез!

— Я влез в файлы с оценкой, которую ты поручил Спайрель, — сказал брат с удивительно малой долей горечи. — Ты же все равно собираешься отстранить меня от дел, и что я тогда буду делать? Торчать здесь всю оставшуюся жизнь? Не надо мне такого. Отпусти меня, Мики.

Микодез опустился на колени и схватил Истрадеза за плечи.

— «Самоубийственная миссия» означает, что ты не вернешься — ты ведь это понимаешь?

— Что ты собирался сделать, послать кого-то другого? Я лучше всех подхожу для этой работы, сам знаешь. Прошу тебя, Мики.

Искренность, сверкнувшая в знакомых глазах, потрясла его.

— Я твоё орудие, Мики.

Это всколыхнуло его чувства.

— Не надо, — прошептал Микодез. — Пожалуйста, не надо. Ты не Кел.

— Я лучше, чем Кел, — сказал Истрадез. — Обе-

щай, что подумаешь.

— Я подумаю, — наконец проговорил Микодез.

Но они уже знали, что он принял решение.

Закончив читать отчет, которым наконец-то разродились математики, Микодез полил свою зеленую луковицу на три часа раньше положенного времени. Учитывая, как обещал пройти остаток дня, он не хотел об этом забыть.

Каким-то образом связь Черис с Джедао навела её на мысль поискать календарь, который изменил бы экзотические эффекты таким образом, чтобы они оказались применимы лишь к тем, кто их желал. Дисциплина Кел, возможно, сохранится, а вот Андан не захотят терять порабощение в качестве своей опоры, хотя даже Андан с двумя извилинами понимали, что угроза как таковая, а не её исполнение — вот их самый мощный инструмент. Шуос находились в сомнительно завидном положении: они были единственной фракцией, которая не обладала типовой экзотической способностью; для них ничего не изменится.

Затем Микодез вызвал Командование Кел, подчеркнув, что хочет поговорить напрямую с Тсоро. Ждать пришлось дольше обычного. Может, она добросовестным образом воспользовалась

феном. В конце концов, гекзарх приняла вызов.

— Шуос, — проговорила гекзарх Кел почтительно, но без особой симпатии. — Мы так поняли, дело срочное?

— У меня есть для вас личное предупреждение, — сказал Микодез и переслал пакет данных. — Мои аналитики убеждены, что Хафн задумали мощный удар по Гнезду. Можете прочитать все детали на досуге и подготовиться должным образом.

Шуосскую Цитадель Глаз защищало переменное количество тенемотов, не говоря уже об оружейных установках, но её местоположение было общеизвестным фактом. А вот безопасность Гнезда частично основывалась на секретности. Кел были рассеяны по всему гекзархату и не могли содержать у себя дома значительные оборонные силы.

— Нам надо знать, насколько надежна ваша информация, — сказала Тсоро.

Микодез прищурился на неё.

— Если бы у меня был скучный день, и я захотел трахнуть кому-то мозг ради развлечения, прикончил бы ещё парочку шуосских детишек. В конце концов, наши постоянно делают новых. Нет, информация точна. Хафн уже воспользовались

один раз способностью прыгать через космос, когда им помешал рой «Двойка шестерней». Если меня не удивляет тот факт, что они захотят использовать это против Гнезда, то и вас он не должен удивлять.

Он лично не подделывал информацию. Одна из его команд выполнила работу, но пакет данных должен был выдержать проверку коллективного разума. Пусть Тсоро его и недолюбливала, она верила в его компетентность.

— Надеюсь, у вас там есть поблизости рой-защитник, — прибавил он.

— Какая разница, есть или нет? — мрачно отозвалась Тсоро. — Мы не можем допустить падения Гнезда. Ваше предупреждение оценили по достоинству.

— Вот и отлично, — сказал Микодез с тем особым легкомыслием, которое, как он знал, её раздражало, поскольку она именно на него и рассчитывала. — В таком случае, не буду вам мешать заниматься утомительными логистическими расчетами.

И он отключился.

Проблема с планом Черис заключалась в том, что она неудобным образом собиралась взорвать Командование Кел до того, как Микодез сумеет —

если все будут придерживаться первоначального графика — воткнуть другим гекзархам нож в спину. Пункт первый: если сопроводить календарный сброс избавлением от Командования Кел — это хорошо, то уничтожить в это же самое время и прочих гекзархов будет ещё лучше. Пункт второй: от гекзархов проще всего избавиться, если они соберутся в одном месте. К счастью, база Нирай Файан для этого вполне годится. Пункт третий: вынудить четверых гекзархов изменить свое расписание, чтобы оно совпало с расписанием Черис, будет намного трудней, чем убедить Черис подождать, пока все фигуры не окажутся на местах. Пункт четвертый: он не может просто связаться с ней и рассказать о своей задумке, пусть даже в этой идее есть некая привлекательная простота. У него нет доказательств, что она способна довериться члену фракции Шуос — пусть даже у неё и были отношения с некоторыми из них, — и тот факт, что в её черепе застряли осколки Джедао, ничуть не упрощает дело. Значит, ему требуется способ повлиять на неё так, чтобы она этого не заметила.

Пункт пятый: никто не понял, как, черт побери, Черис намеревалась уничтожить Гнездо. Было бы неплохо, если бы жучки на «Иерархии

пиршеств» смогли пролить хоть какой-то свет на этот вопрос, но не срослось. Микодез пока что пришел к выводу, что Черис не сумасшедшая, что это не блеф и какой-то метод существует. Вера в неё верховного генерала и по совместительству «падающего ястреба» была лишь косвенным подтверждением, но уж лучше так, чем ничего.

Пункт шестой: чтобы делать то, что она делала, у Черис должна быть какая-то разведывательная сеть. Похоже, в какой-то момент она связалась с полковником Рагатом, но собрать воедино все детали в этом отношении никак не получалось. Другим рискованным предположением Микодеза было то, что источники Черис предупредят её о перемещениях роев Кел и вынудят пересмотреть своё расписание. По крайней мере, он верил, что она не станет рисковать собственным роем, атакуя Гнездо с его множеством роев-защитников, если у неё будет возможность переждать, пока все не утихнет.

«И люди считают меня ненадежным и опасным из-за каких-то двух кадетов», — цинично подумал Микодез. Но в том-то всё и дело: он взял за правило не привязываться к какому-либо определенному образу действий. Если он видел лучшее решение и казалось логичным на него переклю-

читься, гекзарх с радостью так и поступал.

Сеть проинформировала Микодеза, что количество людей, которым срочно надо с ним поговорить, растет. Он порылся во втором ящике стола и достал оттуда красновато-коричневый кружевной шарф с узором в виде листьев, который перестал вязать два месяца назад. Идеально. Единственное, что люди ненавидели больше, чем Шуос с пистолетом, — это Шуос с вязальными спицами. Ну зачем здравомыслящему убийце спицы, если у него есть укромный балкончик и мощная винтовка?

— Ладно, — сказал он сети. — Давай выслушаем первого.

Черис и Брезан сидели в её гостиной, вращая карту гекзархата туда-сюда. Кируев пыталась сосредоточиться на светящихся надписях, роях с генеральскими эмблемами, но это ей удавалось лишь урывками. Ни Черис, ни Брезан не нуждались в ней ради какого-нибудь вклада в вопросы стратегии или тылового обеспечения. Уж скорее верховный генерал боялся, что она упадет замертво, если оставить её без присмотра.

— Шесть полных роев, — сказала Черис. — Они, должно быть, жутко переволновались.

Кируев отметила, что траектории роев сходятся

в точке пространства, которая показалась ей непримечательной — только вот Черис настаивала, что именно там расположено Гнездо, и верховный генерал ей верил. Из шести эмблем сильнее прочих внимание Кируев привлекали «Три пустельги, три солнца» — символ генерала Инессер.

Черис и Брезан были не единственными участниками дискуссии. Присутствовали четыре сервитора: три дельтаформы и птицеформа. Дельтаформы постоянно обменивались быстрыми вспышками огоньков. Тот факт, что это происходило в спектре, видимом невооруженным глазом, был почти наверняка признаком вежливости. Кируев узнала, что сервиторов очень сильно заботит вежливость, и попыталась соответствующим образом изменить свое поведение, раз уж верховный генерал этого не запретил. Птицеформа либо одобряла её стремление, либо решила, что уход за умирающим генералом — достойное хобби. Как бы там ни было, она дружелюбно парила рядом с Кируев, периодически наполняя ее чашку из чайника, который Черис и Брезан игнорировали.

— Если я правильно понял, — сказал Брезан, — сервиторы предпочитают не предпринимать никаких действий в присутствии такого коли-

чества наблюдателей, поскольку те могли бы понять, что они что-то замыслили?

Интересно, подумала Кируев, осознал ли Брезан, что всякий раз, когда он упоминает сервиторов или даже когда предположительно беседует с ними, его слова оказываются обращенными к пустым стенам?

Две дельтаформы, которых уставшая Кируев пометила как Первая и Вторая, обменялись пылким шквалом огней и диссонирующих аккордов. Потом Третья что-то сказала Черис, помигав ей ярко-красными огнями.

Черис нахмурилась.

— Вот, в принципе, и все. Они уже эвакуировали столько сервиторов, сколько смогли, но даже так…

Брезан закусил губу.

— Черис, — сказал он, — если в этих роях-защитниках тоже есть сервиторы…

— Говори без обиняков, — сказала она.

— Если они могут превратить Командование Кел в радиоактивные помехи, то кучка мотов…

Руки Черис напряглись, потом расслабились.

— Брезан, — сказала она, — это много мотов. С общим экипажем порядка трехсот тысяч человек. Даже если бы у нас были вразумительные

свидетельства того, что все шесть генералов непоправимо коррумпированы — а таких данных нет, — я бы предпочла убить как можно меньше народа. Помимо всего прочего, это немаленькие рои, а враги гекзархата никуда не подевались. Ты правда хочешь расправиться с этой частью сил гекзархата? С его старшими генералами?

— Интересный довод от человека, который твердо намерен разорвать весь мир на части, — заметил Брезан.

— Я не целиком и полностью Джедао, — возразила Черис, хотя для Кируев все было не так однозначно. — Суть этой затеи не в том, чтобы увеличить число погибших. Она в том, чтобы изменить систему — и пусть у обычных людей появится шанс. Но кто-то умрет, да. Многие умрут. Однако нам не стоит лезть из кожи вон, чтобы убить ещё больше.

— Хотелось бы узнать, как ты пришла к этой философии после того, как в твою голову засунули массового убийцу, — сказал Брезан.

— Я пытаюсь починить то, что он сломал, — ответила Черис, — потому что помню, как это делала.

Брезан ссутулился.

— Значит, будем ждать? Ты не попытаешься

ворваться и спасти Командование Кел от Хафн?

Кируев осмелилась встрять:

— Сэр, они нас за такое не поблагодарят. И генерал Инессер в любом случае более чем компетентна, чтобы справиться с этой задачей.

— Под «не поблагодарят» вы подразумеваете, что они готовы сами подорваться, чтобы избавиться от нас, — криво усмехнулась Черис. — В любом случае, разве нас не учили избегать лобовой атаки?

Брезан застонал, явно припомнив какую-то из четырехсот келских шуток.

— Ладно, — сказал он. — Подождем лучшего момента. Но что, если он не придет?

— Тогда мы пересмотрим план, — сказала Черис. — Что меня беспокоит, так это невозможность определить вектор приближения Хафн. Охват детекторов и постов прослушивания нельзя назвать всеобъемлющим, так что нам придется просто ждать и наблюдать.

Брезан и Черис сосредоточились на знамемоте, у которого были проблемы с двигателем. Кируев встревожилась, хотя и не удивилась тому, что ей трудно вникать в детали. Она мёрзла, и от этого было трудно сконцентрировать внимание. Птицеформа что-то чирикнула: наверное, поду-

мала, что чай — пусть это и не лучшее средство из возможных — её хотя бы согреет. Кируев слабо улыбнулась и сделала глоток.

— Я не буду притворяться, что понимаю тебя, — сказала она птицеформе. — Но, учитывая срок твоей службы, надеюсь, что ты получишь какое-то вознаграждение. И мне жаль, что я так и не выучила ваш язык.

Птицеформа бодро забарабанила по ближайшей стене. Черис бросила на неё взгляд, потом опять принялась изучать гармонические показатели двигателей вместе с Брезаном. Птицеформа опять застучала, и Кируев внезапно поняла, что это сигнальный код Кел: «*Ты не обязана умирать*».

Кируев моргнула.

«*Ты можешь сделать выбор и не умереть*».

Она не помнила, зачем привела в действие оговорку Врэ Талы, но помнила другое. Отца, который превратился в трупную бумагу, резкий звон колокольчиков, матерей, которые после всего прижались друг к другу, пока она стояла и пыталась не видеть того, что было прямо перед нею. Горькое разочарование каждый раз, когда она выходила из битвы живой. Она научилась прятать это чувство, но оно так и не исчезло

полностью.

— Я Кел, — с болью сказала Кируев. — Даже если предположить, что всё это сработает, чтобы освободиться от Врэ Талы мне придется избавиться от формационного инстинкта. Оговорка — его часть.

Птицеформа осмыслила это и опять принялась барабанить: «*Мой народ служит без формационного инстинкта. Разве наша служба — не служба?*»

— Не мне об этом судить, — сказала Кируев.

«*Разве твой генерал будет против?*»

«Вы выбрали Врэ Талу», — сказал ей Брезан на днях, пытаясь что-то объяснить, но его слова таяли, словно дым. Неужели верховный генерал хочет, чтобы она отказалась от того, что делает её Кел?

Едва ли можно быть Кел без формационного инстинкта. В конце концов, трудно не заметить, что Брезан — «падающий ястреб». Но это неизбежно приводило к вопросу о том, желательно ли быть Кел в первую очередь.

— Я научусь выбирать, — сказала Кируев, — если этого пожелает верховный генерал.

Чириканье сервитора походило на вздох. Он указал на чай одной из своих хваталок. Кируев

послушно сделала еще глоток. Тепло долго не продержится, но в этом и не было необходимости.

Шесть роев Кел добрались до Гнезда и замерли в ожидании.

Черис и Брезан начали спорить, что случится после устранения Командования Кел, и Черис всё время подчеркивала, что успешное обезглавливание фракции сделает Брезана старшим офицером.

— Я подам в отставку, — заявил он.

— И бросишь Кел без лидера? — парировала Черис. — Ты правда этого хочешь?

— Ненавижу, когда ты открываешь рот, — огрызнулся Брезан. — Что бы ты ни сказала, от этого никогда не становится лучше.

Кируев пристрастилась играть в карты с сервиторами, раз уж никто теперь не ждал от неё какой-то пользы. Сервиторы обычно побеждали. Она высоко ценила то, что они не поддавались из желания поднять ей настроение.

Шуос Микодез закончил вязать шарф. Первые два человека, которым он его предложил, не смогли скрыть своих подозрений, что вещица оживет и задушит их. Поди разбери, чего ждать от современной пряжи.

Три гекзарха, Рахал, Андан и Видона, отправи-

лись на станцию Нирай «Мави 514–11». Нирай Файан была уже там.

Через тридцать восемь дней после того, как Микодез предупредил Кел Тсоро о готовящемся налете Хафн, посты прослушивания Кел возле четырех больших верфей сообщили о появлении формантов противника. Три верфи вскоре после этого взорвались. Командование Кел пришло к выводу, что настоящими целями были верфи, поскольку две из них предназначались для строительства пепломотов — и других таких в гекзархате больше не было. Командование выслало четыре роя-защитника, чтобы разобраться с захватчиками. Но, к сожалению, после случившегося посты прослушивания потеряли форманты из вида.

Черис и Брезан, получив известие о дальнейших передвижениях Кел, провели экстренное совещание и решили, что это их лучшая возможность нанести удар. Кируев на обсуждении не присутствовала. Она упала в обморок за два дня до него, через семьдесят девять дней после того, как привела в действие оговорку Врэ Талы, и была отправлена в лазарет.

Вохан Истрадез размышлял над тем, что в любой другой день он мог бы развлечься, заскочив

в одну из академий Шуос и напугав до смерти невинных маленьких кадетов. К счастью для них, он не разделял пристрастия своего второго по старшинству брата к глупым шуткам, даже если служил двойником этого самого брата. Кроме того, у него была работа поважнее. Язык тела Микодеза не представлял собой особой сложности. А вот тот факт, что он был самым настоящим хорьком — другое дело. Не говоря уже о бесконечных хобби. Истрадез надеялся, что никто не заставит его вязать, потому что у него определенно был талант ронять петли.

Истрадез находился на борту тенемота «Очи, клинком нетронутые» — типичное веселенькое шуосское наименование. Не было никакого способа скрыть от команды место назначения, но его подлинная личность оставалась для них тайной. Уловка не выдержала бы пристального внимания, но шансы на то, что коммандер потребует аутентификации, были невелики, а гекзархи, ну, у них не будет шанса даже подумать о чем-то в этом роде. По крайней мере, пресловутая эксцентричность Микодеза сработает в его пользу, если он допустит ошибку.

В настоящий момент он был в спальне: сидел перед подносом с медовыми печеньями и

втыкал в них зубочистки, потому что так было интереснее, чем есть эту гадость. Он размышлял, не выбросить ли их, хоть это и было бы вопреки роли, когда сеть сообщила, что они вот-вот свяжутся со станцией «Мави 514–11». Он решил, что должен снова надеть ботинки, а не ходить в носках, даже если этого никто не видит.

И действительно, Истрадеза вызвала коммандер мота.

— Да? — сказал он, незаметно засовывая левую ногу во второй ботинок.

— Гекзарх, — сказала коммандер. — Вы попросили сообщить, когда мы приблизимся к станции. Протокол требует отключить маскировку и сообщить им о нашем прибытии, когда мы окажемся в радиусе контроля. — Последние слова она произнесла невыразительным голосом, хотя на самом деле ей хотелось бы знать, явились они с обычным визитом или ради какого-то лисьего трюка.

— Будьте любезны, — лениво проговорил он, — скажите, что показывают сканеры?

Она переслала показания, но толку от этого было мало. Как правило, неактивные или минимально активные мот-двигатели обнаружить было нелегко. Что ж, придется пойти сложным

путем.

— Ладно, — сказал Истрадез и проткнул ближайшее печенье ещё одной зубочисткой. — Отключайте маскировку, и я с ними свяжусь, сообщу, что мы здесь. Хотите, пришлю вам печенье? — Что угодно, лишь бы избавиться от него.

— Очень любезно с вашей стороны, — тактично сказала коммандер. — Но если это то, о чем я думаю, слишком много времени уйдет, чтобы вытащить кедровые орешки из зубов.

«Как я тебя понимаю», — кисло подумал Истрадез, а вслух сказал:

— Ну, как пожелаете.

После короткой паузы коммандер сообщила:

— Маскировка мота отключена. Мы будем удерживать позицию, чтобы они не занервничали.

Неужели кто-то мог нервничать из-за тенемота Шуос? Да ладно. Истрадез связался со станцией и попросил соединить его с гекзархом Файан. Она ответила очень быстро.

— На сколько я опоздал? — спросил Истрадез без тени раскаяния. Он хотел опоздать — желательно явиться последним, — хотя ей об этом знать не следовало. Он уже вводил последовательность команд. Даже если с остальными выйдет промашка, устранение Файан чего-нибудь да стоит.

— Вы последний, Микодез, — сказала Файан, нахмурив брови.

Великолепно. Он улыбнулся ей улыбкой брата, хоть Микодез и предупреждал, что это не сработает.

— Ну, я больше не буду задерживать вас. Скоро увидимся?

— Жду с нетерпением, — с выученной вежливостью ответила Файан.

Истрадез ввел последнее переопределение.

Иногда люди начинали думать, что пространство гекзархата так густо усеяно тенемотами, что невозможно даже поковырять в носу так, чтобы какой-нибудь тебя за этим не застукал. На самом деле космос велик, а проклятые штуки слишком дороги, чтобы Шуос могли использовать их в свое удовольствие. Чтобы сделать что-нибудь полезное при помощи экзотического оружия — включая разрушительную, но медленную при перезарядке ножевую пушку, — приходилось отключать маскировку. Чтобы ее снова включить, требовалась вечность, и тем самым к нанесенному ущербу прибавлялось ещё и оскорбление. Короче говоря, «Очам, клинком нетронутым» суждено было нанести необходимый первый удар — но никто не сумел бы выпутаться из этой

ситуации живым.

Истрадезу на самом деле было жаль команду тенемота, которая не подписывалась на самоубийственную миссию. Однако даже он понимал, что им нельзя сообщать истинную причину, по которой корабль явился сюда. Кроме того, он сам — не Кел, но вызвался добровольцем. Этого должно хватить.

«Раз уж я на это подписался, объясни, в чем суть маневра», — попросил он Микодеза после того, как брат согласился. Краем глаза он видел знаменитый, некогда принадлежавший Джедао «Паттернер-52» в стеклянной витрине, но не смел повернуть голову, чтобы как следует рассмотреть пистолет.

«После этого фракция Шуос окажется на три шага впереди, — сказал Микодез. Он вернулся к своему привычному пугающе-веселому настроению. — Хочешь сказать, ты настаивал на этой миссии, толком её не обдумав?»

«Я все ещё полон решимости, — заверил брата Истрадез. — Но мне от тебя кое-что нужно».

Микодез посмотрел на него без улыбки.

«Это должно быть что-то, что я смогу дать».

«Честный ответ, — сказал Истрадез. — На этот раз по-настоящему, а не потому, что ты играешь

со мной в психотерапевта. Тебя в этой жизни что-то всё ещё волнует, ты остался человеком или полностью посвятил себя играм, розыгрышам и стратагемам? Избавился от всего, что можно использовать против тебя? Я… мне просто надо знать».

Кровь застыла у Истрадеза в жилах, когда Микодез встал, потому что он не был уверен, что все это не превратится в состязание ядовитых игл, удавок или пистолетов, и у него не было иллюзий относительно того, что полученные им навыки самообороны хоть как-то помогут. Но Микодез всего лишь опустился перед ним на колени и потянулся к его рукам. У Истрадеза перехватило дыхание, когда брат яростно поцеловал его ладони.

«Я делаю то, что должен, — сказал Микодез, — как уже говорил тебе когда-то. Я, мать твою, готов даже собственного брата послать на смерть, если это лучший способ сделать то, что я должен… — Его голос надломился, и пришлось сделать короткую паузу. — Но не смей думать, что все это происходит от того, что я перестал тебя любить. Я не хочу, чтобы ты уходил. Ещё не слишком поздно…»

«Слишком поздно стало уже давным-давно», —

возразил Истрадез.

«Очи, клинком нетронутые» замедляли ход, приближаясь к станции Нирай с её кольцами и кружевом сенсорных антенн, двигателями, огромными жужжащими механизмами с сердцами, которые были колесами внутри колес. Коммандер обнаружила, что у экипажа нет доступа к управлению, и попыталась вызвать Истрадеза по аварийному резервному каналу. Истрадез, естественно, не отвечал.

За несколько минут до того, как они должны были причалить к станции, тенемот «Очи, клинком нетронутые» выстрелил из ножевой пушки, разрезав станцию почти пополам, включая центральное энергетическое ядро. Через несколько мгновений на тенемоте сработала система самоуничтожения — без эвакуации, без обратного отсчета, без ничего.

В свои последние секунды Истрадез подумал, что это перебор, но было приятно напомнить гекзархату, что любовь к мелодраме свойственна не только Кел. Он рассеянно смотрел на свои ладони, когда мир растворился в потоке тепла и белого шума.

Когда пришло время перевести часы гекзархата, сорок восемь сервиторов остались в Гнезде.

Коллективный разум Кел обычно их не замечал, но надо было создать иллюзию, что часть сервиторского состава находится там, где надо. Не говоря уже о том, что кто-то должен был остаться и убедиться, что атака пройдет по плану.

Сервитор sin x^2, один из сорока восьми, остался не ради саботажа. У него не было особого опыта в проектировании или разрушении, и он на самом-то деле обычно служил в лазарете. Другие сервиторы уговаривали его эвакуироваться, пока была такая возможность. Гнездо было связано с внешним миром линиями снабжения. Сервиторы покидали его в ящиках, канистрах, в любой доступной щели в темных трюмах мотов.

Sin x^2 сказал: «Они Кел. Кто-то должен остаться с ними до конца, пусть даже они не понимают, что происходит». И остальные, поняв, что его не переубедить, оставили sin x^2 в покое.

У sin x^2 не было никаких иллюзий относительно того, что для Кел он был просто инструментом для выполнения нужной — а иногда и ненужной — работы. Он знал, что коллективный разум с каждым годом делается все более ненормальным. Тем не менее он считал себя Кел. Кто-то из его анклава должен был почтить уход Командования Кел.

Sin x^2 занимался полировкой коллекции музыкальных инструментов — такова была одна из странных обязанностей, которые он взял на себя, потому что никто другой этим заниматься не хотел. Верховный генерал Аурель привезла кое-что из инструментов с собой. В ранние годы она время от времени приходила сюда, чтобы попрактиковаться. В последний раз она здесь была тридцать один год назад. Играла отрывки из какого-то концерта. Sin x^2 уделял особое внимание виолам, потому что она их больше всего любила.

Сервитор th x разослал по служебному каналу уведомление: осталось шесть минут.

Sin x^2 знал, что прямо сейчас верховный генерал Аурель входит в состав Подкомандующего композита номер восемь. Он помчался по коридорам, желая добраться до нее. Двери были открыты, как всегда. Он влетел туда, где Аурель сидела на простом стуле из металлизированного стекла. Её осанка была прекрасна, а руки ещё сохранили некоторую силу, но светло-карие глаза ничего в комнате не видели, кроме, возможно, границ между светом и тенью.

Через минуту и восемь секунд Гнездо превратилось в ревущий клубок огня, ядовитых испарений и чисел, которые откатились назад, к безжалост-

ному нулевому часу нового календаря.

Глава двадцать седьмая

Поразительно, но Зехуни удалось добраться до двери в главный кабинет Микодеза и не погибнуть. Гекзарх поднял голову и сперва не узнал стройного мрачноглазого человека в длинном красном пальто. С убранными назад волосами Зехуни выглядели почти так же, как при их первой встрече: скромный Шуос с не очень-то скромными идеями относительно того, как следует управлять фракцией.

— Уходите, — сказал Микодез так, словно кто-то прошелся по его голосовым связкам граблями.

Зехуни прищурились, шагнули через порог. Дверь закрылась у них за спиной.

— Вы должны были сказать Истрадезу «нет».

— Во-первых, — сказал Микодез, — это вас не касается. — Явная неправда: ассистента касались любые его дела. — Во-вторых, как только Истрадез предложил свою кандидатуру, мне пришлось согласиться. Что я должен был делать всю оставшуюся жизнь, нянчиться с ним, пока посылаю других агентов на смерть? Только представьте себе, что это сотворило бы с моральным духом.

Так фракцией не руководят.

— Он ваш брат, Микодез! — Зехуни собрались сказать что-то ещё, но передумали. — Вы имеете право на личные привязанности. Как правило, те, у кого их нет — это те, кого нам приходится убивать ради общего блага.

— Я отказался от права на сентиментальность, когда занял это место, — сказал Микодез. — Фракция Шуос — вот моя семья. И, пожалуйста, не говорите мне, что это была плохая сделка, хорошая сделка или ещё что-то в этом духе. Я сейчас такого не вынесу.

— В любом случае я здесь по другому поводу, — сказали Зехуни, хотя Микодез отлично понял, что они ещё вернутся к этой теме позже. — Вы не отвечали на мои вызовы.

— Что у нас такого срочного? — саркастически спросил Микодез.

Зехуни, перегнувшись через его терминал, напечатали запрос.

— Вы должны это увидеть сами, — сказали они.

Пришла краткая сводка, объясняющая, что некое сообщение было отправлено в незашифрованном виде, во всех направлениях, из тысячи тысяч источников, этаким световым шквалом.

Черис разослала свой календарь и уравнения, прибавив манифест, объясняющий, зачем они нужны. Рахал сходили с ума, пытаясь подавить распространение этой информации и справиться с календарными колебаниями, но было слишком поздно.

— Да, — сказал Микодез, восхищаясь бесполезностью карты, показывающей сверкающее изобилие источников трансляции: их было слишком много для человеческого глаза, чтобы выделить закономерность, и сеть справлялась с анализом немногим лучше. — Это был очевидный ход. Иногда очевидное является правильным. Я просто не ожидал, что она все реализует с такой тщательностью.

— Вы сделали свой выбор, Микодез, — сказали Зехуни. — Мир не перестанет двигаться вперед. Нам нужно разобраться с этим кризисом. Может, после того, как все уляжется, мы сумеем отсидеться за настольными играми и нажраться вусмерть, но пока что у вас есть работа.

— Да, — согласился он, — а вы свою сделали. А теперь ступайте и приведите мне ту юную мвеннин, раз уж вам нечем заняться. Я не могу сосредоточиться, если кто-то стоит у меня над душой.

— Можно подумать, вы знаете, что значит «стоять над душой», — сказали Зехуни с видом человека, который вырастил пятерых детей и ощущает свое превосходство над тем, у кого потомков нет, но все-таки отправились на поиски.

Микодез подавил желание повременить с делом, занявшись опять поливом своей зеленой луковицы. От такого у неё попросту корни сгниют.

— Вызови Шуос Джедао на «Иерархии пиршеств», — сказал он, обращаясь к сети. Может, на этот раз получится. Интересно, под какой эмблемой сейчас летает рой? Все ещё с «Двойкой шестерней»? Или с «Лебединым узлом»? Может, со скучным временным символом для новоиспеченных генералов? Или «падающий ястреб» придумал что-нибудь замысловатое?

Гекзарх съел айвовый леденец, пока ждал ответа. Запас в столе заканчивался. Придется уговорить своих людей, чтобы пополнили его. По какой-то причине они решили, что Микодезу нужно ограничить потребление сахара.

Мелькнула двойка шестерней, и Микодез скривился. Вот, значит, как она решила. Эмблема сменилась насмешливым лицом Черис, когда та приняла вызов.

— Шуос-чжо, — сказала она, — неужели сейчас самое лучшее время для разговора? Либо у вас кризис в самом разгаре, либо у меня — прямо не знаю, что из этого правда.

— Здравствуйте, Черис, — сказал Микодез и поразился тому, что на её лице не дрогнул ни один мускул. — Уверяю, вас это заинтересует.

— Ну что ж, Шуос-чжо, — ответила женщина, — почему бы двум чудесно воскресшим мертвецам не поболтать? Мне было известно из надежных источников, что вы вместе с другими гекзархами убиты на каком-то собрании. Наверное, было адски трудно собрать всех в одном месте. А виски там хороший подавали?

Микодез был уверен, что Черис, в отличие от Джедао, спиртным не увлекается.

— Это я приказал нанести удар, — сказал он очень спокойно.

— Нирай-чжо была убеждена, что разговариваете с вами, непосредственно перед инцидентом. Как вообще можно саботировать тенемот?

Да откуда, черт побери, Черис добывает сведения? На этом фоне весь его разведывательный отдел выглядел просто ужасно.

— Это был двойник? — продолжала женщина. Её улыбка сделалась проницательной. — Я

припоминаю, вам такие вещи нравятся — вы же подсунули мне двойника Хиаз. Мне, разумеется, требовался ещё один повод держаться подальше от гекзарха фракции Шуос.

— Черис, — сказал Микодез. — Все кончено. Вы победили. И, если хотите знать, двойником, который устроил это самоубийственное покушение, был мой младший брат.

Проклятье, он понятия не имел, зачем откровенничает с ней после того, как не захотел обсуждать эту тему со своим собственным помощником. Впрочем, нет — он знал, он всегда такие вещи понимал, даже сам того не желая. Нужно, чтобы Черис начала ему доверять. А это возможно лишь в том случае, если она решит, что у него есть слабые места. Ужасный способ использовать жертву Истрадеза, но подобное не могло его остановить.

Оттенок её глаз на миг изменился, словно от пробежавшей тени.

— Я не знала, — сказала она. — Мне очень жаль.

Сделала паузу, давая ему возможность что-то сказать в ответ, а потом продолжила:

— Почему вы предали других гекзархов?

— По двум причинам, — ответил Микодез. —

Во-первых, как только я узнал о вашем плане, то понял, что у вас на руках все козыри. Во-вторых, я хочу предложить вам союз с фракцией Шуос. — Его улыбка была жестокой. — Считайте смерть моих коллег подарком вам, доказательством моей искренности.

— Значит, это вы заставили Командование Кел перемещать туда-сюда оборонные силы. Чтобы расписание совпало.

— Да.

— Выходит, это не Хафн взорвали верфи. — В голосе Черис слышались гневные нотки, и Микодез спросил себя, её ли это возмущение или Джедао. Этот засранец, сам будучи предателем, всегда относился к другим чересчур критично.

— Верно, — согласился гекзарх. — Это работа моих диверсантов. Не думайте, что я сожалею о содеянном, невзирая на число погибших. Устроенная вами революция уже многих погубила. Большинство наших систем перешло бы на военное положение, если бы мы не были, как вам известно, всегда на военном положении. Сейчас они под особым наблюдением Видона. Все изначально свелось к вопросу о том, какие потери можно считать приемлемыми.

— Помощь Шуос — одновременно и возна-

граждение, и расплата, так ведь люди говорят, верно? — заметила Черис.

Микодез склонил голову.

— Думаю, единственное, о чем я могу пожалеть больше, чем сказать «да» — это сказать «нет».

— В этом и заключалась вся идея, — скромно ответил Микодез. — Между прочим, спектакль в облике Джедао послужил превосходным отвлекающим маневром. Поздравляю. Но такой фокус может сработать только один раз.

— Он и должен был сработать только один раз, — ответила она.

Микодез взмахом руки признал: удар попал в цель.

— Ещё кое-что. У меня есть для вас ещё один подарок, хоть его и не назовешь очень хорошим. — Где же Зехуни? Он отправил сообщение, но ответа не получил. — Боюсь, придется продержать вас на линии ещё несколько минут. Кого планируете взорвать следующим?

— Если бы я попыталась перестрелять всех монстров в гекзархате, — сказала Черис, — сама стала бы монстром.

Микодез подпер подбородок руками и улыбнулся.

— Если вы это понимаете, — проговорил он, —

значит, вы превзошли Джедао, и у этого альянса есть шанс выстоять в борьбе… А, наконец-то.

Зехуни вернулись, ведя за собой девочку-подростка. У неё была кожа цвета слоновой кости и волосы, уложенные с помощью эмалевых заколок. Её одежда, несмотря на поразительное сочетание оттенков зеленого и желтого, выделялась лишь бестолковой практичностью. Интересно, подумал Микодез, где она собралась бегать в этих удобных брюках и ещё более удобных ботинках? Цитадель Глаз — космическая станция. Здесь далеко не убежишь.

— Черис, — сказал Микодез, — это Моройш Ниджа. Я не думаю, что вы знакомы, — Черис уже качала головой, — но она одна из примерно пяти тысяч мвеннин, которых мы смогли эвакуировать. Это ничтожно малое число, и я не уверен, что ваше сообщество оправится от случившегося, но это было самое большее, что я мог сделать, не разоблачая участие Шуос перед другими фракциями.

— Постойте, — сказала Ниджа. Она смотрела не на Микодеза, но на изображение лица Черис. — Это она? Аджевен Черис?

— Да, это я, — сказала Черис.

Ниджа начала что-то резко и быстро говорить

на языке, который сеть определила как мвен-дал. Микодез взглянул на машинный перевод на субдисплее: тот был не очень хорош, но демонстрировал, что запас мвен-далских ругательств у девушки весьма впечатляющий.

Когда Ниджа иссякла, Черис что-то проговорила на мвен-дале, запинаясь, а потом прибавила на высоком языке:

— Мне нечем оправдаться.

— Как я и говорил, — сказал Микодез, — это очень плохой подарок.

— Так вы сразу все спланировали? — спросила Черис.

— Нет. Я люблю, когда есть пространство для маневров. И, так уж вышло, я считаю геноцид дурным методом ведения политики. Ничего личного.

— И что же вы собираетесь делать с моей соплеменницей, пока она у вас под опекой?

Ниджа, к удивлению Микодеза, ответила первой:

— Он предложил мне работу. И я согласилась — видишь ли, твои дерьмовые решения предоставили мне целую кучу вариантов для выбора.

Черис смутилась.

— Вы занимаетесь вербовкой, Шуос-чжо?

— В исключительных случаях, когда это оправданно, — мягко проговорил Микодез. — Ну, мвеннин же подарили нам вас. Может, мне повезет.

На Ниджу такой ход мыслей не произвел особого впечатления.

— То есть на вас работает недостаточно бывших магазинных воровок, и вы в отчаянном положении.

Стоя за спиной у девушки, Зехуни отправили ему сообщение: «Мы разыскали в гекзархате единственное дитя, которое вас не боится».

Микодез ответил: «Дайте знать, если найдутся ещё такие же».

Черис поджала губы, потом сказала:

— Я видела трансляцию казни моих родителей.

Удивительное дело, но Ниджа промолчала.

— Я подумывал вмешаться, — признался Микодез. Он не мог ее утешить, хотя все говорило о том, что она не будет держать на него зла. Сейчас он почти желал, чтобы вышло наоборот. — Из-за того, кем они были, Видона слишком хорошо позаботились о безопасности. Я решил не рисковать.

— Ценю вашу прямоту, — сказала Черис. — Но что я могу вам предложить? Все, что у меня есть, — это слабый контроль над одним роем, а у вас, несомненно, имеются свои математики.

Не ее калибра, но ей не нужно было знать об этом, если она до сих пор не догадалась.

— Зехуни, — сказал Микодез, — пожалуйста, проводите Ниджу на обед, или в сад, или на уроки владения оружием, как вы с ней договоритесь. Ниджа, спасибо за помощь. Поговорим позже.

Зехуни увели девушку. Ниджа, похоже, считала, что ей следует вернуться в школу — интересно, а в Цитадели Глаз была нормальная учебная программа наряду с курсами повышения квалификации, в чьих названиях встречались слова «обман» и «убийство»? На лице Зехуни было написано: «А мне казалось, с возней с подростками покончено».

— Я хочу поучаствовать в вашем социальном эксперименте, — объяснил Микодез, обращаясь к Черис. — Но есть одна вещь, которую мне можете предложить только вы. Надеюсь на вашу уступчивость, потому что это принесет пользу нам обоим.

— Вы заставляете меня волноваться, — заметила Черис.

— Вы знаете о Джедао больше, чем кто-либо другой, — сказал Микодез. — Что, черт побери, заставило его преступить черту?

— А-а, — проговорила она очень тихо. — Вы об этом.

— Судя по оценкам в Академии, он был идеальным Шуос. Если это идеал, мне такого не нужно. Мы с той поры старательно избегали появления ещё одного Джедао. Я сам, будучи кадетом, едва не оказался жертвой чистки за сигнификат «Девятихвостый лис, коронованный очами». Но все старания обречены, если мы не разыщем этот гребаный триггер.

На мгновение Микодез увидел, что глазами Черис на него смотрит Джедао, навеки запертый во тьме. Потом она проговорила с его протяжным акцентом:

— Триггером был гекзархат как таковой, Шуос-чжо. Весь целиком. Вся прогнившая насквозь система. Он никогда не был сумасшедшим — или, по крайней мере, не сошел с ума до такой степени, как считали люди. Я составлю для вас более подробный отчет. Не думаю, что это принесет кому-то вред — и, возможно, будет даже какая-то польза, как вы и предположили.

— Спасибо, — сказал Микодез. Он отвесил ей

поясной поклон в старом стиле — Джедао должен был узнать официальное приветствие при встрече гептархов друг с другом. Она поморщилась, и это было хорошо. Пусть понимает, во что ввязалась. — Я у вас в долгу. А теперь, полагаю, нам обоим пора заняться неотложными делами.

— Более чем пора, — согласилась Черис. — До свидания, Шуос-чжо.

От внимания Микодеза не ускользнуло, что на прощание на экране опять мелькнула двойка шестерней.

Брезан слишком долго откладывал разговор, но он больше не мог говорить себе, что у него есть важные дела, даже если таковые и существовали на самом деле. Стоило признаться, начальник штаба лучше него разбирался в административных вопросах, а Черис, похоже, имела некоторое представление о том, как выходить из всеохватного кризиса — возможно, потому что сама была магнитом для неприятностей.

В идеальном мире проклятая униформа вспыхнула бы ярким пламенем и спасла его от дальнейшего, но надо было справиться с последствиями своего предательства по-взрослому. Он почти пожалел, что не может посоветоваться с Джедао о том, как живется после того, как стал предателем.

Впрочем, он бы мог спросить Черис, но в этом ощущалось нечто нелепое.

Глубоко вздохнув, Брезан направился к гауптвахте. Лопатки щекотало каждый раз, когда он проходил мимо какого-нибудь Кел. Он больше не мог принимать формационный инстинкт как должное. Теперь он знал, что чувствовали другие Кел рядом с ним. Подходящее наказание на самом-то деле.

С другой стороны, смена календаря означала, что на данный момент Брезан в безопасности от анданского порабощения. Никудышное оправдание для того, чтобы избегать встречи с Тсейей: он в любой момент мог пообщаться с ней на расстоянии, поскольку её способность требовала личного контакта.

Тсейю держали в типовой камере, но выглядела она в этом помещении очень неуместно. Брезану хотелось бы предложить ей ручьи и птиц с длинными шеями, светящиеся аквариумы, полные рыб. К сожалению, они перешли ту грань, за которой от извинений уже не было никакого толка.

Тсейя спокойно сидела на скамье. Тускло-коричневая одежда её не красила. Её волосы, видимо, остриг какой-то сервитор. Что-то внутри у Брезана заныло, когда он вспомнил, как струи-

лись длинные пряди сквозь пальцы, как он водил по ним гребнем.

Верховный генерал ожидал, что она попытается поработить его, едва он окажется в поле зрения. Вместо этого Тсейя подняла голову и посмотрела на него с молчаливым достоинством. Может быть, она решила, что лучше сразу раздавить ему трахею, но он не собирался подходить так близко.

После неловкой паузы Брезан очень официально поклонился ей. Она могла принять это за насмешку, хотя он и не собирался насмехаться.

— Тсейя, — сказал он. — Я перед тобой в долгу, и ты заслуживаешь большего. Уверен, ты давно поняла, что я решил тебя предать, и, наверное, я последний, с кем тебе хочется поговорить, но есть вещи, которые тебе следует узнать.

Поразительно, но в глазах агентессы блеснули веселые искорки.

— Ты в безопасности, — ответила она. — Не сомневаюсь, что миссия полностью провалена, и мы оба в курсе, что это с самого начала была Черис. Мой праведный гнев давно иссяк. Впрочем, верить мне ты всё равно не станешь. Ну так что случилось? Каков был твой переломный момент?

Он заставил себя посмотреть ей в глаза.

— Черис предложила мне лучший мир. Лучший календарь. Это означало календарный всплеск. Все гекзархи мертвы, кроме гекзарха Шуос — он предал остальных, или что-то в этом роде, детали мне не совсем ясны. Понятия не имею, что мы будем делать дальше, но тебя отпустим в… Тсейя?

Она уставилась на него с побелевшим лицом.

— Все гекзархи, кроме Микодеза?

— Если хочешь сказать что-то резкое насчет моей слабохарактерности или о том, что я все это сделал, потому что повышение вскружило мне голову, валяй, говори. Не стану утверждать, что у тебя нет на это права.

Силы покинули ее.

— Кажется, — проговорила она, — ты правда думаешь, что это к лучшему, хотя я вижу в произошедшем лишь немыслимый хаос. Но не это привлекло… мое внимание. Удивлена, что ты до сих пор не понял. Видимо, вежливость помешала покопаться в моем прошлом. Гекзарх Андан — это… была… моя мать.

— Чего?! — выпалил Брезан. Потом спохватился и вспомнил о порядочности. — Прости. Я… я понятия не имел.

— Ну, — сказала Тсейя, немного приходя в се-

бя, — она была ужасной матерью. Но при этом не переставала ею быть, если ты понимаешь, о чем я. — Её дыхание оставалось прерывистым. — Знаешь, когда я была маленькой, то думала, что Микодез — мой дядя. У него в карманах всегда обнаруживались самые вкусные конфеты. Потом я выросла и узнала, что означает этот красно-золотой мундир.

Брезан начал понимать, что Тсейя злится не на него, а на Шуос Микодеза. В самом деле, это Микодез прикончил Андан Шандаль Йенг, но Брезану было не по себе от того, что он избежал вины. Он выругался, потом вошел в камеру и начал расстегивать ремни на Тсейе.

— Пока ты ещё ничего не напридумывала, — сказал он, — мне нужно твое честное слово. Мы отпустим тебя в безопасном месте, но даже если порабощение больше не работает…

— Вот что сделала перезагрузка календаря?

— Не совсем. — Он объяснил так кратко, как только сумел.

— Знаешь, — проговорила Тсейя после, потирая запястья, — тебе стоило попросить меня дать слово перед тем, как ты сюда вошел.

Брезан пожал плечами.

— Все нынче любят критиковать. Так ты его

даешь?

— Зачем ты это делаешь?

Он не прикоснулся к ней, не взял ее руки в свои, только серьезно посмотрел на нее.

— Потому что ты не должна была горевать о своей матери.

Углы рта Тсейи изогнулись вниз.

— Даю слово. Знаешь, а ты облажался всерьез, и тебе предстоит за это поплатиться, но я не стану тем, кто спустит с тебя шкуру.

— Идем, — сказал он, не зная, как ответить на такие слова. — Найду место, где ты сможешь уединиться.

— Спасибо, — ответила Тсейя.

Они не помирились, но он на такое и не рассчитывал.

Ни принципы, ни верность, ни память не подтолкнули Кируев к тому, чтобы отказаться от формационного инстинкта. Наверное, все дело было в том, что она лежала в своей палате в медотсеке, и все считали, что она не должна делать ничего более утомительного, чем смотреть драмы или попеременно таращиться на стены. Кируев пришла к выводу, что у стен, по крайней мере, с диалогами дело обстоит лучше.

К генералу явилась с визитом та самая пти-

цеформа — у Кируев развилась способность отличать сервиторов друг от друга, — которая прониклась к ней симпатией. Кируев поприветствовала птицеформу сбивчивым постукиванием на упрощенном машинном языке. Словарный запас у неё пока что оставался невелик, поскольку сетевые учебники оказались ужасны, но единственным способом развиваться была практика.

Птицеформа вспыхнула ослепительными розовыми и золотыми огнями. Потом очень медленно спросила: «*Вы в порядке?*» И на всякий случай повторила то же самое сигнальным кодом Кел.

— Как по-вашему сказать «мне скучно»? — спросила Кируев.

В самоучителях всё больше встречались термины вроде «токсичный грибок» и «несчастный случай».

Птицеформа вспышками передала слово, потом повторила. В последующем разговоре птицеформа вынудила Кируев признаться, что верховный генерал велел ей отдыхать, но её не волновало, что кости кажутся покрытыми паутиной льда, а сердце — коркой инея, ей просто хотелось отвлечься. Может, повозиться с каким-нибудь из тех устройств, которые она ремонтировала. Судя по тому, как дрожат руки, она его, скорее всего,

испортит. Но какая теперь разница?

«*Могу принести ваши инструменты и компоненты*», — предложила птицеформа.

«*Я должна отдыхать*… — машинально проговорила Кируев и посмотрела на свои руки. Опять дрожат. Какое-то скрытое упрямство шевельнулось в ней. — *Не слишком ли это хлопотно?*»

Верховный генерал хотел, чтобы она отдохнула.

Верховному генералу необязательно знать обо всем.

Птицеформа свистнула в знак согласия и удалилась.

Вскоре после этого прибыла небольшая процессия сервиторов с инструментами Кируев, тщательно подобранными сломанными механизмами и модульной мебелью, на которой они все разложили. Она понятия не имела, как им удалось протащить всё мимо медиков, и решила не спрашивать.

«*Спасибо*», — сказала она, хотя была уверена, что использует не ту форму; сеть знала только об урезанном, грубом диалекте языка.

Они дружелюбно моргнули в знак признательности и вышли, оставив только птицеформу. Казалось, он находит генерала забавной. Ну, если

на то пошло, к птицеформе можно будет обратиться за помощью.

Взгляд Кируев упал на часы из розового золота, которыми когда-то восхищался Джедао… точнее, Черис. Ей потребовалось несколько попыток, чтобы взять штуковину со столика.

— Вот это, — тихо сказала Кируев и поняла: она знает, что хочет сделать, какой бы легкомысленной ни казалась затея.

Помощь сервитора и впрямь понадобится. По крайней мере, генерал осознавала, что проблема в ходовой пружине. Наверное, была какая-то причина, по которой она так долго не занималась этими часами, только вот Кируев её позабыла. Неважно. Теперь можно все исправить.

К тому моменту, как они закончили с пружиной, её руки все ещё дрожали, но Кируев вдруг поняла, что всепроникающий холод отступил, и она теперь способна мыслить более ясно.

У Черис ужасно разболелась голова после того, как они с Брезаном просмотрели последние сообщения о беспорядках, восстаниях, сожженных городах и сгоревших роях. Девеней Рагат собрал армию на какой-то планете. Она надеялась, что он напишет ей письмо о том, как это сделать, потому что у нее было предчувствие, что это ста-

нет жизненно важной информацией. Несмотря на все военные достоинства Джедао, он всегда получал свои армии от кого-то; ему никогда не приходилось создавать их с нуля.

Она собиралась забраться в постель и вглядеться в темноту, но один из сервиторов — какая-то птицеформа — перехватил ее по пути в каюту и предложил обезболивающие, добавив, что их следовало принять раньше.

— Это верно, — сказала Черис со вздохом. — У меня случаются такие моменты… У ревенантов не бывает головных болей. Иногда забываю, что я живая.

«*Вам надо повидаться с генералом*», — сказал сервитор, имея в виду Кируев. Черис знала, что эти двое подружились.

Черис однажды навестила Кируев после того, как ее перевели в медицинский центр. Кируев дремала. Черис не хотела будить эту женщину — та выглядела так, словно медленно рассыпалась на тени. А теперь…

— Она проснулась?

«Да».

— Я пойду с тобой, — сказала Черис. Они добрались до медицинского центра, отмеченного изображениями пепельных ястребов, обвитых

змеями.

Медики Кел подчинялись Черис ровно настолько, насколько это было необходимо. Один из них предупредил, чтобы она не утомляла Кируев. Черис обещала быть осторожной. Насколько ухудшилось состояние генерала? Брезан сказал, что несколько раз пытался заставить Кируев понять, что она больше не нуждается в оговорке Врэ Талы, но Кируев не отреагировала. Конечно, Брезан был худшим человеком, который мог привести такой довод.

Черис не ожидала увидеть столики с отвертками, молотками разных размеров, странными металлическими спиралями и бутылочками шеллака. И она не была готова к тому, что Кируев будет сидеть — с исхудавшим лицом, но ясными, как утро, глазами.

— Генерал?.. — проговорила Черис.

— Я не знаю, как мне полагается вас называть, — хриплым голосом ответила Кируев.

— Я Аджевен Черис, и я то, что осталось от Джедао, — сказала Черис, — и с самого начала я лгала вам.

Кируев тихонько рассмеялась.

— Но это была не совсем ложь, верно?

Она повертела что-то в руках. Черис не могла

понять, что это за вещь, пока Кируев не разжала пальцы.

— Не совсем, — согласилась Черис. — Я помню, как была Джедао. Четыреста лет его жизни. Временами было трудно в нём не утонуть. Но, в отличие от вас, у меня был выбор. Вы жалеете, что оказались здесь?

— Мне по-прежнему временами трудно соображать, — призналась Кируев, — но я бы сделала это снова. От начала до конца. — Она раскрыла ладонь и показала Черис часы: старинные, строгого дизайна. — Для вас. Я ещё не закончила. Нужно кое-что восстановить.

— Этой штуке, должно быть, лет двести, — сказала Черис. — Разве вы не хотите оставить её себе?

— Вам тоже несколько веков, — возразила Кируев. Она улыбалась. От этого её глаза стали молодыми. Она положила часы на ближайший столик. — Все это время игровых досок было три, верно? Джедао сражался с Хафн. Но это была не настоящая борьба. Гекзархи думали, что Джедао использует Хафн, чтобы поднять восстание, чтобы расколоть общество. И это тоже была не настоящая борьба. Настоящая борьба шла за календарный всплеск, который вы, должно быть,

задумали с самого начала. Ну, вот и всё. Сработало. Гекзархи мертвы — все, кроме гекзарха Шуос — и вы победили в этой войне.

Черис подумала об имени, которое ей дали бы, если бы религиозный календарь мвеннин не был запрещен гекзархатом. Об отце Кируев, который превратился в двух бумажных лебедей. О казни родителей и геноциде ее народа, о беспорядках, о цифрах, написанных бледным пеплом. О сервиторах, которые молчали сотни лет. О том, как ей приказали стрелять в детей Фонарщиков. О рое, уничтоженном трупной бомбой подле Крепости Рассыпанных Игл.

Это была лишь часть злодеяний, совершенных гекзархатом на протяжении обеих её жизней. И люди не переставали быть людьми, потому что у них появлялось право выбора.

Она нашла подходящий пистолет для этой битвы. Осталось лишь посмотреть, хватит ли кому-нибудь силы воли, чтобы использовать его правильно.

— Нет, — ответила Черис. — У войны не будет конца.

Благодарности

Благодарю следующих людей: моего редактора Джонатана Оливера и замечательных людей из Solaris Books; моего агента Дженнифер Джексон и помощника моего агента Майкла Карри.

Я благодарен моим бета-читателям: Джозефу Чарльзу Бецвайзеру, Шифомандре, Дедале, Исиде, Юн Кюн Ли, Нэнси Зауэр, Соне Тааффе и Сторми Уинфилд. Дополнительная благодарность следующим людям из «Fountain Pen Network» за ответы на вопросы по поводу огнестрельного оружия: ac12, injesticate, openionated, ragpaper1817 и TheRealScubaSteve. Все допущенные ошибки и художественные вольности — мои собственные.

Посвящается Нэнси Зауэр: твой в календарной ереси навсегда.